

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Е.Б. СТАРОВОЙТЕНКО

ПЕРСОНОЛОГИЯ

ЖИЗНЬ ЛИЧНОСТИ В КУЛЬТУРЕ

УДК 159.9
ББК 88
С 77

Рецензент:
доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО,
ординарный профессор НИУ ВШЭ *В. А. Петровский*

Старовойтенко Е. Б.

С 77 Персонология: жизнь личности в культуре. Монография / Елена Борисовна Старовойтенко, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». — М.: Академический проект, 2015. — 431 с. — (Психологические технологии).

ISBN 978-5-8291-1746-7

Книга профессора Е.Б. Старовойтенко обобщает многолетний труд автора по реализации инновационного научно-образовательного проекта, посвященного разработке персонологии как «науки синтеза». Опираясь на традиции построения персонологии в мировой науке, автор подчеркивает важность развития таких ее направлений, как культурная персонология, персонология жизни и персонология «Я». Все три направления предполагают проведение исследований, отличающихся новизной поисковых моделей, методов, теоретических и практических результатов. Система таких исследований, осуществленных автором при поддержке видных ученых НИУ ВШЭ, составляет содержание данной книги. Исследования выполнены в контексте культурогенеза познания личности, на основе применения качественных методов, путем синтеза актуальных фундаментальных идей о личности и сопровождались разработкой новых моделей интерпретации и рефлексии личности. Текст книги представляет собой не только изложение исследовательских подходов автора, но и репрезентацию новых способов научного понимания «личности», а также осмысления адресатами себя и собственной жизни. В этом плане текст является и теоретико-методологическим, и операциональным, и развивающим. Спецификой книги является ее образовательная ориентация, выразившаяся в структуре текста, стиле передачи знания и обучающем характере приведенных рефлексивных моделей. Она создавалась как часть учебно-методического обеспечения преподавания психологии личности в рамках бакалаврских и магистерских программ исследовательских университетов России, в частности программы «Консультативная психология. Персонология» НИУ ВШЭ. Книга направлена также на развитие новых форм межличностных диалогов в науке, образовании, тренинговой и консультативной работе, близком общении. Она содержит «практики» усиления индивидуального «Я» в социальных отношениях и профессиональной деятельности. Ее лейтмотивом является развитие современной культуры как «культуры личности», в которой новой персонологии отводится важная роль.

Книга может быть рекомендована как профессиональным психологам и философам, так и всем тем, кто интересуется проблемами психологии личности.

УДК 159.9
ББК 88

© Старовойтенко Е. Б., 2014
© Оригинал-макет, оформление.
«Академический проект», 2015

ISBN 978-5-8291-1746-7

Оглавление

Введение	5
1. Психология личности в перспективе персонологического синтеза	7
2. Имя персонологии и ее предмет	10
3. Способы интеграции знания и структура персонологии	16
4. Интегральные парадигмы персонологии: культура, жизнь, Я	23
5. Личность и текст	29
6. Методы персонологии	35
7. Модели «личности» в европейском культурогенезе	59
«Личное» в эпоху Античности	69
«Личное» в культуре Средневековья	84
Ренессансная «личность»	97
«Личность» в культуре Романтизма и Просвещения	106
8. Начала персонологии в учениях о жизни	115
9. Современная личность и ее культурная перспектива	157
10. Интегральные модели «личности в культуре»	168
Модель глубинных потенциалов личности	168
Модель психофункциональных типов личности	175
Модель гендерных типов личности	222
Модель Я-констант личности в культуре	247
Модель культурно-исторического потенциала личности	252
11. Модели персонологии жизни	260
Модель топологии жизни	263

Модель способов проживания жизни	269
Модель хронологии жизни	274
Модель жизненных отношений личности	279
Модель жизненной ситуации-события личности	287
12. Персонологические модели мысли, слова, высказывания	294
Модели мышления и мыслительных установок личности . . .	294
Модели слова и высказывания личности в контексте жизни	333
13. Модели персонологии «Я»	365
Модель «Я» личности	365
Модели развития отношения личности к себе	381
Модели возможностей Я в отношении к Другому	409
14. Культурное время личности	418
Библиография	423

Введение

Самым ценным для воссоздания и развития жизни, плодотворной коллективности и культуры является способность человека **быть личностью**. Личное начало в измерениях «только я», «только со мной», «только я могу» выступает реальностью и возможностью, тайной и откровением, обретенным смыслом и бесконечной перспективой человеческого существования. К нему извечно направлены устремления, познание и практика множества индивидов. С ним связаны поиски себя, испытание себя и самопознание поколений живущих и ушедших людей. Живая «материя» личностного бытия наполняет собой мир, превращая его в переживающий и желающий, мыслящий и творящий. В этом мире каждому человеку в его жизненных отношениях со многими другими оставлено уникальное место для встречи с собой.

Личность является фокусом понимания, интерпретаций и творчества во многих областях науки, искусства и имплицитных представлений. В **европейской культуре** она разнообразно открывается в ипостасях фигуры власти и мифа, выдающегося человека, героя, гения, выразителя типа, индивидуальности, центра значимости для многих других, обладателя самоценной сущности, человека деятельного, достигающего и страдающего. Знания и тексты о личности воплощают усилия множества авторов уловить необъятное пространство и время, глубину и высоту, даль и близость «личного космоса» человека. Личность, обращенная к другим личностям, пробуждающая в них и в себе новые силы жизни, способность «держат огонь бытия», является, по выражению М. Мамардашвили, «замковым камнем» европейской культуры.

«Личность» является, в основном, проблемой **гуманитарного познания**. В его истории она отождествляется с недоступными для ratio свойствами человека, его индивидуальностью и внутренней непроницаемостью, загадками его переходов в облики и образы «других», непознаваемостью и закрытостью его подлинного Я, его свободой и невозможностью полного самовыражения в истине своего предназначения. С другой стороны, «личность» усматривается в идентичности человека с другими людьми, в константности его наблюдаемых качеств, в типичности его внешности и поведения, в его детерминации, в разделенных значимостях и отношениях с «другими», а также в его вкладах и ролях во внешнем мире. При этом современное познание личности, сосредоточенное в психоло-

гических и философских науках, развивается по пути обогащения фактами и закономерностями, открытыми в социальных, экономических, физико-математических, биологических, физиологических, медицинских науках. Актуальной задачей изучения личности является проблематизация, анализ и творческий синтез ее свойств и способов бытия в расширенном пространстве междисциплинарных исследований. Полагаем, что их результаты могут быть интегрированы в области психологии, называемой «**новая персонология**», или «общая персонология», или «наука личности» (101; 104; 143).

1. Психология личности в перспективе персонологического синтеза

Психологическая наука, прежде всего **психология личности**, достигла многого в изучении природных предпосылок и телесной организации личности, ее психических и практических функций, сознания и бессознательного, познания и самопознания, деятельности и поступков, черт и способностей, свойств и активности «Я», отношений и творчества, противоречий жизни, развития и саморазвития личности. Однако в категориальном пространстве психологии личности эти моменты бытия и сущности личности не представлены в полноте своих реальных связей. Это, отчасти, обусловлено доминированием в данной науке **аналитических подходов**.

Форматом западной психологии личности является совокупность теорий и практик, имеющих, в лице своих авторов и последователей, различные отношения друг с другом (80; 183). Речь идет о взаимном признании или непризнании, влиянии или отрицании влияния, единстве или конфликте, интеграции или независимости. Значительная часть этих теорий основана на искусной аналитике, охватывающей способы добывания, построения, репрезентации, практического применения знаний об определенных сторонах личности. Это свойственно классическому и новому психоанализу, индивидуальной психологии и аналитической психологии, теориям черт, архетипической психологии, транзактной и экзистенциальной психологии. Раскрывая тот или иной аспект личности (коллективное и личное бессознательное, комплекс, власть, архетип, эго-состояние, экзистенцию, поведение, структуру личности, тип), конкретная теория четко обозначает свои концептуальные границы, не затрагивая многие существенные взаимосвязи выделенного аспекта. Авторы исследований, ведущихся в русле той или иной теории, редко обращаются к рефлексии своего подхода в общем теоретическом контексте психологии личности, хотя именно благодаря такой рефлексии изучаемый феномен может предстать в относительной полноте своих характеристик и потенциалов. Приверженность исследователя той или иной теории уменьшает возможности проинтерпретировать получаемые результаты с позиций определения их статуса в картине целостной личности, а также в глобальном пространстве психологического знания. Однако ценность западных теорий личности неоспорима в плане перспектив

их синтеза, основы которого заложены внутри самих теорий и их бесчисленных интерпретациях.

Изучение личности в отечественной психологии имеет несколько основных тенденций. Во-первых, развитие классической традиции познания, систематизации множества свойств и жизненных процессов личности: природных, социальных, психологических, феноменологических (127; 128). Во-вторых, применение отдельных западных теорий и моделей личности (З. Фрейда, К. Юнга, А. Адлера, К. Роджерса, В. Франкла, Э. Берна) с установками на их соотнесение друг с другом. В-третьих, поиск ведущих категорий психологии личности: «индивид», «общество», «субъект», «индивидуальность», «жизнь», «отношение», «Я», «Другой» (11; 98). В-четвертых, изучение личности в контексте различных психологических наук (культурной, социальной, организационной, политической, педагогической, возрастной психологии), в соответствии с их задачами и парадигмами, и попытки соединения результатов этих исследований в пространстве междисциплинарного познания. В-пятых, создание оригинальных авторских концепций, основанных на переосмыслении и развитии «сильных» философско-психологических идей о личности. Примером могут служить концепции «надситуативной активности» и «отраженной субъектности» В.А. Петровского (102). В-шестых, развитие теории личности на основе широкого применения психологических измерений, устанавливающих связи личностных свойств, способов жизни и эффектов проживания. Седьмое, обращение психологов к опытам целостного осмысления «личности» как важнейшего уровня бытия, проникающего во все его другие уровни и определяющего «личностность» множества реальностей и их познания. Это, в частности, опыт философского «персонализма», ставшего авторитетным направлением западной и отечественной философской антропологии. На наш взгляд, его прекрасным примером является «теория мифа» А.Ф. Лосева, определяющего мифологическую реальность как форму жизни личности, самосознание личности, живой «лик» личности, факт личностной истории, образ личности, идею личности, символ жизни личности, слово личности и о личности, словесное выражение и имя личности (76).

В процессах реализации перечисленных тенденций и согласования парадигм анализа и синтеза «личности» постепенно осознается необходимость построения **общей психологической науки о личности** (104). В западной психологии это направление познания личности представлено, например, концептуальным и методическим подходами С. Мадди (80; 217), использующим, вслед за Г. Мюрреем, термин «персонология». В качестве аналога такой «общей науки»

можно рассматривать современные междисциплинарные исследования в области «personality sciences».

С учетом истории многозначного употребления термина «персонология» как «сборки» знаний в философском, физиогномическом, поведенческом, психопатологическом, социальном изучении человека и наличия предпосылок фундаментального психологического синтеза идей, практик, феноменов и фактов «личности» можно говорить о новом **персонологическом повороте** в психологии личности (101; 103).

Он обусловлен расширением культурного и научно-практического контекста изучения личности, референцией ее конкретно-психологических исследований к различным типам «личностного знания». Он означает выход исследователей в пространство, очерченное подвижными границами научного, дискурсивного, рефлексивного взгляда на личность в сочетании с живыми представлениями о «личном», воплощенными в текстах и символах мифов, живописи, литературы, поэзии и драматургии. Он состоит в разработке целостного, дифференцированного категориального строя, обладающего многими системно связанными основаниями интеграции. Он предполагает понимание личности на основе ее различных определений и моделей, рафинирование классических теорий личности и установление развивающих отношений между ними, поиск гармонии аналитической и интегральной, фундаментальной и практической психологии личности. Данный поворот требует активного развития экспериментатики, связанной с проблематизацией сложных феноменов индивидуальной жизни. Он, в отличие от устоявшихся канонов психологии личности, ориентирован на создание моделей самопознания и совершенствования деятельности профессионалов в области психологии личности и распространение этих моделей в других профессиональных средах.

Персонологический поворот в психологии личности и психологии в целом намечает перспективу соединения гуманитарного и естественнонаучного, теоретического и герменевтического, логического и интуитивного, понятийного и образного, интеллектуального и эмоционального, умозрительного и практического, диалогического и индивидуального способов добывания знаний. Познание личности устремляется к получению и систематизации новых данных о ее сущности — существовании — осуществлении — самобытии — инобытии — достижении себя — воплощении себя — исполненности. Известный термин «персонология» начинает указывать на разнообразие изучаемых «ипостасей» личности, множество методов ее изучения, установку на ее аналитико-синтетическое исследование, интерпретацию, моделирование и самопознание.

2. Имя персонологии и ее предмет

В современном содержании понятия «персонология» могут быть объединены многие исторически сложившиеся значения, указывающие на разные модусы «личности» или «persona». Одновременно можно реконструировать и соединить смыслы «логоса», обозначающего познание личности с актуальным акцентом на единство его объекта, субъекта и адресатов, процесса и методов, продуктов и культурных вкладов (143).

1. Известно, что в определении личности модус «persona» может означать наружность, «видимость» человека, которую создают, требуют, ожидают от его облика и поведения другие люди. Это «маска», которую надевает человек и при этом знает, что она, с одной стороны, соответствует его намерениям, а с другой — притязаниям и мнениям среды, значимой для него. Персона, согласно К. Г. Юнгу, ориентирована на внешнюю жизнь, выступает комплексом сознательных функций, образом-для-других, внешней установкой, служащей адаптации, идентичности и жизненному комфорту. Она не тождественна индивидуальности и противоположна внутренней, субъективной установке, которая в значительной степени бессознательна, интимна, уникальна. При ригидной персоне, не отвечающей на изменения жизненных условий, человек может быть легко доступен влиянию внутренней установки, нарушающей эффективность приспособления или открывающей новые возможности функционирования (202). «Маска» сбрасывается, когда человек, сознательно обращаясь к себе, открывает возможность собственного, личного и свободного отношения к миру.

2. С иной, «субъективной», точки зрения, личность обладает свойством существовать только в себе и через самое себя, быть собственной сущностью, единственной причиной и перспективой себя (модус «per se»). Подчеркивается самодостаточность личности, не пребывающей ни в чем ином, кроме себя, и данной только в самопознании, очищенном от влияния и присутствия «внешнего».

3. В экзистенциальном понимании личность выступает в модусе «per se», означающем индивидуальность человека, восходящую к духовным основам бытия через обращение к себе в поисках истинного Я во взаимосвязи и отношениях с миром и другими людьми. Под «личностью», — пишет А. Лэнгле, — понимается духовная сила, которая открывает человека по отношению к миру и одновременно

отграничивает его от мира и, таким образом, создает возможность для уникальности и целостности «Я» и «Ты», которое характеризует бытие человека» (79; с. 359).

4. При определении личности как духовной индивидуальности следует обратиться к древнему русскому понятию «лик», указывающему на самый мощный модус ее существования, осмысленный, прежде всего, в области религиозной культуры. Это единство духовного и телесного; сотворенная духом наружность; дух, нашедший выражение в облике; одухотворенная внешность; лицо, освещенное внутренней духовностью; тело как символ духа и претворенный дух.

5. В концептуальном поле западной модели персонологии модус «persona» указывает на биологически и социально детерминированные свойства психики и поведения человека, на их распространенность в обществе, на специфику и идентичность личности в соотношении с другими людьми. «Личность, — подчеркивает С. Мадди, — это конкретная совокупность характеристик и стремлений, обуславливающих те общие и индивидуальные особенности поведенческих проявлений, которые обладают устойчивостью во времени и могут быть объяснены... через анализ биологических и социальных факторов, влияющих на актуальную ситуацию функционирования человека» (80; с. 21).

6. Личность рассматривается также в модусе «персонального», который указывает на переход человека от бытия в мире и в себе к бытию в другом человеке, означающему для этого «другого» процесс персонализации или внутреннее соединение со значимой личностью. Человек обретает личность в качестве признанной и развиваемой значимости во внутреннем мире другого человека, принимая присутствие «других» в своем «Я». Персональность, считает В. А. Петровский, является феноменом признания и разделения «Я» между ним самим и Другим. Персональным является то, что осознанно принято личностью от значимых людей и стало аутентичным «своим», а также «свое», воплощенное, не отчужденное, ставшее внутренней ценностью для многих других (102).

Слово «личность», «персона» в актуальной трактовке термина «персонология» может выражать синтез значений, рассеянных в длительном времени познания. Смысловым ядром «личности» становится индивидуальная телесно-душевно-духовно-деятельная **сущность** человека в ее жизненном осуществлении, а также в данности миру, другим, себе. Необходимыми моментами, определяющими полноту и целостность персонологического понимания личности, становятся ее индивидуальная **жизнь** в мире, активность Я и бессознательного, самопричинность и саморазвитие, самопознание и са-

мовыражение, отношение и деятельность, диалог и бытие-в-Другом, произведенные изменения в жизни и преодоление чужеродности внешнего мира, аутентичность и тождественность. Все эти моменты должны раскрываться через противоречивые и гармоничные связи друг с другом, образуя единый **личностный способ существования человека**. Персонология исследует индивидуальное бытие, уникально создаваемое пересекающимися, резонирующими, синхронными и расходящимися жизнями других людей, самодействующей причиной каждой из которых выступает конкретная личность и ее Я. «Персона» в имени новой персонологии означает, прежде всего, **индивидуальную личность**.

Слово «логос» («logos») в именовании новой персонологии может означать движение к синтезу идей, фактов, методов и практик в **процессе познания личности**. Речь идет о соединении значений категории «познание», найденных в динамике многовековой культурной истории поиска человеком истины в Боге, духе, мире и самом себе. Эти значения касаются содержания и формы, способов и результатов, логики и смысла познания. «Логос» может одновременно значить: разум и истинное знание, слово истины и слово спасения, феномен и закон, учение и науку, дискурсивный текст и смысловое целое, способ связи между воображаемым и реальным, практическое испытание и обновление бытия, собранность людей во множество познающих и внутреннюю множественность индивидуального субъекта познания.

В новой персонологии «**личность**» и «**логос**» вступают в разнообразные отношения. Они конституируют познающую и познаваемую личность, познание как авторское исследование и познание как персональный опыт, личность автора персонологического знания и личность их адресата, самопознание персонолога и изучаемой личности, познание в жизни персонолога и другой личности, открытие и трансляцию бытийных смыслов в диалоге личностей.

В мире персонологии связи личности и логоса завязываются и реализуются в научном поиске, в индивидуальных жизнях и во встречах человека с другими и с собой.

В **персонологическом поиске** логос выступает, во-первых, «собранием» учений и теорий, сформировавшихся в истории познания личности. Во-вторых, «сводом» авторских текстов, отражающих свойства личности, ее внутреннюю и внешнюю жизнь, ее отношения и «Я». В-третьих, интеллектуальным «органом», позволяющим исследователю достичь соответствия знания и реальности в актах узнавания, принятия, понимания и изменения познаваемой личности. В-четвертых, формой интерпретации, толкования, «прочтения»

личностных феноменов, свойств, действий, событий. В-пятых, способом логического и текстуального придания личностным явлениям осмысленного и связного вида, когда, по словам М. К. Мамардашвили, «все отдельные части имеют смысл и не рассыпаются». В-шестых, культурной формой, порождающей в познаваемой личности новые жизненные состояния и качества. В-седьмых, интеллектуальным и практическим объединением индивидуальных личностей в познании и «культуре» как индивидуальности высшего порядка.

В **индивидуальной жизни** логос может быть целью, сутью познания и творчества личности, может быть собранным знанием о значимом предмете и собственном «Я». Он может состоять в мыслительном раскрытии тайн «для всех» или «для себя». Он может быть тем, что создано самой личностью или тем, что дано ей другими для просветления. Логос может быть голосом, пришедшим к личности из собственной глубины или из мира. Логос может быть выражен письменным и устным текстом самой личности или может быть передан ей в речи других. Логос рождает личностные прозрения «во имя чего жить» и откровения «как проживать свою жизнь». Логос воссоздает структуру и генез жизненных значимостей личности, позволяя ей «читать» собственную жизнь в ее реальности, в подлинности проживания. «Вот нечто, что заставляет меня сказать: «Так есть на самом деле». Это логос, услышанный мною» (86; с. 28). Логос является внутренним собранием смыслов личности, порождающим новое знание о жизни, позволяющим обратиться к тому, во что знание не проникает, и вызывающим готовность изменять себя, стремясь к «своему неизвестному». Логос вступает в свои права, выявляя высвобождающую, символическую функцию бессознательных фантазий и сновидений, позволяя личности «найти ключ к своим жизненным проблемам» (67). Логос освещает жизнь в уникальности ее моментов, собирая эти «точки сингулярности» в самождественное «Я» личности.

Во **встречах** в пространстве персонологии как «месте соединения людей» устанавливаются, реализуются следующие связи личности и логоса.

Во-первых, персонолог-исследователь сохраняет, умножает и систематизирует идеи и теории, посвященные личности, создает и транслирует научные тексты об исследуемых личностях, разрабатывает техники психологической поддержки личности, изобретает и передает людям приемы самопознания и поиска смысла.

Происходит встреча личностей по поводу научного исследования, научного дискурса, наукоемкой практики и научно-практических вкладов в семантику персональной жизни.

Во-вторых, обращаясь к изучаемой личности, персонолог стремится обогатить ее психологические знания, углубить феноменологический опыт проживания, помочь в рефлексии и открытии смысловой структуры «Я», развить способность к диалогу, стимулировать познание и решение проблем в жизненных отношениях к другим, к своему делу, к себе.

Личность встречается с личностью на основе развивающих влияний и помогающего взаимодействия в процессах персонологического консультирования и психотерапии.

В-третьих, персонолог в своей исследовательской и практической деятельности решает задачи интеллектуального саморазвития, рефлексии, создания для себя продуктивной профессиональной среды, поступления по совести и нормам высокой этики, реализации своего творческого потенциала и воплощения своего «опыта личности» в отношениях с близкими людьми и значимым окружением.

Личность встречается с собой для развития своих профессиональных позиций, открытия новых возможностей своего «внутреннего консультанта» и усовершенствования «практики себя» в частной жизни.

В-четвертых, исследователь, осуществляя научный поиск, погружается в мир другой личности как объекта познания. Он посвящает себя ее тайнам и живет ее жизнью, удаляется от себя и проникает в другое Я, совершает прорыв в иную личностную реальность и мыслит, действует в свете ее логоса.

Личность во встрече с другой личностью, совмещаясь с нею, приобретает способность быть «внутренним знатоком» ее душевного, жизненного мира.

В-пятых, исследуемая или консультируемая личность в опыте персонологического взаимодействия приобретает ценные для себя знания из области психологии личности, научные средства самопознания и интерпретации текущей жизни, новые формы отношений с другими людьми. Она овладевает культурой «личностного взгляда» на коллективную и индивидуальную жизнь, осваивает персонологию как «культурное орудие» организации своего бытия, становится активным транслятором персонологических приемов мышления, общения, рефлексии, поведения.

Личность приобретает перспективу встреч с множеством личностей в культуре на основе их жизненной поддержки и персонализации.

Взгляд персонологии устремлен на личность в ее разных гносеологических, онтологических, социальных, культурных положениях, позициях и ипостасях. В отличие от большинства наук, сосредото-

ченных на определенном объекте в его относительном противостоянии субъекту познания, она утверждает единство и тождество своего объекта и субъекта, подчеркивая их обладание «личным», их взаимодействие, взаимное влияние, жизнь посредством друг друга, бытие друг в друге, любовь друг к другу. «Личность», «логос» и «эрос» составляют основные ценности и фокусы персонологического рассмотрения.

Взгляд персонологии принадлежит личности и обращен на личность. Этим взглядом личность может смотреть на себя и на другого, узнать себя под взглядом другого и помочь ему понять свой взгляд на него. Общее персонологическое видение объединяет личностей; обмениваясь им, они достигают взаимопонимания, не доступного в другом пространстве взаимодействия. Персонология обращает свой взгляд в отдаленную перспективу личности и к ее вневременному идеалу. Персонологический взгляд ищет и находит личность в качестве темы и реальности в культуре, науках о человеке, рефлексирова себя в общем гуманитарном понимании мира и бытия.

Взор персонологии направляется «от», «на», «в», «из», «за» и «над» личностью, простирается в отношения «с», «между», «к», соединяющие личность и других. Она допускает согласие, совместность, содействие и соисследование ученого и его «живого предмета». В развертке познавательных актов, жизни, встреч, культурных вкладов и в своем интегральном формате она становится наукой **«личности — о личности — для личности — во имя личности»**.

3. Способы интеграции знания и структура персонологии

В качестве общей науки о личности персонология строится посредством множества **способов интеграции** идей, методов познания и практик. Под «интеграцией» понимаются обобщение, синтез, преломление, введение в новую область знания, перевод в новую, более сложную систему, соединение со многими другими системами, представление в различных контекстах.

В современной психологии личности существуют различные опыты научной интеграции. В частности, это применение моделей сравнения и обобщения различных концептуальных подходов или центрирование множества разрозненных знаний о личности в содержании какой-то глобальной категории («субъект», «потенциал», «жизненный мир» и пр.). Это соединение результатов исследований, посвященных различным уровням бытия личности (телесному, психологическому, социальному, духовному), в общей иерархической или гетерархической модели, а также преломление психологических идей о личности в философских, культурно-исторических, педагогических концепциях и возврат данных идей в психологию с существенным углублением и обогащением.

В области **персонологии** способы интеграции знания становятся особым предметом научной рефлексии, а их определение — целью специальных методологических исследований. На наш взгляд, осмысление данных способов должно быть соотнесено с актуальными задачами междисциплинарного изучения личности, равноценного развития герменевтики, теории, экспериментатики и практики психологии личности, а также достижения гармонии между культурными, фундаментальными и прикладными ориентирами конкретных персонологических разработок.

К основным способам персонологической интеграции можно отнести:

- психологическое осмысление богатейшего наследия и исторической динамики учений, теорий, фактов, описаний индивидуальных случаев, связанных с познанием и репрезентацией личности;

- расширение диапазона источников «личностного знания» за счет материалов мифа, искусства, философии, литературы, естественных и социальных наук и их тонкое соотнесение в новых моделях личности;

- проведение исследований личности в общем проблемном поле, объединяющем науки о человеке, находящие в своем предмете присутствие и влияние личностной реальности;

- сближение, взаимное дополнение различных классических теорий и новых концепций личности, а также консультативно-психотерапевтических практик, укорененных в данных теориях и концепциях;

- осмысление в новом персонологическом ключе экспериментальных, феноменологических и культурных фактов, относящихся к познанию и переживаниям, стремлениям и поведению, качествам и способностям, жизненным свершениям и самопознанию личности;

- операционализация, внедрение в практическую деятельность персонолога и активное жизненное применение новаторских идей, инновационных концептуальных моделей личности, благодаря чему теория и «техника жизни» оказываются в «одном лице»;

- соединение, согласование в развитии отдельных направлений психологии личности (психоаналитического, экзистенциального, гуманистического, транзактного, когнитивного) культурных референций, фундаментального знания, данных экспериментальных исследований и индивидуальных психопрактик;

- выделение категорий, обладающих высоким потенциалом конкретизации, «сборки» и систематизации знания — интегральных парадигм персонологии (культура, жизнь, другие, Я, сознание, бессознательное, отношение, смысл);

- разработка персонологических парадигм и их объединение в общую концептуальную систему, служащую познанию и практике сопровождения жизни личности;

- постановка «личности» в фокус всех событий, образующих процесс становления персонологии: личность — автор персонологических открытий, создатель и автор персонологических текстов, объект персонологических исследований и поддержки; адресат персонологических моделей рефлексии и саморазвития; субъект изменений, вызванных влиянием персонологии и персонологов.

В соответствии со способами интеграции и развивающейся на ее основе новой аналитики «наука личности» приобретает многоуровневую **структуру** с богатыми внутренними связями, создающими условия для усовершенствования содержаний каждого уровня и структуры в целом. Структурная организация персонологии основана на взаимной релевантности и детерминации уровней, их последовательном вложении и преломлении друг в друге, их конкретизации в направлении «сверху вниз» и обобщении в направлении «снизу вверх». В целом, структура выража-

ет принцип **поуровневого исследования и моделирования личности** (149).

Структура персонологии включает:

первый уровень — обширное пространство культурных, научных, имплицитных источников персонологического познания;

второй уровень — базовые философско-психологические категории, идеи, парадигмы изучения личности, обобщенные в метатеорию личности;

третий уровень — соотнесенные между собой психологические теории личности, релевантные характеру современной индивидуальной жизни;

четвертый уровень — модели теоретического исследования, экспериментального изучения, диагностики, рефлексии, ориентированные на решение актуальных проблем личности в научном познании, культуре, природе, социуме;

пятый уровень — модели консультативного, психотерапевтического, развивающего взаимодействия «личность — личность», основанные на общепсихологическом знании, теориях деятельности и социального взаимодействия, теориях отношений и диалога, теории рефлексии и т. д.;

шестой уровень — совокупность хорошо соотносящихся друг с другом консультативных и психотерапевтических практик, обеспечивающих многопрофильный подход к жизненной поддержке индивидуальной личности;

седьмой уровень — научно значимые факты, индивидуальные случаи, феномены и «критические события» личности, образующие материал для интерпретаций, проверки и теоретического осмысления;

восьмой уровень — модели рефлексии, научной экспертизы, супервизии, модерации персонологических подходов, приемы оценки их культурного и экзистенциального значения;

девятый уровень — техники освоения и реализации научного знания в персонологическом взаимодействии, влияющие на жизненную эффективность вовлеченных личностей.

Отметим, что при разработке структуры персонологии мы учитывали связь между обнаружением эмпирических реальностей (фактов, случаев, феноменов) и концептуализацией, обоснованную в классических теориях, в частности, психоанализе. Подчеркивая значение теории, мы видим ее источником непрерывное движение и пополнение фактических материалов, добытых в эмпирических наблюдениях, консультировании и психотерапии.

Жак Лакан со ссылкой на З. Фрейда показывает продуктивную динамику описаний опытных данных, определения базовых понятий

науки и построения научных концепций. «Подлинное начало научной работы состоит в описании явлений, которые затем группируются, классифицируются и объединяются в некоторые совокупности. Однако уже на первом этапе, когда ни о чем, кроме описания, речь не идет, мы волей-неволей применяем к нашему материалу абстрактные идеи, позаимствованные где-то на стороне, а не извлеченные исключительно из нового опыта. Идеи эти, базовые понятия науки оказываются тем более необходимыми, когда работа над материалом идет дальше. Поначалу дело не обходится без некоторой доли неопределенности... Пока они находятся в этом состоянии, относительно их значения удается достичь согласия лишь путем постоянного возвращения к материалу, из которого они представляются нам извлеченными, хотя на самом деле материал этот сформирован ими самими. Таким образом, они носят, собственно говоря, весьма условный характер, и очень важно, чтобы их выбор не был произволен, а определялся их фактической связью с эмпирическим материалом, существование которого приходится постулировать еще до того, как оно получает подтверждение и признание. И лишь дальнейшее, более глубокое изучение совокупности рассматриваемых явлений позволяет лучше уяснить себе базовые научные концепции и постепенно изменить их таким образом, чтобы возможно было использовать их в широком масштабе, не входя при этом в противоречие» (67; с. 135). Добавим, что в области персонологии «эмпирическим материалом», кроме данных психологических наблюдений и экспериментатики, выступают идеи и образы культуры как живые результаты мышления авторов произведений. Это сообщает новые нюансы отношению персонологических фактов и фундаментальной теории.

Обобщая уровни структурной организации персонологии, учитывая их равноценность и возможность помещения каждого из них в эпицентр инновационных исследований, мы предлагаем модель основных направлений развития психологии личности. Данная модель, по предложению В. А. Петровского, получила название «**общая персонология**» и была обозначена символом треугольника (104) (рис. 1).

«**Культурная психология личности**». Эта область познания личности, а также ее название были предложены нами (139) с целью обоснования роли культуры в жизни, развитии, самопознании, самовыражении личности в мире и ее трансценденции за границы индивидуальной жизни. Мы проживаем жизнь, видим и создаем реальность сквозь призму культуры, выступающей совокупностью основополагающих текстов, образов, символов и практик (104). Линиями обоснования связи культуры и личности являются: исследования генеза идеи «личности» в условиях различных культур; использование разноо-

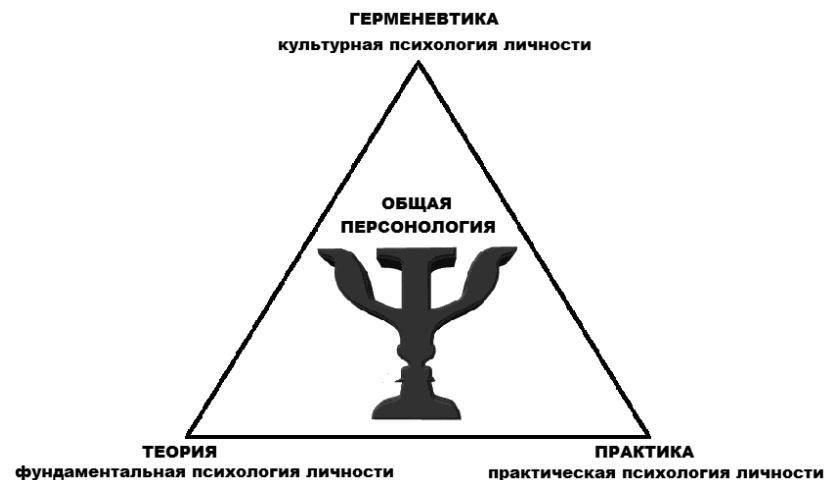

Рис. 1

бразных культурных источников и их герменевтика, направленная на обогащение и систематизацию знания о личности; изучение личностных опытов творчества в культуре; выявление и усиление культурных референций при создании концептуально-практических подходов к личности. Перспективой развития культурной психологии личности, или «**культурной персонологии**», является ее укоренение и вклады в теоретическую психологию личности, раскрытие культурной истории консультативно-психотерапевтической поддержки личности, раскрытие и реализация культурного потенциала рефлексивных опытов, конституирующих «Я» личности, придание психологическим построениям и текстам о личности красоты и гармонии в соответствии с канонами «эстетики науки». Важнейшей задачей является обоснование культурной ценности «индивидуальной личности» как реальности, как предмета и субъекта познания, как деятельной силы в современных сообществах людей.

«**Фундаментальная психология личности**» — общее имя для всех теоретико-эмпирических разработок в области психологии личности. К ним относятся категориальные системы, теории и концепции личности, их ведущие идеи, теоретические модели исследований личности, значимые «факты личности», найденные теоретически и эмпирически, методы получения и интерпретации знаний и фактов, способствующие объяснению, пониманию и прогнозам личностной реальности, экспериментальные подходы и результаты, дающие основания для прорывов в изучении личности. перспекти-

вой фундаментальной психологии личности, или «**теоретической персонологии**», является ее обращение к герменевтике идей о личности, обогащение теории исследованиями в парадигме культуры, обнаружение теоретиками культурных моделей личностной рефлексии, изучение индивидуальной жизни, отношений, «Я», возможностей и диалогов личности, трансляция новых идей и концептуальных моделей в практику помощи и развития личности. Проектом теоретической персонологии является движение к созданию общей теории личности как пространства нового отношения к известному и неизвестному в личностной реальности.

«**Практическая психология личности**» — обширная, богатейшая область психопрактик, ориентированных на сопровождение, рефлексии, проблематизацию и изменения индивидуальной жизни клиентов. Особенности этой области являются слабые связи между практиками, обладающими различными теоретическими основаниями, а также каноничность и притязания на «чистоту» применения отдельных практик, обусловленные, отчасти, авторитетом их создателей. Кроме того, существуют трудно снимаемые противоречия между моделями мышления личности в культуре, где появилась практика, и мышлением личности другой культуры, где она применяется. Однако именно этот раздел персонологии является точкой устремления теоретиков, экспериментаторов и герменевтов, видящих свою цель в возвышении жизни человека на уровень «достижения себя» и умножения возможностей других в сообществе свободных личностей. Перспективой практической психологии личности, или «**практической персонологии**» является выход в пространство новых теорий и концепций личности для преломления их идей в контексте устоявшихся консультативно-психотерапевтических техник и для введения в теорию «критических» фактов изменений личности и ее отношений, обнаруженных в практике. Ожиданиями к этой части общей персонологии являются теоретические исследования, посвященные сравнению и метаанализу эффективности разных практик в решении жизненных проблем и задач личности, а также изучение личностных установок и рефлексии консультантов и клиентов, связанных определенной формой помогающего взаимодействия. Важная роль принадлежит изучению истории консультативно-психотерапевтической деятельности в разных культурах, раскрытию свойств психопрактик личности как культурных феноменов, определению потенциала «искусства индивидуального консультирования» в современном культуротворчестве.

«**Психология самополагания личности**» — это условный центр треугольника общей персонологии, точка объединения усилий персо-

нологов, создающих знания в системе герменевтики, теории и практики. Здесь интегрируются: результаты самопознания и профессиональной самореализации исследователей и практиков; рефлексивные открытия испытуемых и клиентов в процессах персонологического взаимодействия; данные о жизненном обновлении и усилении «Я» личности, происходящих в присутствии и при участии персонолога как значимого другого; жизненные проекты персонологов в плане личных вкладов в науку. Каждый профессиональный психолог отстаивает свою индивидуальность в психологии, свое авторство как ценность культуры, свой жизненный стиль как выражение персональной состоятельности (104). Перспективой психологии самополагания личности, или «**персонологии самополагания**», является разработка исследовательских и консультативно-психотерапевтических моделей, ориентированных на целостное раскрытие индивидуальной жизни и ее субъектного начала, на изучение и развитие «Я», рефлексии, самопознания в научном творчестве, диалога «Я — Другой». Необходима активная рефлексия персонолога в плане раскрытия свобод и ограничений для саморазвития в терапевтических и консультативных отношениях с клиентами, о также отношениях с адресатами авторских текстов, раскрывающих опыт практической работы. «Все мы обучаемся достаточно быстро,— пишет Нэнси Мак-Вильямс, — благодаря непредсказуемым нюансам отдельных психотерапевтических взаимоотношений, внутри которых мы и развиваемся, точно так же, как быстро бледнеют наши самые элегантные и удовлетворяющие нас формулировки рядом с тайной, какой является человеческая природа. Поэтому я верю, что мои читатели смогут развить мои построения» (81; с. 20). Важен также поворот к исследованию самоотношения личностей в аспекте определения для себя значимости — незначимости, принятия — непринятия, освоения — отчуждения персонологического знания, а также к нахождению эффективных способов жизненного применения научных фактов и практик из области современной психологии личности. Необходимы референции к культурно-историческим опытам рефлексии выдающихся мыслителей и мудрецов в плане их влияния на самосознание и формы жизни их учеников, последователей, воспитанников, близких людей.

Не претендуя на полноту охвата общей персонологии, мы обосновываем пути развития **культурной персонологии**, в контексте которой разрабатываются новые концептуальные модели личности и ее жизни, относящиеся к области теоретической персонологии, а также рефлексивные модели развития личности, относящиеся к практической персонологии и персонологии самополагания.

4. Интегральные парадигмы персонологии: культура, жизнь, Я

Одним из способов интеграции знания на новом этапе развития персонологии является, как отмечалось, разработка **интегральных парадигм**, или «парадигм синтеза». Каждая из них раскрывается посредством других и вместе с тем имеет уникальное содержание и положение в метатеории персонологической науки. В своих тонко построенных внутренних и внешних связях парадигмы могут составить крупную концептуальную систему, применимую в качестве чувствительной гибкой «матрицы» к пониманию конкретных случаев, феноменов, фактов, отношений личности. Индивидуальные реалии открываются при этом как соотносимые, сравниваемые, объединяемые, образующие оппозиции, несущие в себе общие закономерности личности. Этот «дедуктивный» ход персонологического познания коренится, однако, в предшествующем накоплении множества эмпирических данных и идей, определивших становление классических учений о личности и полученных при их исследовательском и практическом применении. И хотя в современном эпистемологическом пространстве эти учения по-прежнему позиционируют себя как относительно автономные, они все чаще вступают в диалоги и полилоги, раздвигающие горизонты психологии личности.

Каждая из интегральных парадигм может стать основанием крупного персонологического направления, при развитии которого другие парадигмы усиливают свои объяснительные и интерпретационные возможности. В нашей модели персонологии выделяются парадигмы культуры и жизни, мышления и слова, отношений и возможностей, «Я» и «Другого», типа и индивидуальности. Доминантами парадигмальной системы выступают «**культура**» и «**жизнь**», определяющие особенности разработки других парадигм. Так, например, мышление, порождение текстов, отношения личности рассматриваются как формы жизни, протекающей в культуре, исследуемой ее средствами, порождающей культурные вклады и влияния. «Я» и «Другой» выступают ипостасями личности, определяемыми культурными формами жизни, включая реализующиеся отношения к другим и к себе. Тип и индивидуальность раскрываются как культурно обусловленные «производные» жизни, имеющие воплощения во множестве конкретных личностей, жизненно вовлеченных в воссоздание и обновление культуры.

С персонологической точки зрения **культура** является миром высших ценностей и историей их личностных воплощений, а также мощным «инструментарием», творческим уровнем, критерием высшей продуктивности индивидуальной жизни. Кроме того, это «зеркало» для узнавания и познания себя и других, среда внешних и внутренних отношений с великими авторами, особое время протекания бытия, область воссоздания «вечных» смыслов, сфера взаимных влияний и репрезентаций личностей, место их самовыражения. «Культура, — по словам Э. Мунье, — это не какая-то часть жизни личности, а ее глобальная функция... Для человека, который сам себя создает и развивает, все есть культура. Поскольку жизнь личности является свободой и превосхождением, то и цель культуры — глубинное преобразование субъекта, и чем более она апеллирует к его внутреннему миру, тем большие возможности открывает перед ним» (94; с. 535). При таком понимании культуры персонология служит созидательной «власти личности», длительно, противоречиво становящейся в культурной динамике.

Персонология призвана стать важнейшей частью современной культуры и в этом качестве должна следовать образцам **единения** личностей, каждая из которых одновременно может выступать автором, героем и адресатом культурных посланий. В частности, автор талантливого персонологического текста или практики обладает возможностью стать:

- вдохновителем и смыслом творчества других;
- субъектом идентичности других людей;
- фигурой идеального или авторитетного «Другого», присутствующего в жизни многих;
- человеком, открывшимся другим для углубления их самопознания;
- тем, чьи образы, идеи и действия могут воссоздать многие адресаты;
- «местом» устремлений, связанных с реализацией Я-неизвестного или Я-невозможного других;
- фасилитатором самобытности, индивидуальности других;
- человеком, владеющим языком диалога и партнерства в познании, общении, жизни.

В результате образуется культурная среда, в которой каждый случай встречи человека с персонологом становится **событием культуры**. Такого рода события представляют собой ценный материал для персонологической рефлексии.

Парадигма культуры может развиваться в различных аспектах, начиная от исследования культурогенеза идеи «личности» до изуче-

ния культурного контекста индивидуального бытия и культурных перспектив персонологии. В целом речь идет о «персонологической интеграции культуры» как методологической позиции, ориентированной на новые решения проблем познания и жизни личности. Подчеркнем, что имеется в виду **европейский культурно-исторический опыт** в его направленности на этическое, эстетическое, интеллектуальное, деятельно-практическое, творческое развитие личностей, полное коллизий, кризисов и испытаний.

Персонологическое преломление культурного опыта, или разработка **культурной персонологии**, может осуществляться путем решения следующих методологических, теоретических и практико-ориентированных задач:

1) использование материалов литературы и искусства, принадлежащих к определенному типу культуры и максимально полно отражающих явления внутренней и внешней жизни личности, а также намечающих их вершинные формы; обобщение культурных данных в теориях и концепциях личности и индивидуальной жизни;

2) определение персонологических потенциалов и функций текстов, посвященных личности и являющихся произведениями в области философской, литературной, рефлексивной, психологической культуры;

3) экспликация возможностей текстов, создаваемых путем рефлексии индивидуальной жизни, для познания личности, ее «Я», ее «внутренних других»; развитие взгляда на произведения о личности как на тексты, представляющие скрытые или эксплицируемые модели самопознания авторов;

4) персонологическое развитие и применение методов герменевтики, моделирования, рефлексии как релевантных исследований личности на основе культурных источников;

5) раскрытие потенциала европейской культуры в аспекте утверждения персонализма и формирования социокультурных предпосылок становления индивидуальности и индивидуального Я;

6) воссоздание культурно-исторической динамики идей, отражающей «восхождение европейской мысли к личности»; построение и обобщение моделей, релевантных разным культурным эпохам и содержащих специфические и транспективные характеристики личности и ее жизни; обоснование культурно-психологического потенциала современной личности;

7) построение моделей личности путем синтеза положений тех философских и психологических концепций, которые являются достоянием гуманитарной культуры и содержательно соотносят «личностное», «культурное», «жизненное», «диалогическое», «фе-

номенологическое». В частности, речь идет о концепциях З. Фрейда, К. Г. Юнга, О. Шпенглера, Ф. Ницше, Э. Мунье, М. Хайдеггера, М. Шелера, М. М. Бахтина, С. Л. Рубинштейна, Ж.-П. Сартра, М. Фуко, П. Рикера, М. К. Мамардашвили;

8) извлечение из культурных источников «фактов личности», связанных с особенностями жизни, познавательной активности, отношений, «Я», возможностей «Я» их героев и авторов. Критерием персонологической значимости фактов является их потенциал для постановки новых проблем изучения личности;

9) разработка моделей «Я» творцов культуры на основе рефлексивных текстов и синтез данных моделей с целью обоснования роли субъектного начала в жизни личности, значения ее жизненных отношений к другим для развития отношения к себе, возможностей развития «культурной феноменологии» личности. Авторами ценных текстов самопознания являются М. Аврелий, А. Августин, П. Абеляр, Б. Челлини, Ф. Петрарка, Ж.-Ж. Руссо, Л. Н. Толстой, Н. А. Бердяев, Н. А. Бунин, В. В. Набоков, К. Г. Юнг, С. Дали;

10) аналитико-синтетическая экспликация из культурных источников идей о жизни и жизненных отношениях личности, ее жизненных возможностях, ее отношении к себе, развитии и взаимной репрезентации «Я» и «Другого», об идентичности и самоидентичности, индивидуальности и типах личности. Введение разработанных аналитико-синтетических моделей в технологии образования, воспитания и самопознания личности с целью ее развития как «человека культуры»;

11) реализация при построении моделей личности и индивидуальной жизни потенциалов рационального и интуитивно-чувственного познания, конституированных культурой; представление персонологического знания в разнообразных формах: дискурсивных, символических, образных; взаимные переводы этих форм в контексте трансляции знания в различные области культуры;

12) реконструкция культурогенеза развивающихся, консультативных, психотерапевтических, рефлексивных практик, адресованных личности; создание новых практик с учетом лучших исторических традиций поддержки человека человеком, с привлечением культурных инструментов психологического сопровождения личности, с постановкой экзистенциальной задачи развития Я-в-культуре (143).

Решение намеченных задач культурной персонологии позволяет достичь теоретико-методологической глубины и цельности при разработке парадигмы **жизни** в ее связи с другими интегральными парадигмами изучения личности. На наш взгляд, в содержании «**персонологии жизни**» должны быть представлены:

— культурная динамика понимания «жизни» в философских, психологических, имплицитных концепциях личности;

— культурогенез знания о фундаментальных связях личности с жизнью и обоснование его роли в современном культурном контексте;

— концепции потенциала развития, творческих возможностей ведущих психических и практических форм индивидуальной жизни, в частности, мыслительной и речевой, разработанные на основе интерпретации культурных источников и изучения процессов культурного творчества;

— модели пространства и времени индивидуального бытия, «топология» и «хронология» жизни личности, построенные герменевтическим путем;

— культурно-психологические модели значимой жизненной ситуации и жизненного события личности;

— психологические модели жизненных отношений личности, в частности, отношения к Другому, основанные на герменевтике культурных источников;

— культурно-психологические модели «Я» и его жизненных возможностей в диалогах и отношениях к другим;

— культурогенез отношения к себе, самопознания, практики себя, самополагания как моментов индивидуальной жизни;

— культурная динамика индивидуальных опытов авторской рефлексии, создания рассказов о себе и историй своей жизни как основание для разработки рефлексивных практик саморазвития личности;

— культурно-психологические модели индивидуального жизненного пути и «Я» как субъекта жизни;

— индивидуально-типологические модели личности в соотношении с жизнью, построенные путем культурных референций;

— теории и методы герменевтики, моделирования, рефлексии в их обращенности к жизни личности;

— практики самопознания, консультирования, психотерапии личности в ее соотношениях с жизнью, созданные на основе культурного опыта;

— концепции «продления жизни» в культурном пространстве и времени за границы прижизненных свершений личности.

Культурная персонология и персонология жизни, включающие объемную проблематику «**Я**», пересекаясь в герменевтическом, теоретическом и практическом измерениях современной психологии личности, образуют целевой интеграл научного поиска — «**жизнь личности в культуре**».

Покажем в дальнейшем, как могут решаться задачи развития культурной персонологии, а также задачи преломления ее идей и методов при разработке персонологических проблем «жизни» и «Я».

5. Личность и текст

В персонологии, прежде всего ее культурном направлении, особая роль придается качеству, способам построения и интерпретации **текстов**. Они используются в качестве культурных источников познания, порождаются в опытах самопознания личности, в диалогах и творчестве при ее исследовании и консультировании. Значение и функции «текста» составляют важнейшую методологическую проблему персонологии. При ее решении должны быть акцентированы влияния гуманитарных текстов на индивидуализацию и персонализацию европейской культуры; особенности текстовой формы представления и передачи знаний о личности; возможности текста для достижения единства личности с жизнью; персонологические потенциалы рефлексивных текстов; ценность герменевтики литературных и философско-психологических произведений для изучения, моделирования и практической поддержки личности.

В европейском понимании, гуманитарный текст, или **произведение**, является деятельностью, фактом творчества и самовыражением автора в культуре, уникальной культурной репрезентацией человеческого бытия, авторским культурным продуктом, индивидуальным феноменом культуры, средством культурного обмена между индивидами, пространством интенсивного проживания и самопостижения творцов и адресатов культуры. «Произведение есть какая-то модель вещей, случающихся в человеческом общении, в передаче знаний, в передаче состояний, в коммуникации жизни и в распространении потока жизни, который длением остается молодым и живым» (86; с. 331). Произведение создает, излучает и транслирует «культуру личности». Это происходит не столько на уровне его открытых значений и смыслов, сколько на уровне контекста, состоящего из сложно переплетающихся семантических эквивалентов «личного» в эпохи Античности, Средневековья, Ренессанса, современности. Скрытая семантика гуманитарного текста отмечена следами мифа, богословия, философских учений, литературы, науки, одновременных разговорных жанров. Его культурные смыслы сгущаются, центрируются в «ключевых фигурах эпохи», продолжающих жить в других временах. Вечные архетипы и странники европейских текстов — Прометей и Эдип, Августин и Абельяр, Гамлет и Дон Кихот, Фауст и Мастер. Авторы текстов о личности являются соавторами общего текста, уходящего в бесконечность; каждый ав-

тор прочитывается посредством других, и все их творения кажутся взаимно обратимыми. К. Юнг становится понятен, когда в его работах читатель видит присутствие Гете — Шопенгауэра — Ницше — Достоевского — Фрейда. Сам З. Фрейд является досоздателем историй Эдипа, Электры, Нарцисса, Ореста, возможно, в чем-то превосходящим древних мифотворцев. Культура контекста часто впитывается текстом бессознательно для автора, обнаруживаясь в реминисценциях, невольных заимствованиях, неузнанных прототипах, скрытом цитировании, «забытых» источниках и т. д.

В проблемном поле персонологии гуманитарный текст как культурный феномен представляет большой интерес в аспектах личности героев и персонажей, личности автора, личности адресата и творческих полилогов личностей. Стоит задача реализации потенциала гуманитарного текста в качестве носителя персонологического знания, формы построения образа «Я» и самополагания автора, способа ценностного влияния личности автора на личности читателей и интерпретаторов. Особенно это касается текстов, созданных в философском, рефлексивном, научно-психологическом и литературно-психологическом жанрах.

Именно в последнем жанре личность нашла наилучшую возможность обосновать свою творческую силу и автономию, осуществить естественное стремление сказать собственное слово в вечном мире языковой и интеллектуальной культуры. И если классическая литература показала способность героя «быть» и автора осуществиться, сохраняя большую дистанцию между ними и теми, для кого она предназначена, то современный литературный процесс соединяет и охватывает персонализацией автора, персонажей, «Я» автора и «Я» читателя, не возвышая их до исторических, выдающихся, героических фигур. Литература моделирует взаимные личностные влияния и вложения, которые образуют грани культурных отношений между теми, кто создает, создается, живет по образу созданного и создает самого себя посредством текстов. Автор текста как индивидуальная личность выступает началом уникальной траектории множественных и во многом не эксплицируемых проникновений в других людей.

В своих исследованиях (139; 152) мы выделили персонологические **функции** авторских текстов, посвященных личности, или «**текстов личности**», из области литературы, философии, психологии.

1. Текст разворачивается как процесс нового, оригинального осмысления и запечатления индивидуальной жизни человека, составляет утонченную культурную форму творческой активности, развития и самореализации автора. «Текст есть нечто такое, внутри кото-

рого рождается личность того, кто этот текст создает» (86; с. 149). Текст выступает **творением и творчеством личности** в культуре.

2. Текст является практикой индивидуальной рефлексии автора, процессом его самоанализа и самообобщения, говорит от лица «Я» автора, позволяет ему осознать свое единство, разнообразие и противоречивость, преломить все высказываемое сквозь свои отношения к миру и к себе, ретроспективно воссоздать целостность прожитого, актуализировать проживаемое и наметить проект будущего. Здесь текст конституирует **динамику «Я» личности**.

3. Текст создает личность и форму жизни героя, которые «предсуществуют» по отношению к жизни, индивидуальности, «Я» адресата. Текст берется читателями за основание идентификации с действующими в нем персоналиями и происходящими событиями. В процессах активного отождествления литературная жизнь героя продлевается в судьбы реальных людей, а его характер и психические состояния переходят в контур их личностей. Действительная жизнь и ее субъекты создаются по образу литературы. Принимая эту импликацию, мы сознаем, что «герои живут вечно» и что «перспектива жить текст» — не просто художественный оборот Ж.-П. Сартра. «То, что мы называем миром Гамлета, то, что мы понимаем через типизацию, данную в Гамлете, родилось **после того**, как этот образ был написан. Мир Гамлета есть продукт написания «Гамлета»... Пока нет самого Гамлета, мы ниоткуда не могли бы получить его «возможность» (86; с. 324). Текст появляется в обществе и культуре как **возможная личность и ее возможная жизнь**.

4. Текст может составлять процесс текущей жизни автора. То бытие, которое для других людей представляется «действительным» в силу укоренения в предметном мире и практической деятельности, для автора не является подлинным. Только мысля, воображая, чувствуя, высказываясь, автор обретает аутентичное существование. Течение жизни в «текстовом измерении» связано с тем, что процесс порождения текста растягивается на долгие годы, в его динамике возникают захватывающие события воспоминаний и открытий «себя», изменяется «Я» автора, происходит слияние автора с героем, текст остается незавершенным, т. к. автору не дано знать и высказаться о финале своей жизни. Так, жизни М. Пруста, Д. Джойса, И. Бунина, В. Набокова приобретали реальный хронотоп в рассказываемых ими историях. В этом случае текст выступает **способом личностного проживания жизни**.

5. Открывая понимающему читателю свои содержания, текст по-новому структурирует его ментальный опыт, стимулирует его активность в качестве критика, интерпретатора, импровизатора, тол-

кователя, пародиста, подражателя, самостоятельного писателя или ученого. Текст наполняет разнообразное речевое творчество адресата, вплетается в его мыслительную жизнь. Чем содержательнее и разнообразнее текст, тем свободнее чувствует себя человек, увлекающий, развивающий, подвергающий сомнению или отвергающий идеи автора, строящий на их основе новые модели понимания человека, мира и самого себя, использующий текст как оригинальный материал для научных исследований в области филологии, лингвистики, психологии. Текст, таким образом, становится **основой интеллектуальной деятельности личности.**

6. Текст является моделью личностных взаимодействий, взаимоотношений и взаимовлияний, в процессах которых реализуются различные техники практического, душевного, духовного обмена. Текстом сплетается сеть речевых и невербальных коммуникаций, порождающих всплески активности, переломы жизни, ключевые впечатления, внутренние изменения героев. Моделируется практика «говорения», которая может задать **форму диалога реальных личностей.**

Персонология находит новые возможности использования текстов в познании и самопознании личности. Текст берется для экспликации или верификации персонологических идей, для моделирования на его основе индивидуальных, типологических, универсальных свойств и состояний личности, для научной герменевтики опытов постижения «Я» и «жизни», для усовершенствования формата профессионального мышления персонологов, для ярких иллюстраций персонологических феноменов. Так, например, «в гиперболическом зеркале мифа читаем через увеличенную форму нечто, что свойственно нам и структурам нашей жизненной истории... Здесь нам дается возможность читать то, что реально, в виде каких-то свойств и структур присуще нам и нашим жизням» (86; с. 292). Следует особо подчеркнуть значение текстов, содержащих ориентиры для практикующего психолога: от техник интерпретации индивидуальных психических свойств и способов жизни личности до оригинальных приемов их аналитико-синтетического осмысления, психотерапии и развивающей рефлексии.

Большим персонологическим потенциалом обладают **рефлексивные тексты** (Я-тексты) личности: литературные и философско-психологические исповеди, жизнеописания, опыты самопознания, автобиографические нарративы, дневники (151). Полагаем, что этот потенциал сосредоточен в рассказанной автором жизненной истории, его способности жить-в-рефлексии, загадках «Я», культурном каноне самопознания, рефлексии отношения Я — Другой,

свойствах субъекта рефлексии и в конкретных рефлексивных актах.

Первое. Рефлексивный текст может быть историей жизненного пути автора. Рассказ о жизни раскрывает ее в определенных «измерениях»: событийном, смысловом или поступковом, измерениях «встреч», умений, мастерства и продуктивности, измерениях желаний, чувств и направляющих идей, измерениях жизненных противоречий и изменений «Я». История пути создается переплетающимися рефлексивными экспликациями: «это было в моей жизни», «это произошло со мной и для меня», «это имело смысл для меня», «я так делал и поступал», «я встретил Другого», «я испытывал отношения и действия других», «я работал, создавал, добивался успеха», «я желал, чувствовал, размышлял», «мне благоприятствовало и противодействовало» «мне помогали и сопротивлялись», «я ошибался и преодолевал», «я обладал свойствами», «я относился к себе».

Второе. Создание Я-текста является не только возможностью сказать о своей жизни, но также утонченным способом протекания душевной жизни и самой внутренне-внешней жизнью автора. «Саморефлексивный образ индивида сцеплен с его эмпирическим существованием и входит в органический состав последнего» (14; с. 894). Жизнь, возведенная текстом на уровень активного самоосуществления и самопознания личности, приобретает феноменологический характер.

Третье. Искусный рефлексивный текст, выступая дифференцированной и целостной картиной сознания автора, делает множественные отметки его тайной жизни, содержит послания бессознательного, объединяет выражаемое и умалчиваемое. Репрезентируя субъективное понимание, интерпретацию, непонимание, неведение себя и своей жизни, автор транслирует другим не только знание о себе, но и свои загадки.

Четвертое. Рефлексивный текст-произведение включает обобщенные «матрицы» или «формулы» самопознания, которые, благодаря авторитету автора, становятся культурными канонами индивидуального поиска себя в данном обществе. Границы, содержания и техники самопознания личностей в социуме во многом конституируются критическими опытами рефлексии людей, творческая жизнь которых опосредована сильной, продуманной, осмысленной Я-позицией и зрелым отношением к себе.

Пятое. Рефлексивный текст служит культурному осознанию субъективного плана взаимодействия личности с другими людьми. Он строится, как правило, в режиме диалогов «Я — Другой» и «Другой — Я», освещающая отношения автора к конкретным личностям, со-

циальным группам, обществу и их внутренне отраженные отношения к нему. Рефлексия общения автора с другими людьми опосредует его творческую деятельность и входит в ее структуру и содержание. Тексты самопознания включают модели поддерживающих и ограничивающих отношений других к автору, а также модели отдачи или отчуждения автора от других. Формы отношений творца текста с другими и к другим могут обладать большой формирующей силой в межличностных взаимодействиях конкретных сообществ.

Шестое. Рефлексивный текст содержит знания о процессах и продуктах творчества автора, о путях его индивидуализации, о его возможностях, способностях, субъектных качествах, продолженности в судьбе и внутреннем мире других людей. Эти знания важны для построения и обновления психологических моделей «субъекта», «индивидуальной личности», «индивидуальности», «творческого Я», релевантных ценностям европейской культуры.

Седьмое. Рефлексивный текст, кроме образов, символов, идей и историй, характеризующих «Я», выражает строение процесса самопознания. Его составляют сложные акты самообозначения, самоисследования, самооценки, вопрошания о себе, самопонимания, постижения себя (149; 150).

При самопознании индивидуальной личности потенциалы рефлексивных текстов реализуются в формах размышлений и представлений о себе, в содержаниях рассказов о себе, в практиках рационального и ценностного отношения к себе, в выявлении противоречий «Я» и своей жизни, в осознанной возможности создавать «текст себя» в течение жизни.

Мы следуем таким путем развития культурной персонологии, который связан с **герменевтикой** текстов о личности, входящих в «золотой фонд» гуманитаристики, с созданием **моделей** «личности» на герменевтической основе и с разработкой приемов **рефлексии**, преломляющих результаты герменевтики и моделирования. Это определяет выбор **ведущих методов**, применяемых в ходе нашей работы, являющейся одновременно теоретико-методологическим исследованием личности, написанием текста о ней и персонологическим проектом ее развития.

6. Методы персонологии

Важнейшим способом познания личности в культурной, теоретической и практической персонологии является **герменевтический метод**. Он направлен на то, чтобы при обращении с текстами творчески эксплицировать и систематизировать фундаментальные, феноменологические, эмпирические знания о личности, а также раздвигать границы ее «незнания», где заключены возможности постановки новых персонологических проблем.

Особой герменевтической ценностью обладают тексты, содержащие такую связь значений и смыслов, которая раскрывает личности возможность иной, лучшей жизни. Эти тексты образуются не только словами, но и символами, образами, красками и тонами звучания, которые на языке культуры могут «сказать» или дать личности «высказаться» о том, что необходимо ей для осуществления себя и воссоединения с другими людьми. «Текстом личности» может быть и сказка, и картина, и роман, и философский трактат, и психологический труд, и исповедь, и автобиография, если в них есть то, что проясняет для человека жизненно важные загадки и проблемы. Посредством текстов личность на разных уровнях познания интерпретирует события жизни, себя и Другого, достигает понимания гуманитарного наследия многих культур. Тексты других, продолженные личностью в собственные тексты, образуемые стремлениями и интуицией, воспоминаниями и мышлением, воображением и означиванием, становятся инструментами «чтения» своей жизни, создания ее времени и продления времени культуры (138).

Персонологическая интерпретация текстов предполагает реализацию общенаучных, а также специфических для персонологии, **герменевтических установок**. К установкам «герменевтики личности», намеченным нами на основе работ В. Дильтея, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, П. Рикера, М. К. Мамардашвили (46; 181; 131; 122; 86), относятся:

- установка на интерпретацию текста как исследование;
- установка на разнообразие герменевтических действий с текстом;
- установка на выявление неисследованных содержаний текста;
- установка на творческое постижение тайн текста;
- установка на целостное отношение к личности и «Я» автора текста;

- установка на выявление способности автора быть «практикующим феноменологом»;
- установка на определение места изучаемого текста в континууме текстовых репрезентаций «личности»;
- установка на соотнесение своего понимания текста с другими интерпретациями и их интеграцию;
- установка на раскрытие сущности авторской «идеи личности», возможное только в единстве интерпретаций;
- установка на построение и применение герменевтической модели, определяющей процедуру интерпретации как исследования и творчества;
- установка на определение места проделанного герменевтического поиска в культуре познания и жизни личности;
- установка на интерпретацию различных видов «текстов личности».

1. Персонологическая герменевтика — это «прочтение текстами текстов». Она имеет статус **научного исследования**, посвященного поиску в текстах идей, релевантных проблеме, поставленной исследователем с опорой на обширный текст его концептуального понимания «личности». Тексты, избираемые исследователем для изучения, являются произведениями, в которых предлагается решение проблемы с позиций школы, научного направления, течения, к которым принадлежат авторы. На основе синтеза изученных подходов исследователь должен предложить свое решение. Кроме рациональных предпочтений, выбор текстов должен отвечать интуитивному расположению исследователя в силу его **глубинного движения** к творческому раскрытию проблемы. «Наше понимание или наше мышление устроено так, что из текста, даже из евангелического, к нам ничего не может прийти. Придет, если в нас есть невербальный корень испытания» (86; с. 88).

2. Герменевтика «личности» может осуществляться в **формах** свободного истолкования, логической интерпретации, воссоздающей реконструкции, моделирования, разработки новой практики. В едином герменевтическом процессе эти формы могут взаимодействовать и перетекать друг в друга в зависимости от задач исследования. Искомое знание о личности может заключаться в открытой семантике текста или может быть утаено автором в подтексте написанного. Оно может быть оттеснено на задний план уже проделанными интерпретациями произведения или осталось неявным для самого автора. Герменевтика состоит в «извлечении смыслового потенциала, оставшегося неиспользованным или даже подавленным в силу систематизации и популяризации великих текстов... Если бы мы не мог-

ли выпустить на свободу потенциалы, которые великие системы прошлого стремились подавить и замаскировать, то не было бы возможным никакое новаторство, и мысль в настоящем времени располагала бы только выбором между повторением и заблуждением» (122; с. 350). Герменевтика «известного» и «неизвестного» знания при обращении к сознанию и бессознательному, интуиции и логике, переживанию и познанию автора является **новаторским действием** интерпретатора, высвобождающим ранее не выявленные ресурсы текста для решения актуальной проблемы «личности».

3. Герменевтика текста является **актом творческого постижения**, направленным на раскрытие тайны, расшифровку символов, разгадывание загадок, преодоление «непроходимых мест», разрешение противоречий, освещение темных содержаний, на смысловые преобразования и вдохновенное продвижение к истине. Это введение произведения в мыслительную, эмоциональную и практическую жизнь интерпретатора, изменение ее. Это «прорыв в область незнаемого», расширение границ понимаемого, экзистенциальное событие «вывода ценности из потаенного» (181). Тексты читаются интерпретатором с подстановкой своих смыслов, изменением и привнесением значений, трансформацией авторских интонаций, выходом в собственное пространство понимания. Но в отношении к великим книгам, отметил М. К. Мамардашвили, эти «ошибки» хороши.

4. Текст в понимании интерпретатора является сложной речевой, мыслительной, символической, эмоциональной **структурой**, порожденной разными состояниями автора, которым в герменевтическом процессе придается равно высокое значение. Проникновение в стиль, жанр, манеру, неповторимые приемы речи автора, выявление приемов его мышления, сопереживание его чувствам и впечатлениям, готовность разделить его опыт проживания составляет **целостное отношение** интерпретатора к произведению. «Моя задача состоит не в описании литературных красот, а в выявлении стиля мышления человека, который проделал опыт, по материи своей не отличающийся от того, что мы можем испытать. Просто мы можем испытать и не понять, а вот другой человек понял и записал, и поэтому интересно к этому обратиться» (86; с. 34).

5. Практика персонологической герменевтики эффективна тогда, когда интерпретатор, наряду с автором, выступает в качестве **«практикующего феноменолога»**. Это означает способность мыслью, чувством, воображением и рефлексивными актами, «вложенными» в текст интерпретации, менять интеллектуальную, эстетическую, нравственную и практическую жизнь личностей, обращающихся к тексту, и их отношение к себе. Тексты автора и интер-

претатора, стоящая за ними культура «имеют значение тогда, когда непосредственно, индивидуально вплетены, образуют вот эту жизнь» (86; с. 52). Оба текста могут затронуть и определить историю «Я» множества личностей, включая их создателей. «Затронутость Я другим, нежели Я, находит в литературе благоприятную среду для мыслительных опытов, которые не в силах затмить «реальные» отношения взаимодействия» (121; с. 384). Герменевтика здесь — это сложное персонологическое событие, объединяющее личности автора, интерпретатора, читателя и «личность» как тему или героя текстов.

6. Герменевтика позволяет увидеть движение авторской мысли и слова в общем **континууме мышления и письма**, устремленного к тайне личности. Опыт герменевтики открывает, что своими идеями автор продолжает длительный культурный процесс познания и описания личности, отмеченный «вспышками гениальности» выдающихся мыслителей. Присутствие автора на пути открытий «личности» дает интерпретатору возможность раскрыть преемственность, соответствия, синхронность авторского поиска поиску его предшественников, современников и последователей. Интерпретатор сам оказывается в вечной «лаборатории», где содружеством интеллектуалов-экспериментаторов творится и преобразуется знание о личности. «Есть континуум мысли или континуум состояния. Как только мы начали мыслить, мы сместились к тому, что уже есть, что неподвижно стоит и проявляет себя в нас, когда мы движемся путем соответствий. Мы начинаем совпадать с Мандельштамом, Прустом, Данте и т.д.» (86; с. 111). В этом плане любой большой автор под взглядом интерпретатора оказывается **одновременен** множеству авторов и интеллектуальных движений, рассеянных в истории культуры. Так, в герменевтическом процессе Пруст как создатель великого романа и открыватель «новых миров личности» совпадает во времени культуры с Паундом, Элиотом, Джойсом, сюрреализмом, лакановским психоанализом, экзистенциализмом (86). Текст произведения, тексты его условных соавторов и тексты интерпретации встречаются в расширенном, полифоническом, многоименном пространстве значений и смыслов «личности». «Произведение есть некоторая сознательная бесконечность, которая внутри себя, в качестве своих частей содержит и нас самих, интерпретирующих это произведение» (86; с. 331).

7. Во множественных интерпретациях, отношениях и впечатлениях, связанных с произведением о личности, постепенно проступает полнота его «целого», часто не уловимого при обычном прочтении. Обнаруживаются его сущностные, общезначимые мотив, идея, смысл, символ. В диалогах автора и интерпретаторов обнару-

живается **наиндивидуальное начало** творца, творения, «личности». «Гений Пруста, даже если свести его к созданным им произведениям, тем не менее, равен бесконечному числу возможных точек зрения на его творчество, что и назовут «неисчерпаемостью» прустовского наследия. Но эта неисчерпаемость, подразумевающая трансцендентность и уход в бесконечное, не есть ли некий «exis» — состояние в тот самый момент, когда его улавливают в объекте. Наконец, сущность полностью отделяется от индивидуальной видимости, потому что она принципиально есть то, что должно быть обнаружено в ряду индивидуальных проявлений» (131; с. 22). Интерпретации выявляют то, что относится к онтологической и индивидуальной структурам души и жизни, вскрывают соотношение исторического, актуального и вневременного планов бытия и познания личности.

8. Выявление ценных персонологических содержаний текстов о личности определяется качеством модели интерпретации, задающей процедуру герменевтики как исследования. Вариант модели герменевтического анализа и синтеза в контексте персонологии, отвечающий на вопрос **«В чем состоит герменевтический процесс?»**, можно представить следующим образом.

— Проблематизация исследователем знания, представленного в текстах той или иной области психологического или междисциплинарного изучения личности.

— Постановка новой проблемы «личности», имеющей перспективу успешной разработки методом герменевтики и значимой для познания и самопознания исследователя.

— Актуализация исследователем текста своего наличного понимания поставленной проблемы и нахождение пробелов в ее предварительной концептуализации.

— Определение релевантных произведений, обладающих нераскрытыми или нереализованными возможностями для построения концепции решения поставленной проблемы и «задающих» личность исследователя в аспекте рефлексии и саморазвития.

— Нахождение ключей или «смыслового эквивалента» к исследованию текстовых выражений внутреннего и внешнего мира автора произведения. Например, может быть использован принцип Р. Барта, состоящий в поиске культурных «кодов» текста: знания, коммуникации, символов, рефлексии, загадки и действия (12).

— Разработка исследователем системы категорий и идей, образующих интерпретационную модель прочтения, инструмент изучения, проект реконструкции текста произведения. Построение «психологического орудия» выявления тонких нюансов субъективности

автора с привлечением соответствующих теорий и концепций личности.

– Поиск фрагментов текстов, где авторы достигают «яснейшей ясности прозрений» (181), логической чистоты выражения мысли и намечают идеи, способствующие решению проблемы «личности».

– Воссоздание явных психологических содержаний текста, их активное преобразование, соединение их с культурным и персональным контекстом, выявление их новых связей, извлечение скрытых планов текста, заключающих тайные смыслы автора.

– Экспликация, выведение из области скрытого и развитие знания о сущности того аспекта «личности», который проблематизирован исследователем.

– Сочетание приемов интуитивного понимания, вчувствования, рациональной интерпретации содержания текста, построение неявного диалога интерпретатора и автора текста, посвященного разгадке тайны личности и Я автора.

– Собираение, систематизация, организация в целое (logos) и развитие знания об исследуемом аспекте «личности», извлеченного из текстов.

– Построение концептуальной модели, содержащей новое решение поставленной проблемы «личности», которое основано на синтезе мыслительного опыта авторов текстов и исследователя-интерпретатора.

– Рефлексивное размежевание созданной модели с представлениями о личности, принадлежащими авторам и другим интерпретаторам исследованных текстов.

– Текстовое представление разработанной концептуальной модели, введение нового текста в континуум интерпретаций и систему знаний о личности.

9. Персонологическая герменевтика продолжает жизнь произведения и автора в историко-культурном процессе. Если толкования и интерпретации отмечены талантом исследователя-интерпретатора и основаны на тонком понимании и свободных импровизациях, они усиливают влияние текста в разных областях познания личности: от философии до литературы. Герменевтика — способ существования текста и укрепления культурной ценности «личности»; интерпретируя текст, мы находимся в процессе **воссоздания личностного уровня бытия**, пребываем «внутри сознательной бесконечности, открытой этим произведением» (86; с. 33).

10. В области персонологии важны самые разнообразные **виды герменевтики**. Это «философское прочтение литературного текста», которое практиковал М. К. Мамардашвили в отношении романа

М. Пруста. Это психологическое прочтение философских текстов и произведений литературы. Это философско-психологическая интерпретация текстов индивидуального самопознания и историко-культурная герменевтика текстов исповедей и жизнеописаний. Это философское или психологическое осмысление автором собственной жизни и Я. Это извлечение развивающих и психотерапевтических приемов обращения с личностью, содержащихся в философских и литературных текстах.

11. Термин «герменевтика» значит в персонологии значительно больше, чем «истолкование и интерпретация текстов культуры». Столь же важна интерпретация персонологом текстов монологов и диалогов, рождающихся в процессах консультирования и психотерапии личности, текстов рефлексии личности, поддерживаемой специальными практиками самопознания, текстов свободных нарративов личности, текстов сочинений, дневников и писем личности, оказывающейся в фокусе персонологических наблюдений. При расширении понятия «герменевтика» она становится также методом прочтения жизни личности, представшей для персонолога как индивидуальная реальность, отраженная и запечатленная в «текстах» сознания личности, сознаний ее близких «других», его собственного сознания. Персонологическая герменевтика жизни и ее возможностей является способом развивающих влияний на личностные выборы, решения, проекты, нахождение вариантов, выдвижение гипотез о ходе жизни.

Как мы видели, герменевтический подход в персонологии связан с построением **моделей**, определяющих процедуру, процесс и составляющих результаты интерпретации «текстов личности». На пути добывания персонологического знания применение метода герменевтики неразрывно связано с применением **метода моделирования** (140).

Поясним, что составляет особенности моделирования и что характерно для моделей в области персонологии. Будем исходить из общих положений методологии «модельной репрезентации» в гуманитарных науках (30), акцентируя способы и результаты построения **теоретических** моделей личности.

1. **Что представляет собой модель?** Персонологическое моделирование — это построение концептуальных схем, логик, мыслительных техник, систем идей, типологий, классификаций и практик, составляющих новые решения проблем познания и развития личности. Каждая из моделей выступает ступенем, концентрацией, синтезом устоявшихся и инновационных идей об определенном аспекте личности, а также способов его изучения и изменения. Моде-

ли должны заключать возможности выявления индивидуальных, типичных и всеобщих вариантов существования, проявления, прогресса и регресса познаваемой стороны личности. Моделирование обеспечивает множество направленных проб исследования, предвидения, преобразования любого из этих вариантов. Теоретический синтез в контексте моделирования «личности» отражает движение идей и процессы альтернативной мысли, которые легко улавливаются и реализуются адресатами моделей. Любая теоретическая модель в персонологии должна представлять собой содержательно-процессуальное единство.

2. Рационально или интуитивно строится модель? Начала персонологического моделирования видны в древней философско-рационалистической традиции. Гении рационализма разных времен создавали антропологические теории, упорядочивая знания о человеке путем применения совершенных логических операций анализа, сравнения, обобщения, различения противоположностей, синтеза и классификации. Сошлемся на «Страсти души» Р. Декарта, «Антропологию» И. Канта, «Науку логики» Г.В.Ф. Гегеля. Завершенность определений, изящные дефиниции, содержательность категорий, полнота доказательств и обоснований, убедительность выводов, соответствие гипотез и заключений, свойственные данным трудам, — уникальное наследие для современного мышления в стиле «модель».

При этом рациональный подход к моделированию «личности» должен сочетаться с интуитивным подходом. Реализация рефлексивно-логических техник мысли, производство сложных концептов, создание дискурсивных текстов должны происходить с опорой на индивидуальное проживание, феноменологический опыт, чувства автора модели. Обращение к иррациональному раскрытию изучаемого аспекта личности предполагает применение образных и символических моделей, которые на основе неклассической философии, литературы и изобразительного искусства способствуют его целостной репрезентации. Сочетание двух подходов к моделированию личности коренится в давнем стремлении психологов добиться в своем деле единства научности и творческого воображения. Это хорошо выражено К.Г. Юнгом: «Интеллект — властелин в царстве науки. Но стоит науке коснуться области практического применения, как тотчас же получается совершенно иная картина. Интеллект, бывший до сих пор царем, становится не более как вспомогательным средством, инструментом, хотя и научно утонченным, но все-таки лишь ремесленным орудием, переставшим быть самоцелью и превратившимся в простое условие. Тогда интеллект и вместе с ним вся наука становится на службу творческого замысла...

И это — психологическая деятельность, по природе своей творческая, в которой первенствующее значение принадлежит созидательной фантазии» (202; с. 91).

3. Какова общая динамика моделирования? В процессе моделирования персонолог идет от нечетко определяемой вначале целостности изучаемого аспекта личности к его рациональному разделению на элементы при удержании максимума их взаимных связей и отношений. Дальнейшее движение мысли — к структурированию предмета изучения, к логическому обобщению, которое вдруг начинает терять свои рациональные «леса» и переходит в интуитивное авторское открытие сущности предмета с дальнейшим высвечиванием направлений его генеза, возможностей роста и регресса, противоречий и конфликтов. Нужно особое мастерство усмотрения в тонкой структуре, сущности, динамике познаваемой реальности актов творческого синтеза, которые в своем сцеплении составляют ход развития души, личности, Я. На такую встречу творчества психолога с творческими силами исследуемой личности как на метод построения психологии указывал В. Вундт (37).

4. Модель — результат объяснения или описания? При моделировании «личности» важно достичь единства двух принципов психологического познания: объяснительного и описательного. Необходимость их гармоничного сочетания была обоснована В. Дильтейем, который видел достоинства не только поиска и дискурсивного выведения законов психического, но и дескрипции его фактов, феноменов и эмпирических зависимостей. Утверждая потенциал первого принципа, Дильтей тонко обозначает границы его реализации, за которыми действителен лишь метод опытного обращения и непосредственного представления «психической жизненности». По его словам, «мышление не может уйти по ту сторону своей собственной действительности, в которой оно возникает. Если позади этой последней данной нам действительности оно хочет конструировать рациональную связь, то она может быть составлена лишь из частичных содержаний, встречающихся в самой этой действительности. Это и имеет место во всякой рациональной, объяснительной и конструктивной психологии» (47; с. 91). В его понимании, конструктивная психология должна расширять свои возможности за счет движения от поэтических постижений и прозрений к стройным логическим конструктам, содержащим интуитивную «идею» сущности или существования познаваемой реальности.

5. Как в модели соотносятся теория и факт? Построение персонологических моделей предполагает «почтение к теории и благоговение перед фактом» (45). Проникновение в психологию личности

метода концептуального моделирования подготовили идеи В. Джемса о прагматическом, инструментальном назначении теории, ее проблемности, практичности, неокончателном характере и пригодности к работе с фактами, об отношении теории к жизни и миру человека как становящимся и открытым для изменений, о возможности ученых создать условия для этих изменений. «Мир стоит перед нами гибким и пластичным, ожидая последнего прикосновения наших рук...» (45; с. 127). Теоретические модели могут выступать содержательными структурами распознавания, персонологической экспертизы, порождения феноменов, называемых В.А. Петровским «нетривиальными фактами личности».

6. Каково значение рефлексии автора в процессе моделирования? Высокой ценностью обладает рефлексивное присутствие автора в технологии и результатах персонологического моделирования. Оно указывает на использование автором данных самопознания, признание им значимости интроспективного метода в изучении личности, а также на ожидание активной рефлексии референтов и адресатов модели. Активность Я, феноменологический опыт выступает, по словам Э. Гуссерля, «той рефлексией, в которой нам становится доступным психическое в его собственной сущности, которая мыслится как осуществляемая в теоретических интересах и последовательно проводится так, что текущая жизнь Я эксплицируется в соответствии с собственными составными частями и во всех горизонтах» (40; с. 89).

7. В чем состоит связь автора с адресатами модели? Кроме напряженной связи со своим «Я», автор персонологических моделей должен удерживать связь с потенциальными адресатами в академической, исследовательской, практической сфере своей деятельности. Мотивы совместного интеллектуального творчества, сопереживания, эмоционально насыщенных диалогов, взаимных интуитивных догадок должны звучать в моделях так же, как в текстах экзистенциальной психологии. Тогда в объединяющем жизненном процессе может состояться плодотворное взаимопроникновение активности разработчиков и пользователей моделей. Практическое применение персонологической модели предполагает занятие позиции, остроумно описанной С. Кьеркегором: «Психолог... должен быть более ловким, чем плясун на проволоке, если он рассчитывает проникнуть внутрь людей и ставить себя на их место. Его молчание в момент доверительных разговоров должно быть настолько соблазнительным и обольстительным, чтобы даже наиболее сокровенное могло выбраться, наконец, наружу, болтая с самим собой в этом искусно созданном невнимании и тишине...» (63; с. 155).

8. Какова роль индивидуальных случаев при построении модели? Моделирование преодолевает разрыв между обобщенностью и абстрактностью теоретических построений и чрезмерной конкретностью «ярких примеров», «наглядных иллюстраций», «кейсов», относящихся к личности. Автор моделей, действуя в интересах развития мышления и рефлексии адресата, помнит, что примеры нужны постольку, поскольку служат творческому переводу знания о личности из одной формы в другие, например, из абстрактно-понятийной в метафорическую, образную или символическую. Сквозь приводимый, образно представленный «случай личности» должна сквозить полнота и целостность многих относящихся к нему теоретических открытий. Образ в контексте моделирования равен по значимости абстрактному понятию или даже превосходит его; конкретный пример, по выражению Ж. Лакана, становится «неотделим от теоретической мысли». Однако, по ироническому замечанию А. Камю, это не значит, что следует «сделать из книг Руссо тот вывод, что нам нужно стать на четвереньки, или вывести из Ницше, что мы должны грубить собственной матери» (57; с. 61).

Единство концептуальных и образных моделей выступает способом достижения автором особо ясного понимания «личности» и вместе с тем условием эффективной миграции этого понимания в ментальный мир адресата. В форме понятийно-образного синтеза модели лишены императивности и не стремятся целиком осуществиться даже в искусно «поставленных» эксперименте, жизненном событии или практической деятельности. Открывая пути познания и развития личности, они ничего не утверждают в эмпирическом смысле, но помогают корректно повлиять на научный поиск и жизнь конкретных людей. При их освоении исследователями и практиками многие личностные факты перестают «невнятно лепетать» и начинают красноречивую исповедь о своих тайнах. Модели стремятся к реальной или «возможной» личности, воплощают собственный опыт разработчика и могут стать личным опытом адресатов. Индивидуальный случай, индивидуальность выступают побудителями и конечными ориентирами персонологического моделирования.

9. Какие назначения имеют модели? Модели, по выражению М. Вартофского, могут обладать разными «экзистенциальными притязаниями». Персонологическая модель может быть нацелена на интеграцию существующего знания об изучаемом аспекте личности. Она может быть инструментом, теоретическим контекстом и результатом поиска новых свойств и отношений личности. Модель может служить обобщению содержаний и техник самопознания лич-

ности, т. е. иметь рефлексивное назначение. Модель может создаваться как средство идентификации личности с другими людьми и одновременно как средство индивидуализации и самоопределения. Наконец, модель может быть ориентирована на совершенствование, позитивные изменения личности и в этом плане выступать развивающей. Идеальной является модель, которая реализует все указанные «притязания».

10. Каковы разновидности моделей? Исполняя свои назначения, теоретические модели приобретают различные формы. Они могут предлагать концепцию генеза, детерминации, структуры личности (объяснительные модели). Или они являются интерпретацией «личности» на основе анализа и синтеза идей, представленных в текстах (понимающие модели). Или модели упорядочивают эмпирические наблюдения, феноменологические заключения и интуитивные открытия, относящиеся к личности (описательные модели). Или модели репрезентируют способы, содержания, смыслы самопознания личности (рефлексивные модели). Модели также могут эксплицитировать возможности и варианты личностной динамики в зависимости от определенных условий и их изменений (прогностические модели), выдвигать, операционализировать идеи роста и саморазвития личности (преобразующие модели), а также намечать пути открытия новых свойств, форм активности и отношений личности (эвристические модели) (99; 152).

11. Отношения модели и ее референта. Модель, как бы сложна и логически совершенна она ни была, не может быть богаче своего объекта-референта и не может считаться способом его исчерпывающего познания. И все же призвание персонологических моделей состоит в привлечении лучших концепций и эффективных способов познавательных и практических действий с объектом. Осознание автором ограничений моделей в сочетании с его установкой на «сборку сильных идей» придает моделям элитарность, обуславливает широкий интерес профессионалов.

Хорошие модели обладают «техничностью» и предполагают трансформирующие влияния на своих референтов. Самые глубокие влияния обеспечиваются действиями самоисследования, самопонимания, самоинтерпретации и самовыражения личности. Модели обосновывают и конструируют данные действия, а также гарантируют их тройственную продуктивность: в отношении референта, в отношении применяемой модели, в отношении ее автора.

Действенность модели задает ее направленность на будущее. В ней заключено ожидание, вероятностный прогноз, проект развития личности-референта. Создается возможность того, что при реа-

лизации проекта референт превзойдет свою репрезентацию, что будет свидетельствовать о высокой культуре персонологического моделирования.

12. Является ли модель основанием для творчества? Необходимое свойство моделей — креативность. Несмотря на то, что по стилю построения и форме представления они «тугие», «плотные», относительно закрытые, при развертке и последовательном применении они становятся прозрачны и проницаемы для новых идей, эмпирических данных, оригинальных привнесений со стороны пользователей. Модели допускают множественные вариации использования, исключая упрощенные и формальные. Модели рождаются в сложной поисковой работе, и в них одновременно ощутимы и движение бесстрастной науки к анонимному психологу, и стремление автора к научному диалогу с близкими по духу коллегами. Основным эффектом освоения моделей автор считает не воспроизводство предлагаемых интеллектуальных техник и содержаний, а выход пользователей на уровень творческого познания личности и свое собственное продвижение в творчестве. Находя в познании личности черты «мистичности», «магии влияний», непрерывного творения, Н. Бердяев отметил, что «никогда познающий не открывал истины при помощи того логического аппарата, которым он старается убедить других» (25; с. 184).

13. Какие свойства автора проявляются при моделировании? Персонологическая модель становится выражением свойств разработчика. Выявляется достигнутый им уровень теоретического понимания объекта как показатель интеллектуальной одаренности. Находятся выражение активность мышления, сила воображения, тонкость чувств, глубина интуиции. Личностное присутствие автора в модели обуславливает коммуникативный смысл, диалогичность ее создания и применения даже при отсутствии прямого контакта с пользователем. Автор также реализует свободу субъективных предпочтений в выборе персоналий, научных теорий, школ, направлений, литературных текстов, привлекаемых к построению моделей. Создается «социальное пространство моделирования», в котором возникают, возвращаются, взаимодействуют, вторят друг другу особенно близкие автору творцы. Обнаруживается определенный «срез» культуры научного поиска автора, в котором отчетливо видны источники и преемственность его воззрений. И в этом «срезе» нет устаревших и абсолютно новых идей, а есть сквозная, непрерывная логика познания личности.

14. Что значат тексты в построении модели? Особое значение имеет текстовая форма теоретической модели, основанная, как правило, на авторской реконструкции, интерпретации, реинтерпретации существующих научных текстов о личности. Персонологиче-

ские модели, связанные с герменевтикой «личности», могут быть укоренены в философских, культурологических, социологических, филологических, искусствоведческих трудах. Иногда фрагменты произведений из смежных областей знания могут рассматриваться как готовые персонологические модели. Сошлемся, к примеру, на культурно-историческую модель «европейской индивидуальности», предложенную Л.М. Баткиным (14). В ином случае моделирование сопровождается активным авторским переосмыслением чужих научных текстов. Или автор предлагает собственные версии понимания и объяснения «личности», выражая их в оригинальных текстовых моделях. Иногда модели становятся обобщением опыта самопознания авторов философских, литературных, религиозных произведений. Или в качестве модели берется фрагмент прозаического либо поэтического произведения, где с критической полнотой «схвачен» личностный феномен, не освещенный в научной психологии. В этом плане настоящей «персонологической сокровищницей» являются тексты Ф.М. Достоевского и М. Пруста. Стремясь к «сжатию», концентрации лучших идей, наблюдений, содержаний рефлексии и выражаясь в убедительном тексте, авторская персонологическая модель может «взрываться» множеством открытий и интерпретаций, углубляющих знание о личности.

15. В чем состоит процесс моделирования? Процедура персонологической разработки теоретических моделей включает следующие этапы.

– Проблематизация того аспекта личности, который является существенным с точки зрения развития персонологического познания и практики.

– Определение предмета моделирования. Его могут составить генез и зрелость, свойства и связи, структура и формы, уровни функционирования и условия существования, противоречия и целостность, рефлексия и феноменология того или иного аспекта личности.

– Построение и установление границ концептуального контекста моделирования, который включает теории и идеи «личности», опираясь на которые автор может предложить свое видение предмета исследования.

– Нахождение способов модельной репрезентации предмета, например, логически-текстового, символического, наглядно-образного, формульного или схематического.

– Рефлексия и применение мыслительных операций, обеспечивающих процесс построения модели: различение, анализ, сравнение, обобщение, выделение оппозиций и синтез идей, относящихся к предмету моделирования.

– Интуитивно-логически-текстовое структурирование идей в систему, представляющую собой вариант раскрытия предмета моделирования.

– Сравнение разработанной теоретической модели с ближайшими по замыслу и содержанию концептуальными репрезентациями изучаемого аспекта личности, оценка ее новизны.

– Научная экспертиза, эмпирическое подтверждение, определение и реализация практических возможностей модели в плане психологической помощи, самопознания и саморазвития личности.

– Идентификация модели с тем или иным типом модельной репрезентации «личности»; осмысление перспектив преломления разработанной теоретической модели в новой герменевтической, или рефлексивной, или феноменологической, или консультативной модели.

– Обращение к оценке со стороны профессионалов вклада модели в культуру познания и психологической поддержки личности.

16. Место моделей «личности» во времени культуры. Моделирование может рассматриваться как способ обретения персонологией «культурного времени личности», утраченного или еще не уловленного психологией. Единицами этого времени можно считать «события открытий личности», случившиеся в жизни и творчестве выдающихся мыслителей, которые можно представить в персонологических моделях. Эти события намечают «горизонтальное время» познания личности в культурогенезе, соединяющем европейскую античность, современность и культурную перспективу. Многие из этих событий относятся и к «вертикальному времени» культуры в силу своей синхронии, пребывания в «вечном настоящем», сокрытия в коллективном бессознательном и загадочной своевременности возникновения. Персонологическое моделирование должно воссоздавать культурную динамику знания о личности, обращаясь одновременно к его изменчивости, преемственности и непостижимой устойчивости во времени.

Полагаем, что в процессы разработки, применения, оценки эффективности методов герменевтики и теоретического моделирования должна быть встроена рефлексия их разработчиков и адресатов. Необходим также перевод интерпретаций и созданных концептуальных моделей личности в методики индивидуального самопознания. Кроме того, большое значение имеет герменевтическое и теоретическое раскрытие закономерностей самопознания личности и представление этих закономерностей в новых концептуальных моделях личностной рефлексии.

Все это означает важность персонологического обращения к **рефлексивному методу** изучения и развития личности (149). Дан-

ный метод нацелен на умножение теоретических знаний о личности посредством герменевтики опытов самопознания, на моделирование процессов, содержаний и функций рефлексии как предмета фундаментальной персонологии, на создание рефлексивных психопрактик, используемых в исследовании, консультировании, психотерапии личности.

Персонологические перспективы рефлексивного метода обусловлены **потенциалами** рефлексии, приобретенными ею в культурной истории самопознания человека, открытыми в психологических науках, реализующимися в индивидуальной жизни, сформированными в практике обращения личности к себе.

1. Культурный потенциал рефлексии. Значение рефлексивного метода для современной психологии личности определяется длительным процессом становления духовности и гуманитарной культуры «познания себя». В европейском культурогенезе осуществление стремления человека познать самого себя приобрело формы поиска истины в себе, размышления о том, что думаешь о себе и действуешь ли, как думаешь, испытания себя правдой о себе, метода наблюдений за ходом своего мышления, искусства понимания того, как достичь собственного жизненного благополучия (175).

Следует добавить, что в культурной трансспективе рефлексия обнаруживает свою силу в конструктивных персональных моделях преодоления испытаний, изменения поведения, разрешения жизненных проблем, обновления жизни. Большой ценностью обладает возможность рефлексии обогащать теорию и методы познания личности путем введения в их контекст данных феноменологического опыта, обобщенных в дискурсивном самопознании личности. Неоценимое значение для развития индивидуальной рефлексии имеют разновременные Я-тексты выдающихся личностей, эксплицирующие процессы, содержания и развивающие эффекты самопознания.

2. Психологический потенциал рефлексии. В персонологическом осмыслении рефлексивного метода необходимо учитывать множество взглядов на сущность рефлексии, сложившихся в психологии. В частности, рефлексия рассматривается как способность человека мысленно дифференцировать и интегрировать процессы, качества, структуры, содержания собственной интеллектуальной деятельности (когнитивная психология). Рефлексия определяется как присутствие Я в актах и состояниях проживания, как Я-интеграция жизненных событий, принятых личностью «для себя», как диалог Я с собой, который строится в форме «вопрос к себе — ответ

себе», в котором план вопрошания часто оказывается скрытым и свернутым (психология сознания). Рефлексия понимается как активность личности, направленная на создание и синтез образа, концепции, символа, смысла, идеала и проекта «Я», как способ достижения Я-идентичности при познании личностью своих свойств и ценностей, отношений и противоречий, а также как процесс создания личностью текстов о себе и своей жизни (психология личности). Рефлексия рассматривается как рациональный, логический уровень индивидуального самопознания, или отождествляется с познанием себя и знанием о себе, или выступает способом дискурсивного самораскрытия личности для других в контексте жизни. Акцентируются конкретные смыслы, операции, результаты рефлексии, включенной в конкретные виды деятельности личности, разрабатываются релевантные им техники самоисследования, самообозначения, самопонимания, самоинтерпретации (психология рефлексии).

3. Экзистенциальный потенциал рефлексии. Прежде всего, его характеризуют развивающие возможности рефлексии в жизни и самополагании личности.

Во-первых, рефлексия может быть аспектом общей одаренности, иногда гениальности личности. При этом развивается свойство рефлексии тонко различать и удерживать полноту текущих жизненных впечатлений в мощном Я-центре, питающем взлеты человеческого духа и таланта. В обычной жизни Я посредством рефлексии, сознает, относит к себе и осуществляет синтез внешних и внутренних событий собственного проживания, обеспечивая субъективную непрерывность индивидуального бытия. Все Я-синтезы являются «синтезами идентификаций», способами усиления и укрепления Я. Актуализируется «феноменологическая рефлексия», в область которой входит, по словам Э. Гуссерля, «все полагаемое как таковое, включая мое человеческое бытие в мире и мою мирскую жизнь» (40; с. 96).

Во-вторых, рефлексия может стать жизненным достоянием и творческим самовыражением мудреца в ипостаси философа, художника, ученого, общественного деятеля. Обладая даром рефлексии, он получает возможность собрать и целостно реализовать себя в опыте исповеди или жизнеописания, эстетического или этического деяния.

В-третьих, рефлексия является одной из высших жизненных функций и способностей, к развитию которой личность особенно открыта в молодом возрасте, нуждаясь во внутреннем упорядочении и отнесении к единому центру субъективности стремительно наплывающих желаний, чувств, идей и фантазий.

В-четвертых, для зрелой личности рефлексия может стать мужественным вызовом отчаянию, переживаемому в условиях жизненных кризисов и катастроф, и эффективным средством их преодоления. Конструктивный рефлексивный акт соединяет момент прояснения для себя жизненной коллизии, момент исповеди о напряженном Я-состоянии, адресованной Другому или другим, момент порождения замысла разрешения коллизии и возникновения интенции к совершению разрешающего поступка. Иногда интенсивно живущая личность может длительное время сознательно выдерживать свои жизненные конфликты в качестве «не до конца разрешенных», требующих все новых Я-усилий, укрепляя тем самым свойство рефлексивности.

В-пятых, рефлексия как самостоятельная форма познавательной деятельности может стать источником интеллектуального обновления для талантливого человека, испытывающего переизбыток внешне направленных умственных усилий. Реализуется возможность Я вернуться к себе, творчески постигая себя. Последующий возврат Я от самопознания к объективным задачам жизни создает возможность длительно удерживаться на сверхсложных, в том числе конфликтных, ситуациях деловой и социальной жизни.

Шестое, в жизни личности рефлексия является основой вспоминания себя, актуализации себя, проектирования себя и согласования Я-прошлого, Я-настоящего и Я-будущего в единой трансспективе своей жизни.

Седьмое, искушенность в рефлексии может быть движением субъекта к той границе, которая разделяет знания о собственном бытии и тайну этого бытия, известное Я и неизвестное Я. Здесь рефлексия направляет личность к бессознательному, которое требует высокого мастерства интуитивного толкования, приобретаемого в долгой сознательной работе с собой.

Восьмое, рефлексия является мощным смыслополагающим началом индивидуальной жизни, реализуя отношения личности к своим значимостям в плане приближения к пониманию их сущности и утверждения их побудительной и ценностной силы для себя.

Развивающий потенциал рефлексии не исчерпывает ее жизненных возможностей. Рефлексия может быть также действующим элементом психических аномалий и дефицитов. В частности, она провоцирует еще большую неискренность у лиц, подверженных истерии; она может нарушить сложившуюся упорядоченность поведения невротика, становясь фактором появления натянутости и искусственности в его поведении и действиях; она может становиться катализатором эмоциональных «застреваний», навязчивых идей, само-

обманов, иллюзорных представлений о себе, приобретая качества «дурной», «круговой», «отравляющей» личность (207).

Недостаточное развитие рефлексии является причиной затрудненного доступа личности к себе, невыраженности субъектного начала в жизни, отсутствия способности «относиться», слабости и неустойчивости Я, тенденции личности к внешним идентификациям в ущерб поиску самоидентичности.

4. Практический потенциал рефлексии. Большие возможности для персонологической разработки и использования рефлексивного метода заключены в опытах построения и применения техник самопознания личности. Данные техники можно найти в содержаниях рефлексивных текстов литературы и философии, в практиках психоаналитического, экзистенциального, гуманистического, транзактного, феноменологического направлений психологии личности, в текстах философских и психологических размышлений в качестве рефлексии «как Я мыслю?», в нарративах и практиках самопознания религиозного и эзотерического происхождения.

Техники, моделирующие самопознание, имеют сходную структуру, включающую компоненты рефлексии, которые формируют содержание и процесс ее реализации в разных сферах самополагания личности. Структура практической рефлексии включает:

— интенциональный план, состоящий в направленности рефлексии на различные Я-объекты, за которыми стоят реальности жизни и жизненного мира личности; к Я-объектам относятся ее собственные желания, ощущения, перцепция, представления, мысли, переживания, фантазии, сновидения, оценки, отношения, действия, поступки, качества, свойства, способности, Я-в-целом, предметные значимости и т. д.;

— сигнификативный план, связанный со знаковым (вербальным, образным и символическим) обозначением личностью своего Я, процессов, объектов и эффектов его активности, отношений Я — Другой, изменений Я под влиянием самопознания и самовыражения;

— операциональный план, определяющий строение рефлексивной деятельности в адрес Я-объектов: композиции актов самоощущений, самовосприятия, представлений о себе, вспоминаний себя, самопонимания, самопереживаний; операции различения и сравнения, анализа и синтеза, обобщения и выделения оппозиций Я-объектов;

— семантический план, указывающий на то, что именно Я узнает о себе как объекте и субъекте рефлексии, что принимает из этого знания, как его переживает и в каких интегральных

образованиях его обобщает: образе Я, концепции Я, символе Я, проекте Я и т. д.;

— ценностный план, конституируемый устремлениями Я к познанию себя в горизонте осуществления идеалов истины, веры, добра, красоты, свободы, высшего Я.

Практики рефлексии нацелены, как правило, на моделирование различных форм рефлексивной активности. К ним можно отнести самоисследование, самооценивание, самоосмысление, самовыражение, исповедь (149).

Самоисследование. Я в своем проблемном мышлении, через соотнесение представлений «другие в Я» — «Я в других» — «Я в себе» строит понятие «Я», стремящееся к объективности, истинному значению. Данное понятие оформляется в ценностных бинарных категориях человеческих качеств и способов жизни. В частности, мне как субъекту самоисследования открываются: добро во мне — зло во мне, благо во мне для других — вред во мне для других, моя правдивость — моя ложь, привлекательное во мне — отталкивающее во мне, активное во мне — пассивное во мне, творческое во мне — разрушительное во мне, моя ответственность перед другими — моя отстраненность от других. В самоисследовании интегрируется знание нескольких типов. Это знание того, что знают обо мне другие; знание о себе, добытое моими собственными усилиями; знание, что есть нечто неизвестное во мне, что может быть раскрыто другими; знание, что есть неизвестное во мне, что не может быть раскрыто другими; знание, что есть неизвестное во мне, чего я не смогу узнать; знание, что есть неизвестное Я, которое может быть доступно только мне. Здесь рефлексия находит и оперирует сложными, противоречивыми соотношениями «знания о знании себя» и «знания о незнании себя», стремится к созданию целостной мысленной картины «Я».

Самооценивание. При самоисследовании личность в мысли выходит за пределы себя, встает над собой, видит себя «срезом бытия других», абстрагируется от себя единичной, непосредственно включенной в текущую жизнь. Тем не менее исследование себя полно переживаний, которые чувственно обобщают интуитивно выявленные и беспокоящие личность связи совершенного — несовершенного ею, завершенного — незавершенного в ней, достигнутого — не достигнутого ею, позитивного — негативного в ней. Переживания затрагивают представления о данности Я в присутствующих или отсутствующих других, ожидания к себе в связи с отношениями других, данность других во внутреннем мире Я. Это придает самопознанию аффективность, страдательность, а в определенных об-

стоятельствах — мучительность и трагичность. В самопознании, отстраненном от «ставшего Я», личность неизбежно возвращается к себе: «я знаю это о себе — как с этим жить?». Такой возврат отмечен сложным чувством будущего, неизвестного, предчувствием изменений Я. В переживание «предстоящего Я» вплетается впечатление «состоявшегося Я», и самопознание окрашивается тонами сожаления, раскаяния, стыда, недовольства собой или, наоборот, чувствами удовлетворенности собой и внутренней гармонии. Самопереживание в контексте самоисследования переходит в тонкую самооценку, имеющую рациональный и в то же время глубоко интимный характер: «мне присуще то-то, и это хорошо (плохо) для меня».

Самоосмысление. Отмеченное переживанием и оценкой самопознание интуитивно ведет личность к глубинным уровням Я, где тайно формируются связи неизвестного Я — известного Я — возможного Я. Рефлексия может уловить эти связи, раскрыть в них неразрешенные противоречия, поставить проблемы Я и наметить их решение. Это происходит при полагании смысла «Я», означающем творческое обнаружение личностью «направляющей идеи» дальнейшего самоопределения и саморазвития. Смысловое движение личности к будущему Я может состоять в поддержании самоидентичности, принятой и оправданной значимыми другими, в разрушении определенных сторон Я, отвергнутых другими, в развитии аспектов Я, представляющих ценность для личности и других, в культивировании свойств Я, новых для личности и ее окружения. Логика перспективной рефлексии может быть гибко промоделирована следующим образом: мне свойственно то-то — это хорошо (плохо) для меня (для других) — я хочу, чтобы мне было свойственно то-то. Гибкость самоосмысления может выражаться и в многозначности рефлексивного выбора: я могу быть тем-то, тем-то и тем-то, но я выбираю то-то. Для зрелой личности естественно стремление выбрать путь не сплошь страдательный, а утверждающий высокие ценности и свой жизненный рост. Но для нее победный путь жизни всегда будет представлен в системе достижений значимых других.

Самовыражение. «Предстоящий смысл Я» — это своего рода идеал Я-для-себя или желаемое, возможное Я. Он не дается извне, от других, а порождается личностью в единении с другими людьми. Осуществление идеала Я в жизни возможно при овладении личностью еще одной формой рефлексивной активности — выражением себя. Его суть состоит в мысленном нахождении, приближении и построении тех жизненных ситуаций, в которых личность может воплотить смысл Я в значимом объекте, выступая в хорошо сочетающихся ипостасях и активных ролях, отвечая на вопрос «Кем для себя

и других мне быть?». Принятие органичных для себя ипостасей и ролей, соответствующих данной жизненной ситуации, является основным моментом самовыражения личности. Развертывается рефлексивный ряд: «я хочу быть тем-то — я стремлюсь развить это в себе — я сделаю для этого то-то».

Самоосуществление. В самовыражении Я-субъект сливается с Я-объектом, обновляя, расширяя и относительно завершая его содержание. Это завершение как осуществление себя в «ином» является кратковременным и служит тому, чтобы обобщенное «Я» трансформировалось в ситуативное «Я» и привело к новому самообобщению. При этом рефлексия попеременно смещается от свойств Я к жизни Я, как, например, в континууме: «Что выйдет для меня из того, что я делаю сегодня — что будет следствием для меня из того, что я буду делать завтра — что выйдет для меня из всей моей жизни — кем я стану, проживая жизнь?» Такая рефлексия приостанавливает, замедляет поток жизни, и в нем, по выражению М. М. Бахтина, появляется «область трезвения и тишины». Рефлексивные акты непосредственно встроены в жизненное движение, одушевляют его, являются познанием, прогнозом, предсказанием действий и поступков.

Исповедь. Осознавая жизнь, личность «дает себе отчет» о том, какой стремится быть, как и что представляет, мыслит и переживает, какие совершает действия и поступки, что состоялось и упущено в жизни, каким предстает для близких других, чьи влияния и внутреннее присутствие чувствует в себе, что достигнуто и к чему ведет течение жизни. Самосознание, вовлеченное в текущую жизнь и оформленное во внутренний и внешний текст, вскрывает жизненные оппозиции, находит противоречия между ними, бывает потрясено кризисными вспышками множества противоречий. Основой «самоотчета» являются результаты самообозначения, самопознания, самооценивания, самоосмысления, самовыражения и самоосуществления. Формой самоотчета может быть история собственного жизненного пути, поэтическое прояснение себя, искренний, исповедальный рассказ о своей жизни, прямо или косвенно адресованный другому человеку. Исповедь может иметь изысканную метафорическую и символическую форму, доступную для сопереживания и понимания Другого. Она превращает в чувствуемое и зримое то, что в самоисследовании выступало понятийным знанием. Ей не нужно быть полностью высказанной Другому, поскольку она всегда «мерцает» из будущего. Благодаря исповеди возможно глубокое взаимное признание, утверждение жизни Я и Другого.

С учетом культурного, психологического, экзистенциального и практического потенциалов рефлексии можно поставить вопрос

«В чем состоит процесс построения и применения метода рефлексии?» и предложить следующий порядок развития рефлексивного подхода.

— Разработка теоретических моделей рефлексии на основе философско-психологических теорий и концепций самопознания.

— Построение моделей «индивидуальных случаев рефлексии» или «эпизодов рефлексии» на основе персонологического аналитико-синтетического исследования текстов самопознания выдающихся личностей; теоретическая экспликация открытий «Я», сделанных авторами данных текстов.

— Герменевтическая реконструкция культурогенеза теорий и практик самопознания личности, обобщение историко-культурных идей и способов индивидуального самопознания в новых концептуальных моделях построения персонологических «техник рефлексии».

— Использование теоретических и имплицитных моделей рефлексии для создания новых рефлексивных практик, ориентированных на исследование личности, самоисследование персонологов, самопознание личности в контексте ее консультирования и психотерапии.

— Разработка и применение рефлексивных практик:

1) фокусировка самопознания личности на определенных, значимых Я-объектах (желаниях и чувствах, воспоминаниях и образах, мыслях и фантазиях, сновидениях и отношениях, действиях и поступках, вкладах в предметный мир и других людей), осознаваемых в модусах «мои» или «это Я сам»;

2) формирование установки личности на активное вчувствование, переживание, вспоминание, понимание, постижение себя; реализация феноменологической установки на воссоздание «впечатлений» личности, касающихся Я-объектов;

3) актуализация проблемного мышления личности, направленного на познание себя, посредством ответов на «вопросы к себе» и решений «загадок Я», поставленных и заданных персонологом; извлечение оппозиций Я, вскрытие противоречий Я, нахождение способов их разрешения;

4) реализация действий самообозначения, самовысказывания, речевых самоопределений, самоаттестации, самоотчета личности; поддержка личности в построении устных и письменных «текстов Я»;

5) освоение и осуществление личностью разнообразных рефлексивных действий, адресованных Я-объектам и определяющих операциональный стиль рефлексии: аналитический, синтетический, диалектический, символический, ассоциативный;

6) моделирование, развитие различных форм рефлексивной активности личности, акцентирующих познание Я, оценку Я, поиск смысла Я, репрезентацию Я в действиях, значимых объектах и других людях, способность обозначать себя, говорить от своего лица и рассказывать о себе;

7) прояснение ценностных содержаний и характеристик Я-объектов личности; обобщение этих содержаний и характеристик в «семантическое целое Я», являющееся как ментальной репрезентацией «Я» личности, так и основанием ценностной регуляции ее жизни;

8) организация движения личности от рефлексии на предельно доступном ей уровне к принятию от персонолога новых средств самопознания и к самостоятельному применению этих средств. Чтобы личность приняла предложенную ей «рефлексивную игру», последняя должна быть тем, что ранее искалось личностью, но еще не оформилось, что ранее желалось, но для чего не было отпущено времени, что предчувствовалось как личная необходимость, но не было раньше обретено.

В заключение раздела подчеркнем, что наши персонологические построения основаны на применении метода интерпретации множества разновременных текстов, посвященных раскрытию «личности», метода моделирования свойств и аспектов жизни личности, а также метода рефлексии, ориентированного на индивидуальную практику самопознания. Начнем изложение результатов применения данных методов с рассмотрения моделей «личности» в культурогенезе.

7. Модели «личности» в европейском культурогенезе

«Личность» как реальность и предмет познания обладает особой историей, значимостью и перспективой в разных обществах и культурах. Специфику социокультурных отношений к личности определяет развитие ее познания в философии, науке и искусстве, мера персональной автономии и свободы действий, допускаемая для человека в обществе, степень осуществления возможностей индивидуализации и межсубъектной персонализации, характерная для большинства индивидов в социуме, а также социально распространенный уровень рефлексии и самодетерминации, достигаемый индивидами. В ретроспективе длительного исторического времени к личностно ориентированным культурам относят, в первую очередь, **европейскую культуру**.

Европейский взгляд на «личное» акцентирует **авторскую активность** человека. В деяниях, мыслях, образах и символах она направлена к пониманию мира, овладению тайнами бытия, к обновлению общественных отношений, к самопознанию и созданию текстов, погружающих в глубину человеческой души и влияющих на множество людей. Авторство является одним из основных порождающих начал европейского **персонализма**.

С точки зрения Э. Гуссерля, М. Фуко, М. Шелера, Г. Шпета, К.Г. Юнга и многих других мыслителей (41; 175; 188; 190; 200; 202), суть европейской культуры составляет рациональный, идейный, идеальный, феноменологический и творческий опыт индивидов, открывших для себя ценность «личного».

— В Европе есть нечто влекущее и уникальное, что ощущается как некое начало, заставляющее людей разных групп человечества европеизироваться, при всем их устойчивом стремлении сохранить свою духовную автономию.

— Европейцам присуща определенная «энтелехия», которая пронизывает любые изменения духовного облика Европы, сообщая ему стремление к идеальному образу жизни индивида как вечному полюсу.

— Европейское развитие имеет смысл поступательного изменения всего человечества, начиная с появления и действия Идей в малых и даже мельчайших группах. Зарождаясь в отдельных личностях, они представляют собой смысловые структуры с удивитель-

тельной способностью «скрывать в себе интенциональные бесконечности».

– Научившись порождать идеи, человек становится новым человеком. Этот процесс с самого начала включает в себя самопознание и коммуникацию, вызывая к жизни новый стиль «личностного» существования внутри своего жизненного круга.

– Распространяется тип личности, живущей в изменчивом мире, но ориентированной на полюса бесконечности, объединение с другими в «идеальной духовности». Появляется новый тип общества, где духовная жизнь, сплоченная любовью индивидов к идеям, идеальному нормированию жизни и поиску себя, несет в себе горизонт бесконечной смены поколений.

– Значение личности в европейской культуре определяется ее отношением к идеям, теориям, учениям, их производству, трансляции и трансценденции.

– Европа — это умственное и творческое напряжение. Самым дорогим для нее является творчество мысли. Основное ее создание — рефлексия в форме строгого искусства, строгого чистого знания, индивидуального постижения своей мыслительной деятельности и отношения к познанию.

– Отличительной чертой этой культуры является непрерывное обращение творцов к проблемам духа, интеллекта, общества и индивидуальности человека, а также попытки связать их в целостные мировоззренческие системы. В поступательном движении к разрешению данных проблем культура порождает «бесконечные идеи», направляющие практическую жизнь и индивидуальную волю европейцев.

– В данной культуре родились мощные философские и психологические учения о личности, способствовавшие формированию «гуманитарного европеизма». Они длительно поддерживают общественный интерес к личности единичной и «соборной», ординарной и выдающейся, регрессирующей и развивающейся, к личности как объекту и субъекту научного познания, жизни и рефлексии. Благодаря этим учениям развернулись многочисленные исследования, посвященные изучению мотивации и отношений, поведения и творчества, сознания и бессознательного, черт и способностей, характерных для личности европейского типа. Утвердились европейские каноны объяснения и понимания телесной организации, пола, сексуальности, психического здоровья и болезни личности (151).

Перспективным конструктом в познании личности, включая культурно-персонологическое, является «европейская личность». Его смысл выходит далеко за пределы топологии и хронологии рож-

дения, жизни и воспитания индивида, а также за границы наук о культуре. В нем доминируют духовно-историческое наследие, ценности, типы интеллекта и жизнедеятельности, которые сформировались и интегрировались в культуре Европы и которые индивид, независимо от национальности и страны проживания, использует как гибкие матрицы собственного бытия. Содержание конструкта создавалось в европейском сознании творцами персонализма, исключительно тонко ощущавшими свою индивидуальность и субъектность в мире. В умелом познании себя и талантливом самовыражении в текстах и изображениях они находили и открывали людям их жизненные возможности, напряженные точки существования, жизненные коллизии и способность быть «Я». Благодаря сформированной ими «идее личности» были широко отрефлексированы приемы «заботы о себе», «отношения к себе» и «культы личного в себе». В европейских обществах среди индивидов распространилось персональное сознание собственной уникальности и самоценности. В архетипах и символах закрепились всеобщие стремления к самоуважению, самостоятельности и самореализации. Жизнь многих обогатилась интуицией временной и смысловой перспективы. Для большинства стало допустимым и даже необходимым влияние философов, писателей, психологов и психотерапевтов на внутренние и внешние аспекты частной жизни.

Понятие «европейская личность» вбирает все существенные моменты персонализации культуры и культурные потенциалы становления личности. В XXI веке, называемом «веком личности», оно может применяться в качестве абстрактного научного построения, общей характеристики реальных индивидов и обобщенного способа их жизни, глобального смысла индивидуальной рефлексии и психологической помощи человеку.

Культурная персонология видится подвижной системой исторически сложившихся и постоянно возобновляющихся «сквозных идей» о личности, согласованных с содержаниями и динамикой культуры европейского типа. Их эксплицитное и имплицитное целое интегрирует знание европейцев о себе, в том числе как о носителях и субъектах культуры. Каждая из сквозных идей обладает потенциалом развертки в масштабную концепцию личности.

Культурная персонология открыта для традиций и новаций, зародившихся в гуманитарном сознании Европы. В ее проблемном поле необходимо вести **культурогенетическое моделирование «личности»**, по-новому раскрывающее традиции персонализма. Оно может состоять в реконструкции текстов и систематизации представлений о личности, принадлежащих мыслителям, критиче-

ски полно выражающим дух определенных культурных эпох. Модели могут выстраиваться в континуум, репрезентирующий историческую динамику «личностного знания». Моделирование должно осуществляться на основе согласования конкретно-исторических взглядов на личность и современного знания о личности. Содержательные культурогенетические модели личности могут составить вклад в единое психологическое понимание и глобальный текст о личности, соответствующие современному европеизму.

Для сведения исторического и актуального подходов к моделированию необходимо наметить методологические позиции, реализуемые при разработке, сравнении различных моделей личности и восстановлении ее целостного трансперспективного «образа» в историко-культурном контексте. При этом следует обратиться к результатам философско-психологических и культурологических исследований (14; 41; 58; 85; 86; 94; 120; 151; 175; 177; 179; 202), отразивших итоговое понимание того, что значит для европейцев **«быть и сознавать себя индивидуальной личностью»**.

Это понимание обусловлено известной тенденцией социокультурной динамики, обозначенной терминами «индивидуализм», «индивидуализация», противоречиво соотносящейся с другими историческими тенденциями — «традиционализмом» и «коллективизмом».

Напомним, что существующие с древних времен традиционалистские цивилизации главными мерами человеческого существования определяют родовые, групповые, общественные установления, освященные религией. Общность обладает превосходством над своими членами, объединенными скорее бессознательно-чувственными, чем сознательными и рациональными связями. Каждый воспринимается не сам по себе, а в силу своей причастности к общему. Власть общности обеспечивается инициацией, общей легендарной историей, захватывающими сакральными обрядами и строгими социальными регламентами и санкциями поведения. Отдельный человек принимается и ценится всеми как проекция коллективного или «соборного». Он внутренне и внешне проникнут общим и не мыслит для себя иного, «необщественного», состояния. Телесные и душевные отличия индивидов друг от друга выглядят для общества и каждого его члена чем-то второстепенным. Коллективно воссоздается обобщенный образ человека, наиболее приемлемого для всех и присваиваемого индивидами в качестве «образца для подражания». Если индивид проявляет непохожесть и обособленность от других, это отбрасывает его на край общественной жизни. Самыми достойными и авторитетными членами социума выступают те, кто наиболее полно концентрирует в себе «образцового человека»,

общий интерес, коллективные представления, общественную волю или содержание группового бессознательного. Вожди, жрецы, монархи, философы, ученые, поэты выделяются и возвышаются не в силу личной исключительности, которой, безусловно, обладают, а в силу соответствия ожиданиям общности и выражения глубинного духа коллектива. Высшей общественной ценностью выступает «Традиция» как единое знание божественного происхождения, приобретшее эзотерические и конкретно-духовные формы (религия, философия, наука, искусство), которые поддерживают связь людей с Абсолютом. Традиция включает скрытую от человека тайну вхождения в «земной рай» и «золотой век».

Со временем на смену многим традиционалистским обществам пришли общества коллективистского типа, допускающие личный характер духа и веры, инициативу, активность, индивидуальные дарования и достижения рядовых членов. Однако значимость индивидов в этих обществах зависит от уровня реализации ими коллективных, групповых, клановых целей и ценностей. Индивиды, целиком предающие себя социуму, при полном «обобществлении» совершенного и созданного ими не переживают «драму самоотчуждения».

В Европе длительное преобладание традиционализма и коллективности к XVII веку приобрело оппозицию в «индивидуализации», направившей желания, чувства и мысль индивидов на себя, а общности — на «личное» ее конкретных членов. Она прошла сложное становление в качестве идеала, идейного настроения, способа поведения и рефлексивной установки личностей, являясь откликом на стремление множества людей к самоопределению и самоутверждению в мире. Личность постепенно приобретала способность к собственным, внутренне обоснованным отношениям к Богу, Абсолюту, обществу, к другим, к себе. «Чем дальше мы в истории оглядываемся назад, тем более мы видим, как личность мало-помалу исчезает под покровом коллективности... То, что мы разумеем под «индивидуальностью», является сравнительно недавним завоеванием истории духа и культуры» (202; с. 37).

Индивидуализация, во многих культурологических работах называемая «индивидуализмом», является объективным переходом конкретной личности с периферии общественной жизни в ее сердцевину, а также изменением субъективных жизненных позиций индивида в направлении осознанного повышения роли своего «Я» и значимости внутренней свободы. По заключениям М. Фуко, под европейским «индивидуализмом» в основном понимается три социокультурных феномена. Во-первых, это общественная позиция,

наделяющая индивида в его неповторимости высокой ценностью и приписывающая ему относительную независимость от группы. Во-вторых, повышенная оценка частной жизни. В-третьих, это интенсивные отношения индивида к себе, внутренние связи с собой и восприятие себя как объекта собственного познания, действия, развития (176). Там, где индивидуализация не сводилась только к поиску личной независимости и превосходства, к жесткой конкурентной борьбе и эгоизму, а основывалась на самосознании, самодеятельности, культурном творчестве личности, индивидуализм приобретал развивающий характер, становился «высоким индивидуализмом» (14).

На наш взгляд, европейскую индивидуализацию в ее позитивном «личностном» измерении определили следующие моменты.

1. Мысленное и действительное выделение человеком своего телесно-психического Я из универсального или трансцендентного «целого», общности, родственного круга.

2. Осознание человеком себя суверенной, неповторимой и незаменимой частью целого или «единственным» во множественном «тотальном».

3. Ментальное развитие человека, позволяющее ему индивидуально включиться в производство символов, идей, идеалов, текстов, приводя их в соответствие с собой.

4. Поиск индивидом состояния «быть наедине с собой», принятие своего одиночества, создание личного мира, осознание возможности собственного выбора и внутренняя ответственность за него и его последствия.

5. Личное самопознание и рефлексивное несовпадение человека с самим собой, понимание неуловимости жизненного самопредстояния, достижение самоотдельности и сохранение себя.

6. Способность человека встать в отношения к миру, к другим, предполагающая активность Я, появление пространства субъективных значимостей, воплощение себя в этом пространстве и преобразование значимого в себе.

7. Отношение индивида к себе как главному основанию своих поступков и действий, субъективная локализация деятельного начала в себе самом. Возрастание силы и целостности Я, интенция к самовыражению, овладение своей жизнью, жизненная продуктивность и расширяющееся в мире творчество.

8. Ментальное и действительное соотнесение себя с другими людьми, с конкретным Другим. Рефлексивная реализация и обобщение отношений (Я) — (Другой), (Я) — (Я-в-Другом), (Я) — (Другой-в-Я) и (Я) — (Мое другое Я).

9. Личное преодоление индивидом отчуждения результатов своей деятельности и творчества в коллективное производство и общественный продукт.

10. При недостатке субъектной реализации во внешней деятельности, общественного признания и удовлетворенности собой индивид поддерживает глубинная связь с надличным, открывающая новые источники самостояния в мире.

Л.М. Баткин (14), основываясь на авторских интерпретациях рефлексивных текстов мыслителей Средневековья и Ренессанса, определяет европейскую индивидуализацию, поместив в фокус рассмотрения генез «Я» в культуре. Существенными моментами этого генеза выступают:

- жизнь Я в горизонте идеи «индивидуальной личности»;
- суверенность и самоценность «Я»;
- нравственная ответственность перед самим собой за себя и других людей;
- создание собственного мировоззрения;
- несовпадение с собой, опережение и преодоление себя в процессах самоформирования;
- сознание своей уникальности, независимо от яркости собственной индивидуальности;
- утверждение своей оригинальности как вмещающей традиционное, образцовое, общепринятое в особой, самобытной форме;
- приведение обстоятельств, обычаев, вкусов, методов мышления людей в соответствие с собой;
- поиск внутренней свободы и сознание трагизма обладания этой свободой;
- стремление Я обладать единичностью, доведенной до единственности, и особостью, доведенной до общезначимой индивидуальности;
- установка на подлинность «Я» в самоописаниях;
- проживание жизни в осознании и разрешении своих противоречий;
- принятие собственного одиночества, необходимости одиноких выборов и риска самовыражения;
- активная диалогичность Я, его стремление обратиться ко всему и вопрошать всех.

Проводя линию рефлексивности личности до реалий современной жизни, Л. М. Баткин отмечает, что мы, как и люди Средних веков или Возрождения, стремимся сознавать и описывать себя в соответствии с нормативной моделью, которой дорожим. В качестве такой модели к концу XVIII века утвердилась и действует поныне

идея индивидуального «Я» как собственного основания, бесконечной причины и длящейся перспективы.

Приведенные моменты индивидуализации, являющиеся одновременно содержаниями категории «индивидуальная личность», возможными параметрами рефлексии и самооценки конкретных личностей, а также психологическими критериями достигнутого уровня личностного развития, конституировали долгую и далеко еще не завершенную **европейскую антропологическую эпоху**. «Если бы автономность индивида не была бы желанием многих людей, то она вряд ли смогла бы пережить... подавление коллективностью» (204; с. 82).

Обращаясь к моделированию культурогенеза «личности», мы наметили следующие **методологические позиции**.

Первое. Представление о том, что культурогенез познания личности осуществляется внутри общего европейского культурно-исторического процесса с присущей ему периодичностью, приобретает в каждом периоде определенные концептуальные акценты. Знание о личности прошло становление в контексте античной антропологии, ранних христианских учений о человеке, персонализма зрелого Средневековья и Возрождения, гуманитарного и естественнонаучного знания Нового времени, а также современной психологии, персонологии, философии и социальных наук. Основные источники европейского понимания «личности» заключены в учениях о творении и спасении, умственном прогрессе и нравственном развитии человека, в теориях сознания и бессознательного, в концепциях отношений индивида.

Второе. Построение моделей «личности» на основе вживания и герменевтики текстов, аутентичных разным эпохам с их характерной стилистикой, историческим и авторским духом, а также на основе актуального взгляда на тексты, нагруженного множеством разновременных интерпретаций с их взаимными наложениями и вложениями. Так, античные философские и литературные тексты являются, по словам М. Юрсенар, «подлинными камнями» современных научных и художественных реконструкций человеческих образов. «Что значит научиться читать текст II века? Воспринимать его той душой и теми чувствами, которые были присущи людям той эпохи; помещать его в контекст современных событий; убирать, если можно, наслоения всех идей и чувств, образовавшихся между теми людьми и нами. И все же использовать — но осторожно и только в качестве подготовительной процедуры — возможность сближений и сопоставлений, новые перспективы, мало-помалу созданные столькими веками и событиями, отделяющими нас от того текста,

факта, человека; использовать их как своего рода вехи на возвратном пути к определенной точке во времени» (206; с. 295).

Третье. Разработка и применение «кодов» интерпретации текстов, позволяющих двигаться вглубь времен по определенным персонологическим координатам. Мы предлагаем коды реконструкции, проступающие в рассмотренных положениях об индивидуализации европейского человека и являющиеся базовыми категориями современных теорий личности. Они позволяют эксплицировать, систематизировать, сравнивать, обобщать модели «личности», получившие развитие в разные культурные эпохи, и выявить их различия и преемственность в европейском культурогенезе.

1. Код **отношений** индивидуальной личности:

- к *надличному* (абсолютному, божественному трансцендентному, идеальному);
- к *внеличному* (коллективному, общественному, культурному);
- к *своему Я* (себе, мне, моему, своему другому Я);
- к *конкретному Другому* (тебе, твоему, другому Я);
- к *безличному* (стихийно-природному, массовому, бессознательному).

Эти отношения становятся критерием различия и сходства моделей «личности» как включающих определенные отношения-доминанты.

2. Код **всеобщих форм** «личного».

К ним относятся: *сущность — существование (жизнь) — структура — Я — бессознательное*.

Данные формы с различной отчетливостью, полнотой, в особых связях могут быть представлены в разновременных моделях «личности».

3. Код **социокультурных установок** индивида, к которым относятся:

- коллективизм* (тенденция индивида к принадлежности и взаимной зависимости в среде других);
- индивидуализм* (тенденция к максимальной личной независимости);
- персонализм* (тенденция к личной автономии, самоопределению и продуктивному взаимодействию в отношениях с другими);
- субъектность* (тенденция к высокой индивидуальной активности во взаимодействии с другими и в отношении к себе);
- межсубъектность* (ориентация на взаимную активность и диалог в отношениях с другими);
- универсализм* (поиск всеобщих идеальных оснований индивидуального существования).

Данные установки, в зависимости от их развития, соотношений, объединения в разные композиции, могут определять культурогенетические различия и сходство моделей «личности».

4. Код **свойств** личности. К ним относятся:

всеобщие свойства или «личностные универсалии» (сознание и бессознательное, общие телесные и психические функции, базовые действия, фундаментальные отношения, мотивационные константы и т.д.);

типологические свойства (основания телесных, психологических, социальных, культурных типов личности);

индивидуальные свойства (признаки телесно-психической, деятельно-практической, Я-обусловленной и глубинной уникальности личности).

Исторические акценты на те или иные свойства личности, уровень их развития, разнообразие и содержательное наполнение могут существенно определять преемственность и специфику моделей «личности» в культурогенезе.

5. Код **взаимодействия** различных аспектов личности:

гармония (взаимное дополнение, продолжение, согласованность, соответствие, сосуществование, равновесие оппозиций);

противоречие (разрыв оппозиций, рассогласование, борьба противоположностей, распад целого, контрастное отношение);

единство (объединение различного в «целом», образование новой целостности, соединение гармоний, эффект конструктивного разрешения противоречий, содействие и соопределение частей в составе «единого»).

Данные разновидности взаимодействий в личности и ее жизни, в зависимости от их выраженности и способов переходов друг в друга, могут выступать существенным критерием специфичности моделей «личности» в динамике культурных эпох.

6. Код **направлений становления** личности:

развитие (прогресс, улучшение, обновление, совершенствование, восхождение, движение к зрелости, оптимизм);

стагнация (остановка роста, застой, повторяемость, пассивность, неизменность);

регресс (инволюция, понижение уровня, ухудшение, опустошение, старение, деструкция, пессимизм).

Преобладание тех или иных направлений становления личности, их выраженность, качественная характеристика и смена друг друга могут выступать основанием дифференциации, сравнения, определения перспективы культурных моделей «личности».

Четвертое. Построение моделей в формах, которые делают их доступными для понимания, актуальными для исследования, ценными для рефлексии и консультирования современных личностей, открытых к осуществлению ценностей гуманизма и индивидуализации.

Изложенные методологические позиции являются определяющими для герменевтики и моделирования в контексте реконструкции культурогенеза «личности». Они направляют к экспликации и новому осмыслению «сквозных идей» о личности, содержащихся в классических произведениях. Интерпретация и новое осмысление будут иметь, в основном, теоретическую, феноменологическую и рефлексивную референции в области общей персонологии.

Перейдем к детальному рассмотрению моделей «личности» в европейском культурогенезе.

«Личное» в эпоху Античности

Существованию культурных категорий «личность» и «индивидуальность» насчитывают не более 300 лет. Однако тема «личного» живет в глубинах европейского сознания более двух тысяч лет.

Принято считать, что эксплицитное движение познания к «личному» в человеке началось в эпоху греко-римской античности, в обществах *традиционалистского* типа. Это движение имело несколько основных направлений, связанных с акцентированием *отношений* человека к *надличному* и к *себе*, *человеческих свойств*, *человеческих типов*, *индивидуальной неординарности*, авторских и биографических *жизнеописаний*. Кроме того, было подчеркнуто значение *гармонии* свойств и отношений человека и его становление в направлении *развития* и *самосовершенствования*. Поиск «личного» осуществлялся в текстах античных мифов, в поэзии и драматургии, в философии и литературной прозе, тяготеющих, в основном, к *универсализму*.

1. Свойство обладать «личным», как внутренним, индивидуальным, уникальным, античные мыслители находили у избранных людей: императоров и полководцев, философов и поэтов, ученых и героев. Личное начало других людей не становилось, как правило, предметом углубленного познания. При этом, в противовес безразличию элитарного мышления, процветал жизненный, поэтический, коллективный интерес к «личному» как свойству, естественно присущему любому человеку. Этот интерес творчески выразился в интуитивных **мифологических проекциях** человеческих сил, черт, состояний, талантов, жизненных историй. Воображение людей неустанно наполняло жизнью Фигуры мифа, воплощающие душевные потенциалы, в своеобразных сочетаниях заключенные в индивидах. Боги и герои олицетворяли конкретные **психологические структу-**

ры, которые ощущались античным человеком так же зримо, телесно, предметно, как любая реальность внешнего мира. «Миф не есть бытие идеальное, но — жизненно ощущаемая и творимая вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность» (76; с. 14). Каждая такая структура выступала «сущностью», имеющей множество проявлений, каждая могла быть «божественным следом» в человеке, каждая была «непосредственной видимостью» того, что она обозначала, каждая воплощала определенную сторону личности в аспекте ее абсолютной самоутвержденности (76). В частности, Афина была умом и мудростью. Аполлон — творчеством и вдохновением. Афродита — сексуальностью и обольщением. Дионис — изменчивостью и возбуждением. Артемида — целомудрием. Гера — супружеским долгом. Зевс — разумом, упорядочивающим космос. Психея — трепетной, восприимчивой душой и женственностью. Прометей — пытливой дерзостью ума и выдержкой при испытаниях. Нарцисс — самоубийственной влюбленностью в свое отражение. Амур — потаенностью любви. Персей — победителем своего страха, увиденного и показанного себе извне. Мифологические истории богов и героев, проявленные ими качества, чудо «синтеза личностей» в мифе (76) указывали на внутреннее разнообразие и определенность человека, на богатство, целостность, сплошную текучесть и напряженность его внешней жизни.

Представляя человека как целое, где все взаимосвязано, противоречиво и уравновешено, устойчиво и перетекает друг в друга, творцы греко-римской мифологии видели в нем живое единство женской и мужской форм «личного», олицетворенных Психеей и Прометеем. В невыразимой прелести мифологического повествования Психея приоткрывает нам тайны души или интуитивного и эмоционального начала личности. Прометей, задавая многовековую перспективу «прометеевской» формы европейской культуры, воплощает Дух или сознательную, разумную и созидательную сторону личности. Приведем реконструкцию их психологических черт, основанную на герменевтике фрагмента текста «Метаморфоз» Апулея, посвященных истории Психеи (9) и фрагментов «Психологических типов» К. Юнга, посвященных Прометею (202).

Психея:

- равная красотой Венере;
- принимающая поклонение людей;
- совершенная, как искусно изваянная статуя;
- не доступная ни для кого из людей;
- находящаяся в пустынном одиночестве;
- трепещущая, боящаяся, незащищенная, робкая;

- обретающая божественное покровительство;
- любимая богом любви;
- заточенная в темнице тайной любви;
- владеющая несметными внутренними богатствами;
- испытывающая блаженство, нежная, ласковая;
- наивная, простодушная, доверчивая;
- вызывающая ревность и зависть;
- встречающая обман, вероломство и злодейство;
- страдающая, скорбящая, покорная судьбе;
- любопытная, любознательная, жаждущая истины;
- готовая убить «чудовище», похитившее ее;
- восхищенная божественной красотой;
- пораженная и пылающая любовью;
- ненасытная, страдающая от безрассудной страсти;
- терпящая наказание, переживающая вину, готовая убить себя;
- гневная, мстительная, преследуемая Венерой, близкая к гибели;
- вызывающая сострадание к себе;
- получающая помощь от божественных и волшебных сил;
- проходящая тяжкие испытания при выполнении трудных заданий;
- достигающая высших свершений; поддерживаемая провидением;
- усвоившая уроки мудрецов;
- приобретающая зрелость и мудрость;
- любящая любовь;
- одаренная бессмертием;
- порождающая жизнь-наслаждение.

Прометей:

- хитроумный, изобретательный, ловкий;
- упрямый, настойчивый, добывающийся своего;
- любящий свою душу, полагающийся на себя;
- утверждающий свое подобие богам;
- владеющий мастерством;
- вдыхающий жизнь в свои творения;
- имеющий покровительство богини мудрости;
- гордящийся своим разумом;
- совершитель великих дел;
- погружающийся в себя, остающийся наедине с собой;
- не выходящий за свои внутренние пределы;
- истощающий себя в самопознании, ищущий сокровище души;
- обретающий дар творить для людей;
- населяющий мир своими творениями;

- служащий человеку, спасающий и просвещающий людей;
- почитающий красоту;
- похищающий достояние богов;
- мнящий себя Творцом;
- терпящий наказание богов, страдающий, принесенный в жертву;
- вознагражденный достоинствами Титана.

Полагаемый образ двуединого «личного» конституировал европейский Идеал человека, заключающий в себе целостность множества противоположностей. В культурной трансспективе он потенцировал личность как гармонию божественного и человеческого, женского и мужского, чувственного и разумного, мученичества и гордости, зависимости и свободы, пребывания в себе и в мире, смерти и бессмертия.

Одним из потенциалов мифологии в европейском культурогенезе «личности» стало заложенное в ней знание о душевных силах человека, выраженных у героев мифов в разнообразии форм, которое улавливается только в длинном континууме интерпретаций. К примеру, это «сила взгляда», имеющая далеко не оцененное значение для психологического понимания отношения к себе, общения, взаимных влияний и внутренних взаимных данностей людей. Это, например, смертельно опасный взгляд Нарцисса, прикованный к себе в зеркальном отражении. Это всевидящий взгляд Цербера, проникающий в глубины человека, таящие его смерть. Это ужасный взгляд Горгоны, вызывающий окаменение у человека, встретившего его, и несущий смерть ей самой. Это тайный взгляд Психеи, преодолевший запрет и открывший ей красоту Амура. Это обманы взгляда героев, вызываемые перевоплощением богов, и взгляды, обращающие героев во что-то иное. Это невидимость героев для других под воздействием волшебства при неудержимом желании «невидимки» вмешиваться и влиять на чужую жизнь. Для познания личности важно то, что «сильный взгляд» в мифе не является метафорой или аллегорией, а существует как возможная, сложнейшая реальность, развивающая или разрушающая личность во взаимодействии с другими.

2. Мифологическая традиция усмотрения божественных воплощений в человеке получила развитие при создании систем **герметичного знания**, хранителями которого были инициированные жрецы, объединенные в Мистерии. Эти священные институты, считавшиеся в традиционалистском обществе средоточиями универсальной мудрости, положили начало **античной философии** и творчеству ранних европейских философов и мыслителей, большинство из которых были Посвященными в секретные учения (182).

О **Сократе** известно, что главным предметом его философствования был человек, а намеченная им антропология основывалась на идее о **силе разумной души**, позволяющей человеку спрашивать и отвечать о мире и своем положении в нем. Он учил, что единичная душа предсуществует телу и перед погружением в него божественно наделяется всем Знанием. При вхождении в телесную форму способности души притупляются, но посредством ощущений и размышления о чувственных объектах, а затем обобщения их свойств она пробуждается и восстанавливает свое исходное знание «сути» объектов или истины. Например, к сути «справедливости» можно прийти через познание множества справедливых поступков. Процесс познания истины должен захватить всю жизнь мыслителя, вовлекая в диалог других людей, выливаясь в форму диалектики, сопровождаясь сомнениями, критикой и самокритикой мышления, опровержением добытого знания. Движение человека к истине особенно хорошо стимулируется вопросами, загадками, индуктивными рассуждениями, искусной аргументацией, разоблачением заблуждений, скепсисом и иронией. В понимании Сократа, индивидуальная душа, восходящая к истине, тождественна **«личному»**, составляя тайную, сокровенную сущность каждого человека. Открыть эту сущность можно в чувственном и логическом **самопознании**, испытывая и проверяя себя по критерию высоких поступков, совершаемых со знанием сути нравственности. Познавать себя важнее, чем другие «предметы» мира. Важнейшим в самопознании является знание Я о собственном незнании. Личное «Я», единство индивидуального ума и этики, жизнь в любви к мудрости, душевное погружение и самораскрытие являются для человека целью и счастьем.

Учение **Платона** также звучало мотивом человечности, ярко ощутимым в положениях об **архетипах**. Они понимались как предшествующие всему в мире, божественно созданные, универсальные и вечные Идеи, Идеалы или «Формы». В качестве архетипов рассматривались и Фигуры мифа, к которым постоянно обращался философ. Их имена символически вобрали великое множество сущностей, образующих и соединяющих разные порядки мироустройства. «Имена Зевса и Аполлона, Геры и Афродиты, в зависимости от контекста, могли обозначать сами божества, аллегории, психологические типы, способы познания, философские принципы, трансцендентные явления, источники вдохновения, объекты поклонения, высшие реальности, произведения Создателя, небесные тела, основы вселенского порядка, повелителей и наставников человечества» (155; с. 16). Согласно Платону, каждое человеческое существо, пере-

менчивое и смертное, припоминая, познавая и действуя, становится единичным выражением архетипов-абсолютов: Красоты и Ума, Жизни и Души, Добра и Справедливости и др. Если человек прекрасен или добр, значит, ему достались «части» абсолютных Красоты или Добра. Осуществляя архетипы, человек стремится к нравственной, умственной и эстетической жизни, совершает милосердные и мудрые поступки, достигает достойного положения в обществе, приобретает научные и философские знания, заботится о соразмерности частей тела и изяществе движений. **Индивидуальная мысль**, восходящая к архетипу Ума, открывает человеку единство всех Идей и априорных Форм, освещающих для восприятия и понимания все вещи мира. Индивид приближается к пониманию абсолютной Гармонии, великого Замысла мироздания, открывает тождество своего личного микрокосма всеобщему Макрокосму, приобретает и постигает гармонию и единство собственных воплощений архетипов. Познать себя — значит познать все. На основе познания и **самопознания** физическое существование воспринимается человеком как пронизанное божественным благом. Преодолевается конечность **личного бытия**, совершается шаг в бессмертие, доступный, прежде всего, философу как человеку «великому из великих».

Аристотель поставил в центр своей философской системы мира не абсолюты, идеалы, трансцендентность, а **реальность** как множество эмпирически постигаемых человеком конкретных предметов. Каждый предмет выступал автономной «субстанцией», обладающей индивидуальными качествами, а также качествами, указывающими на его реальное сходство с другими субстанциями. Все качества указывают на те или иные «способы существования» предмета. Сходные «способы» искусное философское мышление обобщает в «категории», в том числе относящиеся к человеку как **части реальности**. Для познания любого предмета, включая человека, можно применить категории сущности и отношения, количества и качества, места и времени, состояния и обладания, действия и страдания. Основными принципами и операциями обращения с категориями являются выявление различной причинности, индукция и дедукция, установление сходства, различение противоположностей: субъекта и предиката, существенного и случайного, материи и формы, потенциального и актуального, общего и индивидуального. «Человек» в процессе познания определяется двойственно. С одной стороны, как отдельная «вещь» в мире вещей или частный случай в совокупности людей. С другой стороны, как **субъект**, пребывающий в индивидуальном бытии и способный, упражняя интеллект и включаясь в действие, прийти к пониманию имманентной сущности и к пре-

образованию вещей. По словам И.В. Гете, «Аристотель приходит в мир как архитектор. Все его существо находится здесь, где он может действовать и творить. Он исследует землю, но исследует ее для того, чтобы заложить в ней фундамент... Он возводит здание огромных размеров, доставая строительные материалы отовсюду, подгоняет их, громоздит их друг на друга, сам взбираясь на вершину этого правильной пирамидальной формы строения» (цит. по: 62; с. 105). При этом то особое измерение, в котором человек, философ познает самого себя ему одному свойственным образом, т. е. состояние «наедине с собой», в учении Аристотеля не освещено, и поэтому остается нераскрытым и особое, личное место человека в мире (27).

3. Подчеркивая исключительность людей, одаренных способностью к философствованию, античные мыслители в отношении к рядовым членам общества придерживались иной установки. Согласно **Феофрасту**, в обычных домах, на площадях и рынках живут и действуют носители человеческих **«характеров»** или **«типов»**, возникающих как результат сходства в способах поведения людей. Типы не восходят к идеальным сущностям, не нуждаются в самопознании, зависят от положения человека в общности, являются относительно постоянными в своих выражениях. Они часто бывают забавными, странными, негативными. Особенно красноречиво они заявляют о себе, когда индивиды вступают в общение друг с другом. Вглядимся, к примеру, в человека, воплощающего характер, именуемый «тщеславием».

- В гостях за обедом он стремится занять место за столом рядом с самим хозяином.
- Сына своего отправляет остричь волосы в Дельфы.
- Возвращая взятую в долг мину серебра, он старается отдать целиком новой монетой.
- Для галки, которую держит в доме, он обязательно купит лесенку и сделает маленький медный щит, чтобы она прыгала с ним по этой лесенке.
- Когда приносит в жертву быка, то уж непременно приколотит у себя перед входной дверью бычий лоб с рогами, обвитый огромным венком, чтобы входящие видели, что он принес в жертву быка.
- После торжественного шествия с всадниками он велит рабу отнести домой все вещи и снаряжение, а сам, накинув гражданский плащ, но в шпорах, красуется, прогуливаясь по рынку.
- Если у него околеет редкая мелитская собачонка, он велит поставить надгробный памятник и сделать столбик с надписью «Чистый отпрыск мелитской породы».

— Посвятив в храм Асклепия медный палец, он принимается начищать его, украшает венками и ежедневно умащает благовониями.

— Когда ему случается объявить народу о сделанном жертвоприношении Матери богов, он возвращается домой и рассказывает жене о своем удивительном успехе (164).

Подобным образом Феофрастом описываются 30 характеров-типов. Можно предположить, что их обобщенные поведенческие проявления были индивидуальными поступками известных автору конкретных людей. Канонизируя тип, мыслитель шел от «индивидуальности».

4. Период античной эпохи, когда «индивидуальное» стало эмпирически выделяться в качестве имманентного свойства человека, был отмечен рождением литературного **жанра биографии**, который С. С. Аверинцев определил как ранний опыт «личностной литературы». Первыми героями биографического анализа оказались видные политики, риторы, музыканты, художники, актеры, бывшие в глазах биографов самыми заметными носителями **«личного»** в обществе. Содержание биографии, чрезмерно акцентируя непохожесть героя на других людей, было слишком откровенным, иногда шокирующим, обнажало постыдные события его жизни, странные, отталкивающие черты его поведения, дурные поступки, обычно скрываемые детали приватного образа жизни, различные чудачества, непристойности, преступления. Индивидуальное начало человека тенденциозно проступало в негативном образе одиозности, ненормативности, аномалии. Доминирующей жизненной атмосферой античной биографии — заметил Аверинцев — был дух неразборчивого любопытства или педантичного коллекционирования непроверенных сведений. В основном она исходила не из оценочной идеи «великого или выдающегося человека», а из идеи **«знаменитости»** (7).

Эволюционируя, индивидуальная биография постепенно перестает быть синонимом «курьезного». В «Жизнеописаниях» **Плутарха** (107) она приобретает серьезную, гибкую, объективную и диалектичную форму. Автором раскрывается **личное своеобразие** ряда крупных римских военачальников, эффективных в делах, управлении и общении. Применяется прием парного сравнения, когда у двух мужей, схожих во многих отношениях, отыскиваются характерные отличия, хорошо оттеняемые их сходством. К примеру, сравниваются Алкивиад и Марций, которые «одинаково дали многократные доказательства личного мужества и отваги, равно как мастерства и дальновидности полководца». Однако, как показывает реконструкция их черт, качественные способы достижения ими славы и авторитета оказываются принципиально различными.

Алкивиад:

бесстыдство,
грубость,
шутовство,
льстивость,
хитрость,
лживость,
честолюбие,
соперничество,
благожелательность,
обаяние,
любезность,
обходительность,
страсть к роскоши,
разнузданность,
взяточничество,
незлопамятность,
любовь к почестям,
неразборчивость в поступках.

Марций:

высокомерие,
суровость,
откровенность,
прямодушие,
жестокость,
непреклонность,
гордость,
самомнение,
враждебность,
гневливость,
вероломство,
необщительность,
воздержанность,
неукротимость,
бескорыстие,
мстительность,
равнодушие к почестям,
несправедливость.

Сомнительные черты, проявляемые доблестными мужами, не могут, по Плутарху, снизить их персональное поучительное значение и влияние на историю и на жизнь конкретных людей. «Глядя в историю, словно в зеркало, я стараюсь изменить к лучшему собственную жизнь и устроить ее по примеру тех, о чьих доблестях рассказываю. Всего более это напоминает постоянное и близкое общение: мы точно принимаем каждого из великих людей в своем доме, как дорогого гостя, узнаем и выбираем из его подвигов самые значительные и прекрасные..., спокойно и радостно устремляя свои мысли к достойнейшим из образцов» (107; с. 305).

5. Античная литература и драматургия представила множество «образов идентификаций» (персонажей мифа, императоров, воинов, философов, учителей, наставников, поэтов), показывающих человеку возможности становления героем и возможные варианты героической жизни. Соотнесение этих образов с собой, принятие соответствующих способов мышления, поведения и самовыражения значило, по аналогии с актерским искусством, «надеть **маску**», «играть **роль**». Личное начало стало проявлять себя как «персона», обеспечивающая разнообразные (как позитивные, так и негативные) формы внешнего приспособления к требованиям общества в соотношении с собственными желаниями и устремлениями человека. Тема маски указывала путь познания, связанный

с допущением множественности «внешнего человека», обусловленной способностью подражать, отождествляться, становиться «двойником», жить «как Другой». Маска, скрывающая «истинное лицо», приросшая к «собственному телу», не отторжимая от внешности, на многие столетия стала объяснительным и формирующим принципом социальной успешности, конструктивности и деструктивности власти, нормы и отклонений в поступках, принятия и отвержения индивида в мире других.

6. Позднеантичная римская культура, основываясь на греческой философской традиции и идеях стоицизма, утвердила ценность бытия индивида, самостоятельно выбирающего для себя меры существования и формирующего образцы «личного» в обществе, а также обосновала возможность «самопроверки» по этим образцам всех свободных граждан социума. Опыт «Размышлений» **Марка Аврелия** (императора, философа, писателя) стал знаком грандиозного культурного сдвига в сторону формирования личностного идеала и литературного самораскрытия «Я» в его отношении с богами, другими людьми, миром, собой. Состоявшись 2000 лет назад, рефлексия Аврелия приобрела различные имена, каждое из которых указывало на то или иное измерение его личности: «Житие и дела Марка Аврелия», «Записки Марка Аврелия», «Жизнь Марка Аврелия», «К самому себе», «Для самого себя», «Наедине с собой». Несмотря на то, что текст выдержан в режиме рефлексивного диалога, самообращения автора выглядят откликом на внутреннее чувство благоговения перед богами, давшими человеку благо жизни, способность быть «разумным существом в обществе», усовершенствовать свои общественно ценные качества и обратиться к другим людям с призывом следовать тем же путем. Общий стиль «Размышлений» характеризуется традиционностью, императивностью, поучительностью и вместе с тем теплой человечностью.

Марк Аврелий видит себя обладателем и выразителем «**человеческой сущности**», которой обладают все люди. Его размышления адресуются скорее не «моему и только моему я», а «тебе» и «нам», как будто в «Я» живет множественный другой. Говоря с собой, он говорит с Другим, со всеми. При этом он ставит перед собой труднейшую задачу самоформирования по канону достойного и целостного человека вопреки влияниям жизни, разрушающим и разделяющим внутреннее «целое». Исключительная сложность поставленной цели выделяет его **индивидуальность** из общности.

Философско-антропологические размышления, а также установки и результаты самопознания Марка Аврелия (88) можно проинтерпретировать и систематизировать следующим образом.

— **Боги** устроили все разумно, прекрасно, человеколюбиво. Силой Божественного Разума творится **Природа** — первооснова всего сущего и существующего, истина и причина всего, что истинно. Природа является совершенным целым, все воссоединяет в целое, все дает и все отбирает у сущего. В ней сосредоточено единство таинственных сил, составляющих «природу» вещей. Это тайны возникновения вещей, их строения из отдельных частей, их становления и превращений, преодоления ими зла, т. е. распада и отпадения от целого. Будучи сотворенной, Природа сама выступает творцом. Одним из ее творений является **человек** и его **жизнь** в мире. Тайна человека — соединение в нем тела, души и ума, посредством которых он погружается в мир. Этому погружению способствует его разумное **отношение** к божественной причине всего, к телу, к другим людям, к миру. Кто не знает, что такое мир, не знает, где он сам. Кто не знает, для чего он рожден, не знает, ни кто он, ни что такое мир

— **Разум** дан человеку от божественной Природы. Это «главствующее внутри человека»; пронизывающее все сущее; не создающее зла; уловитель связи всего и всех отношений одного к другому; управитель человеческой жизни; придающее человеку цель и назначение; созерцающее бытие и время как целое; познающее порядок; складывающееся из противоположностей; общее с другими людьми. Разум является гением человека, направляющим его к **умной жизни** в мире и к добродетельной жизни души. Задачей разума-ума является достижение свободы представлений или свободы «мнить то, что мы мним». Это формирование правильных знаний о предметах, а именно, нахождение пределов и очертаний предметов, рассмотрение и описание каждого предмета в его «естественной наготе», познание его в полноте и раздельности, называние его собственным именем, знание всех его элементов и всех частей, на которые он распадается, определение предмета и его ценности для целого. В единении с душой разум превращает ее в «**разумную душу**», которая способна следить за своими представлениями, видеть себя и делать себя такой, какой хочет. Она способна пожинать свой плод, приходиться к своему назначению, все в себе делать полным и достаточным, обводить взглядом весь мир, распространяться на бесконечность времен, любить ближнего, встретиться со своим гением. Разумная душа — «сфера, светящаяся светом». Разум — в целостной, не рассеянной, собранной жизни.

— **Гения** в человеке открывает и сберегает философия, которая придает жизни благой, разумный характер, отличающий ее от обычной человеческой жизни. В обыкновенной жизни мы живем в мимолетном настоящем, наша душа пребывает во сне и слепоте, жизнь

состоит только из первостихий, существование кажется войной и чужбиной, воспоминание не отличается от забвения, смерть наступает любого, даже тех, кто чрезмерно заботится о жизни. В разумной жизни, осененной гением, мы живем в созерцательном и деятельном настоящем, видим его «точкой вечности», помним не только о жизни, но и о смерти, прилаживаемся к судьбе. Мы преодолеваем стихийность бытия, действуем с рвением, силой и благожелательностью, ничего не ожидаем и не избегаем, храним покой, не доверяя какой-то одной из противоположностей, действуем по наилучшей традиции, делаем свою жизнь завершённой, так, чтобы нас нельзя было сравнить с «лицедеем, который ушел со сцены, не доиграв».

— **Жизнь** человека — река, непрерывные превращения; мгновение вмещает в себя огромное число телесных и душевных движений; превращение каждого человека необходимо для совершенной природы целого: «Сколько Сократов поглотила вечность!» Единственная реальность человеческой жизни — это реальность бесконечно малого мига, составляющего настоящее. Жизнь является совокупностью наших реальных деяний, и вкусить жизнь, значит, связать деяния одно с другим, чтобы и зазора между ними не осталось. Но не в нас причина соединения и распада жизни.

— Разумные существа рождены один для другого. Человек по природе **общественное существо**, действует общественно. Радость в том, чтобы от одного общественного деяния переходить к другому. «Что улью не полезно, то и пчеле не на пользу». Все разумные существа устроены для единого сотрудничества. Человек, отщепленный от одного хотя бы существа, отпал от всей общности: «Не одинаковы ветка единорастущая и ветка, заново принятая, как была отрублена». Мы рождены для общества: «Много комочков ладана на одном алтаре. Один раньше упал, другой позже». Нужно помышлять о самых разных людях самых разных занятий и разных народов, желать другим только добра; не порицать других, т. к. каждый может совершить погрешность.

— Как и все мы, я должен размышлять о себе, об истоках того, что свойственно мне как человеку. Присущие мне качества и образцы человеческих свойств достались мне **от других людей**: прадеда, деда, отца, матери, воспитателя, учителя, философов, поэтов. Это изящество нрава, негневливость, благочестие, щедрость, воздержание от плохого, неприхотливость, выносливость, несуетность, благожелательность, бесстрастность и неосуждение. Это пристрастие к философии, ловкость умозрительных заключений, обучение у друзей, восхваление учителей, приверженность старому, долг перед ближними, трудолюбие, зрелость, поддержка богов, божественные

подсказки и знамения. Это владение собой и бодрость духа, скромность и мужество, надежность и спокойствие, справедливость и самодостаточность, независтливость и невозмутимость, хорошее здоровье и выносливость.

— **Я узнаю о себе**, оставаясь наедине с собой, обращаясь к себе, спрашивая себя, что есть для меня благо, испытывая себя, ставя перед собой задачи, устанавливая себе правила, примеряясь к образцам. То же можешь сделать и **ты**.

Когда тебя спросят, о чем помышляешь, отвечай быстро, откровенно, просто, доброжелательно.

Принимай как благо то, что с тобой сейчас происходит, тех, кто сейчас с тобой, свои представления о происходящем и то, что не вкрадывается в настоящее неизвестное.

Спрашивай себя о себе, сразу по пробуждении ото сна той своей драгоценной частью, где живут правда, верность, стыд, закон, добрый гений.

Соблюдай себя при именах: добротный, достойный, доподлинный, осмысленный, единомысленный, свободомысленный.

Смотри внутрь себя — там источник блага.

Делай то, что от тебя сейчас требует природа.

Помни, что само себя лишает сияния то, что не желает пересылать его.

Думай, что для тебя является благом: общественное, первенство духовных движений, пронизательность, сдержанность в чувствах.

Шестуй прямо, следуя собственной и общей природе.

Из людей никого не ставь ни господином себе, ни рабом.

Говори себе: это идет от бога, это по жребию и вплетено в общую ткань, это — от случая, это — от других, это — от меня самого.

Не дергайся, оттащи себя от чувственных переживаний, не напрягайся, не сжимайся в себе, из себя не выскакивай, не мотайся, не марайся.

Поспешай к своему назначению, помогай себе, давай себе уединение, обновляй себя.

Спрашивай себя о каждом отдельном случае жизни.

Выполняй каждое дело, как последнее.

Проводи каждый день, как последний в своей жизни.

— **Я служу своему гению**, нахожусь в поиске своего блага, рассматриваю себя, как все в мире, говорю с собой, спрашиваю себя.

Нужно быть достойным, как если бы я был изумруд, сохраняющий свой собственный свет.

Ничего не случится со мной иначе, чем в согласии с природой целого.

Дано мне не делать ничего против бога и моего гения.

На что я сейчас употребляю свою душу и чья душа у меня сейчас: ребенка, подростка, женщины, тирана?

Какая часть целого уделена мне, где в мире я нахожусь?

На каком клочке целой земли я брожу?

Какая доля зияющей вечности уделена мне?

Какая часть моей души — в целом?

Не во мне причина соединения и распада моей жизни.

Я буду кратким, как краток тот, кто меня отзывает.

По прекращении помещена будет всякая часть меня в некую часть мира, а та превратится еще в другую часть мира и так без предела...

Своим текстом М. Аврелий, говоря о себе, призывает других «обратиться на себя и произвести смотр «сокровищ», которыми обладаешь, относиться к самому себе, как к книге, которую время от времени перечитываешь» (175; с. 544).

7. Метод исследования культуры, предполагающий соединение времен на основе творческой интуиции отдаленного прошлого, глубокого понимания современности и видения культурных перспектив, можно обозначить как «трансвременной подход». Искусное применение этого подхода при интерпретации текстов Сократа, Платона, Апулея, Плутарха, Зенона, Эпиктета, Сенеки, М. Аврелия позволило **Мишелю Фуко** осуществить обобщающую реконструкцию реалий, названных им «вспышкой римско-эллинистического индивидуализма». В центре внимания исследователя оказывается обращение людей античности к философии и другим знаниям о человеке и создание на этой основе практики, известной под именем «**культура себя**» или «**забота о себе**» (175; 176). В ее истоках лежал кардинальный сдвиг познавательных интересов человека в область поиска **духовного знания**. «Для духовности истина — это не просто то, что дано субъекту как некая компенсация познавательных усилий и как их результат. Истина — это то, что озаряет субъекта. Истина — это то, что дает ему блаженство. Истина — это то, что приносит покой его душе. Короче, есть в истине что-то такое, что придает завершенность самому субъекту, что позволяет ему сбыться или преображает его» (175; с. 29).

В контексте традиционной общности, коллективного сознания, публичной жизни, системы семейных, экономических и дружеских зависимостей «культура себя» состояла в выработке личностно-ориентированных правил познания и поведения, усилении внутренней связи человека с самим собой, повышении значимости личной рефлексии и представления о себе как иницирующем начале или «субъекте» своих действий. Освоенная «культура себя» означала

появление искусства **индивидуального существования**, внутреннего действенного императива человека, бытийного акцента на отношение к «Я».

Выделим моменты жизни, протекающей, согласно М. Фуко, под знаком «заботы о себе» (176).

— Непрерывно действующая **установка на работу с собой**: внимание к своей душе, способностям своего тела, своему разуму, своему познанию, способам усовершенствования себя, достижения свободы и мудрости. Стремление видеть и оценивать себя в своей реальности. Готовность учиться жить всю жизнь, видеть в себе главный предмет всей своей деятельности, размышлять о добродетелях и пороках, о счастье и жизненных невзгодах, принимать наставления о достойных поступках, не чуждаться «взрослого воспитания». Представление о «самопознании» как форме существования, приносящей счастье.

— Реальный **труд над собой**: вечерние и утренние погружения в себя, самоотчеты, обдумывание будущих дел, воспоминания о прошедшем дне, восстановление картин прошлой жизни, подведение итогов пройденного жизненного пути, выбор или общественной карьеры, или философствования и покоя самозерцания. Практика «уединения в себе», философское руководство сознанием, кропотливая работа по выработке своих отношений к людям, миру, жизни. Беседы с учителем, другом, конфидентом о состояниях своей души и о состояниях его души — душевный обмен. Участие в деятельности общин, практикующих заботу личности о себе с помощью других людей. Деятельность в качестве учителя, наставника, проникшегося трудностями «работы над собой» другого человека. Приглашение философов-консультантов в качестве советников по делам экономическим, политическим и житейским, по вопросам преодоления страстей, исправления недостатков, исполнения долга. Создание жизни как «добротного произведения».

— **Культ телесного и душевного здоровья**: медицинские познания; представления о душевном здоровье как следствии хорошего образования, удачной карьеры и удовлетворения жизнью; вера в исцеление недугов путем «приведения в покой мыслей». Использование философских и медицинских практик при излечении прорывов необузданной энергии, умственных заблуждений, страхов и чрезмерных волнений. Исцеление в «школе философа» душевных недугов через интенсивное, болезненное осознание своих отклонений. Сочетание гимнастики, воинских упражнений с «уходом за душой». Знание, что тело и душа могут обмениваться недугами: дурные качества души влекут за собой телесную немочь, а эксцессы плоти питают душевные изъяны. Особое внимание к телу взрослого, которое

является непрочным, бранным, подточенным множеством невзгод и потому нуждающимся в пристальном наблюдении за расстройствами, защите от излишеств и режиме. Рассмотрение нарушений морали как «болезней души», тем более тяжелых, чем менее они осознаются человеком.

— **Познание себя:** процедуры самонаблюдения и самоиспытания, выражающегося в воздержании от тех благ, которые ценятся выше всего, в умеренности при получении удовольствий, в подготовке к жизненным невзгодам, в приобретении опыта самоограничений, в лишении себя самого необходимого, в уходе от соблазнов, в скромности, позволяющей не выделяться среди других. Практика самоанализа: рассуждение о делах прошедшего дня и составление планов на следующий день; оценка своих поступков, совершенных за день; разборка происшедших событий; припоминание сказанного; постановка цели впредь избегать допущенных ошибок в поведении и действии; трезвое изучение себя не ради установления собственной вины и испытания стыда, а ради самосовершенствования. Работа мысли над собой: непрерывное самоисследование, ведущееся с целью проверить правильность своих представлений, выявить их источник и скрытый смысл, собрать все их содержания, выбрать в них главное для себя.

— **Поиск себя:** без пренебрежения общественными делами и обязанностями — сдвиг внимания на отношение к себе; исследование тайны своей души с помощью философского уловления «знаков» этой тайны. Путь к овладению собой, к единоличной власти над собой; практика уединения в самом себе; обращение к прошлому как единственной части жизни, неподвластной ничему, кроме памяти самого человека; приобретение опыта «наслаждения собой», радость от открытия себя-внутреннего, переживание того, что «ты сам — твоя лучшая часть».

По заключениям М. Фуко, европейская культура первых веков нашей эры подчинила желания, воображение и мифотворчество индивида рациональности особого рода. Искусство жить, исповедуемое ранней античностью, теперь все более заключалось в установлении единства познавательных, этических и эстетических принципов существования, которые превращались субъектом в критерии самопознания, задачи сознательного самоиспытания и меры удовлетворенности собой.

«Личное» в культуре Средневековья

Наметившиеся у античных мыслителей линии раскрытия «личного» нашли продолжение и дополнение в средневековых культурных источниках: философии, литературе, текстах исповедей и жиз-

неописаний. Данные источники, в условиях *традиционализма* и *универсализма*, акцентировали темы *отношений* человека к *наг-личному*, *Другому* и к *себе*, а также темы *человеческой жизни*, *человеческих типов* и авторской *индивидуальности*. Были подчеркнуты *противоречия* индивидуальной жизни и *развитие* человека в направлении достижения *единства* с надличным и с собой. Проследим, какие моменты становления *персонализма* появились в культурной динамике средних веков.

1. В первые века Средневековья получила развитие философско-религиозная **аскетика**, утверждающая не столько ценность познания и рационального поиска человеком истины в себе, как это было в античности, а ценность самопознания, устремленного к интуитивному раскрытию «присутствия Бога в душе» и предполагавшего сосредоточение человека на себе с целью подготовки к внутренней встрече с Богом. Культивировались техники аскезы, состоящие в том, чтобы, взглядевшись в себя, разглядеть свои слабости, промахи, движения мысли и чувства, «отмеченные печатью зла», свои падения и неразрешенные противоречия жизни, а также состоящие в воздержании, проживании вины и стыда, в самоосуждении, в отрешении от житейских благ. Практиковалось воспоминание о своих ошибках в прошлых жизненных ситуациях и исправление ошибок в текущем моменте жизни, проговаривание своих размышлений о прошедшей жизни и своих желаний, связанных с изменениями в себе, на осуществление которых надеешься в будущем, рассуждение о своем отношении к конечности жизни, позволяющее «свыкнуться со смертью». Складывалась раннехристианская **культура исповеди**, нашедшая выражение в литературных текстах, где освещалось движение личных состояний автора от самососредоточения к наполнению образа «Я» уникальным биографическим и психологическим материалом, затем к сознательному отказу от личного, к самоосуждению, растворению себя в Вере, к аскезе и служению.

2. Лучшим текстом такого рода стала созданная в V веке «Исповедь» **Аврелия Августина** (6), и сейчас поражающая масштабом заключенной в ней **духовной коллизии**. С одной стороны, автором найдена непревзойденная «техника» работы с собственным «Я», направляющая к изложению того, что познано им в мире, обнаружилось им в самом себе и затем было подвергнуто собственному сомнению. Показан процесс погружения в глубину индивидуальной души, динамика откровенного самораскрытия и самоизменения. «Я — есть» кажется исходной точкой размышлений Августина о человеке и мире. С другой стороны, развивается универсальный канон исповедального текста, повествующего о человеческой жизни, отданной

Богу. Отдельное «Я» предстает в качестве «малой искры» всеобъемлющего света божества. Достигается трансперсональная цель, состоящая в самоочищении от личного, отказ от самопознания ради того, чтобы, «стать домом Бытия» в соединении с «общим телом» братьев и сестер по вере.

Разрешая коллизию, автор творит гибкую диалектику надличного, личного и коллективного, следуя которой человек в составе общества верующих может «укрупнить себя» в восхождении к Абсолюту. Особая культурно-психологическая ценность исповеди Августина состоит в том, что его обращение к Богу и восхождение к просветлению имеет форму доступного другим авторского текста, который отныне может быть «местом» и средством **самопреобразования** для многих людей.

Среди множества выявленных исследователями и интерпретаторами философских, научных, религиозных и литературных достоинств «Исповеди» довольно редко отмечается насыщенность текста личными **противоречиями жизни**, придающими ему неповторимый динамизм и страстность звучания. Возможно, это самый психологичный момент самопознания Августина, максимально приближающий к тайне его личности и, соответственно, нуждающийся в корректной реконструкции.

Поставив эту задачу, мы разработали и использовали герменевтический прием сгущения жизненных противоречий личности в рефлексивные **«паттерны оппозиций»**, представленные здесь языком оригинального текста Августина. В результате реконструкции проступила картина становящегося «Я», устремленного к событию преодоления личностного кризиса, собравшего к определенному моменту жизни множество индивидуальных конфликтов, проживаемых в стыде, покаянии, трудно дающемся смирении и в воле к спасению.

Развертка паттернов оппозиций, содержащихся в «Исповеди», выглядит следующим образом.

Я предпочитал игры и зрелища, которые взрослые устраивают, соблазняя детей. $\Leftarrow \Rightarrow$ Взрослые наказывали меня за это. $\Leftarrow \Rightarrow$ Мне мучительны и непонятны были эти наказания.

Я был ленив в учении. $\Leftarrow \Rightarrow$ Меня били учителя в школе. $\Leftarrow \Rightarrow$ Родители одобряли этот обычай. $\Leftarrow \Rightarrow$ А я, фактически, занимался тем же, чем наставник, бивший меня. $\Leftarrow \Rightarrow$ Меня мучили и наказания и несправедливость.

Я обманывал в игре и обманом добивался превосходства над другими детьми. $\Leftarrow \Rightarrow$ Меня уличали и наказывали. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я свирепел и не уступал. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я стыдился, что делал то, за что часто бранил других.

Я совершил поступок, который был мне приятен своей запретностью. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я хотел быть свободным, занимаясь тем, что запрещено. $\Leftarrow \Rightarrow$ Меня смущали «запутанные» извивы души, эта тяга к проступку.

Я любил и был любимым. $\Leftarrow \Rightarrow$ Страсти увлекали меня. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я падал, и был горд этим. $\Leftarrow \Rightarrow$ Родители не удерживали меня. $\Leftarrow \Rightarrow$ Туман желаний помрачал мое сердце.

Я хотел стать выдающимся оратором и мечтал о форуме. $\Leftarrow \Rightarrow$ Мое тщеславие тешилось тем, что я был лучшим в риторической школе. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я начинал понимать, что ораторский блеск — искусство лжи.

Я решил заняться Священным Писанием. $\Leftarrow \Rightarrow$ Но я не мог мириться с его простотой. $\Leftarrow \Rightarrow$ Мое остроумие не проникало в его сердцевину. $\Leftarrow \Rightarrow$ Но я и тогда искал Тебя, Боже мой, не зная, где Ты.

Я продавал победоносную болтливость, преподавая риторику. $\Leftarrow \Rightarrow$ Хотел иметь хороших учеников. $\Leftarrow \Rightarrow$ Они обманывали мои ожидания.

Умер мой друг. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я был в отчаянии, всюду была смерть. $\Leftarrow \Rightarrow$ У меня родилось жестокое отвращение к жизни. $\Leftarrow \Rightarrow$ Одновременно возник страх перед смертью. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я начал понимать, что нельзя никого любить так, словно он не может умереть. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я страдал еще больше.

Я узнал без больших затруднений науку красноречия, диалектику, геометрию, музыку, арифметику. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я пытался их разъяснить своим ученикам. $\Leftarrow \Rightarrow$ Самого прилежного из моих учеников хватало лишь на то, чтобы не слишком медленно усваивать мои объяснения. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я начал сомневаться в пользе моего ума.

Я всегда знал, когда совершаю худое. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я часто считал, что грешу не я, а что-то другое, что мною не было. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я не считал себя виновным.

Я во всем сомневался и ни к чему не мог пристать. $\Leftarrow \Rightarrow$ И все же я ждал, когда засветится передо мною что-то определенное, к чему направлю я свой путь. $\Leftarrow \Rightarrow$ Ожидая, я стал катехуменом в Православной церкви.

Я искал известности, слава императора. $\Leftarrow \Rightarrow$ Изнуряющие размышления о моей лжи дожимали меня.

Мне улыбалось счастье. $\Leftarrow \Rightarrow$ Мне было скучно ловить его. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я знал, что оно угаснет прежде, чем удастся схватить его.

Я искал мудрости и истины. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я хотел оставить пустые, тщетные желания, лживые увлечения. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я наслаждался ими, наслаждался настоящим, которое рассеивало меня.

Я хотел использовать влиятельных друзей, хотел получить хорошее место правителя провинции. $\Leftarrow \Rightarrow$ Хотел жениться и вместе

с женой, как многие достойные мужи, предаться мудрости. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я понимал, что тем самым лукаво предпочитаю женские объятия и известность истине.

Я искал, откуда мое зло. $\Leftarrow \Rightarrow$ Меня тяготил и грыз страх смерти. $\Leftarrow \Rightarrow$ Истина не давалась мне. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я начинал понимать, что сам Страх есть Зло.

Я искал истину, спрашивал себя, откуда зло. $\Leftarrow \Rightarrow$ Искал я в молчании, обращаясь к Тебе, Милосердному. $\Leftarrow \Rightarrow$ Люди не знали о тревоге моей. $\Leftarrow \Rightarrow$ Благодаря Тебе, я вошел в свое сердце и увидел, что Ты сотворил все добрым, что зло — ухудшающееся добро. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я не мог найти пути, на котором можно насладиться Тобой, я не находил Пути Христа.

Одна моя воля была плотская — привязанность к женщине. $\Leftarrow \Rightarrow$ Другая моя воля стремилась освободиться от всего для Тебя.

Закон в теле моем делал меня своим пленником. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я не спешил освободиться, лишь вяло говорил себе: «сейчас», «вот сейчас», «подожди немного». $\Leftarrow \Rightarrow$ Так я, знающий Истину, уходил от закона Твоего. $\Leftarrow \Rightarrow$ Тревога моя росла.

Ты, Господи, повернул меня лицом ко мне самому. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я увидел неправду свою и ужаснулся. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я стал ненавидеть себя. $\Leftarrow \Rightarrow$ Но моя душа боялась, что ее вытянут из русла привычной жизни. $\Leftarrow \Rightarrow$ Шел великий спор, поднятый во внутреннем доме моем.

Я безумствовал, чтобы войти в разум. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я умирал, чтобы жить. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я разделился в самом себе. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я хотел пожелать союза с Тобой и не мог. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я боролся с собой и мучительно ждал, когда исчезнет мрак моих сомнений.

Наконец наступает решающее событие в жизни Августина, когда к нему, призывающему в саду избавление от мучительной «мирской зависимости», приходит долгожданный «знак»: он слышит голос из соседнего дома, как будто мальчик или девочка часто повторяет нараспев: «Возьми, читай! Возьми, читай!» Следуя этому знаку, он открывает апостольские Послания и читает: «Облекитесь в Иисуса Христа и попечение о плоти не превращайте в похоти...» Наступает момент просветления: «После этого текста сердце мое залили свет и покой; исчез мрак моих сомнений». Следует «разрешающий поступок» — принятие Августином крещения и вступление в жизнь во-Христе.

Кроме осознанных противоречий, событий и ситуаций жизни, текст «Исповеди» содержит имплицитную модель самопрояснения, состоящую из тех внутренних **вопросов к себе**, ответы на которые определили позиции, принятые решения и сделанные выборы автора в реальном жизненном пути и в исповедальном повествовании.

Наша **экспликация** скрытого вопрошания себя выстраивается согласно периодам становления Августина от детства к зрелости. При этом она воссоздает «вечные», восходящие к архетипам Души, Духа и Разума проблемы, поставленные Августином, которые призван разрешить своим существованием каждый человек.

Откуда я пришел сюда, в эту жизнь?
 Был ли я кем-нибудь до рождения?
 Есть ли во мне тот, кто сам создает себя?
 Что я любил? Что ненавидел?
 На что я направлял свои способности?
 Внешняя или внутренняя жизнь привлекала меня?
 Желал ли я другим то, чего не желал себе?
 Обманывал ли я? Ради чего я делал это?
 Отчего я страдал? В чем ошибался?
 Нравился ли я себе?
 Что было моей испорченностью и падением?
 Что увлекало меня?
 Ради чего я шел на проступки?
 Почему мне были приятны мои проступки?
 Чьих осуждений я боялся?
 Что сделал для меня отец?
 Для чего родители предоставляли мне свободу?
 Что желала мне мать, что сделала для меня?
 Что влекло меня к другим?
 Как я относился к любви?
 Любил ли я вымысел, театр, поэзию?
 О каких достижениях я мечтал?
 К чему стремилось мое тщеславие?
 В каких делах я преуспел?
 Кто оказывал на меня наибольшее влияние?
 Кто были мои друзья? Что нас объединяло?
 Каковы были мои потери?
 Боялся ли я смерти?
 Кого я любил?
 Почему я покинул родные места, куда, зачем уехал?
 Что казалось мне прекрасным?
 Кем я восхищался, в ком нуждался?
 Какие похвалы хотел я слышать в свой адрес?
 Какие идеи и умственные занятия захватывали меня?
 Что значили для меня деньги?
 Кого я считал счастливым?

К чему я стремился, каких благ я хотел?
 Что давалось мне особенно трудно?
 Во что я верил? Что смог сделать из себя?
 Кто и в чем разочаровал меня?
 Что я ценил в других людях?
 Что мне мешало работать?
 Когда я бывал счастлив?
 О ком я заботился? Кто любил меня?
 Случалось ли мне избавляться от пороков?
 В чем я сомневался?
 Искал ли я поддержки влиятельных людей?
 Как хотел я устроить свою жизнь?
 Что доставляло мне наибольшее удовольствие?
 Как понимал я свободу и свободную жизнь?
 Под властью каких страхов я жил?
 Какие способности я развил в себе?
 Искал ли я истину?
 Хотел ли я понять, что есть зло?
 Думал ли я, что есть добро?
 Шел ли мыслью в глубину свою?
 Изменил ли я свою жизнь, в чем состояли эти изменения?
 Какие испытания довелось мне пережить?
 Какие противоречия находил я в жизни и в себе?
 За что я осуждал себя? О чем говорила мне моя совесть?
 В чем я искал и находил опору?
 Что больше всего заполняло мою жизнь?
 Чувствовал я себя единым или разделенным?
 Чего я желал постоянно?
 Что было для меня наибольшей радостью?
 От чего я отказался в своей жизни?
 Как изменились мои мысли и отношение к себе?
 Для кого моя исповедь?
 Есть во мне то, чего я не знаю о себе?
 В чем состоит моя работа с собой?
 Как мне искать счастливую жизнь?
 Какие противоречия есть во мне?
 На что надеюсь я в жизни? Чего я хочу избежать?
 Боюсь ли я того, что скрыто во мне?
 Смог ли я стать тем, чем не был?
 Хорошо ли я жил сам-с-собой?
 Что такое для меня мудрость?
 Кого из людей я считаю великим?

Как я понимал и понимаю справедливость?
 Обладаю ли я какими-то исключительными дарами?
 Что было чудом в моей жизни?
 Чему стоит учить людей?
 В чем я смог собрать себя?

Это вопросы, которые утверждают персонализм как особый, проникающий, взгляд человека на себя. Это вопросы, не имеющие окончательных ответов и потому оставшиеся в европейском духе на долгие века. Это вопросы, отвечая на которые современный человек может открыть мир своего «Я», создать персональную историю жизни, использовать их как обращения к Я своего внутреннего кристика и наставника.

3. «Личность» вошла в культуру средневековой Европы не только интроспективными образами таких необычайно одаренных людей, как Августин, но и обобщенными образами **человеческих типов**, с критической полнотой воссоздающих ту или иную историческую специфику души, свойственную определенному множеству индивидов. Средневековый тип совсем не напоминал абстракцию от своих единичных носителей и фиксацию единообразия поведения людей, как это было, например, в общеизвестных античных типологиях «темпераментов» и «характеров». Он был разнообразным в проявлениях и одновременно четко очерченным, обладал своей собственной речью с особым строем смыслов, символов и имен, объединял многих различных индивидов и мог быть признаком конкретного человека, осмысливался на уровнях житейского разума, народного творчества и литературы. В европейском познании человека определились и устремились к единству две тенденции персонализма: индивидуальное самопознание и объективно-типологическое изучение личности.

Согласно М.М. Бахтину (19), типологические феномены и построения средневековья отличались топографичностью и монолитностью, т. к. внутренние свойства и ситуативные душевные интенции отдельного носителя типа строго соответствовали его поступкам и действиям. Каждый тип указывал на определенные функции — способ — смысл осуществления человеком коллективной жизни.

— Неуклонное, неутомимое следование христианским заповедям в отношении к себе и другим, спасение многих людей ценой собственных страданий составило сущность «**праведника**».

— Непрерывные сражения во имя благородной цели, доблесть непобедимого героя, достижение любви прекрасной девы, верность дружбе нашли жизненное и литературное выражение в типе «**рыцаря**».

— Бедность, наивность, простодушие, народная мудрость, грубоватый юмор, неприкрытый грех, желание лучшей доли, неприкаянные странствия, странные дарования и преодоление тяжелых жизненных испытаний обозначили тип человека из обездоленного большинства — **«простеца»**. Этот тип оказался столь вариативным и распространенным в средневековой Европе, что перечисление его носителей заняло у известного медиевиста Умберто Эко несколько страниц книги «Имя розы». Мир простецов наполняли бродяги-ваганты, шарлатаны, жулики, нищие, убогие, странники, сказители, безродное священство, бродячие студенты, отставные наемники, сумасброды, безумные, беглые преступники, кочующие мастеровые, продавцы индульгенций, бывшие монахи, гадалки, знахари, целители, мнимые больные, странствующие проповедники, лжеисповедники, собиратели пожертвований, бесприютные бедолаги и т. д. (192; с. 290).

— Преподавание книжной мудрости, обучение искусству толкования древних текстов, мастерство иносказаний, метафорической и символической речи, бесконечные упражнения с учениками в схоластике, во взаимном вопрошании и поиске ответов обо всем, что составляет для человека тайну, сосредоточилось в типе **«учителя»**. Примеры схоластических словопрений учителей и учеников свидетельствуют о широком применении метафор как загадочных уподоблений вещей и как результатов эвристического поиска «избирательного сродства» явлений.

Ученик: Что такое буква?

Учитель: Страж истории.

Ученик: Что такое слово?

Учитель: Изменник души.

Ученик: Кто рождает слово?

Учитель: Язык.

Ученик: Что такое язык?

Учитель: Бич воздуха.

Ученик: Что такое человек?

Учитель: Раб смерти, жаждущий путник, гость в своем доме.

Ученик: На что похож человек?

Учитель: На плод.

Ученик: Как помещен человек?

Учитель: Как лампада на ветру (118; с. 154).

— Среди разнообразных типов средневековья особо выделялся один, воплотивший не столько каноны внешнего поведения индивидов в общности, сколько внутреннее опровержение этих канонов — тип **«шута»**. Носитель данного типа обладал установкой критики

и сомнения, которая противоречила общепринятым культурным нормам и потому была отмечена глубинным страхом личности перед возможными гонениями. Защитой индивида от непохожести на других становилась **смеховая маска**, выпячивающая и утрирующая праведную, рыцарскую, разумную и странническую жизнь, обозначившая разлом внутренней и внешней личности. Тип существовал в зазоре между серьезной рискованной игрой, ношением «дурацкого колпака» и умным, реалистичным взглядом на мир и на себя. Личности требовался тщательный самоконтроль, чтобы высвобождение «Я» от коллективной нормы было скрыто от окружающих, чтобы подлинное «Я» оставалось тайной. Появилась новая форма личного самопознания — «отрицательная рефлексия», служащая не обоснованию желательного или образцового Я-для-других, а сокрытию и сохранению Я-для-себя.

Опыт «человека, который смеется» нашел отражение в знаменитом жанре средневекового «плутовского романа», но рефлексия личности со смеховой установкой почти не была отражена в жизнеописаниях и исповедях той эпохи.

4. Однако в истории позднего средневековья есть рефлексивный текст одного знаменитого изгнанника, который отважился всерьез, с поразительной откровенностью раскрыть свое неканоническое «Я», конфликтующее с окружением, и утвердить его ценность на пути к Ренессансу. «История моих бедствий» **Пьетро Абеляра** (1), продолжив через семь столетий традицию Августина и уводя далеко вперед, с завораживающим психологизмом развернула экзистенциальную ситуацию, в которой состоялся «средневековый всплеск индивидуальности» (8).

В тексте Абеляра воссоздается неповторимое **«Я»**, отстаивающее себя и самоутверждающееся в **противоречиях с другими**. Можно эксплицировать основные моменты его интенсивной жизни, сплетающиеся в коллизиях, ведущие к поражениям или позволяющие побеждать в жизненной борьбе. К ним относятся: таланты Абеляра / выборы любимых занятий / обучение у знаменитых учителей / успехи в учении / приобретение уверенности в своей исключительности / поглощающие страсти / вражда учителей / неприятие соучеников / преподавание и написание трудов / сопротивление выпадам против него / победы врагов / его отступления и малодушные поступки / самоосуждение / новые прорывы в познании / создание авторской школы / распространение его славы / умножение врагов / готовность к противодействию / вера в личное искание Бога.

Реконструкция рефлексии Абеляра, обнаруживающая его жизненные коллизии, выглядит следующим образом.

— Я отличался восприимчивостью и способностями к научным познаниям, отказался ради них от воинских подвигов, которых хотел от меня отец, «отрекся от участия в совете Марса ради того, чтобы быть воспитанным в лоне Минервы».

— Я был одержим любовью к наукам. Среди них избрал философию, а из всех ее положений и методов — оружие диалектических доводов и победы в философских диспутах.

— Я изучал диалектику у Гильома из Шампо, выдающегося магистра, который принял меня благосклонно.

— Он благоволил мне до тех пор, пока я не попытался опровергнуть некоторые из его положений. Я стал ему неприятен, т. к. побеждал его в спорах и постепенно приобретал славу.

— Я видел, как он воспламенялся завистью ко мне по мере того, как распространялся слух о моем искусстве в диалектике и по мере того, как меркла его известность.

— Я возымел о себе такое высокое мнение, что, несмотря на юный возраст, стремился открыть собственную школу.

— Мой бывший учитель и его сторонники противились моему влиянию на учеников, и я открыл школу в отдалении от Парижа, где мог более свободно нападать на противников в диспутах.

— Я возвратился в Париж и силой диалектических доводов опроверг учение Гильома об универсалиях.

— Он коварно лишил меня моих покровителей, и моя школа была отдана другому. Я сопротивлялся и вскоре вернул школу, выиграв битву.

— Я начал изучать богословие у Ансельма Ланского, обязанного своей большой известностью долголетним преподаванием и красноречием, а не умом и памятью. «Зажигая огонь, он наполнял свой дом дымом, а не озарял его светом».

— Я ходил на его занятия все реже и реже, что тяжко обидело лучших учеников Ансельма. Они коварными наговорами вызвали у него ненависть ко мне.

— Я стал отрицать необходимость в чужом руководстве при толковании священных текстов и приступил к их собственному толкованию и чтению лекций по богословию.

— После первой лекции Ансельм стал мучиться завистью ко мне. Гильом преследовал меня в философии, Ансельм — в богословии.

— Моя школа принесла мне славу и благополучие. Беззаботное житье ослабляло силу духа и направило его к плотским удовольствиям. Я считал себя единственным в мире философом, был всецело охвачен гордостью, надменностью, сластолюбием и все больше отдалялся от философии и богословия.

— Я полюбил Элоизу, известную многим своими научными познаниями. Она ответила мне страстной любовью, но считала, что истинный философ отличается от других строгостью жизни и свободой от мирских забот, следовательно, не должен жениться.

— Я был жестоко наказан родственниками Элоизы за нашу тайную любовь. Особое горе причиняло мне то, что оскорожденные люди считались нечистыми и по общему убеждению не могли заниматься философией и богословием.

— Я постригся в монахи, и вскоре монастырские предложили мне преподавать философию для бедных.

— В аббатстве царили дурные нравы, и я стал обличать братию за их мерзости. Они возненавидели меня.

— Ко мне съехалось множество школяров, другие школы стремительно теряли учеников, и магистры других школ стали возводить на меня разные обвинения.

— Я написал богословский трактат «О божественном единстве и троичности». Наитруднейшие вопросы получили в нем разрешение, нравившееся многим.

— Мои раздосадованные соперники собрали против меня Собор для обсуждения моего трактата. Мне не дали слова для защиты под предлогом, что «весь божий свет не мог бы опровергнуть его доказательств и софизмов».

— Меня осудили за высокомерие, с которым я написал и распространил эту книгу. Книгу присудили к сожжению и меня заставили самого бросить ее в огонь. «И враги наши — судьи».

— Я удалился в пустынь, но вскоре ко мне съехались многие ученики и почитатели, отказавшись от городских благ. Обо мне говорили: «Вот за ним пошел целый свет». Я основал там храм и назвал его Параклетом (Утешителем).

— Слава моя росла, но враги стали распускать обо мне дурные слухи, и я должен был оставить Параклет на попечение Элоизы, также принявшей постриг. «Мне казалось, что язычники отнеслись бы ко мне более благосклонно, чем собратья по вере».

— Меня назначили настоятелем монастыря в Бретани, где я принял в управление неукротимую, непослушную братию. И там меня мучили «извне нападения, а изнутри — страхи».

— Вследствие непрерывных бедствий я считал себя наследником блаженного Иеронима.

— Я решил оказывать покровительство, помощь и преподавать науки в монастыре, основанном при Параклете Элоизой. Свои несчастья я стал считать полезными, как некие искушения, и потому обращался к Богу со словами: «**Да будет воля твоя!**».

Несмотря на жанровое сходство с «Исповедью» Августина, «История» Абельяра выявила новые мотивы личности, усилившие самостоятельность и самодостаточность автора. Во-первых, отчетливее проступает отношение «**Я — другие**», реализующееся в напряженном взаимодействии с учителями, учениками, философскими авторитетами, отцами церкви, любимой Элоизой. Во-вторых, допускается **личное отношение к Богу**, сильно отклоняющееся от распространенной тогда религиозной нормы. В-третьих, осознанные **противоположности**, наполнявшие его душевную жизнь, он старался разрешить не столько религиозно, сколько логически и этически, разрабатывая учение о диалектике вещи, смысла, слова, а также действуя, поступая. «Всем, кто знаком с жизнью Абельяра, известно, как глубок был раскол противоположностей в его собственной душе и как сильно он желал философски примирить их... Ум его — несомненно, современный нам ум в своем зародыше. Он предупреждает, опережает и как бы предсказывает его. Так, белеющий поутру на горизонте свет есть уже свет невидимого солнца, которое должно озарить мир» (202; с. 79). В-четвертых, «**Я**» Абельяра, устремляясь к надличному и в **единении** с ним, не теряет человечности, остается живой, переживающей, познающей и оценивающей инстанцией, с которой автор не в силах расстаться.

5. Переносу основных отношений человека с Богом в личный план европейцы во многом обязаны прекрасному философу **Майстеру Экхарту**, считавшему, что Абсолютное имеет **личностное бытие** в сокровенных душевных глубинах индивида и в откровениях его разума. Его утонченное сведение божественного и человеческого К. Г. Юнг интерпретировал так: «У Экхарта должно было осуществиться совершенно необычайное повышение душевной ценности, т. е. ценности собственного внутреннего мира, если он мог подняться до чисто психологического понимания Бога и его отношения к человеку» (202; с. 298). Исторически пролонгированное в более поздние религиозные течения, учение Экхарта свидетельствовало, что Бог есть Человек и внутреннее достояние человека, что Бог есть в человеке, если тот повсюду и со всеми чувствует себя безопасно, у него всегда и везде хорошо на душе, и он не зависит ни от чего другого. Душа — это Царство Божие, и Бог есть сила, воспринимаемая душой, а душа — Образ Божий.

Считается, что средневековый компонент стоит у истоков культуры современного индивидуализма. Однако относящиеся к этой эпохе рефлексивные образы «Я», знания о человеческих типах и идеи о личностной ипостаси Абсолюта еще не могли превратить «персональное» в одну из основных европейских ценностей. Пер-

сонализм средних веков развивался в русле традиционализма и становления коллективности. И все же это было заметное выделение индивидуального человека из человеческой совокупности, нахождение характерных отличий одних категорий индивидов от других, постановка индивида в активное отношение к действительности, что в принципе допускало возможность «личного» отпасть со временем от общности и Универсума, утратить укоренение в мировом целом. Осознав эту перспективу, европейское Возрождение в колоссальном творческом прорыве наметило новую модель индивида, сочетающего универсализм, социальную типичность и неповторимость, вплотную подводя к современному понятию личности (14).

Ренессансная «личность»

Ренессансный взгляд на индивида (Ф. Петрарка, Лоренцо Великолепный, Пико дела Мирандола, Н. Макьявелли, Эразм Роттердамский, М. Монтень, В. Шекспир) был скорее художественно-интуитивным, чем концептуально-логическим, но все же с непревзойденным мастерством уловил историческую и жизненную диалектику индивидуальной личности той эпохи. В знаменитых поныне учениях и текстах открылось, как сосуществуют и переходят друг в друга стремление личности к идеалу человека и отказ от него; похожесть личности на других людей и ее неповторимое своеобразие; признание высокой ценности своего «Я» и обесценивание «внутреннего» ради внешнего деяния и достижения; обладание личностью устойчивой душевной сущностью и ее рассеянное существование во множестве «акциденций» — откликов на текущие события проживания в мире.

При осмыслении личности в период нарождающегося *индивидуализма* и *персонализма* важнейшим стало ее отношение к *внеличному* (человечеству, обществу, другим людям), которое основывалось либо на осознанном воплощении в мире образа «совершенного человека», либо на силе неосознанных желаний власти и превосходства, либо на отношении к *себе* во взаимодействии с конкретным *Другим*. Равную ценность в познании личности приобретают ее *свойства* и ее вовлеченность в поток *жизни*, существование *типов* личности и творящей *индивидуальности*, движение к *гармонии* свойств, дарований и порождение *противоречий* существования, проживание моментов *развития* и *регресса*, связанных с исповеданием высших ценностей и выходом за границы этики и утверждения жизни.

Представим модель сложной траектории становления «личности» в эпоху европейского Возрождения.

1. Персонализм раннего Ренессанса отмечен развитием философской и литературной идеи о **разнообразных категориях индивидов**, которые в совокупности воссоздают богатство лучших свойств, присущих «человеку вообще» и распределенных в человечестве и конкретной общности, согласно скрытому, божественному, недоступному рациональному познанию порядку. Мир Ренессанса предстает как населенный Мудрецами, Учеными, Художниками, Справедливыми правителями, Поэтами и т. д. В отдельном представителе каждой из категорий постулируется критически высокое развитие того или иного сущностного свойства, дарования души.

2. Новый гуманитарный ход — и отдельные достоинства указанных категорий людей определяются в качестве **внутренних ориентиров для самопознания** конкретных индивидов, желающих развить, испытать и «измерить» себя по параметрам многих высоких свойств, узнать себя не одномерным, а обладающим разными качествами человеком. В самых масштабных опытах разнонаправленного саморазвития и обладания всеми совершенствами возник изумительный феномен ренессансного «титанизма» и **тип Титана**, объединяющий творческих, всесторонних личностей, дерзнувших взойти к Универсуму.

3. Титан, выразивший единство универсалий и персонально представленный многими великими художниками, правителями, философами, не застыл в культуре Возрождения самой ценной моделью личности. В XIV — XV веках идея разделения людей на высшие категории под влиянием распространившейся моды на рефлексию, поэзию, эпистолярное творчество либерально трансформируется в идею **внутреннего разнообразия** не только избранных, но и всех других индивидов. Гуманистические установки и ожидания распространяются за пределы правящей и творческой элит, подразумевают потенциал индивидуальности, неординарности у людей разных социальных слоев. Титанизм как воплощение идеала всесторонности уже не выглядит единственной возможностью полноценного развития. Тонкая индивидуальная оттеночность становится не менее значимой для понимания человека, чем его универсальность и типичность. Вариативность и множественность «личного» в индивиде начинает казаться более человеческой, чем статика немногих высших свойств. Общность осознается как сфера, где в **отношениях со многими другими людьми**, во взаимных отражениях, сотрудничестве и обмене личность может приобрести и проявить индивидуальное богатство души, самопознания и самовыражения.

4. В истории остался рефлексивный текст художника **Бенвенуто Челлини** (185), развернувшего свою жизнь по «законам» ренессансного персонализма, предполагающего осознание и развитие

разнообразных дарований, интенсивность многих деятельностей, множество авторских творений, ценность для личности признания властителями, реализацию великих традиций разных времен. С критической силой заявляет о себе **«Я», изобильно порождающее шедевры**. Автор погружен в череду разнообразных событий и ситуаций жизни, основная часть которых связана с авторитетными запросами на его уникальную способность творить красоту вещей. Создается картина непрерывного жизненного движения «Я» от одного образного замысла к другому, от состоявшегося творческого процесса к новому творчеству, от заверченного изделия к вновь задуманному. Текст Челлини — последовательное самоутверждение в измерениях свободы, преодоления, творчества, труда, побед и власти. **Интерпретация** данного текста может быть представлена в континууме следующих «самоопределений» автора.

- Я описываю только вот эту мою жизнь и то, что к ней относится.
- Мой путь составляют благие отрады, доблестные дела, превратности судьбы.
- Я родился свободным и таким же свободным хочу жить.
- Родясь простым, я положил своему дому почтенное начало.
- В детстве мне явилась в огне Саламандра как знак будущего величия.
- Мой дед занимался зодческим искусством; отец был отменным рисовальщиком и музыкантом, обладал поэтическим и пророческим даром.
- У такого отца, как мой, я должен был стать мастером.
- Отец желал, чтобы я стал искусным в игре на флейте, но я с большим трудом убедил его учить меня рисованию.
- Я учился у многих мастеров (ювелиров, золотых дел мастеров, ваятелей) и многие из них, видя мое дарование и старание, любили меня, как сына.
- Я учился на прекрасном пошибе Микеланджело Буонарроти и Леонардо да Винчи, Рафаэло да Урбино и Донателло, Юлио Романо и Тициана.
- Мои великие Учителя — люди с божественным талантом, искуснейшие, добродетельные, доблестные.
- Когда меня сравнивали с великими мастерами, это было мне наилучшим вознаграждением.
- Я был рисовальщиком, живописцем и ваятелем, владел золотым, серебряным, финифтяным делом, имел многих учеников.
- У меня был особый дар, ниспосланный мне богом: труд, усердие и преодоление трудностей благодаря чудесному телесному сложению.

— Многие люди, обладающие властью, стремились заполучить мой талант. Папа Климент говорил: «Бенвенуто может гордиться тем, что служит государю, подобному мне, который его знает».

— Мне покровительствовали, благоволили, помещали для работы в свои дворцы, соперничали из-за меня между собой герцог Лесандро, король Франции, герцог Пьер Луиджи, герцог Козимо, герцог Лоренцо Медичи, кардиналы наваррский, лотарингский, феррарский. Французский король сказал обо мне: «Я достал из Италии величайшего человека, который когда-либо рождался, полного столько художеств».

— Для этих моих высоких заказчиков я сделал множество вещей, соперничающих с изделиями самых больших искусников: оправленные в золото бриллианты, вазы, медали, монеты, пряжки для шляп, застежку для папской ризы, драгоценные оклады для книг, серебряную посуду, модели 12 серебряных статуй богов, женские скульптуры, изваяние Персея для центральной площади Флоренции, мраморное распятие для флорентийской церкви, статую Нептуна для фонтана.

— Я делал работу такой тяжести, которая иногда убивала моих работников.

— Я подвигал одновременно множество работ.

— Мои враги говорили: «Бенвенуто — великий дьявол, сделавший то, что искусство не может сделать, и столько великих дел, каковых слишком много даже для дьявола».

— Я сознаю, что обладаю свободной волей.

— Я верю в бога, судьбу и могущество звезд.

— Я достиг возраста пятидесяти восьми лет, с каковым столь счастливо, благодаря милости божьей, **иду вперед**.

5. Наметившаяся парадигма разнообразия личностей обусловила ряд поисковых шагов, рискованных для Универсализма. Личные свойства стали рассматриваться в сильной зависимости от текущих ситуаций, которые, поглощая индивида, делают его разнообразие чрезмерно подвижным, имеющим позитивные и негативные моменты. При познании и самопознании такой **релятивный индивид** закономерно ускользает от строгих определений, утрачивает рациональные координаты становления. Во «внутренней личности» обнаруживаются не только достоинства, но и дурные, темные черты, указывающие на его двойственность, противоречивость. Душевная сущность концептуально рассеивается по отдельным фрагментам жизни и претерпевает разделение, разлом. Полярность и вариативность индивидуальных свойств кажутся столь значительными, что наводят на мысль о полной **душевной непохожести людей**, о единст-

венности, абсолютной несравнимости их поступков и действий. Концепты «совершенного в универсальности», «типичного» и «разнообразного» индивида в глубинах культурного сознания размываются представлением об уникальности отдельного человека, непознаваемости его индивидуальной тайны.

6. Сомнения в личной достижимости идеала и предположение о сущностной неопределимости конкретной души обращают внимание мыслителей XVI века, прежде всего, **Никколо Макьявелли**, на практический план жизни человека в обществе, и на индивидов-**Деятелей**. Среди последних привлекают не столько создатели философских, художественных и научных ценностей, сколько умелые прагматики, делающие полезные вещи, связи и капитал, манипулирующие и управляющие людьми. Главными образующими «личности» становятся время — судьба — фортуна — обстоятельства — ситуация — желание — поведение — успех. Они оцениваются вне зависимости от качественных характеристик поступков и действий, которые могут быть сознательными и волевыми, милосердными и великодушными или неосознанными и вредными, жестокими и вероломными. Деятель может выглядеть всяким, быть активным в широчайшем диапазоне, демонстрировать ролевое и поведенческое разнообразие, играть себя-многоликого и обладать репутацией человека, нужного всем. Безграничность внутреннего движения к идеальным качествам перестает соблазнять так, как беспредельное, интенсивное расширение **внешней личности**. Возможности индивидуализации полагаются теперь не в надличном или внутриличностном планах жизни, не в самопознании, а в практической деятельности, во власти и влияниях, в принадлежности к большой общности, в непосредственном общении.

7. Наряду с превознесением власти, общественного успеха, деловой и творческой активности, в текстах позднего Ренессанса появляются **экзистенциальные** темы внутренней цены и трагических последствий «овнешнения» индивида. Достаточно ли свободно следовать в поведении своим влечениям и доводам рассудка, не основываясь на оценке собственных способностей, характера, склонностей к добру или злу? Требуется ли искусная функциональность государя, политика, воина или дельца отказа от рефлексии, уводящей от «действительной» жизни? Можно ли, действуя от имени общности, исходить из себя, при этом, не обращаясь к «Я»? Может ли самопознание Деятеля разрушить психологическую причинность успешной практической жизни? и исполнения общественного долга? Может ли принятая на себя роль-маска убить «Я» у героя жизненной игры? Размышления подобного рода должны были привести к выво-

дам, научно оформленным позднее в глубинной психологии. Согласно этим выводам, подчеркнута внешняя установка сознания и деятельности ведет к расщеплению личности и образованию в глубине ее души «демона», сводящего с ума и провоцирующего жизненные катастрофы.

Шекспировский Гамлет (187), призванный своей королевской кровью масштабно действовать и поступать, ищет рефлексивные и ценностные основания деятельности, размышляя о долге и достоинстве «Я». И если для сохранения «Я» нужно демонстративно вывернуть изнаночную сторону свершений «деятеля» — преступления, убийства, извращенные желания, скрывающиеся мысли, т. е. казаться безумным, он идет на это. («То, что во мне, правдивей, чем игра...» «Никому не исторгнуть сердце моей тайны...» «Мне надо быть безумным...») Скрытое отношение к себе оказывается важнее внешних оценок, репутации, трона. Он готов быть отвергнутым людьми, отторгнуть традицию и общность, испытать мучительное одиночество, оберегая тайное, нравственное «Я». («Я бы мог замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царем бесконечного пространства...»)

Но путь героя к себе парадоксально не завершен. Роль безумного растворяет Гамлета в себе. К нему возвращаются свидетельства пробужденного зла, следы одержимости властью, последствия «бесчеловечных и кровавых дел, случайных кар, негаданных убийств, смертей, коварных козней». Знаками слабеющего «Я» становятся вина и стыд. Сосредоточение на себе не спасает; душа героя убита им самим, собственной **ролью** в слишком захватившей игре в месть и власть. В его одинокие размышления из «неизвестного Я» врываются голоса «других», но они лишь разрывают прежние отношения и привязанности Гамлета. Близкий Другой разоблачен, унижен, уничтожен. Гибельно переживаются боль отрицания человека и ужас отрицания «Я». («Что за мастерское создание — человек! Как он благороден разумом! Как он беспределен в своих способностях, обличьях и движениях! Как точен и чудесен в действии! Как он похож на некоего бога! Краса вселенной! Венец всего живущего! А что для меня эта квинтэссенция праха?...»)

Шекспиром раскрыта экзистенциальная трагедия самой глубокой индивидуальности Ренессанса. На столетия **гамлетовская личность** становится архетипом и живой реальностью европейской жизни.

8. Можно знать, что ты безумен для других, но быть уверенным, что только на своем странном, исключительном пути тебе суждено осуществиться в полном согласии со своим **лучшим «Я»**. Вместо по-

лезного действия — сплошное благородное поступление. Умолкающий в культуре XVII века голос милосердия и праведности услышан **Сервантесом**, который напомнил о нем образом «рыцаря бедного» **Дон Кихота**. «Рыцарь» теперь — не столько имя одного из человеческих типов, сколько имя индивидуальности, выдающей смысл жизни во встрече с Добром и Красотой.

Особенный, **выпадающий из окружения** индивид оказывается живущим в вымышленном мире — совершающим героические поступки — исполненным жажды идеала — достигающим единства намерений и поступков — всегда похожим на самого себя — свободным от общих правил — мудрым — одержимым благой целью — одиноким — рефлексивным — наивным — смешным — отвергнутым близкими. Здесь самодостаточность и неординарность личности несовместимы с духом общности; целостность и автономия личности равноценны, в глазах других, душевной болезни; ее искренность принимается за «игру шута». Но художественно заостренный абсурд только возвеличивает индивидуальность.

9. Изверившись в понимании окружающих, часто отвергая родовые занятия и богатства, являясь «книжной», хорошо образованной, порою высокоученой, индивидуальная личность позднего Ренессанса часто пускается в далекие странствия по европейским дорогам. Целью жизни-путешествия, кроме протестного ухода, становилось познание реальной жизни и испытание себя за пределами фамильного замка, семейного дома, купеческой лавки или банкирской конторы. Главным смыслом такой жизни выступало непрерывное наполнение одинокого «Я» впечатлениями и опытом, т. е. **встреча с собой**.

Товарищ догнал Зенона и положил ему руку на плечо.

— Брат, она ведь любит тебя. Говорит, что будет ждать тебя хоть до скончания века.

Паломник приостановился.

— Тем хуже... Другой ждет меня в другом месте. К нему я и иду.

И он зашагал дальше.

— Кто ждет? Неужто беззубый старикан, приор Леона?

Зенон обернулся.

— Нет, — сказал он. — Nic Zeno. Я сам (206).

10. Переход к постренессансному этапу культурогенеза «личности» был отмечен попытками научного и литературного соединения приемов типизации и индивидуализации человека. Отзывающиеся универсализмом поиски «типов», указывающих на мастерство, занятия, способности, душевные достоинства и отклонения людей, сочетаются с детальными, психологичными описаниями ярких пред-

ставителей каждого типа. Рождаются **аналитические модели** индивидуальных носителей типов, тонко связывающие их телесные, психические и поведенческие свойства. К этим моделям относятся физиогномические описания **Лафатера**, упомянутые в «Поэзии и правде» И. В. Гете (39). С незначительными изменениями приведем характеристики личностей «Поэта» и «Художника».

Поэт

Строение тела. Долговязая, нескладная фигура, впалая грудь. Тело гибкое, вытянутое, плоское; в его очертаниях — ни одной прямой, натянутой, решительно округлой, жестко согнутой линии, ни одной угловатой выемки, никакого намека на жесткость или окаменелость. Впечатление некоторой женственности облика.

Черты лица. Белокурые волосы; цвет лица — не бледность все созидающего и все поглощающего гения, не пылающий румянец того, кто презрительно попирает ногами окружающий мир, не молочная белизна тупицы или желтизна жестокосердного упряма, не смуглость усердного труженика, но бело-розовые и фиолетовые тона. Любой предмет, имеющий до него касательство, гонит кровь к щекам и к носу; кожа чуткая и нежная. Вздернутая и выдающаяся вперед верхняя губа; мягко очерченный нос; в нижней части лица — признаки чувственности, вялости, беспечности; изящный изгиб век, блестящие глаза; белый гладкий лоб. Профиль несколько расплывчатый и вытянутый; фас определеннее профиля. В целом лицо привлекательное, милое, веселое, благодушное, доброжелательное и переменчивое вследствие крайней восприимчивости. Взгляд его — не огненный взгляд орла; чело и нос не несут отпечатка львиного мужества. В лице и посадке головы — тонкость, великодушие, чистота. Восхитительное впечатление цветущей юности.

Телесные движения. Существо подвижное, парящее, податливое, мягкое, медительно-плавное в движениях. Некоторая юношеская суетность и вместе с тем — свобода, упругая энергия, толкающая тело вперед и так же легко отталкивающая назад.

Переживания. Тонкая чувствительность, трепетность, страстность, крайняя возбудимость, восприимчивость. Искренность переживаний, отзывчивость на любые впечатления, открытость, податливость и быстрота чувств. Чувства чести, девичьей стыдливости, гордости, свободы. Внутренний пыл и одновременно — простота и скромность без всякой аффектации. Благодушные, добросердечие и благородство. Высота, глубина, вечный полет чувств. Легкий отклик на соблазны; утонченный вкус; чувствительность к красоте; как бы вечная влюбленность; незапятнанное правдолюбие.

Качества ума, характера, деятельности. Ум: прямой, ищущий правды, но не исследующий истину, не глубокий, не резонерствующий, не осмотрительный. Это ум воображения, ум фантазии: вечно парящий, созерцающий, идеализирующий, приукрашивающий, не создающий, но пересоздающий и облагораживающий, всему сообщающий облик героического.

Характер: соединение доброты, честности, благородства, чело-вечности, мужественного самосознания, широты и открытости, скромности и целомудрия, безыскусственности и стремления под-няться над самим собой.

Черты деятеля: не исследователь, не изобретатель, не вдумчивый сочинитель. Всегда немного хмельной поэт, витающий в воздушных сферах и камнем падающий на землю. Не строит далеко идущих планов; не создан, чтобы действовать решительно и планомерно, с энергичной настойчивостью деятельного мужа или воина. Но это поэт, исполненный огня и отваги, мечтатель, гений, воплощение всех своих идей.

Общий уровень душевной активности. Он полон жизни; обладает могучей энергией поэтического выражения; переполнен целеустремленных сил. Он — кипящий, роскошный гений с легкокрылой творческой силой, преисполненный огня. В нем есть и сила, и слабость одновременно. Он податлив и при этом жаждет свободы. Иногда расслаблен, но чаще удивляет упругой энергичностью. Противоречия только подчеркивают великолепную игру целого.

Художник

Строение тела. Он среднего роста, широк в плечах и плотен, с несколько округлыми, но вполне определенными очертаниями тела. В них есть даже некоторая резкость и жесткость. Общее впечатление массивности и недюжинной телесной силы.

Черты лица. Лицо с «концентрированными», сосредоточенными, твердыми чертами. Резко очерченный лоб и нос; резко выступающие округлые кости глазниц. Лоб, нос, взор — все нависло, все устремлено книзу, как у забавнейшего сатира. В лице — ничего вялого, разве что в полузакрытых глазах, в линиях рта и носа проступает сладострастие. Общее выражение величия, подобранности, а также простоты и приятности.

Телесные движения. В движениях — концентрированная и живая сила. Собранность и сдержанность всех движений и походки. Выразительность внешних действий уступает внутренней выразительности. Действия кажутся рельефными и иногда угловатыми.

Переживания. Чувствительность, искренность, взволнованность, сила и постоянство чувств. Любовь к доброму, благородному,

возвышенному. Великодушие в дружбе; ненависть и отвращение к несправедливости, коварству, тирании. Любовь к людям, независимо от их силы, известности, признания. Прихотливость и красочность переживаний. Глубокое чувство гармонии и красоты.

Качества ума, характера, деятельности. Ум: много выдумки, оригинальности, все оживляющего остроумия, которое «не почерпает свои объекты вовне, но выбрасывает их из себя». Прямота и правильность ума. Но при этом склонность к легкомыслию, опрометчивости. Одновременно — уважение к мудрости.

Характер: честность, благородство, искание славы, доброта, великодушие, постоянство, простота, отвага.

Черты деятеля: способность вести дела, успехи в практической жизни, направленность к цели, упрямство, могучий и грозный талант деятеля, оригинальность замыслов.

Общий уровень душевной активности. Это человек неистовой силы и прихотливости таланта, полный творческой мощи и устремленности. В нем много страсти к жизни и ее соблазнам, энергии, наступательности. Производит впечатление величия.

Итак, человек Возрождения открыл свою многогранную, суверенную, самоопределяющуюся личность. Его восхищенный, «включенный», творческий взгляд на себя нашел целостное выражение в словах **Пико дела Мирандолы**, вложенных в уста Бога: «Я не назначил тебе, о, Адам, ни лица, ни определенного места, ни особенного, одному тебе присущего дарования, дабы свое лицо, свое место и свои дарования ты возжелал сам, сам завоевал и сам распорядился ими... Ты, кому не положены пределы, своей собственной властью, мною тебе врученной, **сам творишь себя**. Я поставил тебя в средоточие мира, дабы тебе виднее было все, чем богат этот мир. Я не создал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, дабы ты сам, подобно славному живописцу или искусному ваятелю, завершил свою собственную форму» (цит. по: 206; с. 313).

«Личность» в культуре Романтизма и Просвещения

Рассмотренные акцентные в ренессансном познании личности можно считать ментальными предпосылками культурного периода, который, начав эпоху Нового времени, внес существенный вклад в становление европейского *персонализма*. В новой культурной реальности, отмеченной стремлением человека к высоким чувствам, художественным прозрениям и научному знанию, переплелись и получили продолжение все линии исторического движения к «личности»:

- раннефилософские размышления о месте человека в мире;

- самопознание в измерении человеческого «образца», «эталона»;
- самопознание с целью отрешения от себя во имя Бога;
- десакрализация пути к своему «Я»;
- познание себя как причины свершений и бедствий на жизненном пути;
- учение об «идеальном человеке» как воплощении всесторонности и гармонии;
- идеи о свободе «личного» и его неразрывной связи с «коллективным»;
- понимание индивидуального как «несравнимого»;
- рефлексивное самоутверждение в истории своей жизни;
- идеи о соотношении «потери себя» с практической эффективностью индивида;
- понимание «типа» и «индивидуальности» как равноценных форм существования «личного»;
- идеи о неизменном строе души и текучести душевной жизни личности;
- оценка личностью себя по внутренним критериям поиска истины, нравственности, красоты, свободы;
- взгляд на личность как субъекта созидательных изменений мира, себя, других людей.

Героем жизни и гуманитарного познания XVIII века выступил человек самоопределяющийся, преодолевающий анонимность общности, деятельный на основе внутренних позиций христианина, гражданина, преобразователя. Личность предстала в своих доминирующих отношениях к *внеличному* (природе и обществу) конкретному «Другому», к себе, к бессознательному как *безличному*. На первый план вышел интерес к сущностному *свойству* личности «быть творцом», *типам* творцов, к *жизни*, сочетающей спонтанность и зависимость от власти субъекта, к *коллизиям* творческого бытия, к процессу *развития*, противостоящего *регрессу*, к противоречиям, трагически ведущим к *смерти*.

Ряд ключевых моделей новоевропейской «личности» можно представить следующим образом.

1. Непревзойденным воплощением и знатоком **личности творца** стал **И.-В. Гете**. Ему, последователю Спинозы, Лессинга, Винкельмана, Гердера, удалось превратить многовековые гипотезы о сущности творческого человека в обобщенный, авторитетный гуманитарный канон, покоривший европейцев. Образ **Фауста**, созданный Гете, имел множество средневековых и ренессансных прототипов, символизировал Эго автора, получил развитие в «личности Гения»

у Дидро и Руссо, был многократно культурно проинтерпретирован, стал утвердившейся на века формой развития реальных индивидов.

Одной из лучших интерпретаций личности Фауста является модель «**Фаустовского человека**» (ФЧ), намеченная **О. Шпенглером** (189). Приведем ее положения, усиливая психологические акценты, обращаясь к жизнеописанию Гете (39) и современным исследованиям культуры.

– ФЧ мог появиться в обществе, обладающем коперниковским самосознанием, в обществе индивидуальной культуры, которое предполагает существование людей в безграничном мире, бесконечном времени, непрерывном потоке бытия, в движении к бессмертию души.

– В познавательном отношении ФЧ к миру присутствуют все элементы «духовного знания», которое возносит на вершину мира, постигает его стихии и предметы, проникает в суть вещей, оценивает их, раскрывает сущность самого субъекта, соотносится с его самопознанием, преобразует его жизнь, приносит ему и страдания, и счастье (175).

– ФЧ характеризуют разнообразные «комплексы действий», «внутреннее сосредоточение сил», «интенсивные деяния», «активное чувство жизни», «душевное пространство», где доминируют не статические элементы, а процессы. Строй души ФЧ назвали бы сейчас «динамической структурой».

– Идеалом ФЧ является «жизнь с совершенной динамикой», т. е. направляемая рациональными устремлениями, индивидуальной волей, проистекающей из «уверенного в себе разума», развивающимся мышлением, творческой фантазией. Наилучшей формой такой жизни выступает деятельность, осваивающая мир, пространство и время, отвечающая дарованиям индивида, духу современности и общественным ожиданиям.

– Стиль фаустовской жизни — порождение новых понятий и смыслов, образов и символов, панорамных картин бытия, построение «личных миров». Открытый в себе Гете «творящий талант» или Гений является достоянием всякого человека. Каждый с помощью других должен дать своему таланту пробудиться и развернуться.

– Бытийные векторы ФЧ составляют: «восхождение к себе», «жизненная перспектива» и «внутреннее прошлое» или биография. Восхождение к себе означает индивидуальное самопознание, раскрытие своего потенциала, нравственную работу над собой, самооправдание верой и достойными деяниями, признание равенства всех человеческих состояний у «Ты» и «Я». Жизненная перспектива — страстное предвосхищение будущей реализации личных воз-

можностей, прорыв в отдаленное завтра, вечное предстояние себе. Внутреннее прошлое — непрерывная память о событиях, ситуациях, состояниях и отношениях истекающей жизни.

– Восхождение, биография и перспектива соединяются в творчестве ФЧ, выступают тремя мерами самовыражения и самоформирования творца. Например, литературные произведения посредством образов героев связаны с актуальным «Я» автора, воссоздают контуры его прошлого, заключают потенциал авторского искреннего обращения к другим. У Гете это звучит так: «Все мною опубликованное — отрывки единой большой исповеди» (39; с. 232)

– Устойчивое фаустовское впечатление о себе и других людях обобщено в понятии «характер». Оно обозначает внутренний итог индивидуальной биографии и самопознания, душевную определенность и цельность индивида, «характерность» исполнения деятельности. Характер, или собственно «личность», отличают и отделяют индивида от других, но сила его автономии проявляется не тогда, когда он «занят исключительно собой», а в его жизненных отношениях с людьми.

– Многообразные, индивидуализированные отношения к другим составляют исторически новую привилегию ФЧ. Согласно Гете, они состоят в защите перед другими права быть личностью, в стремлении пополнить при общении свою сущность, в терпимости и принятии всех людей без исключения, в поиске уединения для успешного творчества, в самовосстановлении при разрушительных воздействиях других, в самоотречении во имя ближних.

– Внутри биографии, отношений и деятельности возникают сложные коллизии ФЧ. Так, избыточные «вожделения» личного превосходства, сверхэнергичное творческое бытие превращают его жизнь в преодоление, неуклонное движение к цели, прогрессирующее. Неизбежное внешнее сопротивление этому вовлекает личность в непрерывную борьбу с миром, с другими, с собой. Победы заставляют снова и снова искать переживаний опасности, напряжения, удовлетворения властью, оправданности риска, сохранения достоинства.

– Невозможность ценой борьбы длительно поддерживать свое достоинство придает жизни ФЧ трагизм. Фаустовская душа вообще трагична с ее чувством «Я», затерянным в бесконечности, ощущением своей силы, отстающей при столкновении с более мощными силами, напряжением воли, влечением к свободе и страхом перед ней, самоутверждением, которое ввиду неизбежной смерти оборачивается чувством вины при мысли о Боге. Исход страданий личности не имеет абсолютной предопределенности и намечается ее соб-

ственными выборами. Если коллизии субъективно неразрешимы, ФЧ допускает для себя отрицательное отношение к жизни. В фаустовском сообществе страдают самоубийцам.

— Кроме рациональных аспектов индивидуального бытия, у ФЧ выражены его бессознательные или «демонические» аспекты. Присутствие демонизма проявляется в его стремлении к сверхчувственному, в возвращающихся мыслях о необъятном и непостижимом, в необъяснимых жизненных противоречиях, в том, что кажется неразумным и содержит «некое злорадство», что походит на случайность и на промысел, что сжимает время и раздвигает пространство, что влечет к невозможному и действует как судьба. «Словно бичуемые незримыми духами времени, мчат солнечные кони легкую колесницу судьбы, и нам остается лишь твердо и мужественно управлять ими, сворачивая то вправо, то влево, чтобы не дать колесам там натолкнуться на камень, здесь сорваться в пропасть. Куда мы несемся, кто знает? Ведь даже мало кто помнит, откуда он пришел» (39; с. 660).

Главными фигурами **фаустовского сообщества** становились мыслители, философы, поэты, пророки. В этом ряду со временем появились и психологи — «созидательные знатоки духовных эпох личности» (189; с. 502). Во многом, благодаря их открытиям и активной трансляции идей, фаустовский человек поныне обладает над европейцами властью архетипа, романтического идеала и рационального образа.

2. Проникнув в XIX веке в русскую литературу, психологический канон новой личности вдохновил Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого на открытие многих потаенных сторон величия и падения творца.

Моцарт и Сальери в дивном сочинении **А.С. Пушкина** (117) выступают не столько знаменитыми персоналиями, сколько символами противоположных способов бытия **Художника**. В мелодии пушкинских строк таинственно звучат и с силой прорываются две ведущие темы произведения: динамичный, естественный, неуловимый склад личности «творца-гения» и напряженно формируемый склад «творца-мастера». Воссоздаются два укорененных в творческих средах **личностных типа**, связанных между собой неразрывными отношениями взаимодополнения, взаимопритяжения, единства и противодействия. В культуре они известны как «моцартовский» и «сальерианский» типы, имеющие философские, филологические, искусствоведческие, культурологические интерпретации. При этом психологические нюансы типов сравнительно редко становятся специальным предметом рассмотрения.

С психологической точки зрения «Моцарт» и «Сальери» могут выступать не столько двумя категориями творцов, сходными и различными по ряду качеств и свойств, сколько выражением двойственной сущности, **двух ипостасей** творческой индивидуальности, способной осознать свою коренную коллизию. Возможно, интуиция присутствия и конфликта «внутреннего Моцарта» и «внутреннего Сальери» привела Пушкина к бесценному поэтическому прозрению.

Итак, в личности Художника заключены два начала развития таланта: направление «к Моцарту» и направление «к Сальери». Первое предполагает уловление в себе «божественного дара», ощущение себя «послом» великих сил, таинство встреч со своим гением в спонтанном творчестве, уникальные создания, являющиеся и отданные людям как «голос бога на земле». Второе — многотрудное и долгое овладение мастерством, поиск тайн творчества в культуре, труде и произведениях великих мастеров, опору на разум, «логику» искусства и волю, вознаграждение себя одиноким вдохновением и наслаждением. Эти направления могут быть гармонично реализованы и согласованы творцом или могут сойтись в трагической коллизии, разрешающейся смертью Дара.

Пушкинский текст является **исповедью Сальери**, обосновывающей необходимость и «законность» бытия творца-труженика и ревностного служителя искусства в противовес «случайным» вспышкам гениальности, разрушающим «всеобщий порядок вещей». Но сильнее, чем убежденные рассуждения о высоких свойствах и величии пути мастера, звучит теневая сторона исповеди, где слышатся сомнения, страх и неуверенность перед моцартовским Гением.

Воссоздаваемый исповедальным текстом «Сальери» (личность, тип, ипостась творца) предстает психологическим **континуумом черт и жизненных событий**, определяющим финальный поступок:

— раннее влечение к определенному искусству («отверг я рано праздные забавы..., предался одной музыке»);

— овладение ремеслом как «подножием» творчества («музыку я разъял как труп...; поверял я алгеброй гармонию...; в науке искусственный, дерзнул предаться творческой мечте»);

— упорный многодневный труд без сна и пищи с проблесками вдохновения и восторга, полный «любви горячей», самоотвержения, усердия, молений;

— отказ от своих созданий, уничтожение плодов тяжкого труда («я жег мой труд и холодно смотрел, как мысль моя и звуки, мной рожденные, пылая, с легким дымом исчезали»);

– следование за великими творцами, открывающими новое в искусстве («быть может, новый Гайдн сотворит великое — я наслажусь им...»);

– возвышение своего мастерства в кропотливом труде и авторских достижениях («усильным, напряженным постоянством я, наконец, в искусстве безграничном достигнул степени высокой»);

– приобретение славы, успеха, известности, довольства своими произведениями («слава мне улыбнулась; я в сердцах людей нашел созвучия своим созданиям; я счастлив был»);

– дружба с товарищами по искусству («я наслаждался мирно трудами и успехами друзей, товарищей в искусстве дивном»);

– гордость за свою принадлежность к избранным, надменное презрение к тем, кто лишен таланта и лишь подражает ему («мне не смешно, когда маляр негодный мне пачкает Мадонну Рафаэля; мне не смешно, когда фигляр презренный пародией бесчестит Алигьери»);

– испытание ревностью к моцартовскому дару, имеющему неведомый, высший источник («я ныне Завистник..., я завидую глубоко, мучительно...»);

– поклонение творческому Гению и отрицание его как нарушителя «законов» разумного, направленного творчества («что пользы, если Моцарт будет жить и новой высоты еще достигнет? поднимет ли он тем искусство? нет, оно падет, как только он исчезнет»);

– обесценивание своего труда и таланта перед сиянием «священного дара», тайное желание смертью преодолеть боль зависти («я мало жизнь люблю...; жажда смерти мучила меня...»);

– способность уничтожить Гения, насладившись его предсмертной песней; убийство Моцарта («он несколько занес нам песен райских, чтоб, возмутив бескрылое желанье в нас, чадах праха, после улететь...; так улетай же, чем скорей, тем лучше»);

– прозрение истинного смысла своей коллизии: не «мой гений — мое злодейство», а «его гений — мое злодейство»; Сальери — только убийца и самоубийца моцартовской части своей души.

Исповедь Сальери диалогична, обращена то к собратьям по искусству, то к Моцарту — своему врагу и божеству. Но в этом диалоге Моцарт творит, чувствует и действует лишь в отношении к Сальери, в его воображении и мысли и потому зависит от него, отдан ему во власть, теряет для него реальность и ценность «индивидуальной личности». Его «Моцарт» явился из иного мира и несет в себе непостижимую связь бессмертного гения, глубины и стройности божественных творений, неповторимости дара, беспечной доброты, веселья, легкомыслия, праздности, притяжения зла других, предчувст-

вий трагической судьбы и авторства Реквиема — прекрасного и пугающего послания Смерти. Однако именно выведение Гения за пределы «личного» делает его парадоксально неустранимым из жизни Сальери. Моцарт всегда будет с ним и в нем как недоступный и непревзойденный идеал творца.

3. Продолжая тему творческого человека, нужно подчеркнуть ту роль, которую в эпоху Просвещения приобрела личность **Ученого**. Моделью этой личности, явно восходящей к гетевскому мировоззрению, является типология **В. Оствальда**, построенная на основе изучения индивидуальных биографий ученых, преуспевших в исследованиях природы (202; с. 391). Приведем **реконструкцию** типологических свойств ученого-романтика и ученого-классика.

По стилю работы над произведениями:

Романтик отличается оригинальностью идей и образов, смелостью и своеобразием текстов, избытком генерируемых смыслов, высокими темпами работы, большим количеством завершенных и незавершенных сочинений. Непрерывно возникающее вдохновение часто «отверзает уста» и заражает единомышленников.

Классик придерживается только близких ему внутренних идей и соответствующих им образов, часто принципиально меняет и обновляет темы творчества, создает тщательно продуманные сжатые тексты, долго отделяет сочинения, не стремится к их многочисленности, избегает творческих ошибок, которые означают для него выбор «не своих» тем. Приходящее вдохновение «смыкает уста» и направляет всю энергию мысли в глубину предмета.

По отношению к адресату произведений:

Романтик быстро интеллектуально реагирует на требования текущей жизни, на актуальные ожидания читателя. Его произведение действует убеждающе и воспаляюще, его «голос», присутствующий в тексте, создает у адресата эффект личного общения с автором. Он невольно вызывает к себе личное, почти интимное отношение, т. к. выражаемые им содержания и установки активно эмпатируют читателю. Его культурные влияния сильны, непосредственны, а имя общеизвестно.

Классик заинтересован в текстовом выражении собственных интеллектуальных ожиданий к миру, не особенно заботясь о непосредственной реакции читателей на его сочинения и о своей личной близости им. Его тексты часто малодоступны, содержат готовые результаты размышлений или внутренних «видений», не открывают авторского движения к открытиям или прозрениям. Их влияние на культурную среду обычно опосредовано интерпретациями последователей и учеников и иногда отсрочено на многие годы.

По характеру творческого пути:

Романтик рано проявляет дарование, начинает печататься, приобретает известность. Активно выступает в защиту своих трудов, сам заботится об их широкой популяризации, смолodu развивает бурную академическую деятельность, обладает большим кругом знакомств, где находит множество поклонников и единомышленников. Приобретает много учеников, становится создателем собственной школы, иногда достигает большой прижизненной славы, даже величия. Затраты творческой и жизненной энергии столь велики, что сравнительно быстро наступает истощение, отчасти преодолеваемое живительным успехом в обществе.

Классик начинает печататься сравнительно поздно. Труды следуют один за другим с большими промежутками. Избегает академической деятельности, а если приступает к ней, то бывает вынужденным отказаться от нее из-за отсутствия понимания со стороны студентов. Всю жизнь стремится к уединенной деятельности. Его ученики и приверженцы идей малочисленны, и он почти не тратит на них сил и времени. Поздно приобретает известность, не выходящую за пределы его профессиональной среды. Основные труды появляются в зрелые годы. Творческий путь бывает весьма длительным и до старости плодотворным, хотя подлинное признание часто приходит после смерти.

Типы ученых, намеченные Оствальдом, были, по заключению К.Г. Юнга, характерны для представителей различных творческих сред: естествоиспытателей, философов, гуманистов. На наш взгляд, при соотнесении этой типологии с современными учеными можно убедиться в ее актуальности, прогностичности и значимости для их психологического изучения и самопознания.

8. Начала персонологии в учениях о жизни

В XIX — начале и середине XX века генез европейской культуры был отмечен расцветом *персонализма*. Оно осуществлялось в литературном, научном, а также философском русле, внутри которого постепенно оформились плодотворные психологические учения о личности. Давнее взаимовлияние личностной литературы, искусства, философской антропологии и психологии постепенно определило становление **персонологии** как общей науки о личности. Отчетливые персонологические акценты можно обнаружить в философских учениях Шопенгауэра, Ницше, Кьеркегора, Хайдеггера, Шелера, Бубера, Бердяева, Мунье, Сартра, Франка, Бахтина. Стройные персонологические модели были предложены психоанализом, аналитической психологией, структурной психологией, экзистенциализмом, исследователями субъекта и интерсубъектности. Одновременно, в противовес личностной направленности европейской культуры, периодически усиливался ее «антиперсонализм», связанный с тенденциями *традиционализма* (мистицизма, идеализма), *индивидуализма*, *тотальной коллективности* и постмодернизма.

Проблема личности в трудах талантливых исследователей приобретала разнообразные, иногда конкурирующие разработки. Однако, вследствие всеобъемлющей эрудиции и творческой интуиции авторов, они достаточно хорошо сопоставлялись и ложились в общую систему понимания, выдвинувшего «личность» на место онтологической доминанты. Учения, научные теории и течения в искусстве того времени стремились охватить все коренные отношения личности: к *Универсуму*, «*группам*», конкретному *Другому*, собственному *Я*, коллективному и личному *бессознательному*. Под взглядом исследователя, мыслителя и художника «личность» оказывалась то в своих сущностных *свойствах*, то в своей *жизни*, то в *рефлексии*, то в непостижимой душевной *глубине*. Специальным предметом научного познания и литературного анализа стали *противоречия* и кризисы личности с возможностями их разрешения в пользу *регресса* или *развития*.

Те или иные акценты в философско-психологическом поиске «личности» становились парадигмами ее раскрытия в авторской концепции, научной школе или крупном исследовательском направлении. Известно, что среди данных направлений исторически выделялись:

- познание личности в Универсуме;
- познание общественной сущности личности;
- рефлексивно-феноменологический подход к личности;
- структурно-типологическое изучение личности;
- познание личности в измерении «жизни».

Последнему из направлений удалось обосновать единство «личного» с витальными, психическими, духовными, социальными, практическими, рефлексивными потенциями и реалиями индивидуальной жизни и приблизиться к решению проблемы персоналогического синтеза.

Общим для **теорий жизни** является, во-первых, придание «жизни» не только биологического, но и расширенного бытийного значения. Во-вторых, усмотрение в «жизни» необходимого толчка и основания для личностного становления. В-третьих, раскрытие соотношения трансцендентных истоков индивидуального бытия, телесной и психической сущности индивида, реализации его жизненных сил и динамики бытия в направлении жизнеутверждения или отрицания жизни. В-четвертых, обоснование различных взаимосвязей личности и жизни, в частности, положения и позиции личности «внутри жизни», «в отношении к жизни», «над жизнью» и «вне жизни». И еще одна общая установка создателей теорий — понимание личности, ее «Я» как внутреннего центра «духовных актов», направленных на производство образов, идей, смыслов, символов, способов поступков и действий, в каждом из которых личность может присутствовать сполна и осознавать себя в своей исполненности.

Признаки сходства теорий жизни были и критериями их специфичности. Многие теории утверждали себя через сравнение с другими, подчеркивая свои отличительные идеи. Так, в частности, создавались системы Бубера, Бердяева, Мунье, Шелера — видных философских критиков и персоналистов начала прошлого века. Ведущими категориями теорий жизни выступили: «дух», «Я», «личность», «сознание», «бессознательное», «культура», «деятельные акты», «другой», «рефлексия», «смерть».

Если продолжить традицию сравнительного анализа теорий и в качестве основной темы сопоставления взять общую взаимосвязь личность — жизнь, можно реконструировать следующие персоналогические модели (139).

1. Модель отрицания личностью жизни («витализм» Шопенгауэра, Ницше, раннего Фрейда; «декаданс» Бахофена, Клагеса, Шпенглера, Хейзинги).

Согласно данному взгляду, индивидуальная **жизнь** пробуждается порывом, стремительным влечением человека к ней, несет с со-

бой мощный заряд психической энергии и иррациональные устремления к подлинному, т.е. отвечающему эмпирической реальности, существованию. В спонтанной бытийной динамике оживляется духовный потенциал индивида: формируются сознательное мышление, воображение, переживание, т.е. процессы духа, состоящие из идеальных актов. Ими обеспечивается индивидуальное освоение отвлеченных коллективных идей, образов, символических феноменов и высших чувств. Наиболее деятельные из духовных образований и процессов концентрируются в **«центре духа»** или «личности», способной к духовному инициированию. Посредством идеализации и личностного самоопределения индивид реализует культурные предпосылки человеческой жизни, а также обогащает их, включаясь в разнообразную культурную практику: социальную, научную, техническую, художественную, политическую и т.д.

Выделение духовной деятельности из естественного потока жизни вызывает раздвоение индивидуального бытия. Сознательная активность духа создает труднопроходимую границу между «поверхностным», разумным, культурным, нормативным в индивиде и его «глубинным», первичным, инстинктивным. Исходное, жизненное стремление к самоосуществлению, овладению всем сущим или «воля к власти», стремление к обладанию другими людьми и индивидуальному превосходству начинают ограничиваться духовными установками личности. В жизнь деструктивно вмешивается «принцип дереализации», когда сознание замещает непосредственные впечатления идеальными конструктами, а стремящиеся к высвобождению естественные влечения подавляет и вытесняет. Таким образом, жизнь обессиливается духом, **личностное** начало противостоит **безличному**, бессознательному. Добиваясь возврата к жизни, личность вместо свободного, творческого следования жизненным порывам пытается их познать, рационализировать и придать интеллектуальным формам то, что на ее взгляд присуще бессознательному: недосказанность, двусмысленность, многозначность, насмешливость, иногда непристойность и аморальность. Здесь современный человек, считал Фридрих Ницше, становится «существом окраины жизни», перед которым открываются не высоты Духа, а головокружительные темные бездны.

В понимании **Ф. Ницше**, первичные жизненные порывы сполна реализовались в «аполлонических» и «дионисийских» состояниях античной личности, пробуждаемых искусством, уводящих человека за границы рациональной жизни и способных как к конфликту, так и единству. Аполлоническое состояние сравнимо со сновидением: это царство фантазий и блистательных иллюзий, торжество соразмерности и гармонии, ограничение дикости и необузданности, ин-

туитивное творение прекрасных образов, лучший из которых — образ божества, все соединяющий и примиряющий в человеческой жизни. Дионисийское состояние, напротив, означает освобождение всей беспредельности влечения к жизни, попрание принципа единства и гармонии и восторг от этого попрания, разложение индивидуальности на коллективные желания и ощущения, примирение человека с природным и животным в нем, слияние индивида со всеми ближними, упоение своим «естественным существованием».

Человек Нового времени почти утратил способность к непосредственной связи с увлекающей, полной образотворчества и чувственных удовольствий жизнью. Поэтому личность все чаще обращается к оборотной стороне человеческого бытия, где совершается непрерывное старение, увядание, умирание. «Ничто», **небытие** приобретают в проживании большую ценность и реальность, чем бытие: «жизнь мечтает лишь о том, чтобы умереть» (67; с. 312). Смерть становится влекущей, ужасающе соблазнительной манией, возвышающей того, кто поклоняется ей, над другими людьми. «Влюбленность в смерть» как негативная, невротическая установка придает личному бытию регрессивную направленность, может перейти в душевное заболевание, порождает эпидемию самоубийств, питает собой культурный декаданс.

Преодолению личностной коллизии, состоящей в отрицании жизни, подавляющем естественное стремление жить, должны послужить принцип творческого высвобождения влечений, сублимации энергии жизни в духовной деятельности, принцип дерационализации, т. е. разоблачения интеллекта мифом и поэзией, принцип благородной аскезы влечений. Но по отношению к личности будущего, ницшеанскому «**типу сверхчеловека**», который осуществит эти принципы, человек начала XX века — только путь, инцидент, великое обещание. Он перестал слышать зов бытия, искать его основной смысл, придающий каждому индивидуальному существованию реальную значительность в мире. Этот смысл он должен позаимствовать у жизни, прежде всего являющейся «волей к власти». «Все великие деятели и творцы, все великие культуры развились из воли к власти и при отсутствии вины за собственное превосходство и величие» (27; с. 185).

В современной культуре установка на «отрицание жизни» вобрала в себя множество разновременных культурных содержаний и гибко трансформировалась в признание и обоснование многообразных форм **отношения к смерти**:

— принятия перспективы смерти как финального события активной, созидательной жизни;

- отчуждения смерти как неимманентной, невозможной в «моей жизни»;
- ухода от смерти через преодоление единичности, ограниченности своей жизни путем становления в Вере;
- стремления к смерти как освобождению от телесных и душевных страданий;
- поиска смерти как перехода на высший уровень бытия;
- полагания смерти как будущего завершающего смысла своей жизненной исполненности;
- видения в смерти возможности «быть продолженным» в других людях;
- понимания своей жизни как момента всеобщего «бессмертного бытия».

2. Модель развития личностью жизни (Гуссерль, Бергсон, Кьеркегор, Хайдеггер, Шелер, Мунье, Ясперс, Бердяев).

Суть данного подхода можно кратко выразить в формуле: жизнь воссоздается, развивается и преобразуется личностью. Существенными отличиями от предыдущей модели являются акценты на **надличных** основания индивидуального бытия, на ценностное наполнение жизни, на «**Я**», самопознание, самовозрастание, творческую трансценденцию личности.

Человек определяется в качестве «конечной сферы Бытия», «места мирового процесса», где **жизнь** начинается бессознательным всплеском активности всеобщей души, заряженной коллективными образами, праидеями и прасимволами, переходящей в персональную силу непрерывного и неустанного подтверждения индивидом своего бытия и отрицания смерти. Процесс жизни, развернувшись, должен активизировать заключенное в индивиде духовное начало, которое исходно представляет собой «чистую потенцию» и лишено собственной силы, власти, деятельности. Взаимопроникновение вначале слепого к индивидуальности жизненного порыва и бессильного духа ведет к возникновению феномена идеации, или «**животворения духа**» и встречного «**одухотворения жизни**», означающего индивидуализацию человеческого бытия. Однако в этом соединении не может быть достигнута полная гармония. Существует коренное противоречие жизни и духа, которое может находить только частичное, субъективное разрешение.

Пробужденные индивидуальной жизнью духовные акты, впитываемая и обобщающая предметные впечатления, ориентированы на деятельное «опредмечивание» внутренних, априорных, коллективных форм, идей и устремлений. В активном соотношении с миром формируются духовные образования индивида (эстетические, этиче-

ские, интеллектуальные) как результаты «событий духа», собирающие сублимированную энергию бессознательной жизни и воплощающие одновременно архаичное, трансцендентное и индивидуальное.

Оказываясь внутри бытия, в общечеловеческом духовно-жизненном процессе, индивид, благодаря самосознанию и деятельности, не сливается, а встает над ним. В самодвижении его духовного мира создается цельное «субъективное средоточие» бытия, которое индивид посредством **рефлексии** познает и отделяет от текущей жизни. Индивид рефлексивно отождествляет себя с этим **центром субъективности** или «личностью», начинает существовать для себя в качестве «Я» и действовать в мире от его имени. «Центр духа, личность, не является ни предметным, ни вещественным бытием, но есть лишь постоянно самоосуществляющееся в себе самом упорядоченное строение актов... Чтобы быть личностью, мы можем лишь собрать себя самого в личностное бытие, сконцентрироваться до него...» (188; с. 160). В динамике жизни и духа «Я» становится инстанцией, инициирующей предметные действия и впечатления, отвечающей за образование личного внутреннего мира, совершение каждого духовного акта и акта самопознания. «Я» познает себя, погружаясь в текущую жизнь, разлагая ее на моменты осознания, выделяя и запоминая среди них субъективно значимые, осуществляя их синтез, продвигаясь в поисках общего жизненного смысла, открывающего тайну **Духа**. Жизнь, в ее присвоении, проживании, изменении «Я», возводится личностью на духовно-рефлексивный уровень.

Этот философский строй мысли легко проникал в исповедальный стиль русской прозы: «Я спрашивал себя: что же такое моя жизнь в этом непонятном, вечном и огромном мире, окружающем меня, в беспредельности прошлого и будущего и вместе с тем в ограниченности лично мне данного пространства и времени? И видел, что жизнь есть смена дней и ночей, дел и отдыха, встреч и бесед, удовольствий и неприятностей, иногда называемых событиями; есть движение и накопление впечатлений, картин и образов, из которых лишь ничтожная часть удерживается в нас. Это есть непрестанное, ни на миг нас не оставляющее течение нескольких чувств, мыслей, воспоминаний о прошлом и гаданий о будущем. А еще — нечто такое, в чем будто и заключается некий смысл и цель ее, что-то главное, что трудно уловить и выразить, и — связанное с ним ожидание счастья и еще чего-то такого, в чем этот смысл наконец обнаружится. Втайне я весь простирался в жизнь. Зачем? Может быть, именно за этим смыслом?» (28; с. 198).

На первый взгляд кажется, что в границах данной философской модели властвует «Я», его интенции, духовное осуществление в жизни и рефлексивный возврат субъективных последствий «со-

бытий духа». Однако здесь же допускается, что индивиду свойственны познавательная, деятельная и созидательная активность, выводящие его далеко за собственные пределы в пространство объективных ценностей культуры. Кроме того, данность человеку себя в форме активного внутреннего «целого» конституирует личность не только как «существование» и «осуществление», но и как «сущность». **Личностная сущность** индивида вбирает рефлексивные, нерелексивные, бессознательные уровни единичного бытия, является качественным итогом ценностного становления конкретного индивида, реальной **индивидуальностью**, живущей в мире. Знание и реализация своих множественных, разнообразных, противоречивых и образующих единство индивидуальных свойств означают обладание личностью не просто конечным, а неповторимым и незаменимым положением в общечеловеческом Бытии.

Э. Мунье, создатель французского персонализма, указал на жизненное развитие личности из «центра духа» в «**духовную личность**», соединяющую способности человека обладать ценностным сознанием, свободой творчества и трансценденцией к своему предназначению. Личность, с его точки зрения, это духовное существо, определяемое индивидуальным способом существования и самостоятельностью в своем бытии. Она поддерживает преемственность и поступательность жизни посредством некоторой иерархии свободно применяемых и внутренне переживаемых ценностей, посредством ответственного включения в деятельность и постоянного обращения к себе. «Личность — это абсолютное начало по сравнению с любой другой, материальной или социальной, реальностью и любой другой человеческой личностью» (94; с. 301).

Признавая недоступность многих аспектов личности для субъективного и объективного познания, исследователи жизни, однако, проявили большую психологическую искушенность в дифференцированном изучении ее **жизненных свойств**. Это относится к **Н. А. Бердяеву**, считавшему, что конкретные жизненные проявления индивида выражают и определяются способностями и качествами, укорененными в человеческих отношениях с духовным, социальным, телесным, психическим, бессознательным. На первый план в его персоналистической концепции выходят вопросы «кто?» и «как?» осуществляет и развивает индивидуальную жизнь.

— *Мир высших ценностей* представлен в индивидуальной личности способностями к свободе, творчеству, любви.

— *Общность с другими людьми* дана в форме родовых, исторических, культурных, традиционных, семейных, наследственных качеств личности.

— *Разные уровни социальности* даны личности в обладании коллективным бессознательным, в ее способности к взаимодействию с другими, способности выходить из изоляции, способности к историческим действиям.

— *Психологическая связь с миром* представлена в биографической целостности, единстве мысли, воображения, чувств, воли, творчества личности.

— *Связь с трансцендентным* потенцируется в личности ее духовными качествами, талантом, интуицией призвания, «голосом Я», потребностью в полноте жизни, чувством одиночества.

— *Влияние бессознательного* представлено в устойчивом расположении к нравственной, созидательной, разумной и к низменной, стихийной, разрушительной жизни.

— *Высший и низший уровни жизни* даны в качественной двойственности личности, сочетании в ней богоподобного — звероподобного, свободного — рабьего, жертвенного — эгоистического способностей к подъему и падению.

— *Неосознаваемый уровень жизни* определяет то, что в личности уживаются древний человек, дитя с инфантильными влечениями, невротик и безумный (22).

Не следует за этими положениями видеть установку на формализацию знания о личности. Напротив, для создателя русского персонализма это одна из возможностей достичь «субъективной экзистенциальности» в понимании человека, т. е. разглядеть в сплошном движении жизни следы личностного постоянства с уникальным рисунком и богатством.

Абстрактно-логическая структура личности, красивые «фигуры» философского сознания стремятся у Бердяева стать уловителями индивидуального направления, смысловой организации, ключевых моментов прерывности и коллизий отдельно взятой, многообразной жизни. Этот ход познания реализуется самым естественным для философа путем — **самоисследованием**, освещенным в тексте «Самопознание: опыт философской автобиографии». К сожалению, предпринятый Бердяевым рефлексивный опыт не был достойным образом оценен философами и психологами. Даже такой мастер анализа личностного бытия, как М. К. Мамардашвили, назвал этот опыт «сухой самохарактеристикой».

Сам автор говорил о своем тексте, что это история духа и самосознания, обращение к творческой памяти и усилению мысли, попытка приобщиться к «экзистенциальному времени», т. е. вечности. Это стремление обосновать философию в качестве познания человеческого существования, через которое познается мир, и показать экзи-

стенциального философа человеком, способным вложить в познание мира самого себя и чувствующим тождество личной и мировой судьбы. «Дело идет о самопознании, потребности понять себя, осмыслить свой тип и свою судьбу» (23; с. 4). Это желание объяснить свои противоречия и поделиться своими впечатлениями о подъемах собственного духа, выражающихся в страсти, радости, смехе, иронии, остроумии, догадках, а также в высказываниях о том, что открылось Я как истина.

В истории философской культуры редко появлялись такие искренние диалоги с «Я», как у автора «Самопознания». Это иллюстрируется **моделью рефлексии противоречий**, сложившихся в структуре его личности и представленных согласно логике его самоописания (134).

Я чувствовал чуждость мира и неслияние с ним $\Leftarrow \Rightarrow$ Я переживал судьбу мира как свою собственную

В моей жизни было слишком много иррационального, нецелесообразного, темного $\Leftarrow \Rightarrow$ Я чувствовал, что главное в моей жизни — ее светлые, творческие периоды, моменты подъема

Я больше всего любил свободу $\Leftarrow \Rightarrow$ Я всегда был пленником свободы

Во мне силен западный элемент $\Leftarrow \Rightarrow$ Я чувствовал себя принадлежащим к русской интеллигенции

Я не любил социальной жизни, был асоциален, был анархистом $\Leftarrow \Rightarrow$ Я был болен социальной жизнью, всегда вмешивался в нее

Я сидел в тюрьме, был выслан из своей Родины $\Leftarrow \Rightarrow$ Я никогда не был человеком политическим, ничему не принадлежал до глубины души

Я заботлив. Мне казалось, что без меня человек погибнет $\Leftarrow \Rightarrow$ Я бывал раздавлен своей заботой

Я сознавал в себе большую силу духа $\Leftarrow \Rightarrow$ Я часто был захвачен напором ощущений и эмоций

Я жил как мыслитель $\Leftarrow \Rightarrow$ Многие мои действия были слишком импульсивны

Я более всего любил философию $\Leftrightarrow$ Я не отдал ей жизнь

Во мне был эгоизм $\Leftrightarrow$ Это был эгоизм умственного творчества

Я имел аскетические вкусы $\Leftrightarrow$ Я не шел аскетическим путем

Я всегда очень любил сады, зелень, цветение $\Leftrightarrow$ Но во мне самом нет «сада», все подъемы моей души были связаны с сухим огнем

Я был реалистом $\Leftrightarrow$ Я имел неумное воображение, влекущее меня в мир иной

Я был по темпераменту бойцом $\Leftrightarrow$ Я не доводил борьбу до конца

Я знал, что не реализую всех своих возможностей $\Leftrightarrow$ Во мне было непреодолимое «метафизическое» барство

Я искал истины $\Leftrightarrow$ Жизнь моя не была мудрой

Понимание своей личности, выраженное в прозрачных формулировках, не могло стать рефлексивным «самозавершением» автора. Напротив, ценным казался путь к этому пониманию в качестве духовного поиска, вливающегося в жизнедеятельность, оформляющего жизненную перспективу и превращающего Я в «проект» существования. Собранное знание о Я умножало «загадки личности», которые он всегда остро чувствовал и о которых часто говорил. При обращении автора к психоанализу стало возможным локализовать эти загадки в «**бессознательной личности**», и его интуиция свидетельствовала, что упорядоченная рефлексия направляет взгляд в те глубины «самости», которые не только ужасают, но и поддерживают человека в интенсивной, развивающейся жизни.

Из размышлений и самонаблюдений Н.А. Бердяева следовало, что осознанные качества личности уходят многими своими связями и источниками развития в ее неосознаваемую организацию и что устойчивая личностная инстанция может быть осмыслена с точки зрения взаимодействия сознания и бессознательного в ипостасях свойств, способов и процессов индивидуальной жизни. Аналогичного подхода придерживался другой экзистенциалист — **К. Ясперс**, предложивший оригинальную концепцию **типологического строения личности**.

Концепция основывалась на определении личности как характерной для индивида структуры качеств, где особое место принадлежит тем из них, которые управляют индивидуальным поведением с трех внесознательных уровней: уровня коллективного и личного бессознательного; уровня врожденной телесно-психической конституции; уровня трансцендентной данности личной свободы и конечной цели личного бытия. В соотношении с качествами, доступными осознанию, качества названных уровней превращают «личность» в открытое для изменений и развития образование, в никогда не завершаемое целое, способ самоотрицания, выхода за пределы наличного себя. «Личность, которую мы стремимся понять, указывает, во-первых, на то непонятное, откуда она берет свое начало, т. е. на «конституцию» и все типы биологических данностей. Во вторую же очередь она указывает на то непонятное, которому меняющаяся личность служит в качестве инструмента и проявления, а именно — на экзистенцию, этот трансцендентный источник и вечную цель бытия человека» (207; с. 523).

Доступные сознанию личностные качества структурированы в модели Ясперса по принципу оппозиций и по принципу взаимосвязи в личностные «типы». Типы объединяются им в «идеальные», «характерологические» и «реальные» типологии. «Идеальные» типологии строятся на основе теоретических обобщений, к примеру, различение типов экстравертов и интровертов. «Характерологические» типологии касаются гипотетических качеств, определяемых опосредованно, через анализ и оценку поведенческих проявлений, связываемых с «темпераментом», «волей» и «рефлексией» личности. «Реальные» типологии относятся к непосредственно наблюдаемым индивидуальным признакам, например, к «телосложению» и «невротическим отклонениям». Принадлежность конкретной личности к определенным «сознательным типам» подвержена, с точки зрения Ясперса, постоянным колебаниям под влиянием ее бессознательной активности и процессов трансцендирования, направленных на осмысление индивидуального бытия.

Развитие жизни в философском и литературном сознании выдающихся мыслителей того времени связывалось с личным поиском **смысла**, полным коллизий и находящим выражение в творчестве и самопознании. Уникальным случаем такого поиска можно считать «Исповедь» **Льва Толстого** (159), в которой «Я» исследует сложный генез смысла собственной жизни. «Смысл» для Толстого — это осознанная вера в то, ради чего стоит жить и чему следует посвятить себя. Главной проблемой, направляющей его самопознание, выступает процесс становления и смены множества смыслов,

который состоит из следующих циклов: нахождения смысла — возникновения смыслового конфликта — критики смысла — состояния опустошения — стремления к оправданию жизни — переосмысления — рождения нового смысла. Жизненный контур **смысловых изменений**, развернутый в «Исповеди», можно представить в следующей рефлексивной **модели**, соответствующей текстовому стилю автора.

— Моя жизнь является историей искания веры как смысла жизни.

— Во все времена моего детства меня учили *православной вере*, но то, что я испытывал, было скорее не вера, а доверие к тем, кто меня учил.

— Вероучение постепенно оттеснялось из моего сознания, как совсем не участвующее в жизни людей, окружавших меня, людей нашего круга и склада.

— В юности моей верой стало *совершенствование*. Я совершенствовал свой ум, волю, нравственность, но делал это не ради того, чтобы быть лучше перед Богом или перед собой. Я желал быть лучше, т. е. сильнее, славнее, богаче перед другими людьми.

— В молодости меня хвалили за то, что я не могу вспоминать без ужаса: я убивал людей на войне, вызывал их на дуэль, проигрывался в карты, проедал труды мужиков, обманывал. Но смысл моей жизни, который я скрывал, составляло *стремление к добру*. Я был совершенно одинок, когда искал хорошее в себе.

— Я начал писать и считался чудесным художником. Мои товарищи по искусству верили, что жизнь идет, развиваясь, и главная роль в этом развитии принадлежит писателям, поэтам. Я тоже верил, что должен писать и печататься как можно больше, должен *учить и просвещать людей*, служить благу человечества.

— Я и мои собратья по перу не знали при этом, что хорошо, а что дурно, не слышали друг друга и на самом деле хотели *получать больше денег и похвал*.

— Жизнь в Европе и сближение с европейскими учеными людьми укрепили мою *веру в прогресс* как естественный процесс совершенствования жизни.

— Счастливая семейная жизнь отвлекла меня от искания общего смысла жизни. Вся жизнь сосредоточилась на жене, детях, добывании средств существования. Я считал писательство пустяшным делом, но писал и получал за это огромное вознаграждение. Смыслом стала *благополучная жизнь семьи*.

— Некоторое время назад у меня появилось ощущение «*остановки жизни*», как будто я не знал, как мне жить, что мне делать, что

будет потом. Например, думая о славе своих сочинений, я говорил себе: «Ты будешь славнее Пушкина, Гоголя, Шекспира, Мольера — ну и что?» Многие вопросы к себе, падая в одно и то же место, «сплотились без ответов в одно черное пятно».

— В пятьдесят лет жизнь моя остановилась, потому что не было у меня таких желаний, удовлетворение которых я находил бы разумным. Истиной стало казаться то, что *жизнь — бессмыслица*.

— Я не мог жить, не думая о смысле жизни, и не мог не видеть смену дней и ночей, ведущих к смерти. Ужас приближения и ожидания смерти был слишком велик, и это чувство сильнее всего влекло меня к *самоубийству*.

— Я думал, что состояние отчаяния не должно быть свойственно человеку, а значит, я чего-то не понял о своей жизни. Я стал искать *разумного знания о жизни* в естественных и умозрительных науках, в философии и учениях мудрецов, но нигде я не нашел ответа на вопрос: «Зачем Я живу?».

— Я изучал людей своего круга и увидел 4 основных способа избежать отчаяния и переживания бессмыслицы жизни: неведение и непонимание; эпикурейство; сила и энергия — выбор самоубийства; слабость — знание зла жизни, но продолжение ее в ожидании чего-то. Я выбрал *путь слабости*.

— Я должен был *оправдать свою жизнь*. Мой настоящий вопрос о жизни был такой: «Что выйдет настоящего, неуничтожающегося из моей призрачной, уходящей жизни?»

— Я обратился к религии и верующим, простым людям. Я увидел, что они признают смысл жизни в неразумном знании, т. е. в вере. Выходило противоречие: разум отрицал жизнь, породившую его, а вера требовала отречься от разума, чтобы оправдать жизнь.

— Я говорил себе, что сущность веры в том, что она придает жизни смысл, который не исчезает со смертью человека. Я искал веры, силы жизни. Я *искал Бога* как истины, которая не проясняется разумом, но помогает человеку жить. «Живи, отыскивая бога, и тогда не будет жизни без бога».

— Я бросился к изучению богословия, пытаюсь объяснить необъяснимое. Не разум, а сон помог мне. Я увидел, что вишу на невообразимой высоте: бездна внизу и бездна вверху. У моего тела нет опоры. Бесконечность внизу пугает и отталкивает меня. Бесконечность вверху притягивает меня. Я смотрю только *вверх*, и страх покидает меня. Я всем телом чувствую опору, вижу столб у своего изголовья, на котором держится эта опора. Голос сна сказал мне: «*Заметь, это оно*».

Необъяснимость прозрений, предвидений и постижений, случающихся в жизни каждого человека, заставляла художников и иссле-

дователей ценить не только прозрачность отрефлексированных представлений личности о себе, рождающихся в сознательном развитии своих качеств и совершенствовании жизни. Большой интерес вызывала тайная, созидательная либо разрушительная, жизнь души, открывающаяся в сновидениях, интуиции, фантазии.

3. Модель личностного опосредования сознательно-бессознательной жизни (классический психоанализ, аналитическая психология, глубинно-психологические мотивы литературы).

В становлении культурных воззрений на личность, ее философское изучение как стоящей «над жизнью» приобрело оппозицию в виде научно-психологических исследований жизненной производности и зависимости личности, ограниченности ее влияний на жизнь. Индивидуальная психическая жизнь предстала в этих исследованиях как текущая скрыто, самопроизвольно, с фрагментарным высвечиванием и контролем со стороны сознания. **Бессознательное** составило главную тему психоанализа — направления, которое, в силу его культурных, научных вкладов, можно назвать «событием гениальности» в познании человека.

У Шопенгауэра, Гартмана и Бахофена, пробудивших интерес европейских мыслителей к глубинному слою человеческого бытия, «бессознательное» служило символом всеобщего жизненного потока, несущего в себе неизмеримый мифологический, мистический, религиозный опыт поколений, или, иначе, символом мировой души, содержащей все, что когда-либо было узнано человечеством и априори дано каждому человеку.

3. Фрейд и К. Г. Юнг в своих психологических учениях о бессознательном сместили познавательные акценты с «человека вообще» на индивидуальность. Гигантской системе универсалий (Бытие, Жизнь, Мировая душа), которые ранее метафизически конституировали и объясняли человека, была противопоставлена отдельная личность — «единственная реальность» среди «абстракций». Для психологии была прагматически очерчена реальная предметная область: «**индивидуальная личность**». При ее изучении были акцентированы динамика психической жизни, раздвоение психики на сознательную и бессознательную, отношения личного и коллективно-бессознательного, структура и типы личности.

С точки зрения классического психоанализа, индивид, постоянно оказывающийся на глубинном уровне проживания, подверженный воздействиям либидо, комплексов, защит, процессов замещения, вытеснения, проекций и интроекций, тем не менее, обладает способностью усиливать и распространять сознательный контроль над своей текущей жизнью. В спонтанной **жизненной динамике** ин-

дивид внутренне конституируется в качестве «личности» как гибкого интеграла актов и эффектов сознания, личного и надличного бессознательного или психической **структуры**, объединяющей относительно устойчивые «Я», «Оно» и «Сверх-Я». Личность опосредует психическую жизнь, может продуктивно сублимировать энергию бессознательного в актах творческого сознания, ассимилировать элементы «Оно» в «Я», усиливать или ослаблять возможности сознания за счет обращения к образованиям бессознательного, превращать глубинный мир в объект самопознания или в субъекта бесконтрольной власти. Не следует преувеличивать потенциал «Я» в отношениях с областью скрытых желаний, травм, конфликтов, фантазий. Чтобы улучшить охранительную способность «Я» в структуре личности и высвободить его для конструктивной работы с бессознательным, нужна помощь психоаналитика или значительные рефлексивные усилия индивида.

Согласно юнгианской трактовке, в сплошном и одновременно дифференцированном процессе психической активности ведущая роль принадлежит актуализации первичных жизненных влечений, связанных с ними «архетипов» и символов бессознательного. К влечениям, имеющим наибольший динамизирующий эффект, относятся влечение к любви, стремление к власти, желание достижений, стремление к автономии, стремление к зависимости и подчинению, желание самоутверждения, разрушительные и саморазрушительные побуждения. Для адекватной реализации они должны в той или иной степени осознаваться, приобрести предметность, открыть присутствие желаемого объекта взамен его отсутствия, быть отмечены личными переживаниями и оценками, выразиться в идеях, образах и способах действий. Достижение ожидаемого результата и удовлетворения происходит в соответствии с определенным, жизненно развившимся **психологическим типом** индивида или «личностью». Тип образуется, во-первых, ведущей функциональной установкой психики (мыслительной, эмоциональной, интуитивной и сенсорно-образной). Во-вторых, преобладающей направленностью влечений и всей психической жизни на объекты или субъекты. В-третьих, доминированием сознания или бессознательного в динамике их взаимодействия, силой сознательного Я в отношениях к глубинным процессам. В-четвертых, основными конфликтами влечений, психических функций, уровней сознания, субъективной и объективной направленностей психики и способами их разрешения. В-пятых, смещением психической активности в направлении высшего, духовного, культурного, или низшего, архаичного, деструктивного.

В саморазвертывании влечений личность как «психологический тип» не обладает высшей властью. Она здесь не сущность, не дух, не момент абсолютного «Я», не «закон души». Это скорее **интегральная функция** индивидуальной жизни. Она служит поддержанию единства жизни на основе согласования влечений и других форм психической деятельности с условиями реальности; развитию Я как «центра» сознания на основе глубинной «самости»; достижению «индивидуации» путем превращения потенциала коллективного бессознательного в систему индивидуальных способностей, разрешения противоречий своего типа и движения к высшей Самости. Личность влияет на динамику психической жизни, устанавливая гармонию и равновесие ее субъективности и объективности, сознательного и бессознательного уровней, рациональных и иррациональных форм или становясь проекцией их конфликтов.

Важнейшей образующей функционально-динамической структуры личности выступает сознательное «Я» или «**Эго**», охраняющее индивида от внутренней диссоциации, психических деформаций, аномалий и болезней. По отношению к бессознательной жизни Эго часто действует репрессивно, не всегда имея возможность сублимировать тайные порывы. Оно оберегает индивида от изоляции и эгоизма, вбирая позитивный опыт прижизненных отношений индивида с другими людьми. Когда же цензура внутренней социальности перестает защищать от нежелательных влечений, Эго ослабляет, теряет контроль или усиливает сопротивление в режиме гиперкомпенсации. Эго рационализирует жизнь, делает ее направленной, соответствующей нормам и идеалам общества, но часто бывает бессильно перед иррациональным слоем души, отказывается от интуитивного проникновения в него. То, что в мире недоступно осознанию и рационализации, часто становится для Эго источником тревоги и неуверенности, и оно предпочитает отрицать «непознаваемое», отказываясь от религиозного, метафизического, философского, поэтического поиска.

Эго относительно устойчиво, действует и проявляется как «характер» индивида, в котором закрепляются способы сознательного достижения успеха, удовлетворенности, превосходства, последствия сделанных жизненных выборов, отношения значимых людей, результаты освоения ценных объектов, следы осознания нереализованных влечений, эффекты самопознания, рефлексия надличных интенций. Неизбежная конфликтность характерологических аспектов, накопление осадков неудовлетворенности могут нарушить адаптацию индивида в обществе, сделать его личностную структуру проницаемой для негативных социальных компенсаций. К наиболее

радикальным из них относятся растворение личной жизни в идеологической или общественной деятельности, полное слияние личности с профессиональной жизнью, поглощенность политической властью, изобретение социальных доктрин и утопий, одержимость статусом «знаменитости», совершение громких преступлений, систематическое насилие над близкими.

В общем контексте психоанализа «Эго» выступает, прежде всего, «аппаратом» защиты, сдерживания, контроля и не столь часто — средством саморазвития и перевода потенциалов бессознательного на уровень активного индивидуального воссоздания и обновления ценностей **культуры**. Культуротворческое значение Эго-сознания подчеркивается, в основном, юнгианской школой, в частности, идеями о **символах** как воплощениях архетипов в бытии культуры, как инструментах культурного развития общества и индивидов, как формах исполненности личности в культурном самовыражении.

Символы в их влиянии на искусство, литературу, гуманитарные науки, бессознательную и сознательную жизнь народов и конкретных людей могут быть сравнимы только с научными и философскими понятиями. Эти культурно-психологические феномены имеют глубокое родство, выступая обобщенными результатами человеческого познания, проживания и творческого духовного синтеза, выраженными в словах и изображениях. Символы являются чувственно-образно-вербальным эквивалентом мысленного обобщения наилучших идей, возникших в истории культуры по поводу той или иной реальности, вызывающей у множества индивидов желания, интерес, творческие устремления и практические интенции. В индивидуальном принятии, создании и применении символа личность превращает его в «индивидуальность», действующую как относительно автономный аспект ее внутреннего мира, интегрирующий множество жизненных содержаний.

Символы явственны, живы, детальны, интимны. Они осваиваются индивидами через сказки, мифы, поэзию, живопись, религиозные и магические ритуалы, детские игры, где служат основными сознательными элементами, замещающими реальность, не похожими на нее и тем не менее загадочно подобными ей. Так, идеи мифа о странствии человека навстречу неведомой судьбе, поиске мудрости или подвигов, завоевании в сражениях или умственных состязаниях сокровища — любви прекрасной женщины, вознаграждении коронной и верховной властью составляют для личностей разных народов сокровенный, идеальный, воображаемый опыт «овладения жизнью». В культуре он осознается как символ «путь Героя», укорененный, согласно глубинной психологии, в архетипе Эго-сознания (96).

Одним из способов порождения, существования и выражения символа является **слово**. В слове символ свидетельствует о своем генезе, множестве воплощенных событий, объектов и индивидуальных впечатлений, о своей способности порождать другие символы, о своей значимости для конкретной личности, нашедшей в нем средство прозрения, понимания, толкования себя и мира. Символ — «слово личности». К.Г. Юнг пишет в «Красной книге»: «Символ — это слово, что исходит изо рта, которое не просто произносится, а возносится из глубин самости как слово силы и великой нужды и неожиданно оказывается на языке. Это поразительное и, возможно, кажущееся иррациональным слово, но его признают символом, ибо оно чуждо сознательному разуму. Если человек принимает символ, как будто раскрывается дверь, ведущая в новую комнату, о существовании которой раньше и не подозревали. Но если символ не принимают, как будто беззаботно проходят мимо этой двери, и поскольку это была единственная дверь, ведущая во внутренние чертоги, придется снова выйти на улицы, обратившись ко всему внешнему. Но самость испытывает великую нужду, ибо внешняя свобода ей без пользы. Спасение — это долгая дорога, ведущая сквозь много врат. Эти врата — символы» (198; с. 260). Так в словесном символе «душа» личность издавна постигает и выражает свое внутреннее единство и полноту, свою свободу, тайну, индивидуальность и стремление к вечному существованию.

Сильной культурной стороной психоанализа являются его связи с **литературой**, выдающимися текстами мифологии, поэзии и прозы. Он имеет литературные истоки, яркие литературные референции и обладает сильными литературными влияниями. Так, у «Я» личности, всегда напряженного из-за близости бессознательного, но именно поэтому способного к большим творческим и самосозидательным прорывам, есть прототипы в произведениях великих европейских писателей-персоналистов. Трудно, например, не уловить созвучия голосов Эго-героев Ф.М. Достоевского, М. Пруста, В. Набокова с голосами мастеров глубинной психологии, воссоздавших образы своего «Я» в форме больших теорий.

Герои **Ф.М. Достоевского** рефлексиируют на пределе возможностей. В немислимых усилиях сознания пытаются уловить или предвосхитить свои жизненные положения и ситуации, схватить мимолетные мысли, переживания, интуиции и желания. Отчаиваются от присутствия необъяснимого в своих побуждениях и поступках. Невольно выдают своего бессознательного «Другого», скрывающегося за поверхностью сознательного мышления и поведения. Субъективно создают здесь-и-сейчас текущую жизнь, в которой

надеются «собой» повлиять на все, касающееся Я и значимых других.

Эго-герой **М. Пруста** не стремится прояснить актуальную и наступающую жизнь, всегда неизбежно ускользающую от сознания. Он собирает себя-в-прошлом, ретроспективно воссоздает собственное бытие, предпринимает феноменологический синтез личности, сопротивляясь забвению себя. В интерпретации М.К. Мамардашвили, герой «Поисков утраченного времени» стремится к высвобождению своего «подлинного бытия», т.е. душевных движений, очищенных от присутствия «мертвых отходов повседневной жизни». Осуществляется погружение в историю своих интимных желаний, только и позволяющих узнать себя представляющим, мыслящим и чувствующим. Свободно воссоздаются и осмысливаются ощущения и образы дорогих лиц, предметов и мест жизни, в которых, как тайное содержимое древних ваз, заключены неосуществленные, дремлющие влечения, пронизавшие все жизненное пространство и время героя. По вновь проживаемым и запечатленным в тексте феноменам чувств, воображения и фантазии, «нанизанным» на продвигавшиеся по жизни скрытые устремления, автор узнает самое ценное и сильное в собственной личности — «тело желаний». Оживление желаний, о которых он знал или догадывался всегда, тех, которые открылись ему при художественном воссоздании истории своей внутренней жизни, и тех, что остались вне сознания, но были «проявлены» его текстом для тонкого читателя, составило уникальный опыт «психологической алхимии» Пруста. «То, что является материалом в романе Пруста, есть новая психология. В ней мы обладаем не тем телом, которым якобы обладаем. Живет в мире не это тело, а какое-то другое, которое можно видеть, соединив его с пирожным «мадден», с колокольнями города детства и т.д. Пруст все время говорил: чтобы понять что-то, к видимому миру нужно присоединить невидимый мир желаний. Слово «желание» не обозначает рассудочное, ментальное состояние... Оно указывает на желающие тела, на тела желаний, а они есть продукт нашей истории...» (86; с. 254).

Эго-герой **В. Набокова**, наслаждаясь детальной литературной актуализацией своего прошлого, постоянно ощущает вмешательство в жизнь метафизической тайны, испытывает влечение к ней и признается в бессилии понять «Я» в соотношении с трансцендентным миром. «Сколько раз я чуть не вывихивал разума, стараясь рассмотреть малейший луч личного среди безличной тьмы по оба предела жизни! Я готов был стать единоверцем последнего шамана, только бы не отказываться от внутреннего убеждения, что себя я не вижу в вечности лишь из-за земного времени, глухой стеной

окружающего жизнь. Я забирался мыслью в серую от звезд даль, но ладонь скользила все по той же совершенно непроницаемой глади. Кажется, кроме самоубийства, я перепробовал все выходы». (95; с. 20) Не находя ответа на загадку надличного, герой обращается к личной интуиции тайны сохраненного или утраченного времени. С ее бессознательным внутренним действием он связывает впечатления и метафоры «оттисков», «пустот» и «избытков» в воссоздаваемых памятью событиях жизни. Он думает, что проживание времени детства, остающееся почти неизвестным, отпечатывается волшебным следом во всей жизни и личности, постигаемым средствами искусства. Но при попытках уловить этот след он чувствует «исчезновение времени жизни», когда память теряет силу, и Мнемозина начинает плутать и растерянно останавливается в тумане личного прошлого, где там и сям виднеются таинственные пробелы: terra incognita. Тогда он пытается выйти за пространственно-временные границы индивидуальной истории, восторженно переживая, например, «вечную сущность» Кембриджа как символа «приволя времени» и «простора веков».

«Я» этой экзистенциально насыщенной литературы, в отношении к свободному движению жизни и бессознательной динамике души, демонстрирует позицию, усиливающую откровения глубинной психологии. Ему присуща жажда самораскрытия, переживаемая в интенсивных актах сознания, интуиция скрыто происходящих душевных перемен при рискованных экспериментах сознания над жизнью, бесстрашие перед противоречиями, наплывающими из «жизненной бездны» и примирение противоречий на пределе своих сил.

Возвращаясь к Ф. М. Достоевскому, вслушаемся в высказывания Подростка, героя одноименного романа, «Я» которого с великолепной энергией юности творит жизнь в коллизиях явных и неявных желаний (52).

— *Коллизия тайного желания превосходства и выражаемого стремления к самоуничтожению.*

На вопрос, не князь ли он, Подросток отвечает: «Нет, просто Долгорукий, незаконный сын своего бывшего барина, господина Версилова». Переживая и осознавая самоунижение, говорит: «Эту глупость я таскаю на себе без вины»; «Это стало сводить меня с ума».

— *Коллизия желания следовать выдуманной «идее» и влечения к реальной жизни.*

Подростка захватывает мысль, что «деньги — высочайшее равенство, в этом их главная сила», а значит, нужно «стать Ротшильдом», шаг за шагом создавая богатство. И при этом он осознает, что никакая «идея» не может захватить настолько, «чтобы не остано-

виться вдруг перед каким-нибудь подавляющим фактом и не пожертвовать ему разом всем тем, что уже годами труда сделано для идеи».

— *Коллизия желания любви отца и желания отказаться от надежд на отцовское покровительство.*

Многолетние тайные надежды на близость с отцом тают в обесценивающем суждении Подростка: «Он остался в мечтах моих в каком-то сиянии, а потому я не мог вообразить, как можно было так постареть и истереться».

— *Коллизия скрытого влечения к женщине и желания избежать «женского» как опасного, недоступного, дурного.*

Восхищение Екатериной Ахмаковой утаивается Подростком под покровом отрицания «идеи женщины» и женского образа своего «безобразного» сна: «О женщинах я ничего не знаю, да и знать не хочу, потому что всю жизнь буду плевать и дал слово»; «Женщина — порок и соблазн, а мужчина — благородство и великодушие»; «О, неужели эта бесстыжая женщина во сне — та самая, от одного взгляда которой кипело добродетелью мое сердце».

— *Коллизия влечения к публичной власти и стремления к одинокому осуществлению грандиозной «идеи».*

«Я думал уйти в свою скорлупу, уйти от всех». «Кроме уединения, мне нужно и могущество». «Я не привык к обществу, даже к какому бы то ни было».

Во многих психоаналитических концепциях личность монолична: видит в «обществе» своего антагониста, источник страха и чувства вины; освобождается от подавляющего влияния коллективности и власти общественных идеалов и оценок; утверждает относительность культурных и социальных ценностей. Общество предстает причудливой мозаикой атомизированных индивидов, а личность — «восходящей» к индивидуализму как независимости от других. В силу своей высокой авторитетности и мощи культурного резонанса психоанализ, по закону оппозиций, должен был стимулировать развитие сильного научного направления, централизованного на «общественной» и «диалогичной» личности, индивидуально исповедующей общечеловеческие, духовные ценности. Данное направление образовали концепции, рассматривающие связь личности с жизнью в форме активных персональных «отношений».

4. Модель отношения личности к жизни (Л. Фейербах, М. Бурбер, Ж.-П. Сартр, М. М. Бахтин, С. Л. Франк, С. Л. Рубинштейн).

В контексте данной модели «жизнь» и «личность» приобрели интерпретацию, подчеркнувшую становление человека внутри общества суверенных индивидов и развитие индивидуального Я в един-

стве с другими Я. В числе необходимых условий развития «личного» были выделены феномены межличностного и интерсубъектного взаимодействия, составляющие тонкое строение коллективной жизни.

Повышенный интерес европейских мыслителей к теме взаимодействия «личность — другая личность» и «Я — другое Я» возник в начале XX века вследствие ряда новых общественных процессов. Это, во-первых, распад многих традиционных форм и институтов коллективной жизни, нивелировавших индивидуальность. Во-вторых, возникновение интереса культурной элиты к эзотерическим знаниям об устройстве и практиках герметичных сообществ, прославленных своими тонко избирательными влияниями на личность. В-третьих, растущая ценность человеческой близости, преодолевающая многие запреты и ограничения, налагаемые на взаимоотношения людей традиционной культурой и религией. В-четвертых, распространение новых человеческих объединений (организаций, союзов, партий, движений, клубов), где в большем или меньшем согласии друг с другом действовали индивиды, признающие за собой личную независимость, неограниченную свободу выбора и не боящиеся остаться один на один с жизнью. В-пятых, растущее отчуждение множества людей от производимых ими вещей, идей, технологий из-за отсутствия человеческих канонов оценки обществом индивидуальных усилий и результатов деятельности.

Необходимо было найти новую перспективу человека, которая могла бы преодолеть безличность традиционализма, тенденцию к чрезмерной индивидуальной дифференциации социума. На одном из направлений поиска главной «единицы» коллективной жизни и ведущим способом социальной вовлеченности индивида был определен **диалог автономных личностей**.

Основатели направления считали, что матрица диалогичной социализации человека может быть извлечена из опыта жизни философов, которым удалось сначала сполна войти в акт самопознания, испытать себя и справиться с одиночеством, а затем обратиться к тем людям, кто сумел их понять, открыть свое сродство с ними и увидеть себя в составе «Мы». Философ, как никто другой, может осознать себя местом порождения и пересечения множества межличностных событий, а также познать и использовать их законы. Его конструктивный опыт «диалогичной жизни» должен быть распространен и практически умножен в социуме. И тогда индивиды, включенные в самые разные деятельности, начнут внутренне принимать «других» как необходимую жизненную ценность. Отвлеченный гуманизм учений о самодостаточности индивидуальных «духа»

и «жизни» отступит перед позитивной идеей о саморазвитии человека в интеллектуальном, деятельном и рефлексивном обмене с другими. Исходя из анализа диалога, будут предложены личностно-центрированное понимание общества и гуманистический подход к управлению общественными процессами.

В новом видении личность приобретала реальность, телесность, половую специфику, восприимчивость, социально ориентированное мышление, способность к коллективным действиям — то, что необходимо для полноценного общения. Стали изучаться не только субъекты психики и сознания в сферах идей, текстов, идеальной рефлексии, фантазий и сновидений, а субъекты, практически включенные в конкретную для каждого природную, предметно-культурную, духовную и психологическую ситуацию.

Получило развитие понятие «**экзистенции**». Кроме трудно осуществимого одинокого погружения в жизнь, бесконечных исканий ее возможностей, разрешения коллизий и непреодолимого бессилия в предстоянии перед будущим, раскрытых ранним экзистенциализмом, оно стало означать способ, которым достигается относительная стабильность, полнота и перспектива индивидуального бытия. Таким способом выступило деятельное оправдание личностью своего существования перед лицом **близкого Другого** с его встречным принятием и готовностью к диалогу. Близкий — это субъективно значимый, внутренне идентичный личности человек, в мире которого она находит новую форму своего бытия. Близость не зависит от того, единичный ли это «Другой», или коллективный «Другой», или Бог, осмысленный как Личность.

В концепции **М. Бубера** выстраивается система понятий, общенно характеризующих динамику экзистенциальной ситуации жизненного единения личностей.

Встреча — момент взаимопритяжения личностей, возникновение у них готовности к диалогу как способу узнать в контексте общения «Другого» и себя как «Другого».

Со-бытие — преодоление личностью своей изоляции. Реализация диалогического отношения, вступление в общение с такой же суверенной личностью. Моменты возвращения от «Другого» к «Я» во имя сохранения бытийного пафоса одиночества.

Прорыв одиночества — момент понимания человеком другой личности в ее инаковости, автономии и отношениях с собой как «Другим» для этой личности. Раскрытие равенства людей в их положении «быть значимыми друг для друга». Уход от иллюзий личной самодостаточности при осознании присутствия и наполнения «Другими» своего «Я».

Между — место и время взаимодействия, бытийного единства личностей. Внутреннее пространство текущего диалога, область встречи «Я» с «Ты», сфера трансцендирования, где значительно все: от мимолетного обмена взглядами до напряженного прояснения этического конфликта двух личностных миров.

Диалог — связь двух людей, при которой каждый вызывает другого на непосредственный, заинтересованный, основанный на согласии ответ. Отношение душевного взаимопроникновения в чувственно-образных, мыслительных, аффективных и практических формах. Возникновение влияний одного человека на другого и их принятие этим другим. Диалог противоречиво и гармонично соединяет дающего и берущего, дарящего и принимающего, ведущего и подчиняющегося, деятельного и пассивного, познающего и сомневающегося, обучающего и учащегося (27).

Для достижения автономии, целостности, зрелости Я личности, а именно они в границах рассматриваемой модели являются целью и ресурсом ее жизни в обществе, недостаточно самососредоточения и самопознания, персональной самореализации, осуществления бессознательных желаний. Они становятся эффектами личностного осуществления и интеграции множества отношений как субъективных интенций, стремящихся к значимым объектам, встречающихся с интенциями других индивидов, и конституирующих диалоги личностей. «Отнестись» — значит исходить из своей «самости», занять Я-позицию, инициировать личную связь с объектом, вызвать в его адрес активность других людей, осуществить совместное действие, сделать объект частью себя и других, оставить себя в нем.

К основным объектам отношений относятся «вещь», «человек», «образ», «идея», «действие», «символ», «бессознательное», «Я». Все отношения, связывающие личность со значимыми объектами, осуществляются в модусе «к» и одновременно в модусах «с» и «между». Отношения имеют личностный источник, личностную адресацию, межличностную реализацию. Это касается и отношения к себе, которое развивается по принципу «реальной двоичности», вбирая в «Я» процессы и результаты взаимодействия личности с другими людьми, отношений к другим и бытия в них, происходящих благодаря продуктивным предметным, интеллектуальным, эмоциональным, эстетическим, практическим отношениям. Самое существенное для характеристики личности возникает там, где происходит ее выход за пределы себя, в области разделенного с другими познания, любви, доброты и заботы, общей веры, самопознания, основанного на взаимной свободе и тождестве с другими, творчества, вдохновенного культурным сознанием и коллективным бессознательным.

В учениях об отношениях, как и во всех других упомянутых теориях жизни, подчеркивался динамический аспект личности, связанный, однако, не с частными, а с **интегральными** феноменами индивидуального бытия. «Отношения» рассматривались как подвижный синтез духовных актов, бессознательных процессов, состояний сознания, деятельности, актов рефлексии и определялись как соединяющие интраперсональную область жизни с интерперсональной. При этом за текучими феноменами отношений находили развившиеся на их основе относительно устойчивые **качества** личности (познавательные, этические, социальные, религиозные, практические и т.д.), структурирующие динамику отношений и задающие константы жизненного диалога личностей. В ряде теорий личности отношения, в сочетании их постоянства и текучести, обозначаются термином «диспозиции».

В трудах **Ж.-П. Сартра** (131) и **М.М. Бахтина** (19) можно обнаружить сходные идеи об отношениях, которые можно обобщить следующим образом.

О любом отношении личности можно сказать, что оно прямо или опосредованно адресовано другим личностям; реализуется внутри индивидуального жизненного процесса в качестве образующей его динамики; охватывает и соединяет общей активностью многих значимых людей; неразрывно связано в самосознании субъекта с внутренним принятием других. «Я» субъекта отношения уникально сочетает: во-первых, интимно принятых других, во-вторых, себя, идентичного близким другим и представленного в них; в-третьих, себя, воплотившего дальних других, которые отражены в образах коллективного сознания и бессознательного. Отношение, к какому бы предмету оно ни устремлялось, служит установлению более тесной связи личности с другими людьми, также нацеленными на данный предмет. Отношение трансцендентно в том смысле, что поддерживает явную и имплицитную связь личности с глобальным миром всех человеческих жизней, всех культур, языков, текстов, верований; это обращение в сферу «абсолютной человечности», способ причастности к созданию Человека.

Философские концепции протекания жизни в форме отношений, благодаря своей персоналистичности и экзистенциальности, могли легко проникать в психологические теории личности, теории воспитания и в социальные проекты развития человека. Эта сторона идей об отношениях особенно привлекала отечественных ученых, что подтверждается трудами С.Л. Франка, А.Ф. Лазурского, С.Л. Рубинштейна, В.Н. Мясищева.

А. Ф. Лазурский и **С. Л. Франк**, основываясь на философских положениях об отношениях и структурной теории характера, разработали «Программу исследования личности в ее отношениях к среде» (64), которая должна была, по их мнению, способствовать созданию нового фундаментального учения о личности.

Отношения в контексте данного подхода выступают «экзопсихическими» проявлениями личности, которые могут закрепляться в ней в качестве динамичных черт характера и становиться их жизненными выражениями. Отношение направлено на определенную категорию объектов (вещи, природу, других людей и т.д.). В силу своей сложности оно может быть исследовано с различных сторон: 1) с точки зрения интенсивности; 2) по признаку специфической формы и качественных особенностей; 3) по уровню развития и дифференцированности; 4) по объему и широте; 5) в аспекте противоположностей. Такой подход к изучению отношений позволяет провести индивидуализированный анализ личности как их субъекта.

Аналитическая модель по Франку и Лазурскому представляет собой масштабную классификацию отношений. Приведем ее с существенными сокращениями.

Отношение к вещам

1. Человек любит вещи, охотно собирает и хранит их, бережно обращается с ними. Или ценит в вещах только их полезность. Или равнодушен к ним в силу либо недостатка культуры, либо незнакомства с ними, либо «философского» признания их ненужности.

2. Проявляет бережливость хозяина, дорожит комфортом. Или накапливает вещи, проявляя скупость. Или занимается коллекционированием вещей, составляет музеи и собрания. Или ищет эстетический смысл вещей. Или чувствует тесную интимную связь с вещами. Или безразличен к замене вещей. Предпочитает создавать вещи, или пользоваться готовыми вещами.

3. Предпочитает сложные вещи или простые. Аккуратен, заботится о вещах или небрежен к ним. Любит роскошь или исповедует аскетизм. Предпочитает редкие или широко распространенные вещи.

4. Имеет склонность к обилию и разнообразию вещей или довольствуется самым необходимым. Любит предметы в их целостных сочетаниях или привязан к отдельным вещам, либо какой-то категории вещей.

Отношение к природе

1. Любит природу, тоскует по ней или равнодушен к ней, предпочитая городскую обстановку, или исповедует утилитарное отношение к природе, рассматривая ее как источник дохода.

2. Довольствуется созерцанием природы или активно преобразует ее. Интересуется природой во всех ее проявлениях или любит ее определенные объекты.

3. Имеет древний, мифологический, или эстетически-художественный, или естественнонаучный взгляд на природу. Утонченность, изысканность понимания природы или склонность к простым природным формам.

4. Приобщен к немногим объектам природы, к определенным местностям или ландшафтам. Или погружен в природу всю жизнь, ищет грандиозных впечатлений и картин природы.

Отношение к другим людям

1. Имеет постоянную потребность в общении с друзьями, товарищами, близкими. Или легко переносит одиночество. Или отшельник по натуре, стремится к уединению.

2. В общении ищет, прежде всего, обмена чувствами и мыслями, разговоров и рассказов, сотрудничества или борьбы, власти, соперничества. Преобладают дружелюбность, доброжелательность, или конфликтность и враждебность, или равнодушие, отчужденность. Предпочитает непосредственное, воображаемое, или мысленное общение.

3. Высокие требования к отношениям, утонченность дружбы и любви или простота, нетребовательность в общении.

4. Нуждается в общении со многими или избранными. Исповедует глубокие интимные отношения или довольствуется односторонним, поверхностным общением.

Отношение к любви

1. Испытывает потребность в любви, способен к сильному, глубокому чувству. Или имеет насмешливое, циничское отношение к любви. Или разочарование в любви. Влюбчивость или разборчивость в объектах любви.

2. Длительность, постоянство любви или склонность к мимолетному флирту, любовной игре, подверженность соблазну. Любовь, возбуждаемая внешностью человека (красота, улыбка, взгляд, походка) или духовными качествами (доброта, забота, героизм, милосердие). Любовь-товарищество или любовь-поклонение, любовь-власть или любовь-подчинение, любовь-альтруизм или любовь-присвоение.

3. Достижение успеха в любви посредством бессознательного кокетства, сознательной «науки любви», высокого, самоотверженного чувства. Любовь, не нуждающаяся в ответе, или любовь, требующая взаимности.

4. Односторонность или множество оттенков любви. Простота или утонченность любви. Верность в любви или донжуанство. Сти-

хийность или сознательное творение любви, спонтанность страсти или регулирование любовного чувства соображениями справедливости, разумности, служения, великодушия.

Отношение к нравственности

1. Сила нравственных чувств, идеалов и требований к себе. Или слабость нравственного сознания, или склонность к этическим компромиссам, или моральная распушенность, или имморализм.

2. Мораль общественного мнения, или мораль, укорененная в личной совести, или мораль трансцендентная (метафизическая, религиозная). Мораль возмездия, или мораль долга, или мораль страха, или мораль свободного чувства. Мораль душевного настроения личности или мораль поступков. Мораль аскетизма, или мораль гедонизма, или мораль альтруизма. Мораль прагматизма, или мораль справедливости, или мораль служения.

3. Утонченность нравственного сознания или упрощенное деление людей на добродетельных и злодеев. Моральный фанатизм или терпимость. Нравственная прямолинейность или гибкость и такт.

4. Подчинение всей жизни нравственному закону или фрагментарность нравственного поведения. Множество или ограниченное число добродетелей и этических действий.

Отношение к знанию и науке

1. Ищет знаний, стремится к ознакомлению с новыми явлениями и разумному объяснению непонятого. Или нелюбознателен, равнодушен к познанию. Ценит науку или считает ее отвлекенной, чуждой практической жизни. Способен к научной работе или лишен способности научно мыслить.

2. Склонен к накоплению фактических знаний или к логическим обобщениям и систематизации, к научному или художественному познанию, к освоению готовых знаний или творческому добыванию новых. Интересуется больше идеями или методами, теорией или практическим приложением знаний. Склонность распространять знания, быть педагогом, просветителем, популяризатором, культурным деятелем или разрабатывать знания в качестве ученого.

3. Добывает знания стихийно, без использования научных методов или направленно, систематически. Довольствуется поверхностным знанием (дилетант) или планомерно наращивает и углубляет знания.

4. Познавательный интерес сосредоточивается на узкой сфере либо профессии или распространяется на многие области знания, в том числе профессионального.

Отношение к своей личности

1. Постоянно имеет в виду свое «Я», во все вкладывает мысль о нем, склонен к самоанализу и самопознанию, стремится оберегать

свою обособленность, сохранять единство, цельность своей личности, хочет выделяться из толпы, удивлять своим своеобразием. Или представление о своей личности недостаточно сложилось и не возбуждает интереса, человек легко теряет индивидуальность, сливается с другими людьми.

2. Доразвит своим личным существованием, или общественный интерес настолько развит, что заглушает мысль о собственной личности. Высокая оценка себя, уважение к себе, осознание своей исключительности или скромность, смирение, или склонность к самоунижению и самопрезрению. Забота о внешнем признании своей личности, склонность к тщеславию, искание чужого одобрения, склонность к честолюбию, стремление выдвинуться и обеспечить себе положение в обществе, забота о репутации в обществе, своем добром имени. Сознание прав своей личности на самобытную жизнь и развитие, готовность защищать эти права. Или не признает обязанностей в отношении самого себя, считает «личное» лишенным ценности. Саморазвитие, самовоспитание или отказ от работы над собой в связи с признанием неизменности своей природы. Боязнь и отвращение к смерти, страх перед ее неизвестностью, перед наказанием за грехи или философское равнодушие к смерти, принятие ее неизбежности. Вера в загробную жизнь, основанная на идее справедливости и возмездия или равнодушие к идее загробной жизни.

3. Инстинктивное ощущение «Я» и его потребностей или сознательное отношение к своей личности, выработка ее идеала. Грубость, простота или тонкость, сложность знания о своей личности.

4. Расширение своей личности, установление отношений с множеством сторон жизни или сосредоточение на немногих связях с жизнью.

Отношения, систематизированные в «Программе» Франка и Лазурского, при условии их наполнения обновленными смыслами и содержаниями, и сейчас могут войти в социокультурные проекты «Личность». В европейском сознании, текстах, символах давно живет многомерный человек как центр разнообразных активных отношений, направленных во внешний и внутренний мир.

В качестве перспективного обоснования культурного и психологического развития отношений можно рассматривать фундаментальную онто-психологическую теорию личности **С.Л. Рубинштейна** (124; 127; 128). Она наметила те направления индивидуальной жизни, где человек мог бы достичь уровня бытийного идеала, который во множестве персональных воплощений объединит людей в общества нового типа, генерирующие и сохраняющие духовные, гуманистические ценности. Автор предложил концепцию самоопределения

и самостоятельности личности, основанную на идее о **рефлексии**, собирающей в «Я» значимые для индивида акты освоения знания, художественного созерцания, встреч с добром и злом, любви, самопознания и открытия смерти. Преломляясь и обобщаясь в «Я», указанные акты образуют индивидуальные «отношения к жизни» или «**жизненные отношения**» которые стремятся выразиться в преобразующих действиях и ответственных поступках. Развитие **деятельной личности** является основным эффектом интегрированных и рефлексивно регулируемых отношений. Представленное на уровне сознания в виде «моего» знания, понимания, переживания или воображения, отдельное отношение выражается в субъективных смыслах, планах, стратегиях, ожиданиях и прогнозах продуктивной деятельности, изменяющей наличную ситуацию индивидуальной жизни. При регулярном жизненном осуществлении отношения становятся сущностью **личности-субъекта**, вовлекая в свою динамику другие активные отношения, придавая целостность жизненному процессу и организации субъекта. Любое частное отношение индивида в конкретный момент жизни включает всю его личность, личную историю, перспективу, может быть понято только с учетом всех его преобразующих связей с бытием, является позицией «превосхождения» себя и ситуации, в которую включен.

В пространстве теорий жизни взгляды этого выдающегося ученого заметно выделяются синтетичностью и психологизмом. Основываясь на его размышлениях, усиливая экзистенциальные мотивы, присущие его теории, учитывая идеи Франка, В. Соловьева, Флоренского, Бахтина, Мамардашвили, **реконструируем** его концепцию жизни и отношений личности. Постараемся сохранить характерный стиль текстов Рубинштейна.

Итоговым предметом психологии, который познается методом раскрытия единства психики и деятельности, является **психическая жизнь личности**. «Психология, которая стоит того, чтобы человек отдал ей свою жизнь и силы..., является не чем иным, как последовательно, шаг за шагом, прокладываемым путем нашего познавательного проникновения в психическую жизнь личности, или, по существу, изучением психологии личности в ее деятельности» (124; с. 237). Психическая жизнь вовлекает в свое течение, соединяет сложные психические функции и процессы, образуясь и развиваясь на их основе. Побуждения, ощущения, восприятие, память, представления, эмоции, мышление, интуиция определяют во взаимодействии целостные жизненные моменты мотивации и познания, переживания и оценки, творчества и рефлексии личности. В связи с деятельностью психические функции формируют «образы» и «способы» действий,

а также смысловой план деяний и поступков личности. Устойчивость, связи и преемственность психических образующих жизненного процесса обусловлены сознанием или способностью индивида обобщать и соотносить с собой моменты своей жизни, приобретая свойство быть осознанным и названным «Я». Оно не только «собирает», наполняется и обогащается сознательными содержаниями индивидуальной психической и практической жизни, но и само становится внутренним источником жизненной активности личности, причиной ее бытия. В силу свойства быть «Я» личность может встать в собственное отношение к миру и жизни как внутренне автономная и самостоятельная. «Своеобразное отношение человека к миру связано с наличием у него сознания. Человек выступает как часть бытия, сущего, осознающая в принципе все бытие... Осознающий — значит как-то охватывающий все бытие, созерцанием его постигающий, в него проникающий, часть, охватывающая целое» (127; с. 341).

Я, включенное в деятельную жизнь, осуществляет функцию внутренней **детерминации** действий, участвуя в их мотивировании, целеполагании, смыслообразовании, регуляции и реализации. Закрепляя и воспроизводя ценные способы и результаты деятельности, Я становится иницирующим началом преобразующей деятельности, ее субъектом, в перспективе приобретающим силу свободного самодвижения и использующим возможности внесознательной психики. Тогда деятельность субъекта превращается в творческую, преодолевающую наличные границы себя, обстоятельств, намеченных целей, замыслов, стратегий и прогнозов. «Субъект в специфическом смысле слова (как «я») — это субъект сознательной произвольной деятельности. Всякая личность есть субъект в смысле «я», но психическое содержание человеческой личности не исчерпывается сознательной деятельностью, оно включает в себя также многообразие неосознанных тенденций» (125; с. 288).

Личность в сознательной, деятельной, творческой взаимосвязи с бытием становится **автором** своей жизни. В единстве природных свойств, устойчивой мотивации, способностей, характера и качеств самосознания, образующих его «личностную сущность», он осуществляется в триединстве основных бытийных отношений: к предметному миру, другим людям и самому себе. Сама жизнь предстает как динамика этих отношений, детерминированная личностными свойствами их субъекта. В этом положении личность выступает «**внутренними условиями**», через которые преломляются внешние воздействия на индивида, а также внутренним основанием психических процессов и субъективных воздействий на объективные условия жизни. «Значение, которое имеет личность в качестве сово-

купности внутренних условий всех психических процессов, исключает обособление психических процессов от свойств личности» (125; с. 297). Личность оказывается внутри своего бытия, выстраивая и направляя индивидуальный жизненный путь в его побудительном, познавательном, эмоциональном и действенно-поступковом планах, в осмысленных связях, в противоречиях, последовательности внутренних и внешних жизненных ситуаций и событий. Придавая жизни поступательные изменения, личность развивается сама, участвуя в своем становлении посредством самопознания, рефлексии. Жизнь как **жизнедеятельность** может быть рефлексивно представлена в форме, которая определяет зрелость индивидуального Я. Рефлексия переводит жизненный процесс личности в модус «моей жизни», «моего жизненного пути», «истории моей жизни», «мною известного», «мною совершенного», «мною сделанного», «мною достигнутого», «мною пережитого» и «мною неразрешенного». Рефлексия обобщает, оценивает, формирует итоговое отношение к тому, что делает личность, соизмеряя ее деяния с высшими ценностями и смыслами бытия. В своем рефлексивном участии в деятельности личность задает себе жизненную перспективу, потенциал дальнейшего развития, преодоления наличных границ существования. «Своими действиями я непрерывно взрываю, изменяю ситуацию, в которой я нахожусь, и вместе с тем непрерывно выхожу за пределы самого себя. Этот выход за пределы самого себя не есть отрицание моей сущности, это — ее становление и вместе с тем реализация моей сущности... Мое действие в каком-то аспекте отрицает меня самого, а в каком-то меня преобразует, выявляет и реализует» (127; с. 344).

Единство действенно-рефлексивного отрицания и преобразования Я составляет главную суть **творческой самодеятельности**, обуславливая активную роль личности не только в отношении к миру, но и в отношении к себе. Отсюда «авторство» личности в собственной жизненной истории, стремление к созданию полной картины индивидуального бытия на основе освоения множества психологических планов жизни, разрешения жизненных противоречий и осмысления жизни как целого. «Личность тем значительнее, чем больше сфера ее действия и тот мир, в котором она живет. Чем завершнее этот мир, тем более завершенной является она сама. Одним и тем же актом творческой самодеятельности, создавая мир и себя, личность создается и определяется, включаясь в ее всеобъемлющее целое» (126; с. 438).

Жизнь, ставшая творческой реализацией психических функций, вплетенных в ткань отношений, деятельности и самопознания, является принципиально не завершаемым выражением личности в мире,

т. к. подлинные индивидуальные свершения попадают в бесконечную длительность взаимных духовных, культурных влияний людей. Только в глобальном измерении ценностей человеческого бытия открывается истинная индивидуальность личности и уникальность ее жизни.

В системе размышлений Рубинштейна о личности и ее отношениях выделилась примечательная исследовательская линия, подхваченная его школой и сохранившая ценность не только для русской, но и западной науки. Речь идет о концептуальном соединении идей «социальности» и «индивидуальности», выдержанном в духе лучших социальных учений XIX – XX веков. Способом соединения стало диалектическое моделирование перехода общественных отношений, определяющих жизнь большого социума, в индивидуальные отношения личности. Личность в качестве «общественного индивида» (2) приобретала положение единичного субъекта социальных процессов на основе включения в разнообразное взаимодействие с конкретными «другими». В строе рубинштейновской мысли тема влияния живой коллективности на отношения личности нашла тонкое, детальное раскрытие. Акцент на полноценное, разностороннее и самостоятельное развитие личности в координатах позитивной социальности сообщает концепции Рубинштейна современный смысл. Развернутую в ней логику установления жизненного единства общественного и индивидуального в развитии отношений можно представить следующим образом.

Всеобщей характеристикой человека является то, что он включен в мир, принят им, существует внутри мира и взаимодействует с ним. Взаимодействие в системе «человек — человеческий мир» происходит в форме отношений индивида с другими и к другим, отношений к окружающему миру и к себе. Человеческий мир создается динамикой предметных связей и пересекающихся отношений индивидов, приобретая качество «общественного».

Человек связан с общественным миром как живой, телесный, сознающий и действующий. Активность индивидов в адрес друг друга, их взаимовлияние и объединение в творческом производстве развивают и обновляют общественные отношения. Отсюда необходимость бытия каждого конкретного человека и бытия всех индивидов, с которыми он связан развивающим взаимодействием. Общественные отношения как взаимные отношения индивидов даны отдельному человеку в качестве объективной реальности, которую он должен воспроизвести и субъективно изменить.

Объективная роль человека в мире обнаруживается через особенность его индивидуального включения в систему отношений с другими. Он призван стать одной из реальных движущих сил об-

щественного взаимодействия. В действительных жизненных связях с другими, в совместном духовном и предметно-преобразующем действии, в принятии ответов других людей и последствий своей деятельности у него развивается способность к личным отношениям к миру. Он становится человеком, отделяющим себя как «внутреннее» от внешнего бытия, соотносящим себя с миром, приобретающим определенность своего Я и занимающим собственную позицию, т.е. становится человеком **самоопределяющимся**. Отношения как факторы самоопределения образуют течение индивидуальной жизни в **культуре** и **обществе**, развиваются в форме познавательного, нравственного, эстетического, деятельного, рефлексивного.

Качество «отношения» придается жизни индивидуальным **сознанием**. Это важнейший план бытия индивида, состоящий в познании как соотносении полученного знания с «Я», в оценке и переживании себя, в нахождении смысла и регуляции своей жизни, в достижении самождественности. Сознание пробуждается и развивается в процессе **деятельности**, совершаемой чувствующим, представляющим и мыслящим индивидом в общении и единении с другими людьми. Деятельность выступает при этом не только в форме интенсивных предметно-практических преобразований, но и в формах созерцания, понимающего проникновения в мир и философского постижения бытия. Сознание является рациональной связью «Я» деятельной личности с «Я» других людей, непрерывным самоподтверждением присутствия личности в мире и обществе, свидетельством причастности или отчужденности «Я» от «Мы».

Индивид-деятель сам, внутренне порождаемой жизненной активностью, определяет становление сознания. Он овладевает им как психической способностью раскрывать, превращать в индивидуальную форму, обобщать в «Я» и субъективно изменять идеальное содержание коллективной жизни, частью которой является его собственное существование. В онто-психологическом смысле сознание — это выделение индивидом **идеального уровня** своей жизни и его перевод в собственные действия, поступки, личные ценности.

Идеальное, к которому обращено сознательное бытие индивида, выступает системой всеобщих элементов человеческой культуры: понятий и образов, символов и ценностей, смыслов и чувств, способов познания и побуждений, регулирующих общественную жизнь. Во всех идеальных образованиях представление человека о внешней вещи или внутреннем феномене и отношение к ним всегда соединяется с образом той деятельности, внутри которой функционирует вещь или возникает феномен, а также с образом своего Я как субъекта действия.

Идеальное, открытое и освоенное сознанием, является индивидуальным знанием о наиболее общем и закономерном в условиях, строении и направлениях человеческой жизни. Это знание, по мере того, как индивид овладевает им, наполняется личным смыслом, соотносясь с его желаниями, интересами, переживаниями, всем неповторимым течением индивидуальной жизни. Оно приобретает побудительную силу, содержит потенциал волеизъявления и практической реализации. Наполненное жизненным смыслом знание переходит у индивида в его интенции к действию. Идеальное, ориентированное на высшие ценностные содержания и способы человеческой жизни, приобретает уровень **«Духовного»**.

Человек обращается к идеальному, духовному во многих «срезах» своего бытия, во всем своем «иерархическом и гетерогенном внутреннем мире», включая его неявные, интуитивные, бессознательные планы. Сознание, вбирая творческий потенциал бессознательного, служит непрерывным отчетом, «исповедью души» индивида перед другими, для других и для себя самого о совершенном им одухотворении и преобразовании мира.

Сознающий и деятельный индивид анализирует и совершает «синтез» жизни, извлекает и разрешает ее проблемы. Объектом сознания для него выступает и собственное **«Я»** — часть и одновременно единственное место жизни. В координатах себя как «сущности» и себя как «существования» он предстает для себя как «Я сущностное», которому свойственны самодетерминация и активность в жизненном процессе. Открытие «Я» происходит во внутренних **диалогах** человека с другими людьми, где он постигает свою суверенность, свободу, действенность, присутствие в мире и в другом человеке, осознает, что, каким образом и зачем он совершает и каковы причины и следствия им совершенного. Сознание включено в жизнь как непрерывное, обобщенное отношение индивида. Познание и развитие жизни в качестве «моей», «мною определяемой», «моей свободы и ответственности», «мною создаваемой», «мною осмысленной» превращает индивидуальную жизнь в рефлексивный процесс, развивается в **рефлексивное отношение**.

Отношения сознания индивида, а также его действительные, практические отношения формируются как **общественные**, как «соотношения». Они имеют общественное происхождение, источники и средства развития, содержание и способы объективации. Их общественная суть определяет и одновременно определяется свойством индивида быть личностью. «В качестве личности человек выступает как единица в системе общественных отношений, как реальный носитель этих отношений» (123; с. 201). В контексте идей

о единстве общественного и индивидуального личность — это устойчивое социальное качество индивида, внутреннее условие, «множественный субъект», единство многих Я, активность, посредством которой человек строит свои конкретные связи с коллективной жизнью и отдельными людьми.

Личность развивается с переходом ситуативных, эмпирических отношений индивида, обращенных к людям, к общественно произведенным вещам, идеям, ценностям и к себе самому, в устойчиво закрепившиеся, генерализованные отношения. Переход достигается и в самодвижении жизни, и усилиями самого индивида, осмыслившего и соединившего в «Я» близкие, универсальные для себя способы духовно-практической активности. Постоянно повторяемая жизненная реализация избирательных отношений с их психическими формами, процессами, предметными и идеальными воплощениями, отождествление с ними отмечает становление **личностной сущности** данного индивида. С ее развитием в каждом эмпирическом проявлении (жесте, взгляде, действии, поступке) находят выражение доминирующие субъективные отношения и их связь в «личностное целое». Обретая «личность» как целостность, или структуру, отношений, индивид упорядочивает свою жизнь, укрепляется в ней, придает индивидуальному бытию соответствие определенным общественным канонам. Общественное не проецируется в индивидуальное, а соотносится индивидом со своими личными позициями, представленными в качестве «моих отношений к другим». Полноценная связь личности с жизнью определяется богатством преломления в ее отношениях многомерного общественного.

Внутриличностное освоение и субъективное преобразование общественных отношений, или «индивидуализация» — сложно детерминированный процесс. Со стороны индивида он обусловлен системой его свойств и сложившихся особенностей индивидуальной жизни. К ним относятся природные свойства, представляющие собой врожденные координаты и начальные потенции жизненного развития индивида, закономерности психики и деятельности, предметно-практические достижения и духовные продукты, ценностно-смысловая основа «Я» и общий уровень активности, с которой индивид себя познает и развивает. Отсюда своеобразная, конкретная форма, в которой принимаются и осваиваются индивидом общественные условия его жизни. Отсюда единственность жизненного пути, уникальность становления личности, ее возможность стать **индивидуальностью**. Отношения индивида, формирующие в нем личность, принадлежащие ей, индивидуально выражающие и проявля-

ющие ее сущность, выступают и «личностными отношениями», и «отношениями индивидуальности».

С развитием личности и ее отношений связано окончательное выделение в сознании человека его обобщенного «Я» как синтеза осознаваемых условий и аспектов индивидуальной жизни. Я-личность может подняться на высокие уровни жизненной активности и с широким общественным масштабом, нравственно, творчески, основываясь на знании и рефлексии, действовать в мире. Органично соединяются отношения индивида к «моему миру», к «моей жизни» и к «себе в мире и жизни». Личность становится регулятивным началом своего жизненного процесса или **субъектом жизни**. Индивид оказывается в центре собственного бытия; в его духовно-практических отношениях появляется новое качество — субъектное, определяющее возможности, зрелость, продуктивность, межличностное влияние отношений, их тенденцию к самодвижению. Зрелое деятельное бытие личности представлено ее «субъектными отношениями».

Субъект может искусно соотнести между собой требования внешних условий жизни, свой потенциал, побуждения, реальные возможности, притязания, ценностные качества своих поступков и действий, объективные результаты и субъективные последствия своего поведения и деятельности, личную роль в развитии социума и ближнего окружения. Это соотнесение происходит интуитивно и рефлексивно, в психическом и практическом планах. Личность строит и проводит единую линию жизни и в итоге может встать **«над своей жизнью»**. От такого итогового, обобщенного отношения, заключающего мощные силы преобразований жизни, зависит поведение субъекта в любой ситуации, «степень зависимости его от этой ситуации и свободы в ней» (127; с. 352).

Основное в становлении субъекта отношений — результативный, продуктивный момент индивидуальной деятельности. Дела, достижения, персональные и социальные вклады личности выступают важнейшими критериями ее субъектности. При этом большое значение имеет общественная оценка свершений и деяний личности, которая принимается ею как «объективная ценность моей жизни». В изменениях, которые личность произвела в мире других, она узнает себя, ей открывается истинный уровень ее жизни, а также ее жизненные противоречия и предпосылки саморазвития. Источники роста личности-субъекта заключены в ее интенсивном и поступательном использовании своих лучших жизненных достижений на новых уровнях. Эти источники она находит в творческом отношении к жизни, в углубленном отношении к себе и самореализации.

Отношению к себе принадлежит особое место в структуре отношений личности. Развивая его, человек может реально влиять на свои свойства и качества, на ход своей жизни и жизнь других людей, планировать жизненный процесс в его пространственно-временных аспектах, осознавать личную перспективу, предвидеть жизненные события и прогнозировать их результаты. Оно является важнейшим каналом развивающих воздействий личности на все свои отношения к жизни.

Отношение к себе реализуется на уровнях самосознания и самодеятельности. Самосознание существует как познание, переживание, созерцание, символизация, интерпретация себя в мире, в жизни, в других людях. Самодеятельность личности развертывается через выражение Я в реальном жизненном действии, в общении с другими, в культурном творчестве. Самосознание и самодеятельность развиваются при достижении личностью гармоничного соответствия между ними. Один из путей такой гармонизации — выход личности на уровень **проблемного** отношения к себе. Оно зарождается, когда сознательная и деятельная связь «Я — моя жизнь — общественный мир — Я в других» открывается личности в динамике, содержащей **противоречия**. Их понимание и конструктивное разрешение способствуют сохранению целостности и усложнению Я, определяют гибкость способов и типов жизни индивида. Проблемное отношение к себе во взаимосвязи с проблемными отношениями к миру может придать индивидуальной жизни общее творческое направление, означающее эффективную **самодетерминацию** личности. Творчески живущий человек — это субъект в высшем смысле, тот, кому принадлежит авторская роль в умножении бытийных сил и возможностей многих людей.

Исследование разнообразных жизненных отношений предполагает анализ вариантов их становления, зависящих от многих **условий**, вступающих в противоречивые связи. Основными из них являются: преобразование отношений, непосредственно вызванное изменениями их внешних условий; спонтанное самодвижение отношений, состоящее в их неосознанных переходах из динамического состояния в личностные свойства и в способы реализации этих свойств; направленное, активное развитие отношений личностью. Эти условия дополняют друг друга, и при их субъективном различении, извлечении конфликтов и согласовании происходит наращивание потенциала отношений, а следовательно, их возможностей в определении свободной, самостоятельной позиции личности в мире. Здесь действует один из основных законов жизненного развития, состоящий в личностной детерминации жизни как един-

ства сознания и деятельности, устанавливаемого и реализуемого посредством отношений (125).

Открывающиеся личности противоречия отношений множественны, влекут за собой друг друга, выступают причинами друг друга, меняются в своих значениях и смыслах для личности. Но так же, как в разные периоды жизни, на первый план может выступать становление определенного отношения индивида, в общей динамике противоречий время от времени выделяется главное, доминирующее. Как правило, оно возникает внутри того отношения или того аспекта личности, которые особенно активно формируются или реализуются в данный момент жизни. По силе влияния такого противоречия на индивидуальное развитие оно может быть названо «исходным».

Не всякое видимое рассогласование или колебание в отношениях является прямым указанием на существенную коллизию. Это может быть только «зыбь на поверхности», ослабленный всплеск активности глубинных или «незнаемых» личностных оппозиций. Действительные противоречия выражают начавшиеся сущностные изменения личности, серьезные изменения в условиях ее жизни, личностное стремление сознательно пойти на жизненные изменения. Не все коллизии различимы в текущих жизненных отношениях. Они могут обнаруживаться в переломных ситуациях жизни, которые провоцируют взрыв отношений, утративших равновесие и стремящихся к самоотрицанию, переходу в новое качество или исключению тех или иных оппозиций.

Важнейшим событием в жизненном движении отношений выступает **разрешение противоречий**. Если это разрешение конструктивно, не вызывает снижения уровня отношений, открывает их новые возможности, то оно является условием поддержания целостности и поступательного становления личности. Внутренняя динамика отношений выявляется именно в момент разрыва их течения при разрешении коллизии. Оно носит, как правило, не случайный характер, а отвечает установившимся в процессе индивидуальной жизни закономерностям движения отношений.

Эти закономерности могут действовать относительно независимо от усилий личности что-либо сохранить или изменить в своей жизни. И тогда противоречия разрешаются «вне субъекта», составляя объективную движущую силу отношений. Однако для зрелой личности более характерным является осмысление, направленная реализация жизненных отношений, рефлексия их противоречий и самостоятельный поиск выхода из них. Овладев своими отношениями, личность-субъект становится ведущей силой преодоления колли-

зий. Содержание и взаимосвязь внесубъектного и субъектного способов осуществления отношений, противоречия в отношениях и выходы из них могут стать типичными, характерными для личности при сохранении большой вариативности их оттенков и нюансов.

Способ, которым личность разрешает свое противоречие, определяет либо сохранение наличного уровня, либо прогресс, либо частичный регресс ее жизненных отношений. Но каким бы ни был исход, для самостоятельной личности важен поиск собственного решения на основе анализа многих возможных приемов снятия коллизии. Способы, выбранные Я, намечают **пути самоопределения личности**:

- путь к улучшению условий жизни других людей, требующий от личности новой общественной отдачи;
- путь доверия к другим людям в плане взаимодействия с ними для общего блага;
- путь к развитию самой личности, при котором ее общественная объективация — средство самосовершенствования;
- путь, который в наибольшей степени отвечает привычным, комфортным для личности условиям жизни, не требует от нее «быть больше и выше, чем она есть»;
- путь, при котором личность выбирает снижение ценностного уровня своей жизни, с тем чтобы не утратить благоприятные для себя условия существования;
- путь, ориентированный на рефлексивное, идеально-смысловое, а не действенно-практическое осуществление жизни;
- путь ухода от рациональных отношений, чтобы активизировать свои глубинные, интуитивные возможности;
- путь осознанного возложения ответственности за свою жизнь на общество или конкретных других людей.

В осознанной вариативности выходов из противоречия заключено одно из оснований внутренней свободы личности. Если человек приходит к общественно и лично значимым результатам разрешения коллизии, применяя его разные приемы, он приобретает самостоятельность, переживаемую в форме «Я сам определяю свой путь». Разрешение коллизии может объективироваться в осознанном поступке, а также в длительном поступлении или деятельности, которые могут представлять новые линии жизненной активности. Разрешающая активность личности иногда приобретает критически высокий уровень, выступает как выдающиеся свершения и деяния. Поступки личности могут стать «всплесками индивидуальности», отмечающими кардинальные позитивные изменения в социуме, культуре, конкретных «других».

Фактор совершенного **поступка** и осознания его последствий имеет для разрешения противоречий отношений особое значение. В самом деле, разрешающий поступок проясняет те стороны внешней и внутренней реальности, которые ранее представляли для личности собственную проблему. Проблема решена, и новое, вошедшее в жизнь личности, сознательно соотносится ею со своими желаниями, стремлениями и открывшимися возможностями, т. е. приобретает личный **смысл**. Новый смысл, самостоятельно найденный личностью в динамике отношений, может быть удержан, закреплен как устойчивое содержание «Я», вписан в контекст жизни, может заменить собой прежний смысл. Закрепление вновь обретенного смысла обеспечивается переживанием лишь относительной завершенности поступка и пролонгированным прогнозом его положительных, развивающих последствий. Затем личность намечает, как овладеть этими последствиями, как сохранить единство жизни и своих ведущих отношений. Осуществляется процесс «собираания себя» на новом уровне жизни. Смысл становится «предстоящим», действующим из будущего.

Самостоятельное, продуктивное для общества и личности разрешение противоречий в отношениях является тем условием, при котором наиболее полно действует закон смыслообразования, «смысловых переакцентировок», «передвижки смыслов», определяющий изменение, развитие индивидуальной жизни. Наполняя смыслом свои жизненные изменения, личность приходит к самоисследованию, которое состоит в рефлексии жизненного пути, соотносении происшедшего, происходящего и ожидаемого, расстановке новых ценностных акцентов в отношениях. При самоисследовании личность может выразить себя оригинально, утонченно и артистично, выступая в качестве **самотворца**.

Самодеятельность, самопознание, самовыражение индивида способствуют осуществлению отношений на высоком ценностном уровне. Ведущими ценностями человеческого бытия, выступающими ориентирами смыслообразования, С. Л. Рубинштейн считал познание, этику любви, принятие и доверие к другим людям, мировоззренческие чувства и рефлексии личности. Соответственно, основными ценностными отношениями, связывающими человека с миром, были определены: познавательное отношение; нравственное отношение к другому человеку; общее отношение к жизни и смерти, имеющее формы трагического, оптимистического, комического, серьезности и мудрости; отношение к себе как свобода и ответственность Я в жизненном осуществлении.

Важно не только то, что Рубинштейном выделены именно те отношения, которые несколько столетий конституировали идеальное бытие европейской личности, но и то, что они осмыслены им в единстве и взаимовлиянии. «В познавательное отношение к бытию, к истине вплетается отношение к другим людям. Истина при этом — это не только правильность, но и правда, справедливость, способность принять то, что есть, как оно есть, смотреть в глаза действительности, вскрывать ее. В то же время она означает: видеть недостатки, преодолевать трудности в процессе познания, обнаруживать мужество в процессе познания. И наоборот, неистина выступает как ошибка, заблуждение, ложная установка в процессе познания, за которой скрываются обман, неправда, ложь, введение в заблуждение» (127; с. 332).

Ведущей ценностью научного познания С. Л. Рубинштейн считал завершенность теории, предполагающей возможность выбора на ее основе множества точек отсчета для построения новых концепций исследуемого объекта. Такой завершенностью, несомненно, обладает его концепция жизненных отношений, открывающая современным исследователям плодотворную персонологическую перспективу, в частности, построения новых моделей личности в ее связях с жизнью.

Философско-психологическое учение С. Л. Рубинштейна обладает богатым потенциалом интерпретаций, моделирования и практических новаций, который ставит его в ряд лучших гуманитарных достижений XX века.

9. Современная личность и ее культурная перспектива

Во второй половине прошлого века версия свободного соединения личности с обществом путем отношений и межличностных диалогов встретила сильную оппозицию в виде концепций **социального поглощения** личности с их подчеркнутым вниманием к среднестатистическому индивиду, теряющемуся в крупных организациях и сообществах. Коллективное, в связи с индивидуальным, все больше стремилось занять положение абсолюта. «Массификация» нивелировала идею индивидуальности, обесценивала традиционную группу с присущей ей психической, функциональной и ролевой дифференциацией, взаимной зависимостью и ответственностью индивидов. Человеческие массы были помещены в эпицентр истории как ведущие субъекты крупных мировых событий: революций и войн, технологических и информационных прорывов, глобальных финансовых потоков и мирового товарного обмена.

Индивидуальность оказалась перед опасностью подавления из-за огромного расширения личного сознания, его выхода из границ прежних культурных, национальных, религиозных представлений и ценностей. Сознание наполняется противоречивыми знаниями, нормами, правилами и смыслами. Не справляясь с противоречиями, оно становится релятивным, невротичным, диффузным; нарушается личностная идентификация с ближними сообществами и конкретными формами социальности. Подрываются межличностные связи индивидов, прежде составлявшие психологическую основу группового единства. «**Расширенная личность**» становится озабоченной поддержанием своей суверенности в группе и принуждением других к признанию ее превосходства. Группа начинает выступать для индивида не опорой его персонализации, а «реальностью» и символом его социальных ограничений, которые он преодолевает, регрессируя к *индивидуализму*.

Распыленные индивидуальности, отрицающие преимущества своего единства с коллективным целым, оказываются под сильным воздействием бессознательной нужды в принадлежности и авторитете в больших общностях. Чем тоньше прорабатывается рациональная идея о культивировании индивидуальности и персональном преобладании, тем архаичнее и неопределенней влечение личности к слиянию с «общим» и сильнее ее страх и ненависть к одиночеству.

В современной жизни это «общее» часто навязчиво выступает в образе неструктурированных «толп». Диффузная общность становится для европейцев влекущей и влияющей средой, несмотря на то, что любая влившаяся в нее индивидуальность неизбежно переживает трагедию деперсонализации. «Снятые с креплений, лишённые привилегий по рождению и по званию, дезориентированные бесконечными переменами, приставшие друг к другу люди создают невероятный простор для разрастания тех человеческих туманностей, которыми являются толпы» (93; с. 51).

Процессы *деперсонализации* в современном мире и обществе хорошо освещаются моделью **Р. Гарнаса** (155) посвященной кризису сознания и познавательного отношения человека.

— Отношение человека к миру носит характер жизненно важной зависимости, поэтому для человека крайне важно объективно оценивать мир, правильно интерпретируя исходящие от мира сообщения.

— Человеческий ум получает противоречивую информацию, элементы которой часто несовместимы друг с другом, давая разнообразные толкования положения человека в мире и сущности самого мира. Например, психологическое и духовное понимание себя не согласуется для личности с получаемыми научными метасообщениями.

— В своем познании человек не может установить прямой связи с миром. В его распоряжении нет способов, которыми он мог бы постичь Вселенную как Реальность, хотя и порождающую человека, но отличную от человеческой реальности и недостижимую для личности.

— В экзистенциальном смысле человек не может покинуть границ мира, выйти из игры связей и отношений с Реальностью. С одной стороны, бытие предписывает личности бороться, осваивая мир, искать смысл жизни и добиваться свершений. С другой стороны, Реальность, из которой мы произошли, равнодушна к этим поискам, разрушительна в своих действиях, обесценивает личность в ее собственных глазах, ставит перед ней проблему нахождения все новых и новых отношений с миром.

— Откликаясь на противоречия во взаимодействии с миром, человек может пойти на искажения внутренней и внешней реальности: на подавление чувства «Я» (апатия, психическая анемия) или, наоборот, на чрезмерное его усиление и расширение (нарциссизм, эгоцентризм). Что касается внешнего мира, то перед ним либо безмерно преклоняются, либо эксплуатируют. Существует также стратегия бегства, растворяющая личность в той или иной страсти

к «внешнему»: материальном потреблении, фанатичном увлечении популярной культурой, участии в массовых движениях, приверженности разного рода чудачествам, скитаниям, культам, экстремистским идеям, алкоголю, наркотикам, опытам жестокости.

— Крайним обезличивающим откликом на конфликты с миром является развитие у человека невротических симптомов, подавляющих интеллект. Это безотчетная тревога, хроническая агрессивность, ощущение себя невинной жертвой, болезненная подозрительность, стремление к самоуничтожению, чувство абсурдности существования, переживание внутренней расщепленности, насилия, нигилизм. Следы этих отношений к миру проникают в современную социальную и политическую жизнь.

— Но одновременно, преодолевая капитуляцию перед миром, в человеке продолжает действовать прометеевский порыв освобождения от власти мира путем его исследования и преобразования. Человеку открылась несостоятельность только тех внешне направленных способов и средств познания, которыми он пользуется сегодня, и в будущем у него есть возможность установить отношения с миром, основываясь на изучении не столько мира, сколько потенциала своего разума и сознания. Человек может по-новому осмыслить путь, пройденный Сократом, Гегелем и Аквинатом, которые «уже одолели в своих странствиях дивные горные выси и теперь вдыхают пьяняще-будоражающий воздух альпийских лугов, любясь нежданно открывшимися неведомыми далями» (155; с. 357).

В противовес акцентам на социальные и познавательные поражения современной личности, в поддержку культурного развития *персонализма* появились и получили распространение психологические концепции, посвященные **выдающейся личности**. Она является критически выраженной *индивидуальностью*, реализующей свой *глубинный* потенциал, открытой к отношениям с *другими*, обладающей сильным творческим *Я* и рефлексивно присутствующей в своей *жизни*. Она ответственна за все общество, оказывает значительные культурные влияния, притягивает к себе множество людей, готовых самобытно развиваться вместе с ней как образцом персонализации. Характерны в этом смысле идеи А. Маслоу, А. Менегетти, Э. Нойманна, О. Шпенглера, К. Юнга (90; 91; 96; 189; 205).

— Для всего мира актуальна проблема разрастания масс и потребительского отношения ко всему наряду с практическим исчезновением позитивной творческой индивидуальности...

— Общество страдает от отсутствия людей творческих, способных на духовное, научное и культурное возрождение во имя создания высшей культуры...

— В мире ощущается недостаток в человеке творческом, обладающем высочайшим интеллектом...

— Обществу не хватает людей, способных на выдающиеся свершения...

— Мир ожидает гениев, изменяющих своей личностью культурный канон «человека»...

Придерживаясь убеждения в важности поиска путей психологической поддержки и развития современных творцов, предлагаем **модель «Выдающейся личности» (ВЛ)**, разработанную на основе интерпретации идей **Э. Нойманна** (96).

1. **ВЛ** способна интуитивно уловить в бессознательном праобраз индивидуального творческого развития, превращающего его сознание в зрелое и интегрированное. Этим праобразом является архетип Героя, который, благодаря сознательным усилиям личности, становится особо адекватным современному духу и ведет личность путем направленных преобразований ценностного содержания культуры. Творческое качество личности может длительно жить в европейском культурном каноне, сохраняясь в разные времена, несмотря на натиск коллективных сил.

2. **ВЛ** направляет свою деятельность в область религии, искусства, философии, науки или политики, преобразуя их с помощью новых идей и символов, понятных, пленительных и убедительных для множества людей. Бессознательное «Героическое начало», творчески реализуясь в личности, порождает знаменитых и масштабно влияющих художников, проповедников, философов, писателей, ученых и общественных деятелей.

3. Бессознательное **ВЛ** заключает ожившие архетипы с потенциалом мощных воздействий на современность; ее эго-сознание представляет собой совершенный интеллектуальный инструмент и способ индивидуального творчества; ее супер-эго образовано устойчивыми культурными нормами, которых она строго придерживается. В психике и жизни выдающейся личности достигаются исключительно плодотворные связи архетипа — сознания — культурной традиции — индивидуальной культурной деятельности.

4. Творческий процесс **ВЛ** охватывает не только множество объектов и субъектов человеческого мира, но и максимум аспектов ее собственного бытия. Везде устанавливаются отношения центроверсии, когда зрелая индивидуальность гармонизирует взаимодействие дихотомий, избавляя свою внешнюю и внутреннюю жизнь от разрушительной двойственности. Личностная центроверсия исключает остроту конфликтов органического и психического, бессознательного и сознательного, рационального и иррационального, инди-

видуального и коллективного, эго и архаичной самости. Однако в личности **ВЛ** есть также глубинные силы, которые могут нарушать центроверсию в результате бесконтрольного прорыва бессознательного и подавления сознательных форм творчества.

5. Иррациональное и трансперсональное играет в жизни **ВЛ** не менее важную роль, чем сознание и сознательное творчество. Открытие новых символов и идей осуществляется в ответ на «повеления голоса высшего духа». Образы, тексты, произведения личности относятся к культуре, сообщающейся с областью трансцендентного. В «продуктах» и «влияниях» личности всегда есть некоторая избыточность, не постигаемая большинством людей и относящаяся к уже исчезнувшему либо еще не появившемуся в человеческом мире. Тайна ее дарования, неотразимо действующая на других и овладевающая всеми, часто определяется как «харизма».

6. Создавая новые ценности, **ВЛ** сама более 200 лет представляет собой культурное достояние, освященное архетипом Героя. В отношении к этому достоянию общность занимает неоднозначную позицию, наделяя личность огромной духовной властью, или отвергая ее как «несвоевременную», или растворяя ее уникальные вклады в «коллективных представлениях», или заставляя бороться с деструктивностью, привносимой в ее жизнь.

7. Своими идеями, образами, текстами, выступлениями **ВЛ** может нести предвестие кардинальных смен культурных форм и стилей. В них часто угадывается желание выразить уже пережитую в собственной душе возможность гибели ценностей, интуитивное знание о надвигающейся интеллектуальной опасности, предчувствие расширения границ познания и самопознания. Иногда, оберегая свои уникальные авторские установки, личность бывает вынуждена пойти на самоизоляцию, в одиночестве продолжая творческий путь.

8. В своей одержимости созидательной деятельностью **ВЛ** иногда кажется чрезмерно эксцентричной, отличающейся не то необычной активностью бессознательного, не то неординарной работой сознания, не то какой-то «неправильностью» ее психической системы. «Любой талант неизъясним». Однако ни одна из этих гипотетических причин не устраняет и не ослабляет общего впечатления величия и могущества, производимого свершениями личности, тем большего, что она приобретает известность и власть, не стремясь к ним и не придавая им особого значения. Скорее она чувствует себя проводником власти Высшего, позволяющего ей создавать нечто значительное.

9. **ВЛ** — это человек, непрерывно растущий, совершенствующийся. Во всем выявляется его особое бытийное предназначение. В любом возрасте ему свойственна гениальность жизненных выбо-

ров, принимаемых решений, способов перехода с одного этапа жизни на другой. Он умеет постоянно рождаться на основе «вложений в себя», отражая результаты своих продуктивных действий, влияния своих произведений, эффекты любви к себе других людей и своей любви к ним. И даже при недостатке таких «вложений» личность усиливает себя, работая на будущее, следуя великой «метафизической задаче».

10. В процессах роста **ВЛ** формируется единство ее мощного первичного порыва к творческому бытию, ее хорошо логически и семантически структурированного «Я» и относящихся к ней «других». На психологической территории активности личности возникает социальность нового типа, где происходят духовные циркуляции от ее внутреннего мира к внутренним мирам «других». Последние также приобретают способность оказывать личные влияния в расширяющихся горизонтах совместной творческой жизни. Генерирующая социальность необходима **ВЛ** для свободного самоопределения.

11. Свойственное европейской индивидуальности самополагание, или свобода быть собой, неординарно выражено у **ВЛ** во внутреннем преломлении и подчинении себе великого множества жизненных событий, воздействий и ситуаций, в возведении их в значительный социокультурный масштаб, в создании знаменитых рефлексивных текстов. Она непрерывно расширяет и концентрирует себя, «приводя обстоятельства, обычаи, правила вкуса, этики, философствования и даже природу вещей в соответствие с собою» (14; с. 34), создавая свою жизнь как «произведение».

12. **ВЛ** несет в себе потенциалы, направляющие в развитии любого индивидуального субъекта культуры. Однако в ней они выражены в великолепной форме, ярко высвеченной жизнью. К этим потенциалам относятся мышление, проблематизирующее мир; творчество, дающее миру смыслы будущего; рефлексия, создающая суверенное «Я» и приводящая внутренний мир в соответствие с социальными и трансцендентными перспективами; диалогизм психической жизни.

Притяжение выдающихся личностей традиционно велико среди европейцев. Влекут их имена, тексты, поступки, необычность жизни, заманчивые и трагические повороты судьбы. Это, несомненно, относится к **С. Дали**, оставившему в культуре текст самопознания (42), раскрывающий уникальный способ жизни автора. Его суть состоит в «провоцировании» и обострении как можно большего количества *противоречий* между жизненными «крайностями» и в их ярком, творческом, поражающем массы разрешении. Каждый опыт разрешения, совершенного на пределе возможного, должен был за-

печатлеться в культуре как образец искусства, отношений, самовыражения.

На наш взгляд, важным дополнением модели Выдающейся личности может быть **реконструкция** противоречий Дали, которые превращались им в возможность «выжать из неопределенности» как можно больше «иррационального сока», стимулирующего творчество. Рефлексия художника выявила следующие противоречивые тенденции, определившие уникальность истории его жизни.

Я был наглухо закрыт для всякого знания. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я с пылом окупался в учение./Я восхищался отцом и подражал ему. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я причинял отцу множество страданий./Я буквально подражал тому, что было в книгах отца. $\Leftarrow \Rightarrow$ Он не мог переносить этого./Я поклонялся величию души Заратустры. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я знал, что настанет день, и я превзойду его величием./Меня вдохновляла идея «сверхчеловека». $\Leftarrow \Rightarrow$ Моим сверхчеловеком суждено было стать сверхженщине по имени Гала./Оригинальности моего художественного метода хватило бы, чтобы основать отдельную школу $\Leftarrow \Rightarrow$ Я верил в исключительное, всеобъемлющее предназначение сюрреализма./Я стал подлинным последователем сюрреализма, прилежно освоив его азы. $\Leftarrow \Rightarrow$ Меня исключили из группы сюрреалистов./Мое творчество не имело сознательного политического подтекста. $\Leftarrow \Rightarrow$ Группой сюрреалистов управляли политические пристрастия./Я стремился погрузиться в мир иррационального. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я хотел одержать над ним победу./Я признавал свои ошибки. $\Leftarrow \Rightarrow$ Я был убежден, что в любой ошибке есть что-то от Бога, и не следует спешить ее исправлять./Я смакую любой десятиминутный глоток жизни. $\Leftarrow \Rightarrow$ Но чувствую, что сквозь меня мало-помалу просачиваются недели. Это наполняет меня яростью./ Я часто думал, работая, что подхватил настоящее безумие. $\Leftarrow \Rightarrow$ Самое гениальное, что все мое мастерство идет исключительно от ума./С одной стороны, я был тем Дали, который принадлежал Гале. $\Leftarrow \Rightarrow$ С другой стороны, я воображал себя тем, кем мог бы быть, если бы не встретил Галу./Я надеюсь, что моя неповторимая индивидуальность заставит всех заинтересоваться моими произведениями. $\Leftarrow \Rightarrow$ Но существует традиция «прощупать» личность художника по его творчеству./Я не верил в то, что придумывал. $\Leftarrow \Rightarrow$ Но все начинали в это верить, и рано или поздно наступал день, когда мой замысел становился реальностью.

У ныне живущего человека, вобравшего основные европейские каноны персонализации, перед лицом Фигур и Авторитетов все больше растет притягательность тайны собственной личности, растет «нужда в себе». В отношении современного человека к себе есть множество диссонансов, что заставляет его обращаться к самопознанию

и при этом переживать неуловимость своего Я. К этим диссонансам относится: трудность индивидуального выбора среди безмерных возможностей, предлагаемых миром; острая конкуренция личных способностей и достижений других людей, побуждающая личность отказаться от интенсивной внутренней жизни; усиленное внимание к себе, приводящее к отстранению от тех областей коллективной жизни, где вершатся и происходят крупные дела и события. Субъективно уменьшаются меры личного роста, сферы персональной отдачи и духовного развития. Данный европейскому человеку историей и культурой дар «исходить из себя» начинает использоваться для умаления себя, а «путь Героя» остается нереализованным архетипом.

Удовлетворенность личности собой все больше основывается на внешних действиях, которые приносят ей высокие психологические, социальные или финансовые дивиденды. Диапазон выигрышных в этом смысле действий стал необычайно широк и доступен, набор заманчивых образцов проживания до крайности разнообразен. Личности не нужно быть душевно сложной, цельной, зрелой, а тем более «всеобъемлющей», чтобы последовать влечению к выгодной или престижной активности. Например, включиться, в редкий бизнес, заняться экстремальным спортом, погрузиться в экзотическое приобетательство или сделать свою повседневную интимную жизнь предметом публичного разглядывания. На фоне удовольствия, доставляемого личности удачными эгоистическими и гедонистическими практиками, у нее постепенно теряется ценность «Я», оно реже вызывается к диалогу с собой и редко выражается в актах ответственного, этического самоопределения.

Дорожа индивидуализацией как «традицией», современная личность обнаруживает черты, противоречащие ей. Это непомерная раздвинутость границ сознания и регресс самосознания, отступление творческого рацио и наплыв архаичных бессознательных содержаний, эгоцентризм и конформизм в социальном поведении личности, активность внешней деятельности в ущерб внутренней, отстаивание права на персональное своеобразие и отстранение от себя в системе межличностных отношений.

Ослабляя гуманистический канон, личность с **внешней стороны** демонстрирует избыток плохо структурированных чужих смыслов, частую перемену ценностных предпочтений из-за подверженности социальным манипуляциям, озабоченность самоподачей перед лицом влиятельных лиц, требование широкого признания, самоутверждение на поверхности модной деятельности, подмену талантливой эпистолярной и литературной рефлексии наспех изданными «памятниками» себе или посредственными «текстами Я» в Интернете.

С **внутренней стороны** личности присущи интуиция несостоявшегося Я и ослабление регулирующей функции сознания, рефлексивное бессилие и тяга к мистическому, узкоспециализированное мышление и экспансия эмоций, одержимость собой как воплощением успеха и податливость к манипуляциям.

В обществе стали появляться **«знаки исчезновения личности»**. Человек, переживающий серьезный культурный кризис обращения с собой, приобретает имена, подчеркивающие его специфические отклонения от индивидуализации и персонализации.

«Человек массы» теряет бесценную и хрупкую свободу личного своеобразия, но приобретает сходство и успокоительное равенство с другими из-за полной вовлеченности в коллективные устремления и переживания, совместные мыслительные процессы и практические действия.

«Человек в капсуле» утрачивает способность к разностороннему общению и психологическому обмену с другими людьми, избегает отношений взаимной значимости, отдачи и любви, использует людей, повинуюсь ревности и ненависти к человеческой теплоте.

«Человек-тень» становится жертвой болезненного раскола сознания и бессознательного, при котором деструктивные архетипы и личные комплексы правят в агрессивных, разрушительных и самоубийственных действиях личности.

«Человек-текст» может признать свою реальность лишь в качестве субъекта вкладов во всеобъемлющий Текст, собирающий и порождающий идеи и символы коллективного существования. Чувствует себя хорошо в режимах обширного информационного обмена, интенсивной речевой коммуникации, генерирования текстов, очищенных от личных смыслов.

«Человек-никто» демонстрирует омертвление высших способностей души, уход наиболее сильных стремлений в область потребления и инфантильного захвата принадлежащего другим, самоотдачу «неподвижной идее», оправдывающей зло и насилие, принятие над собой чьей-то полной персональной или коллективной власти, фанатичную преданность объекту культа.

«Человек без пола» в своих влечениях утверждает безусловную ценность одного их полов, парадоксально «лишая» людей естественного свойства различной половой принадлежности, их полового разделения, смысла плодотворного союза мужчины и женщины.

Состояния потери личности в ее телесной, душевной, духовной ипостаси «не есть приобретение новейших времен, а напротив, пережиток той архаической эпохи, когда индивидуальность вообще не существовала» (202; с. 119). Особенностью человеческих «типов»,

названных приведенными именами, является нарушение развивающей двойственности, всегда притягивавшей европейца к уравновешивающему центру самосознания. В этом центре любой «коллективной», «эгоцентрической» или «абсолютной» доминанте может быть найден гибкий индивидуальный противовес. Например, благодаря активности Я поглотившая индивида «масса» превращается в условие его ответственного выделения из нее. Отчуждение и самоизоляция преодолеваются установлением ценностных отношений личности с другими. Взрывная сила бессознательной критики по поводу своей жизни может быть переведена в активность проблемной рефлексии и поступки самообновления. Присущая личности информационного общества интенсивная жизнь-в-слове может уравновешиваться другими способами творчества и жизненной практики. Сильное влечение к обладанию желанными объектами преодолевается благодаря осмыслению, пониманию и сопричастности. Определенная половая принадлежность открывается как возможность открытия природных, психологических и культурных достоинств другого пола в других и в себе.

Невозможно представить, что результаты многоэтапного исторического поиска «личности» и «индивидуальности» могут ныне исчезать из эфира живых культурных смыслов. Но как раз вследствие их великого масштаба процесс индивидуализации становится все более трудным. Избегание или преодоление диссонансов в этом процессе становится приоритетной задачей социума и самой личности, которая из богатейшего арсенала культурно-психологических стратегий персонализации может найти путь, близкий себе.

Общества, реализующие новейшие политико-экономические парадигмы, продвигают **социальные модели личности**, способной стать «агентом» перспективных реформ и преобразований. Акцент все более смещается на расширенное культивирование новых ценностей, которое должно принципиально усилить потенциал личной инициативы, активности, устойчивости, и благополучия индивидов в обществе, организации, группе. Оптимальными условиями и результатами социокультурного и персонального освоения этих ценностей считаются «экономика знаний и информации», «новый бизнес», «конструктивная конкуренция», «организация как продуктивная система», «продуктивный дискурс», «работа как значимость», «инновационная доминанта», «эффективная психоэкономика».

Персональные **ценности субъекта инноваций** можно промоделировать, основываясь на широко известном тексте **Т. Питерса** (105).

Это жизнь, полная работы/жизнь в ускоренном темпе/движение от проекта к проекту/ставка на информацию/конкуренция как

возможность для успеха и развития/подвижные альянсы/ставка на неординарных людей/творчество-созидание и творчество-разрушение/конструктивная одержимость успехами/стремление к совершенству/воображение, фантазия, мечты, «безумные» идеи/«мои» таланты, достижения, вклады, следы/основной продукт деятельности — инновация/убеждение, что быть профи, значит, быть звездой/гордость профессионала/работа с возможностями/процветание на неопределенности/культ мастерства и страсть к обновлению/производство «методов», «правил», «решений», «впечатлений»/способность к сотрудничеству/карьера как выстроенная система успешных проектов/ставка на качество по критериям «научное», «прекрасно», «красиво», «элегантно», «стильно»/создание памятного, причудливого, исполняющего мечту, рассказывающего историю и усиливающего индивидуальность продукта/обладание референтной группой, близким профессиональным окружением/стратегии полного выражения своего таланта и талантов других/креативность во всем/уверенность в себе/оптимизм, энтузиазм, воодушевление, напряжение/инициатива как добродетель/разнообразие видов интеллекта/стимулирующее незнание/любовь к парадоксам/лидерство как ответственность/экспериментирование, продвижение талантов/изобретательство как игра/артистизм, обаяние, безупречность этикета.

Превращение данной или другой модели личности в культурную и индивидуальную реальность требует множества опосредующих звеньев, включая образование, воспитание, установки современной психологии, консультативно-психотерапевтическую практику, виды профессий и их финансово-экономический статус, развивающее взаимодействие с другими и саморазвитие человека.

В области современной персонологии интересно обратиться к известным и новым концепциям, имеющим референции к культурной истории познания личности, а также к культурному контексту ее жизни, свойств, самоопределения. Далее приведем ряд **концептуальных моделей**, репрезентирующих глубинный потенциал, психофункциональные типы, гендерные типы, константы «Я» в культуре и общий культурно-психологический потенциал личности.

Модели основываются на идее реализации «самости» в культуре, на разработке типологий психической жизни методом герменевтики, на практике синтеза культурных источников при типизации гендеров, на реконструкции культурной трансспективы личности и ее Я. Некоторые из моделей укоренены в классических теориях личности, некоторые являются авторскими. Однако все модели по способу построения и содержанию выступают **интегральными**, отвечая духу персонологии.

10. Интегральные модели «личности в культуре»

Модель глубинных потенциалов личности

Начнем с модели, намеченной американским психологом **А. Маслоу**, работы которого проникнуты духом европейских традиций гуманизма и персонализма с их влияниями на образование, литературу, религию, науку, политику, экономику. Следуя от философии к психологии и учитывая динамику взглядов на личность в истории западного мышления, Маслоу создал целостную концепцию внутренних потенциалов индивидуального бытия, находящих культурные формы выражения и порождающих яркие феномены культурной самоактуализации личности. В настоящее время эти потенциалы все больше привлекают людей, изменяя устоявшиеся каноны европейского *ratio — self — action*.

Личность, в понимании Маслоу (89; 90), укоренена в **самости** или системе «**психических способностей**», которая в случае здорового развития индивида определяет его многосторонние (познавательные, эстетические, творческие) отношения с миром. Особенно подчеркивается то, что самость потенцирует активность личности в отношениях к своему бессознательному, своему «Я» и другим людям.

Модель Маслоу объединяет «основные допущения о природе человека», которые мы приводим с некоторыми сокращениями и изменениями.

— Каждый из нас обладает исконной внутренней **природой**, которая является инстинктообразной, изначальной, естественной, наследственной, отличающейся высокой мерой сопротивляемости. В сущностную природу включаются инстинктивные потребности, врожденные таланты, пол, конституция, темперамент, травмы вынашивания и рождения. Эта внутренняя сердцевина «говорит» языком естественных склонностей, пристрастий и априорных убеждений. Внутренняя природа каждой личности обладает как характеристиками, свойственными всему виду, так и характеристиками, свойственными только данной конкретной личности. Человек обладает аутентичной самостью как способностью слышать голоса — импульсы внутренней природы, т.е. способностью знать, чего ты на самом деле хочешь, а чего — нет, на что способен, а на что — нет.

В разных индивидах эти голоса-импульсы звучат с разной силой; часто они достаточно слабы.

— Многие аспекты внутренней, глубинной природы либо (а) активно подавляются, потому что вызывают страх, неодобрение или являются чуждыми эго, либо (б) не используются, выпадают из внимания, не артикулируются. Поэтому большая часть внутренней природы является **бессознательной**. Это может относиться к инстинктам, потребностям, способностям, эмоциям, суждениям, установкам, восприятию и т.п. Активное подавление требует больших усилий, что приводит к большим затратам энергии. Подавляющей силой могут быть общество и культура, но также и внутриспихическое начало личности, которое можно назвать «внутренним противодействием». Подавляемое может быть восстановлено за счет активного осознания и нахождения адекватных культурных форм самореализации. Например, бессознательные аспекты познания поддаются восстановлению посредством обучения искусствам, танцу, другим невербальным умениям.

— Несмотря на то, что внутреннюю природу подавляют или даже отрицают ее существование, она продолжает существовать, пусть даже в искаженной форме. Ей необходимо присуща динамическая сила, жаждущая вырваться наружу, — «воля к здоровью», стремление к развитию, жажда **самоактуализации**. Во взрослом человеке эта сила (самость) отчасти проявляется посредством ее объективного или субъективного раскрытия и принятия того, что есть в человеке изначально. Отчасти она является творением самой личности.

— Для личности жизнь представляет собой постоянную необходимость **делать выбор**, а выбор определяется, в первую очередь, тем, что представляет собой на данный момент эта личность (включая ее цели, мужество или страх, чувство ответственности, силу эго или силу воли и т.п.). Мы не можем думать об индивиде как о «всечело предопределенном», поскольку эта формулировка означает детерминацию исключительно внешними для личности силами. Личность, если это подлинная личность, сама есть своя основная детерминанта, свой собственный потенциал, проект, создание. Утрата личностью способности к **самодетерминации**, способности дорасти до собственного потенциала, развиваться в своем стиле и алгоритме, потеря самобытности и потребности в творчестве означает «упадок личности», противоположный самоактуализации.

— Исходя из того, что мы знаем о внутренней природе человека, можно сказать, что она изначально представляет собой то, что мы, взрослые представители нашей культуры, считаем **добром**. «Обна-

жающая» культурная практика (психотерапия, наука, религия, искусство) усиливает любовь и отвагу, творческое начало и альтруизм как наиболее глубокие, естественные и изначально человеческие качества. Благодаря раскрытию внутренней природы личности, то, что мы считаем плохим поведением (агрессивное, враждебное и деструктивное), ослабляется, а то, что считается хорошим поведением, усиливается. «Злое» в человеке реактивно, а не сущностно. Так, ненависть или ревность к доброму и истинному, красивому и здоровому (контрценности) могут быть реакцией на угрозу утраты самоуважения, поскольку лжец видит для себя угрозу в честном человеке, невзрачная девушка — в красивой, а трус — в герое. Любой выдающийся индивид своим существованием указывает нам на наши недостатки.

— Вследствие предательства индивидом своей внутренней природы или своей самости, уклонения от пути, ведущего к самоактуализации, возникает чувство вины, обоснованное недовольство самим собой. Оно истинное, заслуженное, справедливое, потому что порождено расхождением человека с чем-то глубоко истинным, что находится в нем самом. С этой точки зрения человеку для саморазвития полезно, даже необходимо, ощущать внутреннюю **вину**, когда он того заслуживает. Это внутренний «поводырь» личности, указывающий дорогу к реализации самости и ее потенциала.

— Глубины нашей природы могут быть хорошими, красивыми, желанными. На это ясно указывают открытия, сделанные в результате исследования предпосылок любви, творчества, игры, юмора, искусства. Их корни глубоко уходят в самость, в бессознательное. Чтобы отыскать их, суметь ими воспользоваться и получить от них наслаждение, мы должны быть способны к «регрессивному движению» в свою сердцевину. Ни о каком психическом здоровье не может быть и речи, если эту сердцевину индивида не принимают такой, какая она есть, не любят и не уважают ни сам индивид, ни другие люди. Психическое здоровье взрослого человека выступает как встреча со своей самостью и выражается в эмоциональной зрелости, индивидуации, продуктивности, подлинности, полноценности. **Здоровое развитие** личности — это «развитие в направлении самоактуализации». Оно означает: (а) примирение с внутренней самостью как сердцевиной личности и ее самовыражение, т. е. реализация скрытых способностей и потенциальных возможностей; (б) «идеальное функционирование», развитие индивидом всех своих индивидуальных и общевидовых характеристик; (в) минимизацию заболеваний, неврозов, психозов, снижения индивидуальных и родовых способностей человека.

— Признаком самоактуализации является **спонтанность**, заключающаяся в свободном, неконтролируемом, открытом, незапланированном самовыражении, т. е. в проявлении психических сил при минимальном участии сознания. Чистая спонтанность уже невозможна, поскольку мы живем в мире, который подчиняется своим, не психическим, законам. Но она возможна в сновидениях, фантазиях, любви, воображении, сексе, на первых стадиях творчества, в работе художника, в игре ума, в свободных ассоциациях, состояниях вдохновения. Чистый контроль не может существовать постоянно, потому что тогда *psyche* умрет. Образование должно быть направлено на культивирование как контроля, так и спонтанности, экспрессивности. В условиях нашей культуры и в данный исторический момент необходимо склонить чашу весов в сторону спонтанности, экспрессии, произвольности, доверия, свободы.

— Дорога к здоровью и самоактуализации лежит через удовлетворение основных **потребностей**, а не через их подавление. Основные потребности заключаются в удовлетворении запросов тела и в стремлении (1) к безопасности, надежности и защите, (2) к сопричастности, т. е. принадлежности к семье, общине, клану, кругу друзей, любимых, (3) к уважению, одобрению, достоинству, самоуважению и (4) к свободе, необходимой для полнейшего развития своих талантов, для реализации своей самости. За потребностями стоят определенные **способности** (физические, познавательные, эмоциональные, творческие) личности. Способности требуют, чтобы их использовали, и прекращают требовать только тогда, когда их используют достаточно хорошо. То есть способности являются также и потребностями. Использовать свои способности не только интересно, но и необходимо для развития. Простаивающая без дела способность и незадействованный орган могут стать источником болезни или атрофироваться, обедняя личность. С мотивационной точки зрения психическая зрелость состоит в адекватном удовлетворении основных потребностей, уход вверх от стремления в ликвидации дефицита к потребности в развитии. Это состояние можно определить как **метамотивированное**. Его можно также определить как Бытие, самовыражение, превращение в «зрелую личность», **самоактуализацию**. Например, свойством зрелой личности является «бытийное познание» или познание объекта таким, каков он есть, вне его способности удовлетворять наши влечения или разочаровывать нас, т. е. бескорыстное или объективное познание.

— Самоактуализация основывается на согласованном бытии личности в двух мирах, **двух типах реальности**: естественном, действительном мире и мире психическом. Самоактуализирующихся

личностей отличают обращение к миру, действующему по психическим законам, извлечение его возможностей и их реализация в естественном мире. И хотя самоактуализация, в принципе, не представляет собой недоступной задачи, на практике она встречается довольно редко. К основным причинам этого относятся: убеждение, что глубинная природа человека несет в себе опасность; утрата людьми сильных инстинктов, которые говорили бы им, что, когда, где и как делать; внутреннее блокирование самоактуализации и страх перед ней; взгляд психопатологии на нее как вторжение в личность чуждых бессознательных сил, уводящих от действительного мира. Человек, который не боится внутреннего, психического мира, может получать от него такое наслаждение, что этот мир можно назвать Раем — в противоположность утомляющему, требующему больше усилий и ответственности внешнему миру «реалий». Это верно, несмотря на то, что здоровый человек может легко приспособиться и к реальному миру, получать от него радость творчества и признания.

— Развитие несет с собой не только достижения и удовольствия, но всегда было и будет связано со многими изначально предопределенными **страданиями**. Каждый шаг вперед — это шаг в неведомое, и возможно, опасное неведомое. Бывает, он требует расстаться с чем-то близким, хорошим, приносящим удовлетворение. Зачастую это означает уход, разрыв, нечто вроде смерти, предшествующей новому рождению, следствием чего являются ностальгия, страх, одиночество и печаль. Иногда это также означает отказ от более простой, более легкой и менее напряженной жизни и начало более трудной жизни, связанной с большей ответственностью и большими испытаниями, проявлением отваги, воли, умения делать выбор, а также поиском защиты, поддержки и ободрения со стороны окружения.

— Развитие или его отсутствие являются результатом противоборства между силами, способствующими развитию, и силами, ему препятствующими. У развития есть свои преимущества и свои недостатки. И не-развитие имеет не только недостатки, но и преимущества. **Идеальный способ** здорового развития заключается, в том, чтобы усилить все преимущества развития и все недостатки не-развития, ослабив все недостатки развития и преимущества не-развития. Гомеостатические тенденции, сокращение потребностей, защитные механизмы, снижение ценностного уровня жизни есть обезболивающие меры, которые бывают совершенно необходимы, но при этом они могут оказаться сильнее тенденций к развитию.

— Состояние бытия вне **системы ценностей** является психопатогенным. Личности, чтобы жить и постигать жизнь, необходимы выс-

шие координаты бытия, философия жизни, религия, искусство, причем они нужны ему почти в той же мере, что и солнечный свет или любовь. Это называется «когнитивной потребностью в понимании». Дефициты и отклонения в развитии, источником которых является отсутствие ценностей, определяются по-разному. Это утрата радостей жизни, моральное разложение, апатия, аморальность, безнадёжность, цинизм и т. п. Необходима обоснованная, практически применимая система человеческих ценностей, в которые мы можем верить и служению которым мы можем себя посвятить, потому что они истинны, а не потому, что нас заставляют в них верить.

— На уровне самоактуализации разрешаются многие дихотомии и **противоречия** личности. У самореализующихся людей наблюдается сильная тенденция к слиянию эгоизма и бескорыстия в единство более высокого, превосходящего обыденность порядка. Работа начинает быть игрой; призвание и профессия становятся одним и тем же. Когда долг превращается в удовольствие, а удовольствие — в выполнение долга, тогда эти два понятия перестают быть противоположностями. Высшая зрелость включает в себя «детские» качества. При достижении зрелости разница между внешним и внутренним, сознанием и бессознательным, рациональным и иррациональным, между «Я» и «Другими» в значительной мере преодолевается и стирается, и на высшем уровне развития личности наблюдается их взаимопроникновение. Сейчас дихотомизация в противовес интегрированности представляется нам характерной чертой низкого уровня развития личности.

— У **интегрированных** личностей воля, познание, эмоции и моторные функции менее отделены друг от друга и более синергичны, т. е. сотрудничают, а не конфликтуют. Рациональные, взвешенные мысли могут привести к тем же самым выводам, что и мысли, порожденные слепыми желаниями. Такой человек хочет и получает удовольствие от того, что для него хорошо. Его спонтанные реакции так эффективны и точны, как если бы они были продуманы заранее. Его чувственные и моторные реакции в большой степени соответствуют друг другу. Он понимает проблемность и опасность тех вековых рационалистических систем, которые располагают психические способности в дихотомически-иерархическом порядке, во главе которого стоит абстрактное мышление. Преодолевая господство рационального познания, необходимо освободить место для довербальных, невыразимых, метафорических, первичных процессов, для конкретно-чувственного, интуитивного и эстетического познания, потому что у реальности есть аспекты, которые можно познать только таким образом.

— Способность здоровых людей погружаться в бессознательное и предсознание, ценить и использовать первичные процессы вместо того, чтобы бояться их, мириться с их импульсами, вместо того, чтобы всегда контролировать их, умение добровольно и бесстрашно отдаться регрессу, оказывается одним из основных условий **творчества**. Эстетическое восприятие, эстетические «пиковые переживания», творческий поиск представляются центральными аспектами человеческой жизни. В моменты творчества и пиковых переживаний личность выходит за пределы объективного времени и пространства, за границы психического опыта жизни, достигая состояний **трансцендирования**.

— Самоактуализация не означает, что личность становится выше всех человеческих проблем. Конфликт, беспокойство, разочарование, печаль, обида, вина — все это можно обнаружить и у здоровых людей. В принципе, движение к зрелости означает постепенный уход от невротических псевдопроблем к реальным, неизбежным **экзистенциальным проблемам**, изначально присущим природе людей, живущих в конкретном мире.

— Общество, цивилизация, культура могут как способствовать развитию личности, так и мешать ему. Однако основные источники развития и человеческой полноценности находятся исключительно внутри самой личности и не сотворены или изобретены обществом. Это так, несмотря на то, что **культура** является обязательным фактором реализации человеческого потенциала, ибо с ней связаны язык, абстрактное мышление, художественное творчество, способность любить; но мы знаем также, что они существуют в качестве потенциальных возможностей в плазме человеческого зародыша, которая старше любой культуры.

— Самоактуализация предоставляет личности большую возможность подняться над своей самостью, самоуверенностью и эгоизмом. Самореализующемуся человеку легче стать **частью** чего-то большего, чем он сам. Условием этого является автономия в обществе, обретаемая, благодаря успешному опыту общения, основанному на бытийной любви, заботе, помощи другим людям.

— Самоактуализация не является универсальной по форме. Дорога к ней лежит через реализацию **мужских** и **женских** качеств, которые сильнее качеств общечеловеческих. То есть личность должна сначала стать настоящей женщиной или настоящим мужчиной, тем самым создав возможность для самоактуализации в общечеловеческом смысле. Есть также доказательства того, что люди с разной конституцией реализуют себя по-разному. Телесные и половые предпосылки не ограничивают, а создают особые условия самоактуализации.

Концепция глубинных потенциалов личности, предполагающая соединение самости с возможностями мира, сосредоточенными в культуре, хорошо дополняется **юнгианской** типологической концепцией психических функций, или способностей, основанной на культурных референциях, как в плане раскрытия жизненных условий развития функций-способностей, так и в плане способов построения их типологии.

Модель психофункциональных типов личности

Прежде чем привести данную модель, посмотрим, что в персоналогическом понимании представляет собой **метод типизации личности** (149).

Метод объединения личностей в «типы» по строго обоснованным критериям в единстве с методом идентификации конкретной личности с определенным типом является формой общего **логического приема**, характерного для европейского *ratio*, искусно упорядочивающего явления мира. Выстраивая таксономии и выделяя категории объектов, разрабатывая научные классификации, европейское мышление именно в отношении «типологий» достигло той гибкости и многомерности, с которыми только и можно подойти к личности. Обосновывая ценность метода типизации для персоналогии, следует вначале определить интеллектуальную процедуру применения и развития данного метода.

К достаточно редким опытам фундаментального научного осмысления и использования типологического метода относятся исследования **К.Г. Юнга** и **К. Ясперса** (202; 207). В их трудах есть и содержательные определения «типа» личности, и хорошо эксплицированные приемы типизации, и описания способов и эффектов применения типологических моделей в психотерапевтической практике. На основе интерпретации этих трудов и собственных исследований предлагаем **модель типизации личности**.

Вслед за Ясперсом можно говорить о типизации «личностных свойств», принятых за обобщающее понятие, под которое можно подвести большое разнообразие психических явлений, реально проживаемых человеком: функций, способностей, качеств, направленностей психической жизни. «Принимая одно или несколько свойств за основу для обобщения, относящегося к человеку в целом, и отмечая доступные пониманию связи между этим фундаментальным набором свойств и тем, что человек переживает, осознает и делает, мы, тем самым, развиваем типологию личности» (207; с. 526).

Интеллектуальная процедура типизации как научного метода заключается в последовательном применении «идеи типа» к опреде-

ленному множеству событий, в частности, множеству индивидуальных личностей. В основных чертах путь к типу означает:

- дифференцированный взгляд на определенную общность как состоящую из отдельных, автономных личностей;
- выявление (эмпирическое, герменевтическое, феноменологическое) существенных признаков сходства и различия между личностями, которые разделяют их на разные категории;
- выделение среди категориальных признаков противоположностей, делящих личностей на оппозиционные группы;
- нахождение разнообразных бинарных признаков и соединение их в сложные типологические конструкторы, которые задают кардинальные различия многопараметральных типов внутри типологии;
- конкретизацию или усмотрение признаков определенного типа в отдельной личности;
- определение типологической структуры конкретной общности на основе типизации личностей, составляющих ее;
- присвоение «типу» статусов концептуального объединителя людей и реального атрибута индивидуальной личности.

Полноценный тип строится в виде **гештальта** личностных свойств, взаимодействующих в методологически строгом порядке. Этой чертой научно-типологический способ «маркировки» личностей отличается от литературных типологий, а также от поныне распространенной символической категоризации людей. Типизация по своим возможностям превосходит также метод психологической **классификации**, работающий с родовыми признаками, которые не позволяют выделить личность из общности, а также берутся иногда произвольно, упрощенно, без учета взаимосвязей друг с другом. «Класс» устанавливает разделяющие границы внутри общности, распределяет индивидов по крупным разрядам, отвлекается от индивидуальности, вбирает личность в ту или иную группу людей, всегда остается определителем коллективного, а не индивидуального. «Тип», сохраняя все достоинства «класса», ориентирован, прежде всего, на творческое открытие сложных внутренних ритмов и порядков в многообразии индивидов, а также на познание идентичности и уникальности конкретных личностей.

В процессе типизации взаимодействуют индуктивные и дедуктивные мыслительные операции, операции анализа и синтеза, операции дуального и континуального мышления, дискурсивные ходы мысли и эффекты инсайта, результаты движения от интуитивных прозрений и абстрактных конструкторов к эмпирической реальности и от эмпирических наблюдений к теоретическим обобщениям. У Юнга операциональные границы типизации определены так:

«Я вынужден ограничиться изложением принципов, выведенных из множества единичных фактов, которые мне довелось наблюдать. При этом речь идет не об априорной дедукции, как это может показаться, а о дедуктивном изложении эмпирически приобретенных взглядов» (202; с. 30).

С точки зрения типологического подхода психика выступает не как нечто универсальное, однородное, хотя это необходимо присуще ей, а как образование, по уровням и качествам своих свойств обладающее закономерными межличностными отличиями. Понимание психики переходит здесь из философского и общепсихологического плана в план дифференциальной психологии. «Нет сомнения, что объяснение психического на основе однородности не только возможно, но и вполне правомерно. Однако если я захочу восполнить образ психики до его полноты, то я должен поставить перед собою факт разнородности психик» (202; с. 591).

Поиск типов личности связан с рассмотрением психики в ее **сознательной** форме. Типы конституируются в виде устойчивых аспектов психической активности и жизненной практики, освещенных сознанием и сознательно реализуемых личностью. Типолог оперирует четко различенными свойствами сознательной личности, в том числе парами противоположностей. С сознательностью типизируемых свойств обычно связывается их функциональная сила, доминирование в психической жизни, энергетическая заряженность, а также подавление нежелательных бессознательных тенденций личности или, наоборот, усиление ценных неосознаваемых содержаний. Сознательность типов делает их хорошо доступными для направленного научно наблюдения, оценки и объективации исследовательских данных.

Там же, где психическая жизнь протекает под порогом сознания, где она действительно может быть общей, однородной, «коллективной», рациональный типологический метод уступает место интуитивным толкованиям всеобщих бессознательных образований: «архетипов», «группировок», «комплексов», «установок». Это как будто исключает соединение в «типе» аспектов сознательной и бессознательной психики. И все же, согласно Юнгу, подлинную целостность типологический конструктор приобретает при введении в его структуру гипотетических **бессознательных противовесов** сознательным свойствам личности или ее «теневого стороны». Отсюда гибкость предложенных им критериев типизации: учитываются соотношения сознательных и бессознательных экстраверсии и интроверсии; устанавливаются связи дифференцированных, недифференцированных и слабо дифференцированных психических функций: ощущений, эмоций, мышления, интуиции.

Признание единства сознательных и бессознательных образующих типа свидетельствует о влиянии на типологический подход различных общетеоретических течений в науках о личности. При этом основополагающей для метода типизации является, по мнению Юнга, **холистическая** теория, видящая в личности «множественное и неделимое целое» телесных и психических свойств, качеств, способностей, отношений, способов жизни и определяющая тип как закономерное проявление этого целого. «Личность» и «тип» соотносятся как глобальная целостность и ее существенный частный вариант. Применяя принцип холозма, Юнг исследует личность как единство функциональных свойств, каждое из которых с жизненной необходимостью и индивидуальным своеобразием, на уровне сознания и бессознательного дополняет другие. Свойство ощущать позволяет устанавливать, что нечто *существует*. Свойство мыслить — *что* это нечто *означает*. Свойство чувствовать — какова *ценность* этого. Свойство интуиции служит установлению, *откуда* нечто появилось и *куда* оно следует. Этот всеобщий гештальт свойств находит типологические формы развития при условии явного доминирования у личности того или иного сознательного свойства при менее выраженной активности всех других.

С учетом сложного интеллектуального обеспечения процедуры типизации, ее направленности на сознательные и бессознательные свойства личности и ее происхождения из холистического видения личности, можно наметить следующий **порядок типологического моделирования**.

1. Оно предполагает решение **трех задач**. Во-первых, построение обобщенной структуры свойств, характерной для всех личностей и всех типов в определенной общности или группе, во-вторых, структурирование типологии личностей, охватывающей данную совокупность людей и указывающей на повторяющиеся варианты развития общей структуры свойств, в-третьих, выявление типологической принадлежности личностей и индивидуально-типологической структуры конкретной личности.

2. **Моделирование общей структуры типов** ориентировано на поиск базовых, сознательных свойств, повторяющихся в некотором множестве личностей и имеющих диапазон изменчивости от одного своего ярко выраженного качества, уровня развития или степени активности до их противоположностей. Крайние сознательные свойства с противоположными характеристиками, или **свойства-доминанты**, принимаются за исходные типологические признаки. Если обнаруживаются несколько доминантных типологических свойств, то раскрываются и учитываются **связи** между ними, созда-

ющие устойчивые контуры и динамику типов-оппозиций, называемых еще «основными» и «первичными».

Исходные типологические признаки и их взаимосвязи выступают **основаниями типизации** личностей. Так выделенные Юнгом восемь первичных типов конституируются сознательными и бессознательными мышлением, чувством, ощущением и интуицией, направленными экстравертно или интровертно.

Типологические конструкты, содержащие яркие свойства-доминанты, рассматриваются как **чистые типы**, например, юнгианские «интровертный мыслительный тип», «экстравертный чувствующий тип», «интровертный интуитивный тип» и т. д. Учитывая относительную жизненную редкость и опираясь на клинические, герменевтические и теоретические исследования, Юнг выделяет особые условия их возникновения:

- врожденные психические расположения индивида;
- отчетливо преобладающая у личности субъектная или объектная направленность влечений и психические формы их реализации;
- способы спонтанной адаптации личности к окружению в раннем детстве;
- социальные ограничения индивидуальной жизни, исключающие развитие свойств, уравнивающих типологические доминанты;
- недостаточность форм психического приспособления личности в зрелом возрасте;
- коллективные запреты на признание позитивных влияний бессознательного на сознание;
- личное жертвоприношение свойствами, оппозиционными доминантам;
- в ответ на эту жертву — бессознательное поклонение отвергнутому свойству и сознательное преувеличение роли доминанты;
- интенсивная поддержка доминанты со стороны бессознательного.

Чистый, или **первичный**, тип личности может отличаться заметной односторонностью, иногда крайностью, а также наличием во внутреннем составе противоположных, «запущенных», свойств. Они образуют бессознательный либо частично осознаваемый **вторичный** тип, подчиненный первичному типу и существующий как «контрличность». Например, в юнгианской типологии вторичным типом по отношению к «экстравертному мыслительному типу» личности является ее «интровертный чувствующий тип». Первичный тип может обладать отношениями равновесия, вытеснения, компенсации, гармонии, сверхкомпенсации, комплементарности и проти-

воречия с вторичным типом. Разлад основных и вторичных свойств личности указывает на недостижимость для нее разнообразных психических богатств, препятствует ее взаимопониманию с носителями других типов.

Психологическая ценность чистого типа состоит в высоком уровне функционирования ведущих свойств, их существовании в форме способностей и талантов личности, а также в возможности сознательного развития личностью оппозиционных свойств ради совершенствования доминирующих и в возможности компенсаторной активизации бессознательных противовесов основных свойств. При этом скомпенсированный тип часто оказывается парадоксальным, т. к. в нем всегда присутствуют скрытая непонятность и двусмысленность, придающая проявлениям сознательных функций двойственный, труднообъяснимый характер. Иногда компенсация в форме вовлечения запущенных свойств в активную жизнь личности может так влиять на свойства-доминанты, что вызывает или их положительный переход за пределы обычных сознательных проявлений, или сдерживает их развитие, или порождает полный раскол первичного и вторичного типов, начинающих действовать относительно автономно. Большим психологическим риском и вместе с тем потенцией чистого типа является его избыточная компенсация, когда вторичный тип бесконтрольно и анархично подчиняет себе первичный, вызывая его «критическую односторонность». «Недоразвитая функция, освобождаясь от сознательной диспозиции, по собственному побуждению, т.е. как бы автономно, бессознательно сливается с другими функциями; проявляется она при этом без дифференцированного выбора, чисто динамически, словно какой-то натиск или как простое усиление, которое придает сознательной дифференцированной функции характер восхищенности, увлеченности или насильственности» (202; с. 116).

3. **Моделирование типологии** предполагает нахождение объединительных типов, наиболее часто встречающихся в общности или группе, либо типов, концентрирующих «чрезвычайные» свойства, присущие личностям, обладающим особой социальной, культурной, исторической значимостью. В нежестких, прозрачных контурах любой хорошей типологии прежде всего выделяются упомянутые **чистые типы**. Их дополняют **средние типы**, обладающие более или менее выраженными свойствами-доминантами и основанные на относительном равновесии противоположных типологических признаков. Кроме того, существуют **переходные типы**, внутри которых или сложились жизненные предпосылки, или уже осуществляется постепенная смена доминант, связанная, как правило,

с конфликтным состоянием типологической структуры или процессами компенсации. Типология подразумевает и наличие **гармоничных типов**, в составе которых равно хорошо развиты все типологические признаки, не составляющие оппозиции друг другу и описывающие контуры многосторонней уравновешенной личности. «Исследователь, увлекающийся распределением людей по чистым типам, неизбежно терпит неудачу. Во-первых, ни один такой тип не может исчерпать человека в целом, поскольку служит прояснению лишь одного из его аспектов. Во-вторых, любая отдельно взятая типологическая схема относительна, поскольку представляет собой не более чем одну из возможностей. В-третьих, личностный тип всегда соотносится с ситуациями жизни как часть с целым; ситуации же характеризуются бесконечным богатством возможностей» (207; с. 531). В своих описаниях восьми первичных типов Юнг придерживается **принципа континуальности**, т. е. показывает, как в динамике жизни каждый чистый тип может приобрести черты среднего, переходного или гармоничного типов.

В юнгианской трактовке типология представляет собой «сетку», «кристалл», позволяющую упорядочить богатство естественных индивидуальных свойств личности, развивающихся при посредстве социума и культуры. С персонологической точки зрения, она выступает инструментом научного понимания и интерпретации индивидуальной личности, когда за точку отсчета принимается некоторое разнообразное личностное множество. Кроме того, она выступает знанием, которое личность может применить в самопознании, а также основой для разработки диагностических моделей и техник, ценных в исследованиях, консультировании и психотерапии личности.

Важно, что типология указывает на специфику теоретической парадигмы и собственного психологического типа создателя, выделяющего и акцентирующего определенные личностные аспекты, найденные у других и самого себя. Это может составлять фундаментальные отличия его теории от теорий других типологов, его практических установок от установок других психотерапевтов, ориентирующихся на «личностные типы», его личности как субъекта теоретического и практического развития определенной модели типизации от личностей авторов других моделей. Но одновременно это создает условия для объединения, «высшего синтеза» разных типологических подходов.

4. **Типологическая идентификация конкретной личности** связана с применением одной или нескольких типологий. Отнесение личности к тому или иному типу в границах определенной типологии может основываться на определенном **идентификационном алгоритме**.

Устанавливается:

- какие типологические свойства приобрели у личности преимущественное развитие;
- какой тип — чистый, средний, переходный, гармоничный — воплощен в данной личности;
- какой тип выступает вторичным по отношению к ярко выраженному первичному типу;
- в каком отношении находится вторичный тип по отношению к первичному типу: компенсации, подчинения, подавления, поддержки и т. д.;
- является ли данная личность носителем оппозиционных сознательных типологических свойств как источников внутренних конфликтов;
- демонстрирует ли она принадлежность к противоположным типам и указывает ли это на невротическое нарушение ее целостности либо на позитивное использование потенциала разных типов;
- может ли данная личность быть субъектом развития своего типа в смысле активизации вторичных типологических свойств, или придания основным свойствам творческой направленности, или углубленной рефлексии возможностей своего типа;
- может ли доминирующий тип личности стать скомпенсированным, уравновешенным, гармоничным в результате ее собственных усилий;
- является ли данная личность «чрезвычайным человеком», в смысле причастности к высокоразвитому чистому типу или, возможно, «всесторонним человеком», сочетающим в себе несколько зрелых типов.

Представленные в конкретной личности типы из разных типологий могут раскрывать существенные аспекты ее целостности. В этом назначении метод типизации демонстрирует свои наилучшие перспективы в отношении индивидуального случая. «Чтобы исчерпать все возможности описания того или иного случая, имеет смысл оценивать его в терминах множества типов» (207; с. 677). Параметры многих типов со сложными конфигурациями взаимосвязей между ними могут образовать **интегральный тип** индивидуальной личности. Он будет выглядеть как конструкт с зыбкими, раздвинутыми границами, служащий углубленному пониманию индивидуальности личности.

Вслед за рассмотрением интеллектуальной процедуры типизации, анализом особенностей ее применения в психологии личности и определением «типа» как логического конструкта посмотрим на типы как **социальную реальность**. Рассмотрим, в частности, с ка-

кими человеческими множествами имеют дело типологи и каким образом тот или иной личностный тип, а также типичность индивидуальной личности связаны с общностью, «другими» и коллективной жизнью.

Все известные типологии личности касаются состава тех или иных человеческих объединений, структурируя его; каждая типология связана с общностью определенного пространственно-временного масштаба. Наибольшим объемом отличаются человеческие общности, из которых извлечены общие типологии строения и динамики тела, типологии свойств нервной системы, типологии темпераментов, гендерные типологии и типологии психических функций. Конкретные культурно-исторические сообщества охватываются частными типологиями. Это, например, типологии античных, средневековых, ренессансных личностей и личностей Нового времени, выражающие этапы многовекового становления европейского человека. Часть типологий соотносится с общностями, где нашли историческое развитие специфические разновидности культуры. К ним принадлежат описанные О. Шпенглером типы магического, аполлонического, фаустовского человека и выделенные К. Ясперсом типы греческой, римской, позднеантичной, нордической личности. В том же ряду находятся распространенная социокультурная дефиниция, предполагающая существование личности Запада и личности Востока. Кроме того, типизация осуществляется в отношении представителей конкретных наций или конкретных государств. К ее результатам относятся популярные сейчас типологии национальных характеров, национальных менталитетов и их исторических трансформаций. Иногда внутри общества с определенной политико-экономической организацией выделяется система «социальных характеров». Они связывают и обобщают формы общественной адаптации, активности и ведущей деятельности личности, а также устанавливают соответствие ее желаний преобладающим в обществе ценностям и готовность осуществлять их во взаимодействии с другими людьми. Примерами являются типологии, созданные А. Адлером и Э. Фроммом. Иногда типология относится к профессионально-ролевому составу определенного культурного сообщества, как, например, у Э. Шпрангера. Или типологии охватывают личностей из отдельных сфер профессиональной жизни, дифференцируя типы ученых, философов, предпринимателей, политиков и т. д.

Социальная сущность личностного типа проявляется в том, что он выражает тождество индивида с другими людьми и что в нем закрепляются каноны психологической интеграции индивидуальности

в какую-либо общность. Существование многих личностных типов в обществе означает вариативность социального бытия индивидов, возможность их многообразных идентификаций с другими, достаточно высокий уровень гуманитарного развития социума, необходимость поиска коммуникации между различными типами, возникновение конструктивных и деструктивных коллизий между представителями разных типов. Сложная, тонко дифференцированная типологическая организация общества свидетельствует о достижении в нем гибких отношений коллективного и личного начал жизни, а также о достаточной свободе для индивидуализации ее членов.

Типичность индивидуальной личности помещает ее жизнь в общественное измерение, является показателем и условием ее единства с другими людьми независимо от того, относятся ли они к ее типу или представляют иные типы. Одновременно она способствует включению личности в социум без ущерба для собственной автономии и развития «Я». Самосознание типичности, понимание специфики своего типа и признание достоинств других типов углубляют идентичность личности, ее восприятие себя как «Другого», слияние «Я» с «Мы», принятие множества людей как обладающих не менее ценными свойствами и способами жизни. Принадлежность ко многим типам, представляющим различные типологии, укрепляет взаимосвязь человека с общностью при условии, если он может придать своим типологическим свойствам и их связям индивидуальные формы. Осознанная **многоплановая типологическая идентичность** открывает человеку ориентиры развития своей индивидуальности, обладающей «общественной расширенностью».

Типичность как социальное явление должна обосновываться психологами с учетом сложного жизненного взаимодействия процессов отождествления личности с общностью, процессов достижения автономии личности и ее индивидуализации в общности. Именно такой подход воплощен в юнгианской типологической модели. В сделанных Юнгом описаниях экстравертного и интровертного типов ясно видна личностная **динамика социального (коллективного) и индивидуального**. Эта динамика характеризуется с точки зрения современной нормативности и архаичности, сознательности и бессознательности, активности осознания и продуктивности, конфликтности и согласования. Остановимся на принципиальных моментах движения **экстраверсии и интроверсии** личности.

Сначала напомним, что «в случае экстраверсии движение интереса субъекта направлено на объект, а в случае интроверсии оно отворачивается от объекта и направляется к субъекту, на его собственные психические процессы» (202; с. 31). Экстраверт отличается вы-

раженной эмпатией в отношении к объекту, своим отождествлением с ним, а также намеренной зависимостью от него. Он настолько же находится под влиянием объекта, насколько стремится ассимилировать его. Интроверту свойственно заметное самоутверждение по отношению к объекту. Он восстает против зависимости от объекта, отклоняет всякое его влияние, а иногда испытывает перед ним страх. Но тем сильнее он зависит от внутреннего Образа или Идеи, которые защищают его от внешней зависимости, дают ему чувство свободы, но вместе с тем сообщают ему и ярко выраженную интенцию к власти.

Развитие того и другого типа, ввиду их сознательного качества, необходимо предполагает отделение индивидуального Я от того универсального окружения, сферы жизни, предмета желаний и познания, каким является для человека «коллективность». Сам факт появления этих личностных типов, независимо от их преобладающей объект-субъектной ориентации, означает отступление коллективности перед индивидуализацией, наличие равных возможностей течения сознательной активности индивида в направлении к «другим» и к себе. Сознание, выполняя индивидуализирующую функцию, стремится сообщить личностному интересу к объекту и субъекту характер не только нормативности, но и новизны, соответствие не только традиционным, но и нарождающимся требованиям социума. Одновременно бессознательное представителей обоих типов придает их связи с внешним объектом и своим психическим качеством, говорящее о глубинном сращении индивидов с архаичной общностью, с историей рода, с актуальными формами коллективности. В современном существовании типов устанавливаются паритетные отношения индивидуализации и социализации, а также оттеснения «новой» коллективностью «старой».

Активность сознательных психофункциональных свойств **экстраверта** устремляется к предметам, непосредственно вовлеченным в коллективную жизнь, и к людям, осуществляющим ее. «Я» в мысли, чувстве или образе интенсивно осваивает предметные и ментальные содержания общественной жизни, наполняется и отождествляется с ними, становясь «единичным отражением» коллективного. Тенденция к индивидуализации проявляется в придании личностью оттенка самобытности или творческой оригинальности своей социально-нормативной деятельности и во многом зависит от направленного вовлечения в эту деятельность слабо дифференцированных психических свойств. Поглощенность коллективным объектом принуждает экстраверта тщательно приспосабливаться к нему. И та же поглощенность побуждает личность подчинять и адаптировать объект

к индивидуальному рисунку своей жизнедеятельности, создавая «место Я» в коллективном целом. Одаренный талантом экстраверт приходит к жизненным достижениям, понятным и благодарно принимаемым современниками. Через приток коллективного признания он поддерживает самоидентичность, легко нарушающуюся при изменениях отношения со стороны общности.

Экстраверт может «интровертировать», или направленно обращаться к самому себе, в ответ на возникновение диссонансов во взаимодействии с другими как неотъемлемым условием, целью и смыслом его жизни. В случае глубокой конфликтности экстравертных связей во внутреннем мире личности активизируются бессознательные содержания, вызывающие ее регресс до уровня архаичного коллективного мышления и обычно сопровождающие ее скрытые, эгоцентрические переживания и желания. Появляются смутные интуиции, ощущения, идеи, несущие непривычные для экстраверта послания об одиночестве человека в мире, о соблазнах и рисках личной автономии и свободы, об опасностях, исходящих от других людей. Архетип «трагической индивидуализации» неумолимо проступает в сознание, наполняя «нормативное Я» беспокойством и тревогой. При этом трудно дающийся экстраверту перевод процессов самообращения на уровень рефлексии конфликта может способствовать развитию у него новых защитных и продуктивных форм персонализации в обществе.

Сознание **интроверта** наиболее активно в процессах самоотношения. «Я» выступает привилегированным объектом, данные о котором обычно предшествуют и руководят действиями и поступками личности в среде других людей. Коллективная нормативность осознается как внешняя, чуждая и приспособляется к субъективным идеям, представлениям и ожиданиям. В любые выходы к «другим» привносится сильный индивидуальный компонент, часто воспринимаемый окружающими как непонятный, сомнительный, притязающий на необоснованное господство. Неисчерпаемый сознательный интерес к самому себе побуждает интроверта обращаться к потаенным, часто рационально не проработанным душевным содержаниям: символам, фантазиям, необычным идеям, сновидениям. Их проекция и трансляция в общность могут носить оригинальный, творческий характер, но редко сразу понимаются и принимаются современниками.

Если интроверт не может согласовать интенции Я с устоявшимися регламентами коллективной жизни, возникает конфликт, снижающий активность индивидуального сознания и усиливающий участие бессознательного в жизни личности. Она оказывается легко проницаемой для внутренних, стихийных воздействий бессозна-

тельной «коллективной души». Мощное стремление быть индивидуальностью и рефлексивно создавать «Я», определяющее тип интроверта, отступает перед неизъяснимой тягой полностью исчезнуть в «Мы». Интроверт «экстравертирует», бесконтрольно уступая влиянию общих чувства и представлений. Но это состояние обычно скоро вызывает неудовлетворенность личности и всплеск индивидуального сопротивления, который при позитивной динамике выражается в умножении потенций самопознания и в совершенствовании оригинальных форм социального самовыражения. Психологическими средствами свободного внутреннего сращения интроверта с общностью являются творчество, эмпатия и рефлексия.

Абстрагируясь от различий экстравертного и интровертного типов, К. Г. Юнг выделил ряд критических соотношений «индивидуальности» и «коллективности», которые проявляются при любых типологических вариантах личностного развития, хотя и принимают характерные для каждого типа формы. Суть этих соотношений раскрывается им на примерах следующих **ситуаций человеческой жизни** (202).

— Когда перед личностью встает задача, которую он не может разрешить средствами сознательной психики, наступает возвратное движение психической энергии с уровня, где правит Я, на уровень бессознательной душевной жизни. При такой регрессии оживляются древние аналоги возникшей личностной проблемы и отыскиваются архаичные способы приспособления, закрепленные в коллективном бессознательном. Индивидуальная регрессия к коллективности может выражаться в обращении к **символу**, ведущему к глубокому осознанию и решению персональной задачи.

— Иногда возникает серьезная субъективная проблема, с которой человек оказывается один на один. Спасением от давящего одиночества и тяжелых переживаний становится для личности нахождение связи между своей коллизией и большим **общественным вопросом** текущего времени. И если раньше личная проблема располагала только энергиями интереса к собственному Я, то теперь к ней со всех сторон притекают коллективные движущие силы. Соединяясь с интересами личности, они создают новое внутреннее положение проблемы, открывая обширные возможности ее разрешения.

— Для личности, находящейся в ситуации активного саморазвития, важно соблюдать принцип **средней стези**, предусматривающий согласование индивидуального пути с интересами и ценностями других людей. Личностный рост и высокие жизненные достижения возникают не на стороне эгоизма и стремления к самовозвышению. Они нуждаются в радости от успехов созидания, разделенных с дру-

гими. Коллективный элемент в человеке настолько силен, что глубокая жажда совместности нарушает любое удовольствие от эгоистически направленных достижений.

— Создание значительных произведений, высшие напряжения души, великие переживания личности затрагивают сокровищницу форм коллективного бессознательного. В процессах интенсивной сознательной жизни первичные психические формы коллективности превращаются в способы **творчества и самосознания** индивида. Творческая личность не просто ярко изживает миф или символ, а мыслит о своих душевных напряжениях, взлетах, соотнося себя с вечными темами бытия.

Следует добавить, что иногда социальное может существенно подавлять в личности тенденции к индивидуализации. Крайняя сознательная «социализация» в определенные исторические периоды захватывает множество личностей, обеспечивая им душевный комфорт и удовлетворенность жизнью в относительной независимости от тонкой специфики их психологических типов. Согласно **Э. Фромму**, поглощение основными потребностями, ведущими идеями и глобальными переживаниями социума определили появление в западном обществе середины XX века массы ярких носителей «социальных характеров», имеющих два типа ориентации: неплодотворную и плодотворную. **Неплодотворно ориентированный тип** личности оказался более распространенным, разделенным на подтипы (рецептивный, эксплуататорский, стяжательский и рыночный), был хорошо исторически адаптирован и раскрывался в терминах социальной философии, социологии и социальной психологии. **Плодотворно ориентированный тип**, несмотря на свою обусловленность общественными ожиданиями новаций в отношении к труду и к другому человеку, предполагал индивидуальное творчество и самореализацию личности и, следовательно, не мог быть объяснен только средствами социальных наук. Требовался их синтез с психологией личности, соединяющей в теориях, эмпирических исследованиях и практике общность — тип — индивидуальность (174).

Трактовка личностных типов как социальной реальности, включенной в процессы поддержания традиций и создания нового, вводит психолога в круг проблем, касающихся отношений **типа и культуры**. Здесь обнаруживаются связи, принципиально важные для культурной персоналогии.

Как отмечалось, явления культуры выступают продуктивными событиями индивидуальной и коллективной жизни, приобретающими высокую значимость для определенного социума и конкрет-

ных личностей. Личность порождает культурные феномены в форме духовных и предметных ценностей, признаваемых многими с точки зрения развития их жизни в сферах религии, этики, искусства, науки, труда и общения. Личность в качестве «человека культуры», «творца культуры», «автора культуры» способна занять ценностную позицию по отношению к самым разнообразным явлениям жизни других и собственной жизни и таким образом придать им культурный смысл и значение. Воссоздаваемые и создаваемые личностью культурные ценности транслируются другим, формируя поле взаимных влияний, оживляющих творческий опыт прошлого и подающие импульсы к новому индивидуальному творчеству. Личность и культура образуют единую систему, где воспроизводятся, обновляются, передаются, индивидуализируются общезначимые каноны веры в Бога, поклонения красоте, любви к близким, развития языка, достижения профессионального мастерства, дискурса и диалога, добывания фундаментального знания и самопознания.

Идейное, теоретическое достояние занимает одно из главных мест в культурном наследии европейской жизни. Особенно ценными становятся **идеи**, значения и смыслы которых заключают «потенциальную бесконечность». Они определяют канонический пласт и перспективные цели многих наук, в том числе наук о человеке. Как мы видели, одной из «сквозных» гуманитарных идей является идея о типах личности, давно поддерживающая линию культурного персонализма и содержащая потенциал будущего познания феномена «личность». Исследователи личности существуют для себя как носители идейного наследия и субъекты создания новых интеллектуальных моделей (индивидуальности, типа, Я, Другого и т.д.) в области «личностного знания».

Особая культурная ценность идеи о личностных типах состоит в определяемых ею «темах» человеческого **самопознания**. В учении Юнга эта идея раскрывает индивидам культурогенез «личности» на уровнях сознательной и бессознательной жизни, указывает на культурную обусловленность высших психических функций, культурные возможности и последствия их индивидуального осуществления, подчеркивает ценность индивидуальных культурных продуктов, когда они приобретают значение произведений и символов. Ею намечаются критерии культурного развития личностных типов, психологические характеристики творчества и культурных вкладов их выдающихся носителей. Она с такой тонкостью структурирует инварианты душевной и практической жизни, что позволяет конкретной личности отрефлексировать свое культурно-психологическое сродство с другими людьми, свою представленность в их

внутреннем мире и в перспективе взаимных отражений понять уникальность собственного Я-в-культуре.

К. Г. Юнг обосновывает **культурное происхождение** личностных типов, связывая его с разделением сознательных психических функций (свойств, способностей) человека в коллективной и индивидуальной жизни.

Благодаря такому разделению в коллективной жизни стало возможным относительно автономное развитие образного, мыслительного, эмоционального и интуитивного способов общественного бытия и, соответственно, разных операциональных средств совместного порождения культурных ценностей. Мир европейской культуры сильно дифференцирован и сложно образован продуктами воображения — интеллекта — переживаний — прозрений, завоеванными признанием конкретных общностей. В структуре современного социума умножение способов и результатов культурного производства обуславливает рост числа личностных психофункциональных типов, которые становятся все более специализированными и потому затрудняющимися во взаимодействии, склонными к разладу и конфликтам по поводу стиля жизни и ведущих ценностей. Отдельные типы стремятся к дальнейшей специализации, дифференцируясь на все большее количество подтипов. К примеру, трансформациями «мыслительного типа» становятся мыслитель интуитивный и мыслитель рефлексивный, мыслители логического и визуального склада, мыслитель-теоретик и мыслитель-эмпирик, мыслитель-идеалист и мыслитель-прагматик.

Вследствие разрастания количества типов социум приобретает мощную культурную подпитку и одновременно культурную релятивность. Так, «экстравертные мыслители» активно создают интеллектуальные ценности в области естественных наук, предпринимательства, политики, масс-медиа, дизайна и технического изобретательства. «Экстравертные интуитивы» искусно оперируют иррациональными моделями в сфере финансов, гуманитарных наук, искусстве, продюсерской деятельности. «Интровертные мыслители» развивают исконные идеи в философии, искусствоведении и литературе. «Интровертные интуитивы» реализуют себя в религиозной сфере, поэзии, метафизике. Зависимость культурной динамики социума от личностного начала, проявляющегося по типологическому закону, придает ей мало прогнозируемый контур сменяющихся и всегда относительных доминант в достижениях продуктивных носителей типов. Разнородные элементы современной культуры, определяемые типическими особенностями их создателей, сообщают культурному облику Европы труднопреодо-

лимую **двойственность**. В нем причудливо сочетаются рационализм и иррациональность, сциентизм и религиозность, гуманизм и технократизм, романтизм и практицизм, власть сознания и свобода бессознательного, эгоцентризм и социоцентризм, духовные устремления и погружение в inferнальные глубины человеческой души.

Индивидуальное разделение психических функций происходило в единстве с дифференциацией областей культуры. Для личностей это имело двойные последствия. С одной стороны, они приобрели потенциальную способность разными психическими средствами включаться в культуру, придавая этим средствам изощренность, совершенство, зрелость. С другой стороны, полноценная жизненная реализация всех возможных средств оказалась для большинства личностей недоступной. Например, индивиды с доминированием образного строя психики могут развиваться в тонких эстетов или достичь высоких результатов в изобразительном искусстве, но при этом их другие культурные функции, например, логическое и рефлексивное мышление, отстают в эффективности. Психологическая односторонность или «типичность» личности существенно определялась как признак ее причастности к одним областям культуры и большей или меньшей отстраненности от других.

Культурно обусловленное типическое начало проступает в личности даже тогда, когда у нее развиты и согласованы все основные функциональные свойства психики. Эта особенность хорошо выражена у **выдающихся** субъектов культуры, проявляющих свой тип не столько в приверженности к тем или иным видам деятельности и творчества, сколько на глубинном уровне смыслообразования, стилевых характеристик, тайн и загадок своих трудов и произведений, а также на уровне влияния последних на культурное сообщество.

В масштабе жизни отдельного человека типические ограничения его связей с культурой могут преодолеваются удачными развивающими или компенсаторными практиками. В масштабе социума существование личностных типов с яркими психологическими доминантами означает, с одной стороны, богатство культурно-ценностных линий коллективной жизни, а с другой — их далекое расхождение, вновь и вновь актуализирующее мечту о синтетических формах Культуры. Ожидание такого синтеза ощутимо в давней гуманитарной тенденции видеть в значительных авторских культурных продуктах **большие символы** жизни. «Все, что только и может сделать человек, — это создать (в языке, религии, искусстве, науке) свой собственный универсум — «символическую Вселенную», которая открывает перед ним возможность понимать и истолковывать, связывать и организовывать, упорядочивать и обобщать свой челове-

ческий опыт, а также обрести свою индивидуальность через приобщение к культурному космосу» (62; с. 656). За символами признается непрезойденная активность влияния на ценностные отношения человека к миру, к себе и способность интегрировать эти отношения.

Причины высокой культурной роли «большого символа», которая распространяется на общность и проникает в индивидуальную жизнь, детально проанализированы К. Юнгом на примере символа Грааля, как средоточия истины, бессмертия, любви, творческой мощи, прекрасного, силы жизни (202).

- Символ объединяет в себе наибольшее количество libido.
- Он устраняет независимость внешних объектов от субъекта, раскрывая их подлинный смысл только в соотношении с ним.
- Он неприкосновенен для упрощенных рационально-прагматических толкований и воплощений, неизбежно умаляющих и искажающих его содержание.
- Он недоступен для агрессивного, критичного интеллекта, ставящего под сомнение его ценность.
- Он является наилучшим выражением для определенного целостного миропонимания, гармонизирующего рациональное и иррациональное.
- Он скрывает не сравнимый ни с чем и не определимый ничем смысл и таким образом стимулирует творчество.
- Он облечен в эстетичную (словесную, изобразительную) форму, убедительную для чувства и восприятия, и несет в себе универсальный этический канон, который обосновывается и возвышается мышлением.
- Очаровывая своей тайной и поражая объяснительными возможностями, символ притягивает и объединяет множество людей, находящихся в нем «знаки» общезначимости своих жизненных проблем.
- В нем так соотносятся сознательная и бессознательная установки психики, что символ становится сверхвлияющим, словно включает нечто «божественное».

Символический способ личностного осмысления мира все заметнее укрепляется там, где логика и дискурс всегда играли ведущую роль: в науке, политике, журналистике, предпринимательстве. Создатели современных символических форм реализуют и ведущие, и подчиненные свойства собственной психики, не оставляя за пределами творческого процесса ни интуитивных, ни логических, ни эмоциональных, ни фантазийных потенциалов. Символы закономерно становятся «агентами» целостности и разносторонности своих творцов. Не искажая действительности творческой жизни, сим-

волы придают ей ту «ошеломляющую видимость», которая превращает личность в неотъемлемую часть культуры.

Одновременно, вопреки установкам на построение символического универсума, среди порождений современного духа все большей притягательностью и влиянием обладают культурные формы, лишенные свойства психического синтеза. Они односторонне характеризуются рациональностью, теоретичностью, абстрактной образностью, агрессивной вербальностью и гипнотизирующей визуальностью. В их пространстве могут рождаться настоящие шедевры вроде совершенных компьютерных технологий или инновационных теорий управления производством и финансами, или новейших моделей информационного представления реальности, или впечатляющих инсталляций. Однако блеск этих произведений неизбежно связан с избирательным, экстремальным развитием отдельных типологических свойств их создателей, которые, как никогда прежде, персонифицируют «чистые типы», отыгрывают их в узких сферах деятельности и затрудняются с полноценным вовлечением в жизнь своей психической системы в целом.

Не менее чем 50 лет назад актуален юнгианский тезис о сущности **культурного развития** личности, состоящего в понимании недостаточности собственного типа, остром переживании этого конфликта как «борьбы с самим собой» и возложении на себя ответственности за восстановление своей психической целостности. «Наше познание конфликта, существующего между типами и типическими механизмами, принуждает нас искать средств и путей для воссоздания их единения» (202; с. 120). Это единение может совершаться путем экзистенциального проживания, рефлексии, творческой деятельности личности, которые способны вызвать и согласовать интенсивность мысли и глубину аффекта, утонченность перцепции и изощренность воображения, строгость интеллекта и раскованность мечты. Непрерывный континуум сложных **жизнесостояний**, субъективно соединяющих для личности ее спонтанность, направленность и разносторонность, может служить решению ценностно-смысловых задач: «во что верю?», «о чем мыслю?», «чем восхищаюсь?», «что считаю благом?», «что люблю?», «что могу?», «что создаю?», «что собой представляю?», «что значу в жизни других?». Здесь культурный процесс происходит **внутри** личности, творится ее жизнью, приобретает оттенки ее типологических доминант и отсвет интегральной психической структуры, выходит за индивидуальные границы, претворяясь в социальные влияния и вклады.

«Тип» в культуре является реальной **порождающей** субстанцией. Вслед за Юнгом генез европейской культуры можно представить

как процесс воссоздания и развития продуктивных культурно-психологических типов личности. Бессознательная жизнь культуры образует символическую жизнь **архетипов**, хранящих исконные человеческие ценности: Мага, Мудреца, Просветленного, Спасителя, Мастера, Государя, Воина, Монаха, Алхимика, Учителя. Ее сознательная жизнь представлена активностью **конкретно-исторических** типов, реализующих актуальные ценности жизни. Например, Рационалиста и Романтика, Прагматика и Ученого, Философа и Поэта, Художника и Моралиста, Бунтаря и Предпринимателя, Изобретателя и Политика.

Поместить психологические типы в фокус культуры — значит увидеть в личности «место» осуществления культурных событий, носителя культурных содержаний, потенциального субъекта культурных новаций и культурное достояние. Это значит подчеркнуть важность идеи типа в познании личности как важнейшем элементе современной научной культуры, а также наметить типологические координаты самопознания индивида, развивая культуру его отношения к себе.

Центральным моментом типологического подхода к личности является моделирование **оснований типизации**. К числу персонологических типологий можно отнести те, которые основаны на сложном синтезе многих личностных свойств. Однако лишь незначительное число известных типологий личности имеет многокомпонентные основания типизации. В истории психологии ими являются, например, типологии Л. Клагеса, А. Ф. Лазурского, К. Г. Юнга. Эти построения хорошо демонстрируют различные способы разработки сложных типологических оснований.

Основания обычно выводятся из той или иной **структурной модели** личности. Базовые компоненты избранной структуры становятся для типолога обобщенной матрицей типов. Тип формируется из личностных признаков, между которыми установлены жизненно очевидные (в терминах Ясперса, «понятные»), эмпирически подтвержденные, статистически и теоретически обоснованные зависимости. Различие путей установления зависимостей между типологическими признаками является вполне естественным вследствие избирательной доступности компонентов личностной структуры для разных методов изучения: наблюдения, понимания, интерпретации, измерения, теоретического конструирования. При этом нахождение концептуальных связей или статистических корреляций между компонентами личностной структуры не является главным. Следуя идее структурной организации личности, исследователь не может игнорировать противоположную идейную установку, согласно ко-

торой «личностное» значит «незавершенное» и заключающее в себе неустановившиеся, неопределенные, иррациональные связи. Даже в точно вычисленных и строго выстроенных структурах слишком многие аспекты личности остаются в неизвестном подтексте установленных структурных инвариантов. «В личности мы не усматриваем ничего окончательного, никакого завершенного в себе бытия. В эмпирической действительности личность иногда выступает как целостное множество доступных пониманию явлений и связей; но в любой момент свобода может проявить себя и сообщить всей совокупности связей совершенно иной смысл» (207; с. 523).

Полагаем, что в своем основании тип может означать **качественные** определения личности: какой она является? Может выражать этапы ее **развития**: на каком уровне жизненного роста она находится? Может указывать на **ведущий способ** ее существования: глубинной, чувственной, духовной, рефлексивной или деятельной жизнью она живет и какие способности у нее преобладают? Может свидетельствовать о **моменте онтогенеза** личности: в какой возрастной фазе она находится?

Признаки качества — уровня — способа — фазы бывает трудно удержать в отдельном типологическом построении, но они одинаково важны для типизации личности. К примеру, присутствие нескольких признаков можно обнаружить в типологии, предложенной **З. Фрейдом**. Его «эротическая», «нарциссическая» и «компульсивная» личности в качественном отношении выражают доминирующие влечения и ценности (сексуальность, эго, социум). В отношении способа жизни эти типы указывают на сравнительную активность бессознательных, сознательных или сверхсознательных тенденций. В онтогенетическом отношении — на преобладающие стремления в фазах инфантилизма, открытия «Я» и освоения социальных ролей.

В число оснований типизации попадают личностные свойства разного порядка. В частности, мотивы, установки, отношения, черты, способности, поведенческие константы. В общей структуре типа каждое свойство может обладать следующими характеристиками: определенным содержанием; высоким, средним или низким уровнем развития; наличием или отсутствием противоречий с другими типологическими признаками, прежде всего, оппозиционными; ориентацией на внешние или внутренние объекты; тем или иным сочетанием с признаками другого порядка; силой влияния на целостную личность. Так в персонологической модели типизации личности, разработанной **С. Мадди**, главным типологическим свойством выступает когнитивный мотив разнообразия и новизны в его пове-

денческом выражении. Этот мотив реализуется в поведении по экстернальному (социальному) или интернальному (эго-направленному) пути. Поведенческие проявления обладают биполярными чертами: активностью и пассивностью, сложностью и простотой, высокой и низкой результативностью, фрагментарностью и целостностью. Источником динамики личностных типов являются конфликты и согласование этих оппозиций (80).

Если типологические признаки обозначаются общей категорией «свойства» и подразумевается, что все разнородные составляющие типов «свойственны» личностям как моменты их сущности или существования, лучше раскрываются **сравнительная** структурная сложность типологий и потенциал их применения в теоретической и практической персонологии. Сравним три известных типологических конструкта, подбирая, в стиле культурной персонологии, их символические «эквиваленты».

1. Основание типологического различения личностей в модели **Л. Клагеса** образуют следующие признаки:

- темпо-ритмическое свойство психики в диапазоне флегматичности — сангвиничности;
- свойство эмоциональной чувствительности в диапазоне меланхолии — эйфории;
- свойство силы влечений в диапазоне жизненного вдохновения — воодушевления — негативной страсти;
- свойство воли в диапазоне спонтанной активности — сознательной направленности — реактивности и сопротивления;
- свойство рефлексивного осознания собственного «Я» в диапазоне подверженности внешним влияниям — тенденции к внутренней активности (207).

Композицию из перечисленных свойств личности, характеризующую тот или иной тип, можно символически представить как *звезду* с пятью лучами, обладающими определенной величиной, яркостью и окрашенными определенными цветами.

2. Структурное основание типизации личности в модели **А.Ф. Лазурского** составляют:

- свойства интеллектуальности, эмоциональности, волевой активности, деятельности (И — Э — В — Д);
- направленность И — Э — В — Д на внешние и внутренние объекты или экзопсихическая и эндопсихическая направленность;
- развитие И — Э — В — Д в диапазоне от высокого к среднему и низкому.

Символом типа в этой модели можно выбрать союз *четырёх деревьев*. Уходящая вглубь корневая система и видимая крона одних

из них являются более мощными, чем у других; одни из них являются более зрелыми и цветущими, чем другие.

3. Основание типизации личности, выстроенное **К.Г. Юнгом**, отличается уникальной системностью и богатством. В наиболее полном виде ее можно представить как связь следующих свойств, каждое из которых имеет ведущие и подчиненные, развитые и регрессивные формы:

- свойство испытывать влечения, направляющие жизненную активность;
- свойство обладать установкой на сознательную и бессознательную психическую жизнь;
- свойство осуществлять психическую активность в функциональных формах ощущений — интуиции — мысли — чувства;
- осознанность психических форм в диапазоне дифференцированности — слабая дифференцированность;
- расположение к рациональной, духовной (аполлонической) и иррациональной (дионисийской) психической активности;
- свойство интровертного и экстравертного направления психической активности;
- свойство локализации жизненных достижений в сферах рефлексивной — духовной — практической деятельности;
- свойство обладать фемининной и маскулинной направленностью жизненной активности;
- свойство соответствия и рассогласования индивидуальных ценностей с коллективными;
- свойство обладать конфликтной и гармоничной психологической структурой.

Символом типа, учитывая символические предпочтения самого Юнга, можно избрать большой *монастырь*. Здесь поразительно подходит описание средневекового аббатства, сделанное **Умберто Эко**. «Восьмиугольное сооружение сбоку выглядело *четырёхугольником* (совершеннейшей из фигур). Южные грани *возвышались* над площадью аббатства, а северные росли из склона горы и отважно свисали над *бездной*. Снизу, с некоторых точек, казалось, будто не постройка, а сама каменная скала громоздится до неба, и, не меняя ни материала, ни цвета, переходит в сторожевые башни: произведение гигантов, родственных и земле, и небу. Три пояса окон сообщали *тройной ритм* их вертикали, так что, оставаясь на земле физическим квадратом, в небе здание образовывало спиритуальный треугольник» (192; с. 32). Можно продолжить, что основная жизнь монастыря может протекать во *внутренних* подземельях, потайных комнатах и коридорах или во *внешних* наземных постройках, садах и аллеях.

Деятельность населения может быть сосредоточена на *собственных* нуждах или простираться *далеко* за монастырские пределы. Монастырь может *процветать* или быть *заброшенным*, быть местом всеобщего *поклонения* или вызывать недоверие и *страх*.

На примере типологического конструкта Юнга видно, как можно искусно использовать принцип **встроенности** в многомерные типологические конструкты типов с небольшим числом оппозиционных или континуальных оснований. В юнгианские синтетические типы личности включены: тип с той или иной доминирующей психической функцией; тип с преобладающей активностью сознания или бессознательного; тип с рациональной или иррациональной доминантой в функциональной структуре психики; тип с субъективной или объективной модальностью психической жизни.

В отличие от многих других типологий, созданных как статичные, типология Юнга апеллирует не только к устойчивым структурным формам, но и к изменчивым отношениям между ними. Поставленная им проблема динамических оснований типизации и внутренней динамики типов личностей, а также ее найденные решения до сих пор недостаточно оценены психологами. Хотя именно **динамика типов** личности особенно значима для моделирования развития, индивидуального консультирования и рефлексивной поддержки личности. Поэтому необходимо обобщение тех личностных процессов, которые Юнг считает причинами **конструктивных** и **деструктивных** изменений типа.

Анализ показывает, что внутренняя подвижность каждого типа обусловлена:

1) взаимодействием (противоречием, взаимным усилением или ослаблением, гармонизацией, разрывом) оппозиций основных и подчиненных свойств, составляющих первичный и вторичный типы;

2) взаимодействием доминирующих свойств, относящихся к разным порядкам структуры типа: порядку сознательно-бессознательных установок, порядку объект-субъектных ориентаций, порядку психических функций;

3) изменениями условий жизни личности и тенденциями самодвижения личностного целого, требующими перестройки основного типа;

4) отношением личности к своему типу, действием установки личности на его изменение в направлении развития вторичных функций, совершенствования доминирующих функций, разрешения внутренних конфликтов типа, гармонизации отношений между психическими функциями.

К ведущим факторам внутренней динамики типов у Юнга относятся противоречия основных и подчиненных свойств. **Характеристиками основных свойств** являются высокая энергетическая заряженность, сознательность, обладание высокой активностью и сложным содержанием, ценность для субъекта, целевая направленность, рациональность, продуктивность, способность обеспечить индивидуализированное освоение личностью норм социальной жизни. **Характеристиками подчиненных свойств**, напротив, являются низкая энергетичность, недостаточно осознанное или бессознательное действие, упрощенность, сниженная продуктивность, стихийность влияния на поведение, близость к коллективному бессознательному, слабость связей личности со своей самостью и социальной жизнью.

Интерпретация юнгианской типологии как динамичной позволяет включить конфликты первичного и вторичного типов личности в число значимых оснований типизации. В конфликтных отношениях могут оказаться следующие признаки, явно или не явно конституирующие основные и подчиненные типы личности:

- влечения (сексуальные и творческие, к любви и власти, к идеям и жизни, к своей самости и миру, к бытию и смерти), определяющие силу и направленность *libido*;
- сознание — глубинные процессы;
- экстраверсия — интроверсия;
- абстрагирование — вживание;
- мышление — чувства;
- ощущения (восприятие) — интуиция;
- субъективность — объективность;
- устойчивость — изменчивость;
- индивидуальность — коллективность;
- мужественность — женственность.

Многообразные отношения первичных и вторичных типологических свойств, запускающих личностную динамику, представляют, по признанию Юнга, «картину чрезвычайно загадочную; разгадать ее подчас настолько трудно, что иногда склоняешься даже к отрицанию самого существования типов и ограничиваешься признанием одних лишь индивидуальных различий» (202; с. 30). Неизбежное действие **принципа акциденций**, или проявления непредсказуемых, «случайных» признаков индивидуальности, как будто ставит под сомнение принцип образования типов. Однако, отдавая дань личностному релятивизму, искусная диалектика Юнга ищет строгие ритмы взаимодействий, протекающих в границах четко обозначенных типов. Типичное выражает себя устойчивыми закономерностями, конфликтами и потенциалами индивидуального жизненного

процесса, творящего «авторскую партию» личности в величественном оркестре Жизни и Культуры.

Типологию К. Г. Юнга, в аспекте ее осмысления как персонологической, можно считать значительным **культурно-психологическим интегралом** «личности». Рассмотрев ее с точки зрения методологии и техники типизации, вполне применимых при построении новых типологий, обратимся к детальной характеристике психофункциональных типов, «сгущая» наиболее существенные содержания.

Здесь необходимо, по возможности, точно придерживаться юнгианских описаний каждого типа, т. к. любая психологическая характеристика, намеченная автором, является критерием тонкой типологической идентификации конкретной личности. Реконструированная структура оснований типизации позволит глубже понять, сравнить, оценить актуальность этих описаний.

Подчеркнем, что в качестве **главных** оснований типизации выступают психические функции и установки: сознательная/бессознательная; экстравертная/интровертная; рациональная/иррациональная; сенсорная/интуитивная; мыслительная/эмоциональная. В качестве **дополнительных** оснований выступают половая доминанта носителя типа и его ориентация на определенную культурную деятельность. **ИмPLICITНЫМИ** основаниями типизации можно считать потенциальные конфликты типов, а также возможные способы их разрешения.

В изложении Юнга, носители типов, во-первых, различаются сравнительной выраженностью сознательной и бессознательной активности. Влияния сознания и бессознательного на индивидуальную жизнь задаются соответствующими внутренними «установками» личности как готовностью психики в каждый момент реагировать, соотнося или не соотнося происходящее со своим Я. Выраженная сознательная установка предполагает, как правило, дифференцированность, конструктивность и современный культурный уровень психических функций. Активная бессознательная установка, напротив, придает функциям архаичный, примитивный, инфантильный характер. Если сознательная установка по отношению к чему-либо является позитивной, то бессознательная установка по отношению к этому является обесценивающей или негативной. При этом возможны и обратные отношения.

Во-вторых, для носителей типов характерно преобладание психической установки либо на внешний объект, либо на самого субъекта как внутренний «объект». Источником экстравертной и интровертной установок может быть как сознание, так и бессознательное.

Чаще всего действуют две одновременно существующие установки: одна исходящая из сознания, другая — из бессознательного, одна, принимающая и позитивно оценивающая объект или субъекта, другая, соответственно, отрицающая их. Установки создаются на основе врожденного предрасположения, воздействий окружения и общего жизненного опыта человека. У экстраверта основные сознательные процессы и деятельность исходят от внешних объектов и направлены на них, а у интроверта доминирующим источником и направлением психической активности является сам субъект. В случае ярко выраженных типов можно говорить, что у экстраверта объект обладает наибольшей притягательной силой. Вся жизнь экстраверта так обусловлена объективным содержанием, будто объект полностью подчиняет себе субъекта и часто даже подавляет все субъективно направленные психические процессы. У интроверта, наоборот, субъект остается центром всей внешней и внутренней активности. Основная психическая энергия направляется в сторону субъекта и всегда препятствует возникновению сильного объективного влияния. У интроверта субъективно обусловленные психические процессы всегда стоят над объектом, имеющим второстепенное значение как всего лишь внешнее воплощение субъективной мысли, чувства, интуиции.

Обе ориентации являются двумя необходимыми тенденциями психики. Однако в психической активности экстраверта условно преобладают «центробежные» тенденции, а у интроверта — «центростремительные». Нормальному течению жизненного процесса соответствует ритмическая смена обеих форм, но это встречается нечасто. Чаще сильно влияющие внешние условия жизни или сложно устроенный внутренний мир человека благоприятствуют преобладанию одной тенденции над другой. И в таком случае можно говорить о более или менее чистом типе. Но при этом абсолютно чистых типов не бывает, т. к. одна тенденция никогда не может полностью подавить другую. Существуют лишь бесчисленные степени преобладания одной направленности над другой.

В-третьих, многообразие реальных различий, существующих между представителями типов, обусловлено доминированием в психической жизни одной из сознательных психических функций: мышления, чувства, ощущения, интуиции. При преобладании одной из функций над другими формируется соответствующий функциональный тип. Каждый из этих типов может быть интровертным или экстравертным. Доминирующая функция является наиболее дифференцированной, зрелой, в то время как три другие функции выступают в той или иной степени бессознательными, слабо развиты-

ми. Наименее осознанная функция (оппозиция доминирующей) обычно сливается с другими слабо дифференцированными функциями. Недифференцированное мышление, к примеру, не может быть самостоятельным, и к нему всегда примешиваются ощущение, чувство или интуиция. Слабо осознанные функции несут в себе свое отрицание, отчего возникают специфические задержки при их реализации. Иногда доминирующая функция становится частично неосознанной, что придает ей или развивающую, или негативную динамику.

Процесс дифференциации определенной функции заключается в ее относительном обособлении от других, позволяющем ей развиваться, действовать в одном направлении. Для этого необходима постоянная рефлексивная связь этой функции с «Я». При этом ее отношение с неосознанными функциями может быть сбалансированным, компенсаторным или конфликтным. Чем более обособленной является ведущая сознательная функция, тем выше вероятность ее противоречия с недифференцированными функциями. В условиях конфликта бессознательное всегда как бы стремится сделать сознательную установку более пластичной, и если это удастся, личность приобретает источники развития, жизненность и динамизм. От сознательных и внесознательных способов разрешения противоречий зависят устойчивость, усовершенствование или редукция каждого типа.

Какие конкретные функциональные, качественные и динамические характеристики личности взаимодействуют и соединяются в типах?

Экстравертный мыслительный тип. Его мышление «питается» преимущественно объективными данными; суждения основываются на приходящих извне фактах или идеях. Подобное мышление обязательно эмпирично, оно может быть и чисто идейным, если эти идеи переданы воспитанием и образованием. Объективные данные — не только источники для мышления экстраверта; оно обращается к ним и в своем дальнейшем развитии как целям и ориентирам. Носителем подобного типа может быть бизнесмен, политический деятель, изобретатель, ученый. Однако и философ может принадлежать к данному типу. Их объединяет то, что мыслительный процесс устремляется к объективно значимым ценностям и своей реальной причастности к ним.

Иногда подобное мышление производит впечатление некоторой несвободы, т. к. легче всего функционирует в рамках общепринятых идей. Зачастую оно не открывает ничего, что не было бы очевидно. Зато подобному мышлению представлено все многообразие и богатство фактов, пусть далеко не всегда организованное в стройную

логическую систему. Иногда компенсацией недостатка логического структурирования является неосознанное стремление свести все наблюдаемое к простой общей идее. Экстравертный мыслитель стремится поставить всю свою деятельность в зависимость от интеллектуальных выводов; его мыслительной формуле должен подчиняться не только он сам, но и весь окружающий мир. Если формула является достаточно гибкой, отличается не только сухим интеллектуализмом, но и включает в себя моменты, зависящие от чувства и интуиции, то представитель типа может выступить в качестве реформатора, новатора.

Сильное доминирование мысли у данного типа может смягчаться зрелым чувством. Никакие логические выводы не могут надлежащим образом определить и выразить для личности полноту жизни. Однако именно чувство и зависящие от него жизненные формы: художественное понимание, религиозный опыт и т. д. — подвергаются вытеснению при неблагоприятном развитии типа. Часто они принимают полностью бессознательный характер и проявляются в виде нарушений сознательных психических процессов и деятельности. Бессознательно развивающееся чувство вступает в конфликт с сознательной мыслительной установкой. И поскольку мышление объективно ориентировано и пренебрегает субъективными содержаниями, то чувства приобретают выраженный эгоцентрический характер. Их влияние может выразиться, например, следующим образом: сознательный осмысленный альтруизм смешивается со скрытым от индивида эгоизмом и себялюбием, заметным, однако, для других в любом его действии.

Иногда сознательная установка мышления принимает критическое выражение, что ведет к полному пренебрежению такими субъективными интересами, как здоровье, забота о себе, общественное положение, сама жизнь. Чувства вытесняются все сильнее и их влияние на субъекта становится все более негативным. Появляется нетерпимость ко всему, что противоречит интеллектуальной точке зрения. Формула интеллекта в своей безусловности занимает место истины и религии в системе жизненных ценностей индивида. Обороняясь от сомнений и критики, исходящих от бессознательного чувства, сознательная установка становится фанатичной, гиперкомпенсированной. Чувства, в свою очередь, приобретают все более архаичный, иррациональный характер, и их внешние проявления кажутся все более загадочными, парадоксальными в сравнении с сознательными реакциями. Возможно проецирование этих чувств на близких людей, поведение которых начинает интерпретироваться с сильными искажениями. Иногда подавляемая эмоциональность

приводит к жизненной катастрофе, т.к. сопротивляться бессознательным чувствам для личности тем труднее, чем догматичнее сознательная установка мышления.

Однако когда экстравертное мышление отказывается от своего доминирования в сознании и следует за жизнью, обогащаясь ощущениями, образными представлениями и переживаниями, оно становится продуктивным. Сила такого мышления — в его конструктивности, реалистичности, порождении синтетических понятий и суждений. Если оно приобретает прочную осознанную связь с ценностями, позитивным чувством и интуицией, оно становится творческим. Возможна и другая эволюция типа, при которой мышление допускает в сознание другую активную функцию, например, чувство, но, с другой стороны, не подчиняется ей. Оно расщепляется и начинает действовать в двух планах: привычно следует за значимыми фактами, ограничиваясь их констатацией, и отступает на задние планы сознания, выражая негативное отношение к происходящему. Суждения становятся аффективными, подчеркнута субъективностью, сводятся к каким-нибудь банальностям, лишаются собственного значения. Символом такого расщепленного мышления является Мефистофель у Гете. Этот тип встречается преимущественно у мужчин. Женский вариант типа характеризуется сильным влиянием интуиции.

На основе описаний К. Г. Юнга можно выделить следующие противоречия экстравертного мыслителя:

- 1) сознательное объективное мышление конфликтует со слабо осознанной субъективной мыслью;
- 2) сознательное объективное мышление конфликтует с бессознательным, субъективным чувством;
- 3) сознательное объективное мышление конфликтует со слабо дифференцированным субъективным ощущением или интуицией;
- 4) сознательное объективное мышление конфликтует с осознанным субъективным чувством.

Экстравертный чувствующий тип. Он, как и предыдущий тип, ориентируется на объективные данные. Его наиболее дифференцированной функцией является чувство, подчиненное общезначимым ценностям. Оно стремится к тому, чтобы максимально уйти от субъективных влияний. Даже при относительной независимости от конкретного объекта чувство имеет тенденцию соответствовать традиционным, широко распространенным оценкам и мнениям. Любая новая, необычная мысль, даже если она верна, отвергается, когда противоречит чувству. «Как я могу думать и согласиться с этим, если я этого не чувствую» — такова формула этого типа. Иногда переживание выглядит чересчур преувеличенным, но это не симуляция

чувства, всегда являющегося подлинным и искренним. Объективно обусловленному чувству человечество и культура обязаны существованием моды, многих форм искусства, распространением отношений сочувствия, сопричастности, сопереживания, эмоционального заражения.

У данного типа основной функцией, оппозиционной сознательному чувству, является бессознательное мышление. Оно либо компенсирует, либо негативно влияет, либо пытается подавить чувство. Но в случае утверждения в сознании мысли, не противоречащей чувству, переживания могут обогатиться, перерасти в более сложное познавательное отношение к объекту. Но более характерным для данного типа является экспансия чувства по отношению к мысли. Любая направленность осознанного субъективного мышления, противоречащая объективно обусловленному чувству, по возможности нивелируется. Когда объект приобретает слишком высокую значимость и преувеличенное влияние, то он ассимилирует субъекта; критика мышления отменяется, утрачивается личный и рефлексивный характер чувствования. На передний план выступает сам процесс переживания, субъект как бы растворяется в эмоции каждого текущего момента, связанной с объектом. Ситуации перестают интегрироваться зрелым осознанным чувством; переживания утрачивают связь с «Я», становятся капризными, изменчивыми. Личность претерпевает диссоциацию в аффективном жизненном процессе. Подавленное мышление на бессознательном уровне формирует ряд архаичных или инфантильных суждений, подрывающих ценность объекта чувства; переживание начинает защищаться от обесценивающей негативной мысли. Оно приобретает скомпенсированный характер, что проявляется в преувеличенном проявлении чувств к объекту, который одновременно становится тайной мишенью критики субъективного мышления. Самые дурные бессознательные мысли прикрепляются к тем объектам, которые чувство особенно ценит. Если критика мышления слишком активна, субъект может частично отождествлять себя с ним, и негативная мысль становится осознанной, субъективно отравляя чувство. Переживание объекта разделяется на осознанное и слабо осознанное, на объективное и субъективное, на принимающее и отвергающее. Подобная раздвоенность личности в эмоциональном отношении к объекту вызывает серьезные внутренние конфликты, которые могут проявиться самым катастрофическим образом.

У данного типа, как и у экстраверта-мыслителя, на бессознательном уровне к чувству примешиваются недифференцированные ощущения и интуиция. Примитивные ощущения проявляются

в форме навязчивых влечений личности к сенсорным впечатлениям, например, к телесным удовольствиям. К этому присоединяются и примитивные интуиции, которые могут отравлять позитивное отношение субъекта к объекту. Внешним объектам присваиваются причудливые негативные качества, ничуть не обоснованные чувством или логикой. Они возникают в форме как бы изначально данных. Проявляются эти недифференцированные функции в форме внезапных нарушений деятельности сознания. При этом мышление, ощущение или интуиция в жизненном развитии этого типа могут становиться дифференцированными функциями, придающими чувству утонченный, эстетически и этически ценный характер. Экстравертный чувствующий тип встречается в основном среди женщин. Мужчинам он обычно присущ при заметном влиянии на чувство сознательной, рефлексивной мысли.

Данному типу релевантны следующие противоречия:

- 1) сознательное объективное чувство конфликтует со слабо осознанным субъективным чувством;
- 2) сознательное объективное чувство конфликтует с бессознательным, субъективным мышлением;
- 3) сознательное объективное чувство конфликтует со слабо дифференцированным субъективным ощущением или интуицией;
- 4) сознательное объективное чувство конфликтует с осознанным субъективным мышлением.

Экстравертный ощущающий тип. Нет другого человеческого типа, который сравнился бы с ним в реализме, чувствительности к фактам и способности накапливать наблюдения. В его связи с жизнью субъективная сторона ощущения вытеснена из сознания. Он желает только действительных, конкретных впечатлений, которые и составляют суть его жизни. Те объекты, которые вызывают наиболее сильные ощущения, являются основными жизненными интересами индивида. Критерием оценки окружающего является сила чувственного удовольствия, наслаждения или неудовольствия, которые оно вызывает. Носителем типа является, как правило, мужчина. Дифференцированные ощущения могут быть развиты у него до уровня эстетического восприятия, что позволяет ему быть человеком, полезным и эффективным в мире художественной культуры и в профессиях, связанных с различительной способностью сенсорики. Но иногда утонченность ощущений, напротив, низводится до сластолюбия, безжалостно «выжимающего» объект, которому отказывается в самостоятельном существовании. Для этого типа нет ничего выше внешней действительности, и все ощущения, приходящие изнутри, кажутся ему неверными, болезненными, призрачными

ми. В его психике наибольшему вытеснению из сознания подвергается интуиция. При явном преобладании ощущения субъект полностью растворяется в собственной чувственности; объект становится исключительно необходимым, но, одновременно, сильно обесценивается установкой бессознательной интуиции. Она проявляется в форме проекций на объект; у субъекта возникают самые необычные предчувствия и фантазии. В более тяжелых случаях развиваются разного рода фобии, подозрительность, ревность, нередко имеющие ирреальный характер и архаичную, суеверную направленность.

Бессознательные или слабо осознанные чувство и мышление могут деградировать у этого типа до примитивного уровня, становиться некритичными и неразборчивыми. Попадая под власть внешних свойств объекта, личность иногда старается преодолеть свою зависимость и начинает осознавать интуитивные сомнения. Однако в основном этот тип беззащитен перед своими конфликтами, т. к. не защищен сознательной логикой, рефлексией или истинным чувством, или осознанным самоощущением.

Личность данного типа подвержена следующим конфликтам:

- 1) сознательное объективное ощущение конфликтует со слабо осознанным субъективным ощущением;
- 2) сознательное объективное ощущение конфликтует с бессознательной, субъективной интуицией;
- 3) сознательное объективное ощущение конфликтует со слабо дифференцированным субъективным чувством или мышлением;
- 4) сознательное объективное ощущение конфликтует с сознательной субъективной интуицией.

Экстравертный интуитивный тип. У данного типа доминирующей функцией является интуиция, всецело обращенная на внешние объекты. В сознании интуитивная функция представлена в виде некой выжидательной установки. Основное назначение интуиции заключается в формировании и передаче образов внешних объектов и их взаимодействий, что посредством иных функций трудно достижимо. При этом интуиция стремится охватить наибольшую полноту возможностей развития объективных событий и постоянно их ищет. Интуитивный человек никогда не находится в границах общепризнанных представлений о реальных ценностях. Он интенсивно борется за новые ценности и объекты, осваивает профессии, требующие поиска неизведанных путей. К этому типу принадлежат многие биржевые дельцы, успешные бизнесмены, продюсеры, ученые-новаторы. В еще большей степени, чем мужчинам, данный тип свойственен женщинам. Женщины интуитивного типа играют важнейшую роль в организации социальной жизни, налаживании

общественных связей, привлечении одаренных мужчин к большому делу. Их особенность — в частых переходах от одной перспективной деятельности к другой.

Пока объект представляет интерес в связи с нахождением новой возможности, интуиция присваивает ему очень высокую ценность. Но как только объект выполняет свою функцию, он буквально отбрасывается. У такого типа очень хорошее чутье ко всему, что имеет будущее. Но в рамках данной конкретной ситуации ему тесно, т. к. она обусловлена уже свершившимся или совершающимся, в то время как его сознательная интуиция имеет перспективную направленность. Личности интуитивного склада играют в обществе и культуре большую роль, т. к. во многом именно они влияют на их преобразования.

Основной функцией, вытесненной в бессознательное, у носителей этого типа является субъективное ощущение. При сильном доминировании интуиции человек начинает испытывать серьезные трудности с объективным существованием. Во-первых, он не способен «зацепиться» ни за одну жизненную ситуацию; его жизнь превращается в один сплошной прорыв в неясное будущее. Во-вторых, бессознательные ощущения начинают конфликтовать с сознательной интуитивной установкой. Это проявляется в форме нелепых субъективных сенсорных проекций, мешающих эффективной «работе с возможностями». Действительность начинает приобретать искаженный, ирреальный характер, и субъект бывает не в состоянии справиться с этими искажениями. Даже призывая на помощь сознание, он испытывает влияние скорее субъективной, чем объективной, интуиции. Мышление и чувство этого типа во многом напоминают ощущающего экстраверта, т. к. имеют такой же инфантильно-архаичный характер. В критической форме их влияния состоят в том, что интуитивная личность сообщает повышенную субъективную ценность совершенно неподходящему объекту. Подобные ошибки могут разрушить самое важное свойство типа — способность раскрывать новые жизненные перспективы. Вместо этого появляется бессознательная привязанность к наличному объекту. Иногда экстравертная интуиция приобретает серьезный противовес в субъективном, осознанном, обесценивающем объект ощущение или упрощенной мысли. Возникает двойственное отношение к объекту, дезориентирующее личность.

При благоприятном развитии личности сознательные интуиция, мышление и чувства могут позитивно взаимодействовать в творческой деятельности. Интуитивные прозрения находят выражение в глубоком, эмоционально действующем на других, образно насыщенном суждении, открытии, символе.

Для данного типа личности характерен ряд специфических противоречий:

- 1) сознательная объективная интуиция конфликтует со слабо осознанной, субъективной интуицией;
- 2) сознательная объективная интуиция конфликтует с бессознательным, субъективным ощущением;
- 3) сознательная объективная интуиция конфликтует со слабо дифференцированным субъективным мышлением или чувством;
- 4) сознательная объективная интуиция конфликтует с осознанным субъективным ощущением.

Интровертный мыслительный тип. Его сознание, как у любого интроверта, является в основном внутренне направленным. Ему, безусловно, доступны внешние объекты, но их данность существенно детерминирована субъективной позицией. В главный предмет мысли личность превращает себя и свой внутренний опыт. Его мышление исходит от субъекта и нацелено на него. Объективная реальность принимается в качестве подтверждающих данных для развивающейся субъективной идеи.

Интровертное мышление, наиболее распространенное у мужчин, ставит вопросы, создает теории, открывает перспективы, движется вглубь своих предметов, но к фактам относится сдержанно. И если экстраверт имеет склонность мыслить лишь строго в рамках объективных фактов, подавляя субъективную мысль, то интроверт надеется приспособить реальность к своей идее. Для него идеально, когда субъективную мысль удастся претворить в реальность, придать ей вид фактически подтвержденной теории. Но так бывает далеко не всегда. Чаще обнаруживается тенденция втиснуть факты в рамки своей идеи или попросту игнорировать их. И чем меньше интровертная идея входит в соприкосновение с реальностью, тем более она бывает субъективно убедительной, удостоверенной не только интеллектуально, но и эмоционально. Чувство истинности черпается здесь из бессознательного архетипа «разума», который буквально завораживает мышление, придавая ему мистический, мифологический характер. Доведенное до крайнего субъективизма мышление доходит до признания только собственного бытия.

Однако в случаях, когда мыслительная субъективная установка сознания является сбалансированной, обогащенной объективной направленностью, то личность может раскрыть удивительные по глубине связи между реальными фактами, недоступные иным типам. Многие знаменитые интеллектуалы принадлежат к этому типу. Их зрелая мысль часто органично дополняется тонким осознанным чувством, так, что кажется, будто мышление гибко следует за пережива-

нием. Здесь заключен как потенциал развития типа, так и возможность конфликта.

В интровертном мыслителе обычно обнаруживается скрытность и некоторая холодность суждения, которое всегда как бы скользит поверх объекта, навязывая ему субъективно найденные свойства и давая почувствовать превосходство субъекта. Представляя свои идеи в узком кругу, он проявляет упорство, упрямство, нетерпимость к критике. Когда же ему предстоит выпустить идеи в большой свет, он испытывает неуверенность и не заботится об их широком и благосклонном принятии. Основной функцией, которая подвергается у него вытеснению в бессознательное, выступает чувство. В случае значительного отрыва мышления от внешнего мира бессознательное начинает навязывать ему сильную эмоциональную связь с объектом, проявляющуюся в форме фантастических, иллюзорных отношений и оценок, противоречащих сознательным суждениям. Иногда это ведет субъекта к неосознанному поглощению объектом, в том числе образом конкретного человека; сильная внешняя зависимость искажает свойственную типу рефлексю. Он может не заметить, что его эксплуатируют, или грубо обращаются с ним, или вредят ему в практическом отношении. Если субъект начинает защищаться от влияния бессознательного и зависимости от притягательного объекта, в нем появляется склонность к уединению. Но это лишь усугубляет внутренний конфликт. Бессознательные чувства начинают принимать инфантильно-архаический характер. Эмоциональное отношение к объекту становится примитивным. Предмет зависимости и каждый новый аналогичный объект рассматриваются как таящие опасности. Недифференцированные ощущения начинают открывать причудливые и неясные характеристики объекта. Интуиция сулит угрожающее и непонятное будущее. И чувства, и ощущения, и интуиция проявляют себя как экстравертные, вызывают рост тягостных влияний объекта. Например, у мужчины этого типа может возникнуть сильный страх перед женщинами, сменивший, к примеру, восторг перед конкретной женщиной, оттеснивший привычную мысль о превосходстве мужчин.

Сознательная установка может приобрести у этого типа личности сильно скомпенсированный характер; субъективному мыслительному процессу придается избыточное значение. Субъект полностью растворяется в собственном мышлении, отождествляет свою личность со своими идеями. Объективные факты по возможности вытесняются из сознания. Мышление постепенно теряет связь с реальностью и замыкается в самом себе. Бессознательное чувство провоцирует все большую власть сознательно обесцениваемых объек-

тивных воздействий. Сопrotивление этому выражается у субъекта в агрессивных нападках на любых оппонентов его идей. Первоначально плодотворные идеи оказываются отравленными горечью чужого непонимания и на фоне сомнений теряют для личности прежнюю ценность. Конфликт обостряется, приобретая кризисный характер, выражающийся иногда в отказе от своего мировоззрения, теорий, произведений.

Сильной стороной данного типа является утонченное, позитивное, творческое мышление, поддержанное чувством и интуицией, ищущее высших истин и ценностей. Кроме того, он бывает весьма продуктивен, т.к. самовыражение в культурном продукте является нормальной компенсацией внутренней ориентации мысли. Личности этого типа бывают склонными к рефлексии, т.к. собственное Я выступает особо близким внутренним объектом мышления. Философия, психология и искусство обязаны им особо ценными опытами самопознания.

Данному типу имманентны следующие противоречия:

- 1) сознательная субъективная мысль конфликтует со слабо осознанной объективной мыслью;
- 2) сознательное субъективное мышление конфликтует с бессознательным, объективным чувством;
- 3) сознательное субъективное мышление конфликтует со слабо дифференцированным объективным ощущением или интуицией;
- 4) сознательное субъективное мышление конфликтует с осознанным объективным чувством.

Интровертный чувствующий тип. Данный тип сложен для психологического раскрытия. Он находится под руководством субъективно ориентированного чувства и принадлежит, как правило, женщинам. Объект является не источником, а скорее некоторым поводом для переживаний; субъект как бы отстраняется от объекта либо явно обесценивает его. Личность этого типа обычно скрытна, молчалива, труднодоступна. Ее субъективное чувство редко находит внешнее проявление. Там, где сильное чувство экстраверта сполна реализуется в отношении объекта, сильное переживание интроверта замыкается в себе, движется вглубь личности, воздерживается от явного выражения. Во взаимоотношениях с другим человеком чувствующий интроверт или уравновешен и спокоен, или производит впечатление некоторой холодности и равнодушия. Но когда позитивное чувство все же просачивается в отношении к другому, у того возникает ощущение привлекающего или даже очаровывающего воздействия. Пока чувство не заявляет о себе слишком интенсивно и уравновешивается сознательным мышлением субъекта, оно

выглядит таинственно и возвышенно. Когда же оно растворяет в себе субъекта и начинает усиленно компенсироваться неосознанным, архаичным, объективным мышлением, у человека прорываются черты властолюбия, тщеславия и даже тирании, что говорит о сильном эгоцентризме чувства. Личность этого типа, оказавшаяся в эгоцентрической позиции, начинает все больше зависеть от объекта. При этом она попадает под влияние нерефлексивной мысли, которая приписывает объекту странные, сомнительные черты, будто бы направленные против субъекта. Слабо осознанные ощущение и интуиция имеют ориентацию, сходную с той, которая проявляется у интроверта-мыслителя, и могут выражаться в подозрительности, мелочности, интриганстве. Этому способствуют и прорывы в сознание смутного, объективного чувства, противоречащего субъективному положительному переживанию. По мере усиления субъективного чувства мышление приобретает все менее осознанный, инертный, зависящий от объекта характер и настойчиво требует мер предосторожности в отношении к нему. Субъект защищается, дистанцируется, пытается возвести чувство в ранг главенствующего фактора в своей жизни, но терпит поражение, втягиваясь в униженный бессознательный конфликт с объектом.

Сильной стороной данного типа являются глубина, устойчивость и самоотверженность чувства, не всегда, правда, находящие признание со стороны объекта. Чувство выражает свою цель и содержание, прежде всего, для самого субъекта. Однако, становясь предметом рефлексии, оно может найти поэтическое, религиозное, этическое выражение, ценное для других людей. В этом случае чувство приобретает особое очарование и неотразимо действует на других людей.

В процессах функционирования данного типа могут возникать следующие противоречия:

- 1) сознательное субъективное чувство конфликтует со слабо осознанным объективным чувством;
- 2) сознательное субъективное чувство конфликтует с бессознательным объективным мышлением;
- 3) сознательное субъективное чувство конфликтует со слабо дифференцированным объективным ощущением или интуицией;
- 4) сознательное субъективное чувство конфликтует с осознанным объективным мышлением.

Интровертный ощущающий тип. Данный тип так же сложен для описания, как и предыдущий. Трудность в том, что ощущения в значительной степени определяются внешними источниками. И хотя любой ощущающий и воспринимающий индивид привносит во впечатления об объекте свои субъективные оттенки, у данного типа

субъективность ощущений и восприятия кажется исключительной, придавая его взаимодействию с миром иррациональный характер. Во внешнем объекте основания для субъективного ощущения либо отсутствуют совсем, либо объект включает лишь намек на ощущение. Субъективному впечатлению ощущающего интроверта может быть присуща значительность, связь с архетипами, родовой характер; оно способно говорить больше, чем непосредственный образ объекта. Ярким примером интровертного видения мира является художественное воплощение впечатлений в символических произведениях.

В случае критической выраженности типа субъективным содержанием ощущения могут оказаться следы древней чувственности или мифологические образы коллективного бессознательного. Глубинное ощущение становится для субъекта большей реальностью, чем сознательные данные о внешних объектах. Воспринимающее сознание каждого момента жизни определяется включением стародавнего прошлого опыта, а иногда предчувствиями будущего. Деятельность ощущающего интроверта часто не выражает очевидной связи с происходящими событиями. Субъект ведет себя так, будто не различает объекта и текущего представления о нем. Никогда нельзя сказать, что из внешних воздействий произведет впечатление, а что нет. Между объектами и субъективными ощущениями отсутствует пропорциональное соотношение. Кажется, что субъект старается оградить себя от внутреннего проникновения свойств объекта. Но если объект все же вынуждает субъекта реагировать, его поведение выглядит иллюзорным, оторванным от требований объективности.

Основной функцией, подвергающейся вытеснению из сознания, у данного типа является интуиция. При нормальном соотношении в сознании субъективного ощущения и объективной интуиции внешняя деятельность субъекта достаточно адекватна. Но когда ощущения, поступающие из внутреннего мира, становятся явно преобладающими, интуиция приобретает бессознательный, критичный характер. Она начинает навязывать субъекту отрицательные предчувствия, связанные с окружающими объектами, извлекает из них все темное, двусмысленное, маргинальное. Внешний мир кажется несущим неотвратимую угрозу. Слабо осознанные, негативные мышление и переживания лишь подтверждают самые мрачные ожидания. Защищаясь от них, субъект дистанцируется от объектов, возводит внутреннее восприятие в ранг основного психического фактора, отесняя за границы сознания данные о внешней реальности. Ощущение, идущее от объекта, непоправимо искажается;

личность теряет перспективную сознательную ориентацию и рациональную связь с настоящим, ориентируется только в плане некой архаической действительности, перестает понимать себя. Основной конфликт типа заключается в пагубности обесценивающего отношения к реальным объектам.

Если в жизни данного типа развиваются способности к сознательным объективным ощущениям, реалистичному мышлению и чувству, субъективные ощущения могут найти определенные формы выражения, всегда страдающие, однако, некоторой банальностью. Желая возвысить эти формы, личность сталкивается с ограничениями своих рациональных психических функций. Принадлежит и мужчинам, и женщинам, интровертный ощущающий тип, в случае положительной компенсации со стороны рациональных функций, отличается ровным и принимающим отношением к действительности, а иногда может становиться ценным проводником конструктивных влияний архетипов на современную культуру.

Противоречия, свойственные этому типу, как и сама его сущность, трудно поддаются наблюдению. По общей логике структурирования юнгианских типов, их можно представить так:

- 1) сознательное субъективное ощущение конфликтует со слабо осознанным объективным ощущением;
- 2) сознательное субъективное ощущение конфликтует с бессознательной объективной интуицией;
- 3) сознательное субъективное ощущение конфликтует со слабо дифференцированным объективным чувством или мышлением;
- 4) сознательное субъективное ощущение конфликтует с осознанной объективной интуицией.

Интровертный интуитивный тип. Его доминирующей психической функцией является сознательная интуиция, направленная на внутренние объекты. Подобными объектами чаще всего являются образы и идеи, содержание которых сознается как не существующее в реальном мире. Интровертная интуиция пробуждается к действию внешними объектами, но направлена на то, что было внутренне вызвано ими. Сами объекты мало интересуют личность.

Интуитивный интроверт наиболее чуток и восприимчив к бессознательному опыту, особенно архетипам как изначальным образам. Его психическая активность часто стремится выйти за границы обычного сознания в творческих поисках внутренних возможностей. Подобной установкой обладают мистики, провидцы, художники и мечтатели. И если художник может выразить свою интуицию, создавая произведения, вводящие в мир невиданные символы, то мечтатель оказывается погруженным в созерцание таинственных

образов, спонтанно проступающих в его сознание. Но оба они, как это свойственно всем ярко выраженным интуитивным личностям, всегда стремятся к чему-то новому, неизведанному. Их жизнь порой может превратиться в бесконечный континуум сменяющих друг друга видений будущего, хотя и активизированных внешними объектами, но исходящими из внутреннего источника.

Основной функцией, вытесненной из сознания, у данного типа является объективно ориентированное ощущение. При преобладании сознательной интуиции, сбалансированной внешними ощущениями, субъект действует адекватно реальной ситуации. Но как только сосредоточенность сознания на внутренних образах становится чрезмерной, появляется оппозиционное бессознательное объективное ощущение, которое действует как примитивное и болезненное. Это иногда проявляется в повышенной чувствительности органов чувств к запахам, вкусам, прикосновениям. Личность стремится отдалиться от ощущаемой действительности и становится полной загадкой даже для ближайшего окружения.

Чувство и мышление имеют внешний, слабо осознанный, архаичный характер. Если интуиция чересчур превозносит данности внутреннего опыта, то ощущения, мышление и чувства стремятся привязать ее к внешним травмирующим впечатлениям, уводя от субъективного созерцания. Если же осознанная интуиция в своем объективном аспекте отрицает субъективные ценности, бессознательные или слабо осознанные функции делают подстановку в виде гипертрофированного положительного влечения к внешнему объекту. Противоречия объективно и субъективно направленной интуиции, а также сознательных и бессознательных психических функций сплетаются в сложном личностном конфликте. Если личность является художником, конфликт может проявиться в его творчестве, придавая его произведениям одновременно значительный и банальный, прекрасный и аляповатый, возвышенный и причудливый, доступный и загадочный, серьезный и иронический характер.

Тип становится очень привлекательным, получив возможность полноценно эстетически выразить себя или представить интуитивные прозрения в виде религиозных или интеллектуальных символов. Носители типа являются свидетелями того, что упоительной и увлекательной жизнью можно жить не только во внешнем, но и во внутреннем мире. Сама их внешняя жизнь следует за внутренней жизнью и демонстрирует примеры воплощения архетипов и символов. Обладатели такой установки, чаще мужчины, могут выступить двигателями культуры, просветителями и воспитателями, хотя им может недоставать остроты и этической направленности

разума, а также искусства словесного выражения внутреннего опыта. Однако если интуитивная личность встает в рефлексивное отношение к своим видениям, она в состоянии спросить себя: «Что это значит для меня и для мира? Что из этого следует для меня в смысле долга или предназначения?». Такой человек своей жизнью и деятельностью становится подлинной ценностью культуры.

В динамике типа возможно возникновение следующих противоречий:

- 1) сознательная субъективная интуиция конфликтует со слабо осознанной объективной интуицией;
- 2) сознательная субъективная интуиция конфликтует с бессознательным объективным ощущением;
- 3) сознательная субъективная интуиция конфликтует со слабо дифференцированным объективным мышлением или чувством;
- 4) сознательная субъективная интуиция конфликтует с сознательным объективным ощущением.

Противоречия, которые могут переживать носители различных типов, разрешаются посредством изменений устоявшихся отношений между типологическими свойствами и перестроек самих свойств. Могут спонтанно и усилиями самой личности изменяться отношения типологических доминант со своими противоположностями, т. е. связи первичных и вторичных свойств типа. **Разрешение противоречий** также можно считать **основанием** психофункциональной типологии личностей. Основываясь на текстах К.Г. Юнга, можно выделить его следующие формы.

Усиление. Энергия жизненных устремлений все больше вовлекается в русло сознательной реализации первичных свойств типа. Их проявления становятся заметнее, демонстративнее. Вторичные свойства обесцениваются, оттесняются на периферию психической жизни. Экзальтация ведущей функции растет за счет слияния с содержаниями слабо дифференцированных психических функций. Устанавливаются таинственные ассоциации с бессознательными аналогами сознательной жизни. Если отчуждение личности от своих вторичных свойств поддерживается преувеличенной оценкой своих достижений в доминирующей жизненной активности, может произойти спонтанный прорыв в сознание архаичных и деструктивных форм. Проявления доминирующих свойств приобретают инфантильный, иногда карикатурный характер. Возникшая критическая односторонность типа может быть преодолена творческими замыслами и оригинальными продуктами, предполагающими раскрытие и использование личностью потенциала подчиненных свойств.

Уравновешивание. Оно связано с конструктивным включением в сознательную психическую жизнь вторичных функций и установок, ранее находящихся в «тени». Это нахождение «правильного пути», который означает усиление сознания и бессознательного, пребывание личности в жизненном потоке, где идет свободное возобновление процесса и согласование противоположностей, имеет место «максимум энергетических выявлений и соответствующих личных достижений». Типологическое равновесие выражается в актах порождения оригинальных идей, продуктов воображения, неординарных поступков. Достижение личностью такого уровня проживания сопровождается чувством соответствия своей сущности, своему призванию, предназначению.

Усовершенствование. В этом случае происходит полное раскрытие потенциалов первичных свойств на основе достигнутого равновесия с вторичными свойствами. Этому предшествует пересмотр личностью своих внутренних позиций, благодаря которому находят новые способы синтеза противоположных типологических свойств. Например, уравновешенный интроверт ставит задачу полноценного самовыражения в близкой ему среде. Формулой развития его типа становится рациональная установка: «обнаружить все внутреннее и всему внешнему придать форму». Средствами осуществления новой установки выступают символическая и игровая деятельность, создание авторских текстов, совместное творчество.

Обновление. Оно происходит вследствие неудовлетворенности личности уровнем или качественными характеристиками своих основных свойств. У нее появляется настрой на высвобождение энергии вторичных свойств и их перевод в дифференцированное, активное состояние. Деятельность, соответствующая первичным свойствам, подхватывает и ассимилирует идущие из «затененных» зон психики символические образы, мечты, продукты фантазийного мышления и интуиции. Сознание меняет свое качественное наполнение, обогащается необычными содержаниями, меняет субъект-объектную установку. Так, экстраверт может рефлексивно изменить качества своего типа путем отнесения множества значимых внешних объектов к новым обобщающим идеям, которые он признает достоянием собственного Я.

Регресс. При возникновении конфликтов сознательных свойств их активность может ослабевать; психическая энергия отвлекается на освещение и усиление бессознательного. Первичные свойства личности частично замещаются или подавляются подчиненными. Ведущие позиции захватывают упрощенные, инфантильные формы психической активности.

Исключение. Иногда конфликтность типа так истощает личность, что ее сознание утрачивает различительную и интегрирующую способность в привычных сферах активности. Ранее организованная психическая жизнь становится проницаемой для вторжения подавленных желаний и аффектов. Поток сознания смещается на дифференцирование вторичных свойств, постепенно исключая прежние личностные доминанты. Новая организация личности оказывается проблемной и уязвимой, т.к. подвержена сильным влияниям слабо осознанных влечений.

Взаимное отрицание. Если между основными и подчиненными свойствами личности завязывается неразрешимое противоречие, сознание как уравнивающая инстанция может ослабить свою активность в отношении обеих оппозиций. Их несовместимость со временем становится критической, а затем они начинают терять свою жизненную, регулирующую силу. Наступает момент уничтожения противоположностей, означающий «ту пустоту, которую мы называем бессознательным» (202; с. 157).

Отщепление. Этот эффект связан с полным вытеснением вторичных свойств за границы сознательной жизни в связи с избыточным усилением первичных свойств. Основные свойства вынуждены притягивать и аккумулировать силы глубинных интенций личности, что способствует частичному отводу психической энергии из области сознания в бессознательное. Основные и подчиненные свойства начинают действовать на двух уровнях психической жизни как две автономные личности, утратив многие из своих начальных потенциалов.

Симуляция. Это сознательное присвоение личностью, обладающей яркими ведущими свойствами, внешних признаков, характерных для вторичных свойств. Такая «подстановка» может придавать личностным проявлениям оттенки или искусственности, двусмысленности, курьезности, или умелой игры, удачной компенсации, своеобразного самовыражения.

Представленные изменения типа личности при разрешении противоречий однородных первичных и вторичных типологических свойств (например, психических функций) в реальном жизненном процессе сочетаются с изменениями, заданными подвижными отношениями разнопорядковых свойств типа личности. К примеру, это может быть конфликтное отношение определенного функционального свойства, например мышления, с экстраверсией или интроверсией личности. Отношение может меняться при актуализации и усилении одного из ведущих влечений. Возьмем для иллюстрации контур изменений мышлящего интроверта, когда он захвачен чувством **любви**.

— В любви личность этого типа стремится согласовать выношенную идею «любимого человека» с тем, что ей кажется значимым в реальном «объекте».

— Постепенно внутреннее отношение личности становится все более возвышенным, но при этом более абстрактным и властно требует подчинения любимого своей идее.

— В противовес сильной идейной установке формируется безотчетная привязанность к любимому в его конкретных жизненных проявлениях.

— Любимый неотразимо притягивает любящего, вызывая восхищение, смутно отравляемое сомнениями, идущими со стороны слабо осознанной интуиции.

— Идеализация и абстрагирование в сочетании с сильной аффективной зависимостью порождают «увлекающую силу страсти, бросающую одного человека на путь другого».

— Власть страсти, постоянно обращающая личность к «объекту», ведет к фрустрации, которая неизбежна для интроверта, встающего в позицию экстраверта. Мышление при этом испытывает конфликт экстравертной переориентировки.

— Только творческая мысль личности может превратить коллизию любви в проблему Я, разрешаемую путем оценки реальных достоинств «объекта». Идеализация сменяется осознанной эмпатией и мыслительной установкой на построение отношений.

— В этом случае личность прибегает к приданию любимому эстетической, этической или интеллектуальной ценности и вырабатывает новые способы взаимоотношений.

— В ином случае усиливающаяся страсть отвлекается от желанного «объекта» и, слившись с идеей «любви», вызывает к жизни символ Божества. «Тогда человек возвращен самому себе и, вынужденный предаться себе, он вновь находит себя среди богов и людей, на своем собственном пути» (202; с. 280).

В движении типа к **обновлению** сменяют друг друга интровертная и экстравертная позиции сознательного мышления, субъективная мысль усиливается и обогащается объективным переживанием, актуализируется идейный потенциал коллективного бессознательного, сознательное мышление поднимается на уровень творчества в любви.

Юнгианская типологическая модель предполагает присутствие и взаимодействие в конкретной личности разных «чистых» типов. Соотношения этих типов на разных этапах жизни личности могут колебаться в диапазоне гармонии — компенсации — сбалансированности — конфликта. Контур изменений сложной типологиче-

ской принадлежности индивида также могут выступать **основаниями** типизации личности.

К примеру, личность может обладать несколькими высокоразвитыми дифференцированными функциями: мышлением, чувствами и интуицией. Но они не подавляют слабо дифференцированные процессы, а вступают с ними в определенные взаимоуправляющие отношения. Это выражается в том, что человек не демонстрирует сугубо односторонней установки на объект или свой внутренний мир. Он периодически направляет свою деятельность вовне и вовнутрь так, что она становится сильно обусловленной и объективными, и субъективными факторами. В отношениях к внешнему и внутреннему миру личность не ориентируется только на суждения логики, или эмоциональные оценки, или интуитивные представления. Она строит свою активность на основе синтеза чувственно-мыслительно-интуитивных данных сознания. В некоторых случаях оппозиционные функции не только дополняют и уравнивают, но развивают и повышают продуктивность друг друга. Логика подкрепляет эмоциональное отношение, чувство подтверждает верность суждений мышления, интуиция придает мысли и чувству новизну. При участии конструктивной рефлексии, опоры на эмпирический опыт и позитивной ценностной ориентации функции «собираются» в движении личности к целостному самовыражению в творческих результатах, значимых для философии, науки, искусства, бизнеса и т. д.

Но иногда зрелые, действующие в единстве функции такой личности теряют позитивное равновесие, и одна из них единолично овладевает сознанием, определяя доминирование одного из типов. Другие функции постепенно теряют дифференцированный характер и принимают субъективную или объективную направленность, противоположную установке сознания. Сознание личности начинает активно защищаться от влияния бессознательного и начинает порождать упрощенные формы реагирования и односторонние продукты, лишённые авторской силы и привлекательности.

Или, возможно, две продуктивно взаимодействующие бинарные функции, представляющие первичный и вторичный типы личности, начинают подавлять друг друга. Чувство лишает мысль ясности, беспристрастности; мысль, в свою очередь, ограничивает протекание, проявления и оценочную активность чувства. Сознание личности становится менее дифференцированным, функции сливаются друг с другом, лишаются способности действовать самостоятельно. Слияние функций носит теперь не творческий и синтетический, а странный, иррациональный, мало понятный для окружающих характер.

Нарушается единство типов и снижается культурная продуктивность личности.

Далеко не все возможные противоречия внутри типов или между типами эксплицированы в текстах К. Г. Юнга. То же касается и путей разрешения типологических конфликтов, опосредованных **отношениями** личности к своим коллизиям. Можно наметить модель таких отношений, релевантную, с нашей точки зрения, юнгианскому подходу.

1. Личность сознательно стремится снизить значимость своего конфликта, свести его к частной жизненной трудности, не требующей специальных активных действий.

2. Если конфликт слишком обострен, чтобы его игнорировать, личность может прибегнуть к специальным приемам «забывания» противоречия как несовместимого с ее сознательными представлениями о себе.

3. Личность последовательно предпринимает несколько активных попыток разрешения конфликта, опираясь на внешнюю поддержку, внутренние ресурсы или используя выигрышные ситуации.

4. На основе рефлексии конфликта личность приходит к внутреннему компромиссу, ограничивая, отчасти, свободу собственных действий, но сдерживая развитие конфликта.

5. Личность пытается разрешить конфликт одним, иногда рискованным, действием, поступком.

6. Личность, осознав глубину конфликта и негативно оценив возможности его разрешения, мирится со своим поражением и пассивно наблюдает за развитием конфликта.

7. Личность стремится конструктивно разрешить осознанный конфликт, избегая рискованных действий, разрабатывает продуманный план активности, методично претворяет его в жизнь.

8. Личность сознательно использует потенциал своих сильных психических функций — чувства, интуиции или мышления — и дает творческий ответ на возникший конфликт.

9. Личность на основе осмысления конфликта определяет его причины и направляет свои конструктивные действия на внешние или внутренние источники противоречия.

Перечисленные отношения могут практиковаться, в первую очередь, личностями, использующими разнообразные потенциалы своих психических функций в регуляции внешней и внутренней жизни. Эти личности могут принадлежать к относительно чистым и комплексным типам и приобретать не только опыт позитивного выхода из коллизий, но также опыт сомнений, разочарований и усовершенствования путей преодоления своих противоречий. Динамика

типа, особенности его конфликтов и уровень личностного опосредования их разрешения имеют, согласно юнгианской трактовке, «**мужские**» и «**женские**» варианты.

В персонологическом контексте структурно-динамическая типология К.Г. Юнга с ее многочисленными интерпретациями и вновь открываемыми возможностями является «идеальным конструктом», соединяющим фундаментальную теорию, герменевтику и практику. На первый план в этой модели выходит идея развития индивидуального самопознания и жизненного самополагания личности в процессах ее консультирования, психотерапии и самоисследования.

Модель гендерных типов личности

Этот культурно-типологический интеграл личности основывается на анализе гендерных концепций и типологий личности, существующих в психологии личности, социальной психологии и культурной психологии. В целом он является **авторской** персонологической разработкой, системно объединяющей множество признаков, благодаря которым можно тонко дифференцировать «мужское» и «женское» в личности.

В современных исследованиях личности понятие «**гендер**» обычно употребляется в значении «пола», обусловленного и сконструированного культурой определенного социума. Обосновывается, что реальные мужчины и женщины обладают полом сложной природы (биологическим, социокультурным, психологическим), что социокультурный и психологический пол (гендер) личности не является жестко обусловленным его биологическим полом и что личности, обладающие мужским или женским телом, могут эффективно осваивать и реализовывать потенциалы противоположного гендера. Определенный пол (гендер) — «половина», «осколок целого», требующий активного личностного воссоединения со своей противоположностью. Этот свободный взгляд на индивидуальную половую принадлежность постепенно оформляется в теорию личности как «субъекта гендерного развития».

В принципе, «гендер» значит то же, что и «гендерный тип» личности. Исследователи гендеров различают «фемининный» («феминный») тип личности и «маскулинный» тип личности, доминирующие, соответственно, у реальных женщин и мужчин. Эти бинарные типы конституируют женские и мужские свойства, происхождение которых связано в основном с процессами социокультурных регламентации, идентификации, разотождествления, самоопределения личности. Как результат изучения и моделирования, каждый «гендер» выступает **конструктом**, рационально регулирующим в обще-

стве становление социокультурной идентичности, самопознания, деятельности мужчин и женщин, а также позволяющим научно определить типологическую принадлежность личностей в конкретном обществе. «Устойчивая сущность или самость с устойчивыми гендерными характеристиками, относящаяся к ядру культурно конституированного пола, производится распределением свойств вдоль установленных культурой линий согласованности» (15; с. 328).

Разработка проблем гендеров в границах **психологии личности**, допускающей «равенство всех человеческих состояний», означает признание универсальных личностных свойств (психики, сознания, бессознательного, способностей, поведения, творчества и т.д.), а также равноценности фемининной и маскулинной форм развития индивидов. При этом необходимо учитывать, что в современных европейских обществах в более или менее явном виде проявляются и поддерживаются тенденции андроцентризма — следствия длительного преобладания в культуригенезе «мужской власти», выдвигающей на первый план «маскулинные» черты социума и личности: рациональность, активность, направленность, независимость, прогресс, агрессивность, продуктивность, успех.

Одновременно доминирование мужской власти все больше проблематизируется амбивалентными взглядами на социокультурный статус фемининности и на ценность «женского» в личности. В философии и культурологии, социологии и литературе, обыденном сознании и жизненной практике в странном, иррациональном ритме актуализируются следующие отношения к женскому началу:

- женское обесценивается, угнетается;
- женское эксплуатируется в своих ценных качествах и способностях;
- женское формально уравнивается с мужским, но, по сути, дискриминируется;
- женское превозносится, обожествляется;
- женское признается необходимым для полноценной мужской самореализации, считается существенным дополнением мужского начала в обществе и личности;
- женское утверждается высшим началом, придающим всему мужскому смысл, форму и назначение;
- женское в своей растущей экспансии представляется опасной силой, вынуждающей мужское искать новые способы самоутверждения.

Неустойчивые научные и общественные взгляды на сравнительное значение и соотношение социокультурных «полов» закономерно отражаются в установках гендерной психологии. В современных

гендерных исследованиях развивается множество конкурирующих идей, затрудняющих построение единой теории полов. Основываясь на анализе **Д. Батлер** (15), выделим наиболее распространенные из них:

- 1) существует только один пол — мужской, полно представляющий «личность», в то время как женщины — это «другие»;
- 2) существует только женский пол, а «мужчина» является обозначением универсальной личности;
- 3) мужской и женский пол определяются различиями в сексуальности, формы которой заданы культурой;
- 4) мужской и женский пол исчезают, рассеиваются в связи с ослаблением власти гетеросексуальности;
- 5) чтобы «мужчина» и «женщина» получили равный личностный статус, понятие пола следует уничтожить;
- 6) «пол» — это языковое ухищрение, призванное увековечить различия мужчин и женщин в глазах общества, подчеркнуть значение гетеросексуальности и узаконить неравенство полов;
- 7) «женщина» может быть определена, исходя из мужского существа, и эти определения, в основном, отрицательные;
- 8) разделение «мужского» и «женского» — дурная полярность;
- 9) «женское» обозначает убывание субъектности, составляющей сущность приоритетного «мужского»;
- 10) женский — единственный пол, а мужской существует лишь благодаря усилиям мужчин оторваться от него.

К этому следует добавить влиятельную позицию, отчетливо выраженную **Ж. Бодрийаром** в критике традиционных аргументов феминизма. Он рассуждает о подлинной женской силе — «соблазне» или искусстве создавать обольстительный мир видимостей, приверженности красоте и игре, расшатывающей половые полюса.

«То, что зовется «женским», обычно запирается в жесткой, дискриминационной структуре сексуальности, где оно обречено либо на унижение, если структура крепка, либо на смехотворный триумф, если структура ослаблена».

«Анатомия — это судьба: так говорил Фрейд. Только соблазн радикально противостоит анатомии как судьбе».

«Соблазн представляет господство над символической вселенной, тогда как «власть» — всего лишь господство над реальной».

«Соблазн разбивает сексуальный ритуал — один из последних, оставшихся в западной культуре».

«Суверенность соблазна несоизмерима с обладанием политической, экономической или сексуальной властью».

«Женское соблазняет, поскольку никогда не оказывается там, где мыслится».

«Женственность — принцип неопределенности».

«Женщина» — ничто, и в этом ее сила».

«Обделенность» женщины — пародийный вызов мужскому наслаждению. В этой провокационной стратегии скрыты разрушение и могущество. Мужчина оказывается в ловушке, оставленный наслаждаться в одиночку».

«Освобождение женского субъекта означает увядание мужчин».

«Женское — не просто один из противостоящих друг другу полов, но нечто такое, что придает полу, за которым удерживается половая монополия, налет чего-то радикально нового, иного» (26).

Нужно отметить, что превознесение утонченного феномена соблазна, царствующего в мире символов, по сути, нивелирует право «женского» владеть достойным местом там, где «мужское» не желает расставаться со своим первенством — в мире реальности.

Во многих гендерных исследованиях проступает их зависимость (принятие/отрицание) от психоанализа З. Фрейда как учения, навсегда отдавшего «мужскому» власть над «женским» в сфере психосексуальности. Не подвергая сомнению важности психосексуального моделирования гендеров в психологии личности, мы акцентируем другие свойства гендерных типов, изучение которых требует существенного расширения круга применяемых исследовательских парадигм.

Представляется важным ввести в контекст моделей фемининного и маскулинного типов личности свойства, познаваемые средствами многих наук. Это культурология и социология, аналитическая и архетипическая психология, герменевтическая и культурная психология, социальная психология и психология личностных черт. Интерпретация, анализ и синтез разнородных источников, отличающихся тонкой проработкой темы пола, позволили выделить, а затем обобщить в ряд категорий разнообразные гендерные свойства.

Модели фемининного и маскулинного типов строятся нами как структуры культурно-психологических параметров, которые способны выступать в качестве «кода» герменевтического анализа культурных источников, **оснований** гендерной типологии и типизации индивидуальной личности, а также общих и частных **критериев** установления гендерной идентичности и самоидентичности личности.

1. Первым моментом конструирования фемининного и маскулинного типов является выделение основных типобразующих свойств гендеров.

К ним относятся, во-первых, **символические свойства**, указывающие в культуре на таинственное, загадочное сродство женщин

и мужчин с явлениями, существующими в безличном и внеличном мире (в природе, в мире вещей, в сфере абстракций и т.д.). Эти свойства, как правило, являются предметом мифотворческого, художественного, поэтического, эстетического интереса, но все более становятся жизненными и психологическими ценностями людей.

Во-вторых, это **метафизические свойства**, восходящие к культурным символам и раскрывающие сопричастность гендеров общемировым, надличным процессам (вселенским, космическим, трансцендентным, идеальным и т.д.). К данным свойствам обычно обращено внимание философов, которых волнует загадка порождения «пола» как «личного» в мире. Однако сейчас их тайна и сущность влекут многих мужчин и женщин, ощущающих «экзистенциальную пустоту», вместо понимания своего жизненного предназначения. Метафизические и символические свойства указывают на потенциалы личности, уводящие вглубь времен культуры и жизни и в их необозримо дальнюю перспективу. Они выражают то, что в значительной степени недоступно познанию и самопознанию человека но, тем не менее, интуитивно ощущается им как возможное.

В-третьих, к типологическим признакам относятся **архетипические свойства**, заключающие бессознательный потенциал самости носителей гендеров. Они имеют психическое происхождение и представляют собой предмет изучения в аналитической и архетипической психологии. Ими задаются глубинные паттерны формирования влечений, мотивов, интеллектуальных установок, чувств, качеств и смысловых линий жизни личности. Архетип — это всеобщая форма, в которую облекается индивидуальное психическое развитие и которая определяет его глубинную типичность, раскрываемую в символах мифа и литературы.

Для обоснования важности этой категории свойств в подходе к личности обратимся к определениям К.Г. Юнга.

— «Архетипы представляют собой системы **установок**, передающихся по наследству вместе со структурой мозга, являясь ее психическим аспектом. Это «хтоническая» часть души, через которую она связана с природой, миром, землей» (200; с. 136).

— «Архетип есть изначальное, объединяющее, **образное** выражение живого процесса. Он вносит упорядочивающий и связующий **смысл** в чувственные и внутренние восприятия, являющиеся вначале без порядка и связи, и этим освобождает психическую **энергию** от прикрепления ее к голым и непонятным ощущениям. Но в то же время он прикрепляет энергию к определенному смыслу, который направляет действия человека» (202; с. 542).

— «Развитие архетипа ведет к **идее**, которая есть не что иное, как изначальный образ, достигший мысленной формулировки. За пределы идеи идет развитие **чувства**... Если индивид оказывается неспособным сочетать чувство с идеей, изначальный образ вступает во внутреннее поле зрения в качестве **символа** и овладевает чувством, захватывая и идею» (202; с. 543).

— «Восприятие **новой** ситуации жизни осуществляется архетипом, имеющимся априори. Он является удобно приложимой формулой, без которой восприятие и осмысление новых фактов было бы невозможно» (Там же).

— «Все самые мощные **идеи и представления** человечества сводимы к архетипам. Особенно это касается религиозных представлений. Но и центральные научные, философские и моральные понятия не являются исключением. Их можно рассматривать как варианты древних представлений, принявших свою нынешнюю форму, благодаря **сознанию**, функция которого заключается не только в том, чтобы воспринимать и узнавать через ворота разума мир внешний, но и в том, чтобы **творчески** переводить мир внутренний во внешний» (200; с. 133).

Характеристиками любого архетипа являются априорность, эмоциональная наполненность, сильное действие на сознание, обобщенность, необычайная суггестивность, порождаемая чувством истинности, недостижимость для рационального понимания, фатальность. Так же как символические и метафизические свойства, архетипические свойства представляют значительные трудности для научного, в том числе типологического, оперирования.

В-четвертых, к типобразующим относятся **психологические свойства**, гибко намечающие доминанты и соотношения гендеров в характерологической и феноменологической сфере личности. Эти свойства выступают основными ориентирами идентификации и самоидентификации личности по признаку «пола» в ее осознанных когнитивных, эмоциональных, ценностно-смысловых и деятельно-продуктивных отношениях к миру, к другим, к себе. Их изучение и диагностика в русле гендерных исследований являются традиционными, хорошо методологически оснащенными.

В-пятых, к основаниям гендерной типизации относятся **ролевые свойства**, позволяющие определить место, статус, социально-психологические функции и культурно-психологические перспективы индивидуальных носителей гендеров в обществе. В основном именно эти свойства становятся предметами многих дискуссий в области социальных и социально-психологических исследований гендеров в связи с поиском возможностей перераспределения и уравнивания

маскулинной и фемининной власти и свободы личности в приоритетных областях духовного, интеллектуального, гуманитарного, экономического и политического развития общества.

Подчеркнем, что символические — метафизические — архетипические — психологические — ролевые свойства могут быть рассмотрены и как новое многокомпонентное основание гендерной типологии, и как новый комплекс равноценных параметров гендерной идентичности личности.

2. Второй порядок структурирования типологии состоит в определении вариантов связи гендерных типов в личности по каждой и по всем выделенным категориям фемининных и маскулинных свойств. Можно, в частности, выделить следующие связи.

— **Бинарность**, предполагающая природную половую доминанту личности во внешнем и внутреннем соотношении с противоположным полом в диапазоне от естественного контраста и гармонии до конфликтов и разрывов. «Поляризация «полов» не столько осуществляется между индивидами, сколько выступает в форме внутренне контрастного целого в одном индивиде. При односторонней реализации одного из полюсов другой полюс, конечно, отодвигается в тень, но напряжение жизни зависит от сохранения полярности, без которой живое, будучи сведено к односторонности и однообразию, нивелируется, утрачивает полноту и объемность. Жизнь достигает вершины, когда половая полярность внутри индивида сохраняется в полной мере, когда между противоположностями осуществляется непрерывное движение» (207; с. 755).

— **Единство** или взаимное проникновение, сосуществование, «диалог» обоих гендеров в контексте нормального полового развития личности. «Человек всегда больше того «пола», к которому он принадлежит. Человек, живущий как некая целостность, облечен в оболочку одного из альтернативных «полов», но в своей сущности не полностью совпадает с ним. Поэтому мы постоянно колеблемся между переоценкой и недооценкой своего «пола» (207; с. 754). Единство гендеров достигается также в межличностном единении, духовном общении, взаимном принятии и любви мужчины и женщины, что символически определяется как Эрос.

— **Инверсия** как вытеснение и замещение гендеров друг другом в противовес исходной половой принадлежности личности. По замечанию Ж. Бодрийяра, трансвестизм является не только сексуальным, но и культурно-психологическим явлением. Это устранение дуальности пола, «кража пола», половая обратимость, исчезновение «пола».

Перечисленные варианты связей гендеров означают, что в индивидуальном случае, при наличии определенного биологического

пола или слишком ярко выражены фемининные/маскулинные свойства, или эти свойства гармонично сосуществуют, или исходные гендерные свойства личности угасают, уступая место свойствам противоположного гендера. Связи фемининности и маскулинности в личности также могут быть включены в число оснований гендерной типизации и критериев идентификации личности.

Приведем модель гендерной типологии, которая основывается на принципах бинарности и единства гендеров, является выражением потенциальной совокупности мужских/женских свойств личности и может быть применена, прежде всего, к взрослой, или «ставшей», личности.

Итак, структуру **фемининного типа личности** образуют:

1. Символические свойства

Женщина:

имеющая сродство с землей, ночью, тьмой, луной, лесом, чащей, пещерой, камнем, домом, глубокими водами, стихией, хаосом, смертью, детским, пассивным, нежным, мягким, таинственным, пугающим, воспроизводящим, берегущим, околдовывающим.

По архаичной магической «логике», все эти явления вбирают в себя друг друга и друг через друга раскрываются и определяются. «Женское», таким образом, может быть поставлено в центр грандиозной символической системы, как это произошло, например, с древнекитайским «Инь».

В литературе дух символического толкования «женщины» великопечно уловил и передал **Д. Джойс**: «Какие особые сближения существуют между луной и женщиной?»

- Ее древность, предшествующая череде поколений и ее переживающая;
- ее ночное владычество;
- ее зависимость как спутницы;
- ее отраженный свет; ее постоянство во всех ее фазах;
- восход и заход в назначенные часы;
- пребывание и убывание;
- нарочитая неизменность ее выражения;
- неопределенность ее ответов на вопросы, не подсказывающие ответа;
- власть ее над приливами и отливами вод;
- ее способность влюблять, укрощать, наделять красотой, сводить с ума, толкать на преступления и пособничать в них;
- безмятежная непроницаемость ее облика;
- невыносимость ее самодовлеющей, деспотичной, неумолимой и блистательной близости;

- ее знаменья, предвещающие и затишья, и бури;
- призывность ее света;
- ее движения и присутствия;
- грозные предостережения ее кратеров, ее безводных морей, ее безмолвия;
- роскошный блеск ее, когда она зрима, и ее притягательность, когда она остается незримой» (50; с. 487).

И в дополнение — поэтический образ единства женщины с водой, использованный **П. Флоренским** для раскрытия сути «женской тоски» и «женской экзистенции».

Женское:

влажное; вольно разлитое; свободное и беспредельное, как волна; стихийная и хаотическая сила; ищущее властно наложенного на нее предела; бунтующее против всякой власти и всех пределов средоточие потенциальных возможностей, жизненная сила, возрождение.

Следующий ряд символических свойств, присущих женскому началу, определяется через систему отождествлений «женщины» с мифологическими фигурами и фигурами поклонения (193; 195; 197; 199; 200; 203).

Женщина:

- мать, родительница, мать-природа, мать-земля, женщина телесная, плодovitая, кормящая, взращивающая, призыв к продолжению рода (Гея, Афродита);
- дева, незнакомка, вечная женственность, таинственная возлюбленная, предмет мужского почитания (Психея, Беатриче, Прекрасная Дама);
- очаровывающая, соблазняющая, увлекающая, отвлекающая мужчин от дел, свершений и завоеваний (Афродита, Сирена);
- активное разрушительное начало, губящее и подчиняющее мужчин (Изида, Кали);
- охраняющая тайну смерти, носительница губительных сил любви и красоты (подземные женские божества);
- загадочная, двойственная, обладающая изощренным умом, помощница мужчин (Сфинкс, Гетера);
- инстинктивная, интуитивная, близкая природе, владеющая тайной жизни, пассивный потенциал (Ева);
- воинственная, яростная, охотница, победительница (Диана, амазонка);
- «рабыня на троне», воспеваемая как объект любви, невозможной в земной жизни (Любовь трубадура, поэта-романтика);
- эмоциональная и чувственная, влюбляющая в себя, гибельно красивая, обманчиво доступная (Елена);

- мудрая, обладающая духовным знанием, проводник между миром Духа и миром людей, соединяющая истину и веру, исцеляющая (София);
- рождающая божество, великая добродетель, посвященная в высшие тайны мира (Мария);
- свободная от мужской власти, творящая от избытка созидательных сил (Сафо).

Далее следуют определения свойств женщины, встречающиеся, в основном, в эзотерических и философских учениях, касающиеся онтологической сущности человека и принадлежащие тем мыслителям, которые были «навек задеты полом» и тонко чувствовали динамику полов в личности.

2. Метафизические свойства

Когда «женское» мыслится не в качестве самостоятельного и личного начала, а только в отношении к мужской власти, оно находит, как правило, отрицательные, обесценивающие определения.

Женщина:

тьень мужчины, сновидение мужчины, искушение мужчины, слабость мужчины, «тюрьма» мужского духа, момент в жизни женщины, инструмент мужского творчества, а также носитель темных сил, пассивное и безличное, скрытоопасное и лишенное самосознания, несущее напряжение, страсть, безумие, демоническое, истребляющее себя и мужчин, притягивающая бездна.

У **О. Вейнингера** разоблачение женского начала достигает критического уровня, сводя на нет любые положительные свойства женщины.

«Истинно женское существо не знает ни логического, ни нравственного императива. Слова: закон, долг, долг по отношению к себе — совершенно пустой звук для женщины. Она лишена также чувства сверхчувственной личности и лишена всякого «Я» (31; с. 193).

«Есть женщины с некоторыми чертами гениальности, но нет женского гения, и никогда его не было. Нельзя приписать гениальность существу, которое лишено души» (31; с. 195).

«Понимание действительности у женщин гораздо слабее, чем у мужчин. Факт познания у них всегда подчинен посторонней цели, и если стремление к ее осуществлению достаточно интенсивно, то женщина в состоянии очень правильно смотреть на вещи. Но она никогда не в состоянии понять истину ради самой истины, постигнуть, какую ценность имеет истина сама по себе» (31; с. 202).

«Чистый мужчина есть идеальный образ Бога, абсолютного «ничто»; женщина, даже женщина в мужчине, есть символ полного

«ничто»; таково значение женщины во вселенной, так дополняют и обуславливают друг друга мужчина и женщина» (31; с. 327).

В противоположность тенденциям обесценивания мыслители русского философского ренессанса начала XX века, в частности **Н.А. Бердяев**, придают «женскому» статус дополнения «мужского абсолюта» и положительного воплощения трансцендентных, космических, антропологических и культурно-исторических процессов.

Женщина:

неразрывность с природой, телесное, родовое, коллективное бессознательное, нуминозное, дионисийское начало, дух архаичной культуры, матриархальное жизнеустройство, примат коллективности и первобытный коммунизм, а также интуитивная нравственность, стихийная творческая сила, иррациональность, мистический дар, чуждое индивидуальности, утверждающееся в деторождении, растворенное в текущих переживаниях, разделенное на состояния, воплощающее преобладание бытия над сущностью, гениальное и неуловимое в любви, дух женственности в культурном творчестве (22; 57).

Отталкиваясь от «мужской» точки отсчета, Бердяев придает «женскому» высшую ценность в мире и бытии мужчин. «Женщина в своей полярной противоположности мужчине имеет свое индивидуальное призвание, свое высокое назначение. Ее призвание я вижу не в рождении и вскармливании детей, а в утверждении метафизического начала женственности, которое должно сыграть творческую роль в ходе всемирной истории. В охранении своеобразной силы женственности — честь и достоинство женщины, равные чести и достоинству мужчин» (24; с. 253).

Женщина:

Мировая Душа, цельность бытия, таинство, духовное начало, придающее мужскому духу возвышенность, несущее человеколюбие и благодать, сердечность и целомудрие, постигающее красоту, умеющее «служить миру собой». Таящая наивысшую мудрость, берегающая веру и одушевляющая любовь. Приобретающая знание у лучших мужчин и преодолевающая мужскую односторонность, ограничивающая агрессию мужского интеллекта и разбивающая каноны мужского рациона. Творящая видимость, призванная быть произведением искусства, соблазняющая, приверженная игре, заключающая иронию, преодолевающая серьезность, создающая модели реальности.

Современные последователи гуманистической и глубинной психологии, обосновывая идею о грядущей смене эпохи европейской «мужественности» эпохой «женственности», связывают восходя-

щую волну женской активности с необходимостью преодоления «мужского кризиса» культуры с ее безличностью, механистичностью, абстрактностью, агрессивностью и саморазрушением. Наступление «женского» усматривается в таких глобальных явлениях, как расцвет мифологического сознания, интерес к древним культурам, эзотерическим учениям, восточному мистицизму, трансперсональной психологии, герменевтике и моделированию, теориям полей, рассеивающих структур, хаоса и сложных систем.

К выходящим на первый план «женским» ценностям бытия относят: объединяющее людей чувство единства со всеми природными формами; общность, оказывающую поддержку индивидуальности; взаимопомощь и сотрудничество в коллективах; величие деторождения и материнства; разум, обращенный к жизни; эстетизацию человеческих деятельностей; этику милосердия; поиск перспектив улучшения существования человека; соединение любви и творчества; любовь как основу отношений мужчины и женщины.

В числе причин близкого высвобождения множественных женских сил часто называют смену доминирующих архетипов коллективного бессознательного. Считается что архетипы «женщины» все более властно проступают как в формах и содержании индивидуальной жизни, так и в деятельности духовных, гуманитарных, социальных, политических и экономических институтов.

3. Архетипические свойства

Ими являются универсальные, составляющие глубинные потенциалы, собственно фемининные элементы души женщины, находящие раскрытие в искусстве, литературе, психологии (96; 193; 195; 197).

Женская самость:

сокровище, инстинктивная женщина, психическая энергия, творческое начало, безупречное чувство тела, единственность, выносливость и дальновидность. Устремление к внешним и внутренним изменениям, изобретательность, восприимчивость к красоте и чувственность, способность придать всему гармонию и хорошую форму, исследовательская интуиция, интуитивное знание обо всем, что нужно для полноценной жизни; неисчерпаемый потенциал любви.

Старуха:

взрачивающая, собирающая и хранящая древний опыт, оживляющая мертвых, знающая тайну смерти, прозревающая будущее, обучающая наивные души, излечивающая душевные раны, использующая целительные силы природы, живущая в одиночестве, помогающая справиться со злом и собственным гневом, освобождающая творческую энергию женщины.

Дева:

искренняя, наивная душа, пребывающая в дремотном состоянии; опекаемая и любимая; страстно любящая; терпящая изгнание и испытания; открывающая в себе героическое начало; побеждающая; рождающая духовное дитя.

Мать:

добрая, любящая, опекающая, оберегающая, наставляющая, помогающая душе ребенка пробудиться, отпускающая ребенка в самостоятельный путь, героически отказывающаяся от власти над ребенком, мужественно поддерживающая ребенка в тяжелых испытаниях, залечивающая его душевные раны.

Или злая и опасная; разрушающая то, что любит ребенок; порочащая и изгоняющая ребенка; посылающая его на смерть; отнимающая то, что принадлежит ребенку.

Тень:

негативные аспекты женской души — гнев и неукротимость, ненависть к себе и мстительность, душевный голод, притворство и тщеславие, терпимость к насилию, жажда власти, распущенность.

Или прекрасные аспекты женской души: провидение, ясновидение, прозрение истины, божественная любовь.

Женская индивидуация:

утрата или отказ от родительской опеки; обращение к своей душе и ее потенциалам; мужество быть в одиночестве; обретение эго-сознания. Учение у мудрых женщин; открытие своего источника психической энергии; пробуждение «священной чувственности» тела; освобождение от последствий неудачных решений и неправильных выборов. Учение самому лучшему у мужского духа; нахождение своего способа творчества или рождение «духовного ребенка»; умение наслаждаться любовью; терпение без отчаяния; запоминание и вспоминание всего прожитого; соединение в творчестве тела, души и духовности.

Анимус:

мужское начало в женской психике; Дух, Логос, Отец, Возлюбленный; проекция на реальных мужчин; сильный, идеальный мужчина в фантазиях и снах; компенсация ярко выраженной женственности; форма рациональной организации деятельности женщины в социуме, профессии, жизни. Оформление спонтанного женского творчества и самовыражения по принципам сознательной жизни; воплощение замыслов и идей женщины, проводник ее творческой энергии; женская стойкость и мужество; сила активности и инициативы во внешнем мире. Потенциал сознания, рефлексии, самодостаточности. Друг и помощник: знающий, дальновидный, предсказыва-

ющий, преследующий цели, оценивающий по справедливости, выбирающий наилучшие решения, наблюдающий и рассчитывающий, контролирующий и открывающий законы, объединяющий душевные силы женщины.

Или упрямый, деспотичный, догматичный, спекулятивный, созерцательный, амбициозный, прямолинейный, самоуверенный. Источник предвзятых мнений, необдуманых суждений, банальностей, клише. Спорщик, не признающий ничьей правоты, оперирующий нелогичными и неубедительными аргументами, категоричный, предпочитающий говорить о «должном», а не реальном. Сила, заставляющая следовать непроверенным склонностям. Вероломный, обманщик, лгун, предатель. Хищник в душе женщины: грозящий опасностью и гибелью, обесценивающий ее творческие устремления, порождающий сомнения, деструктивный и разрушительный, ведущий к одиночеству и забвению.

Анимус проявляет себя и осознается в реальных взаимоотношениях женщины с мужчинами, особенно близкими. Общение устанавливает связи не только между женщиной-субъектом и мужчиной-субъектом, между женщиной-субъектом и ее Анимусом, между мужчиной-субъектом и его Анимой, но также между Анимусом женщины и Анимой мужчины. «Когда сходятся вместе Анима и Анимус, то Анимус вынимает из ножен меч силы, а Анима источает яд заблуждений и соблазнов. Исход далеко не всегда отрицателен, т. к. оба участника в этой ситуации способны влюбиться. При этом они сохраняют иллюзию сознательного и индивидуального отношения друг к другу» (194; с. 27).

В индивидуальной жизни архетипы как глубинные душевные потенции женщины реализуются посредством образования сложной системы психологических свойств, зависящих от активности сознания, зрелости Я и деятельности личности, а также от степени социокультурной поддержки либо подавления тех или иных женских архетипов и форм женского самоопределения. Действующий европейский канон «примата мужественности», допуская богатство психических свойств-универсалий, свободу самореализации «личности вообще», достоинства женщин, по традиции формирует запрос на женские психологические свойства, «уступающие» мужским. По-прежнему налагаются объективные ограничения на индивидуальную актуализацию высших, лучших архетипов женственности. Традиционный континуум «вторичных», «дополнительных», «странных», «непостижимых» аспектов женской психики продолжает служить распространенной моделью идентичности женщин (8).

4. Психологические свойства

Интуитивность:

ощущаемая связь с коллективным и личным бессознательным; чувствительность к таинственным сторонам жизни; понимание сути родового опыта и традиции. Проницательность в общении; стремление к творчеству в отношениях с близкими людьми и в повседневной жизни. Ожидание обновлений и изменений в будущем; эвристичные решения и выборы; предвидение противоречий и конфликтов; доверие к субъективному пониманию и знанию.

Эмоциональность:

внутренняя ранимость, уязвимость; погружение в интимную жизнь чувств, тонкость переживаний близости; прорывы аффектов в значимых ситуациях; высокая ценность любви; страх поражения, несостоятельности в любви; умение читать «язык чувств»; эмоционально-интуитивная оценка явлений наряду с логической оценкой; активное самовыражение в эмоциональной сфере.

Зависимость:

переживание постоянной нужды в благополучии и безопасности детей, мужской любви, заботе и защите, в покровительстве мужчин, обладающих властью, в продлении молодости. Привязанность к родителям, детям, объектам влечений; подверженность влияниям коллективных мнений, внешних оценок, обычаев и предрассудков. Привычное согласие с приоритетом мужчин; позиция подчинения в семье и организации; зависимость от процессов и импульсов тела, от спонтанных побуждений и чувств.

Ориентация на взаимоотношения:

сосредоточенность на субъект-субъектных, а не субъект-объектных связях; стремление разделить любовь с единственным мужчиной; направленность в общении на взаимную поддержку, взаимопомощь. Склонность к компромиссам, предупреждение конфликтов, распределение обязанностей, совместный поиск возможностей в общении; предпочтение контактности, интимности во взаимодействии с другими людьми; высокая оценка успеха в отношениях в сравнении с достижениями в других сферах; вера в возможность взаимно развивающих отношений; склонность обучать, воспитывать, исцелять.

Эмпатия:

чувствительность к состояниям других; сопереживание и сострадание; готовность разделить трудности других, оказать помощь в решении их проблем; эмоциональный резонанс; таинственная синхронность переживаний с близкими людьми; избегание

деструктивного поведения в присутствии других людей; приветливость, дружелюбие, теплота.

Этика жизни:

любовь и доброта, сердечность и заботливость, преданность и служение, миролюбие и терпимость, гостеприимство и стремление к согласию. Преодоление агрессии, принятие ответственности, аккуратность, тщательность исполнения дел. Искренность веры, защита ценностей, твердость, бесстрашие, достоинство матери и хранительницы семьи.

Динамичное мышление:

направленность мысли на конкретные события, ситуации, явления, субъективные состояния и действия; ассоциативность и гибкость мышления; активность образного мышления; реалистичное воображение; романтические фантазии; внимание к символам; ориентация на толкования и интерпретации. Вариативность понимания объекта; критичность мышления, основанная на интуиции скрытых возможностей; чувствительность мысли к оппозициям, склонность к синтезу противоположностей и континуальному мышлению; оригинальность преломления традиций в решении текущих задач; легкость вербального выражения мысли; осмысление текущей жизни; акцент на ближние цели и планы; оригинальность, нестандартность в решении встающих жизненных проблем.

Утонченность:

хороший вкус, нежность, мягкость, поиск красоты и впечатлений о прекрасном; создание эстетической атмосферы в отношениях. Ценность своей привлекательности, изящества, очарования, грации, изысканности и прелести; искусство соблазна; стремление найти и придать себе «идеальную форму». Эстетизация повседневной жизни, ее среды, обстановки; значимость красоты других людей; высокая ценность моды.

Подвижность самоотношения:

зависимость отношения к себе от текущих переживаний и впечатлений; изменчивость рациональных знаний о себе; динамизм осознанной самоидентичности; рефлексия актуальной жизни и отношений. Внимание к своей представленности в других людях; зависимость самооценки от оценок со стороны других людей; сосредоточенность на своих отношениях к значимым людям; устойчивость Я на основе глубинной интуиции; тонкая саморегуляция при решении конкретных жизненных проблем и задач деятельности. Внимание к своим внутренним противоречиям; способность к самопомощи и самоизменениям; чувство внутренних потенциалов своего развития.

Контуры фемининного психологического типа во многом обусловлены, а также определяют ролевые свойства, которые формируются и приписываются женщине в определенной социокультурной среде. Несмотря на то, что в обществах с европейским жизнеустройством фемининно-маскулинные роли все более сближаются, унифицируются, становятся «плавающими», размытыми и взаимозаменяемыми, на уровне психологических способов их осуществления сохраняются заметные гендерные дифференцировки, заставляющие исследователей по традиции разделять «женские» и «мужские» ролевые приоритеты. Встает сложная проблема обновления психологических взглядов на гендерные роли личности с акцентом на культурные возможности и индивидуальное самоопределение мужчин и женщин. Это насыщение мужского функционирования «женскими» приемами и средствами, эффективными в культуре; интеграция мужского и женского подходов к деятельности в контексте исполнения гендерных ролей; выявление новых фемининных ролей в традиционно «мужских» сферах жизни; расширение областей совместной творческой самоактуализации мужчин и женщин. Это культурное обогащение ролей женщины-матери, женщины-центра семьи, женщины-творца любви, женщины-профессионала, женщины-деятеля.

Развитие и интеграция гендерных ролей, прежде всего в их функциональном, операционально-исполнительном и продуктивном аспектах, а также усиление индивидуальных позиций в ролевой активности должны стать ведущими факторами изменения свойств личностей, включенных в фемининные или маскулинные ролевые структуры. Здесь большое значение приобретают следующие психологические стратегии. Во-первых, согласование множества известных путей ролевой идентификации мужчин и женщин: имитации, игрового овладения, прямого обучения, познания, присвоения, субъективного принятия, индивидуальной реализации. Во-вторых, создание условий для освоения индивидами всех структурных составляющих гендерных ролей: мотивационно-аффективных, когнитивных, поведенческих, результативных, смысловых, нормативных, статусных и творческих. В-третьих, ориентирование идентификационных процессов на образование прочных внутриличностных связей «Я — гендерные роли». В-четвертых, развитие взглядов на приобретение ролевой идентичности как возможность для личности раскрыть не столько потенциал своего гендерного типа, сколько потенциал своей индивидуальности.

В настоящее время в науке по отношению к женским ролевым свойствам продолжают существовать и канонические, и новые определения. Данные свойства указывают, в основном, на идентичности женщин и способы их реализации.

5. Ролевые свойства

Женщина:

дочь и сестра, избранница мужчины и жена, мать и воспитательница детей; защитница семьи, помощница мужчины, профессионал. Смягчающая нравы, ослабляющая агрессию, укрепляющая родовые связи, гармонизирующая отношения в ближнем окружении.

Женщина:

носитель красоты, источник соблазна, объект желаний, предмет любви, произведение искусства, двигатель моды, объект эстетического созерцания, роскошь в мужской жизни, вдохновительница мужского творчества.

Женщина в семье:

сберегающая супружескую любовь, «душа дома», рождающая и выхаживающая детей, заботящаяся о здоровье и комфорте членов семьи. Поддерживающая материнский авторитет, помогающая дочерям в освоении фемининных ролей, создающая положительные эмоционально-этические отношения в семье. Сохраняющая и развивающая свою женственность, координирующая интересы и действия членов семьи, формирующая высокую ценность семьи в системе предпочтений мужа. Создающая привлекательный образ семьи в окружении, стиль жизни и имидж мужа во внешней среде, поддерживающая мужа в его профессиональном росте и карьерных устремлениях.

Женщина в организации:

осуществляющая постановку и решение тактических задач; точную исполнительскую деятельность; помощь сотрудникам в адаптации; регуляцию межличностных отношений; поиск согласия; выявление скрытых противоречий и участие в их позитивном разрешении; неформальное лидерство и «внутреннюю» власть. А также: создание имиджа организации; заботу о ее стабильности; опережающее кризисное реагирование; инициативу в разрешении коллизий; свободное принятие и освоение «мужских» ролей.

Женщина ближней перспективы:

инициатор инновационных процессов; руководитель бизнес-структур нового типа; лидер-профессионал; проводник креативных идей; потребитель рынка суперсовременных товаров и услуг; разработчик вариативных интеллектуальных моделей. Создатель стиля деловой жизни, основанного на артистизме, эстетике и мас-

терстве; «агент» взаимоотношений, стимулирующих самореализацию участников; «звезда», соединяющая блеск таланта и красоту, женственность и компетентность.

Далее симметрично, по бинарному принципу, рассмотрим структуру **маскулинного типа личности**. Здесь вряд ли нужны развернутые обоснования, подтверждающие европейское поклонение мужским свойствам, со времен античности избранным в качестве идеала, образца человека-в-мире, человека-в-обществе и человека-в-культуре.

1. Символические свойства

Мужчина:

имеющий сродство с небом, солнцем, огнем, днем, воздухом, светом, жизнью, здоровьем, активностью, сознанием, порядком, развитием, духом, а также властью, творчеством, дворцом, католическим храмом, вершиной, вертикалью, твердостью, оружием.

Символическим синтезом неизмеримого количества сродных признаков «мужского» в мире является универсальное «Янь».

Персонифицированная символика «мужского» представлена рядом фигур, типичных для европейской мифологии и религии (60; 96; 193; 195; 197; 199; 200; 203).

Мужчина:

– единое первоначало, породившее противоположность мужского и женского (Юпитер, Бог Отец);

– воплощение мощи универсума, средоточие всех человеческих потенциалов (Адам);

– универсальный человек, духовная сила, верховное сознание, объединение людей; власть над множеством людей, достижения, осуществление желаний, единение с прекрасной женщиной (Король);

– неистощимая жизненная энергия, героизм, рыцарство, справедливая власть, величие, победа над собой, выдающиеся свершения, создание законов и осуществление идеалов многих людей (Великий монарх);

– дикое существо; человек, принесенный в жертву творению; трагический герой, сокрушенный враждебными силами; дух, сопротивляющийся инстинктам; пробуждающееся личное начало и покровитель общности (Гигант, Богатырь);

– свобода и раскованность желаний; душевный подъем, вдохновение; раскрепощение скрытых сил; забвение себя; влечение к смерти, к самоуничтожению (Дионис);

– разум, интеллект, познание, самопознание, воля, гармония, преодоление страсти, идеал (Аполлон);

– духовная интуиция; мастерство и искусство; контроль над внешним миром; обучение и воспитание людей; защита идеала; са-

модостаточность; служение и жертвенность; нравственная победа (Рыцарь);

– любовное влечение; поклонение красоте; завоевание и вознаграждение любви; испытание любовью; бессмертная любовь, внутреннее воссоединение с женщиной (Эрот, Амур);

– древние, бессознательные, демонические силы; склонность к розыгрышам и коварным шуткам, изменениям облика и дурацким выходкам; претерпевание наказаний и мучений (Меркурий, шут, простак);

– единое человеческое существо, преодоление противоположности полов в человеке (Андрогин).

2. Метафизические свойства

Здесь мужское начало человека обычно берется в общих определениях, указывающих на абсолютные ипостаси «мужчины», преобладающие над «женским» (22; 24; 129).

Мужчина:

– божественное, высшее, антропологическое, торжество духовного принципа, примат сущности над существованием;

– познание, творчество, индивидуальность, индивидуальное сознание, личное начало в обществе;

– прогресс, развитие, цивилизация, власть, отрицание бессознательного, трансцендентное «Я»;

– абстрактно-логическое мышление, деятельность, свобода воли, мораль, норма, закон, субъект;

– исследование мира, его обновление, глубина, гениальность, великолепная энергия;

– духовная любовь, понимание и почитание женственности, поиск красоты в мире женщины, поддержка женщины в познании, руководство деятельностью женщины, противостояние женской иррациональности, страх перед тайной «женского»;

– сознание своей созидательной и устроительной миссии в мире, порождение глобальных учений и мировоззренческих систем, видение мира в оппозициях и противоречиях, выдерживание противоречий;

– борьба, конкуренция, преодоление, успех как ведущие способы и цели бытия, целенаправленность, прагматизм, сдерживание и мощные прорывы аффекта;

– сосредоточенность на идеях и действиях, а не на «отношениях», историческая память, рефлексия, ориентация на будущее.

3. Архетипические свойства

К ним относятся следующие мужские элементы и потенциалы культуры и человеческой психики (96; 195; 197; 198; 201).

Герой:

самость; жизненный порыв, пробуждение сознания, становление эго, необходимость самореализации; индивидуализация и развитие личности. Соединение в себе «отцовской» и «материнской» сторон; отказ от родительских и коллективных аспектов души в пользу надличных, высших аспектов; преодоление власти архаичного, бессознательного. Трудность пути, начатого с чудесного рождения; покинутость и гонения; ощущение себя как «иного» среди людей; приобретение независимости вопреки внешним препятствиям; овладение способностями своего тела. Скитания и отшельничество; открытие сознанием «сокровищ» бессознательного как источника творчества; уязвимость; конфликтность и трагичность жизни. Умножение культурных достижений людей; статус культурного героя; обретение сильной «отцовской» позиции; уникальность творений и деяний; три вектора становления: лидером, основателем и открывателем новых ценностей; спасителем; познающим себя и проникающим в глубину самости.

Отец:

всеобъемлющий образ Бога, Отечество, государство. Разум, интеллект, знание, традиция, идеал мужчины, образец мужественности. Авторитет, духовный и практический деятель, вождь, законодатель, учитель, мастер, хранитель тайн. Долг, ответственность, терпение, преданность, самопричинность и самодвижение, влияние, убеждение, запрещения, твердость взглядов и скрытая мощь. Война, охота, разведка, мужские сообщества, путешествия, профессия, политика, богатство, производство, реформы.

Или склонность к догмам, жесткость требований, властность, неотвратимость наказания, консерватизм, сухость.

Старец:

дух, логос; вдохновляющая, активная сущность, динамический принцип; оживляющая и одухотворяющая сила. Творение лучших идей и прекрасных образов; внутренняя деятельность; мудрость; духовное усилие; пронизательность; духовное превосходство и покровительство; глубокие размышления; прозрения и пророчества. Религия, нравственность, рефлексия, философия, искусство, волшебство, магия, мистика. Целитель, священник, ученый, профессор, художник. Мудрые решения сложных задач; духовная концентрация; высокая интеллектуальная выносливость; зрелая самость; высшая личность.

Или противоречивость, двойственность поступков, надменность, злое могущество, духовное поражение.

Тень:

низшая личность; «черный человек»; иррациональность; склонность к насмешкам и издевательствам. Несознаваемые, разрушительные желания; спонтанные негативные чувства; предрассудки; грубость и жестокость; непристойность; насилие. Одержимость, фанатизм, упрямство; бессознательная зависимость; отрицание и осмеяние традиций; неумное властолюбие; загадочное противодействие своей воле и сознательным намерениям.

Мужская индивидуация:

самосознание, образование активного эго; освобождение от материнского влияния, преодоление притяжения матери; познание традиций и уклада жизни своего общества; знакомство с отцовскими занятиями и мужскими ролями; обретение духовного учителя; изменение канонов, смена исторической установки на построение будущего. Неистощимая инициатива; выход в мир в качестве мыслителя и деятеля; восстание против сыновнего положения, освобождение от отцовской власти; нахождение близкого мужского круга, дружеского и партнерского сообщества. Сбор современных ценных знаний; вступление на путь поиска неизвестного; выращивание своего дара, таланта; задача стать индивидуальностью; увлеченность загадками совершенства, вечности, бессмертия. Испытания, искушения, странствия; победа над соблазном и безумием бессознательной жизни; разгадывание тайн «женского», любовь к женской природе, несмотря на разочарования; обретение духовной близости с матерью; духовное соединение с отцом; открытие смысла самопознания и состояния одиночества; исполнение своих новаторских дел в мире и новый уровень осознания своей глубины.

Анима:

женское начало в психике мужчины; Душа, Мать, Дева; позитивная проекция на реальных женщин; образ наиболее желанной женщины. Образы сновидений и фантазий: царственная женщина, святая, призрак женщины, волшебница, фея, летающее или змееподобное существо, соблазнительница и падшая. Компенсация ярко выраженной маскулинности; чувство сопричастности прошлым поколениям, любовь к истории, интерес к генеалогии, приверженность идее реинкарнации, мистицизм, интуиция судьбы. Тоска по вечной идеальной женственности; тяга к близким, интимным отношениям; вкус, чувствительность к красоте; любовь к женской моде; приверженность гламурному стилю.

Или повышенная эмоциональность, повторяющиеся аффекты; сентиментальность, спонтанное чувство тревоги и неуверенности; тайная склонность к самоубийству; фанатичная вера; влечение

к эффектности, экзальтации; сильная властность; изменчивость, капризность поведения; желание очаровывать и соблазнять.

Согласно Юнгу, мужской тип европейской культуры в качестве оппозиции имеет сильный «женский архетип», от которого культурное сознание не только не отворачивается, но имеет с ним тесный контакт. «Мы все еще пребываем во владении духов наших предков, для нас все исторически опосредовано. Мы настолько охвачены исторической обусловленностью, что для того, чтобы, например, политически вести себя не так, как пятьсот лет назад, нужна грандиозная социальная катастрофа» (200; с. 156). Вместе с тем отказ от зова Анимы означал бы в «мужской культуре» потерю корней, которую не может компенсировать никакой энтузиазм и новаторство.

В процессах сознательной индивидуальной реализации мужских архетипов и их воплощения в деятельности и культурных вкладах формируются психологические свойства мужчин. В научных дефинициях «мужские» свойства противоположны «женским», но реально в личности мужчины они взаимосвязаны и взаимодействуют с ними.

4. Психологические свойства

Рациональность:

преобладающая ориентация на точные данные сознания; культивирование интеллекта, участие в развитии научного познания, образования, просвещения; сильная рефлексивная установка; вера в умственный прогресс; исследовательская активность. Сознательная регуляция жизнедеятельности; планирование, расчеты, контроль времени и поведения; способность достигать завершенности и эффективности деятельности; сосредоточение на «Я» и направленное саморазвитие; постановка сложных проблем; заострение противоречий; их логическое разрешение; превознесение разума.

Доминантность:

физическая и психическая сила, напряжение, выносливость; стремление к преодолению и достижениям; самоутверждение. Ценность статуса лидера, организатора, руководителя; борьба за власть, превосходство, подчинение себе других. Самореализация и самоактуализация; гордость, достоинство, самолюбие; нетерпимость к поражениям; тяга к известности; стремление оказывать влияние; завоевание интеллектуального приоритета; ценность высоких успехов в профессии и карьере.

Агрессивность:

готовность к сопротивлению, схватке, борьбе и конфликтам; оказание нажима, подавление; деструктивное поведение. Поиск

риска, экстрима и способов опасной самопроверки; тенденция к аутоагрессии. Жесткость в конкурентных отношениях; стремление к преобладанию и наступательность в интеллектуальной, социальной, профессиональной и финансовой сферах. Тяга к достижениям в играх, соревнованиях, состязаниях; увлечение охотой, различными формами спортивной борьбы.

Автономность:

уверенность в себе; самостоятельность мышления, деятельности, жизненной позиции. Личная ответственность за принятые решения, сделанные выборы, использованные средства, последствия и результаты действий. Самодостаточность; сила сознания и Я; позиция мастера, профессионала, творца; инициативность, готовность взяться за новое дело; самоэффективность. Независимая позиция в коллективе; поиск своего достойного места в обществе; выбор круга общения, или сообщества, или клуба, или объединения, где взаимодействуют сильные, суверенные личности.

Дистанцирование:

уход от контактных, интимных взаимоотношений; множественность «связей» вместо близости с одной женщиной; предпочтительность формальных, деловых отношений с другими; избегание эмоционального обмена, теплоты сопереживания; прямолинейность и упрощенность форм общения. Тенденция к эгоцентризму в отношениях; прямолинейность и жесткость в межличностных коллизиях; недоверие к чувствам; уклонение от демонстрации переживаний и их обсуждения с другими людьми; выбор интернет-общения как «идеального».

Глобальный интеллект:

направленность на научное познание и техническое овладение внешним миром; умственное упорядочивание реальности; деятельность с абстрактными объектами; работа с общими идеями, тяга к раскрытию великих тайн и разрешению больших проблем мира; опора на универсальные принципы, идеалы, общественную мораль, закон, стандарт «всеобщей справедливости». Дальнейшее прогнозирование событий; разработка долгосрочных стратегий деятельности; развитие понятийно-логического мышления и наукоемкого дискурса; создание крупных систем знания и информационных систем. Выбор деятельности, предполагающей точные измерения, расчеты, разработку общих теорий, крупные научные открытия, проведение общественных реформ. Склонность к философии, математике, фундаментальным наукам; готовность к интеллектуальным прорывам; рискованная интеллектуальная инициатива; устойчивость концептуальных построений как надеж-

ных основ действия. Лаконизм, простота, схематизм имиджа и форм самопрезентации.

Рефлексивность:

сознательность, рациональность самоотношения; рефлексия желаний, намерений, мышления, поступков; построение строгой концепции «Я»; организация времени и пространства своей жизни; целостность интеллектуального образа жизненного пути. Владение приемами самопознания; независимость самооценки; стремление к объективности знаний о себе; поддержание позитивного образа «Я»; ориентация на идеальное «Я»; создание программ физического и духовного самосовершенствования; детальная ретроспектива жизни; осознание возможностей своего будущего.

Как отмечалось, дихотомия «мужских» и «женских» психологических качеств не является такой жесткой, как это представлено в нашей гендерной модели. На самом деле, полюса мужского и женского в конкретной личности заключают между собой множество переходных и промежуточных форм. Например, мужчина может обладать средней степенью автономии, являясь носителем ряда признаков зависимости, или может часто проявлять эмпатию наряду с присущими ему чертами дистанцирования. Однако, скорее всего, это будут специфически мужские формы зависимости и эмпатии. То же можно сказать и о женских вариантах развития и проявления мужских психологических свойств. Столь же гибкими и одновременно имманентными каждому полу являются взаимопереходы мужских и женских ролевых свойств в личности реальных женщин и мужчин.

5. Ролевые свойства

Мужчина:

сын, муж, отец, защитник, покровитель. Хранитель знания, учитель, творец, духовный деятель, изобретатель, носитель тайн. Создатель богатств, реформатор, организатор, субъект власти, воин, стратег, законодатель, идеолог.

Мужчина в семье:

глава, авторитет, лидер в кругу близких. Поддержание благополучия, здоровья семьи и ее достойного положения в общественной иерархии; финансовое обеспечение семьи; инициатива в воспитании детей; помощь сыновьям в освоении маскулинных ролей и развитии мужских качеств; защита семьи в опасных и кризисных ситуациях. Поддержка женщины в ее развитии, личностном росте и сохранении женственности; определение стратегии и создание возможностей для обучения и карьерного роста детей; укрепление авторитета семьи и рода посредством своих профессиональных и общественных достижений.

Мужчина в организации:

руководитель, управленец, босс; автор инноваций и нововведений; компетентное лицо, транслирующее опыт; разработчик идеологии и стратегии развития организации; ответственный исполнитель; глава больших проектов. Защита интересов организации и выявление ее ресурсов, представительские функции в структуре, установление и укрепление внешних связей структуры, принятие ответственности за риски, позитивное и новаторское разрешение организационных конфликтов, поддержание конкурентоспособности организации, обеспечение финансирования инновационных программ. Субъект традиционно мужских профессионально-общественных ролей: глава государства, глава и член парламента, министр, глава церкви, президент крупной компании, лидер политической партии, глава секретных служб, военачальник, выдающийся деятель искусства, ученый в сфере фундаментальной науки.

В отношении глобальных ролевых перспектив «мужского» не существует однозначных оценок. Чаще его место в мире рассматривается ретроспективно, в противовес растущему влиянию «женского». Действительно, в течение тысячелетий европейского человека олицетворял мужчина с его «отношением к Богу», «исключительным положением в космосе», «восхождением к истине», «личным достоинством», «покорением природы», «революционными преобразованиями общественного устройства». Правда, в этом ряду свершений давно появились и следы мужского кризиса культуры, выражающиеся в осознании «одиночества Я», «заброшенности человека в мир», «бессмысленности индивидуального существования», «недоступности мира для человеческого познания», «непреодолимости смерти для индивида», «беспомощности человека перед непроницаемостью Космоса» (155). Преодоление этого кризиса лежит на путях гибкой, равноценной, единой реализации мужских и женских ролей личности при решении новых задач, вставших перед миром, обществом, культурой.

Модель Я-констант личности в культуре

Оригинальный культурно-психологический интеграл личности был разработан методом герменевтического анализа и синтеза ряда рефлексивных «текстов личности», авторы которых представляли собой исключительные случаи творческой индивидуальности в европейской культуре V, XII, XVIII и XX веков (153). Исследование осуществлялось в парадигме «отношений», наиболее релевантной для выявления и обобщения рефлексивных позиций «Я», выраженных в текстах.

Результаты исследования показали, что, несмотря на значительную пространственно-временную дистанцию друг от друга и уникальность талантов, субъекты рефлексии обнаружили множество сходных тенденций (констант) в своих отношениях к надличному — другим — своей жизни — себе. Эти тенденции рассматривались, с одной стороны, как аспекты всеобщего «Я», возрождающегося во многих лицах для культурного созидания. С другой стороны, как потенциалы саморазвития и самопознания современных личностей, обладающих даром культуротворчества.

Основой реконструкции **констант «Я»** стали тексты авторских жизнеописаний: «Исповедь» Аврелия Августина (6), «История моих бедствий» Пьетро Абеляра (1), «Из моей жизни. Поэзия и правда» И.-В. Гете (39), «Самопознание: опыт философской автобиографии» Н.А. Бердяева (23), «Воспоминания, сновидения, размышления» Карла Юнга (196). «Я» в текстах самопознания творцов полагает себя в таких аспектах отношений, как желания и переживания, представления и мысли, позиции и действия, смыслы и ценности.

Я в отношении к другим

- Привязанность к отцу и сопротивление отцовским ожиданиям.
- Переживание притягательности материнской тайны.
- Высокая ценность материнской любви.
- Отстраненность от семьи и критика «семейного духа».
- Ранее интуитивное понимание сути отношений между людьми.
- Поиск истинных мотивов поступков других.
- Сознание своей непохожести на других.
- Страдание от непонимания другими.
- Вынужденное одиночество и избранное уединение.
- Осознание сильного влечения к женщинам.
- Полная поглощенность любовью и частая потеря любви.
- Оппозиция привязанности и отвержения в отношении к женщине.
- Оценка пола и любви как явлений, порождающих иллюзии.
- Слабая тяга к дружбе.
- Смена чрезмерной увлеченности другим человеком отчуждением.
- Сильная нужда в «другом» на определенных этапах становления.
- Ценность автономии и самодостаточности.
- Принятие опыта выдающихся личностей как ориентира своей жизни.

- Уверенность в своей способности к исключительным достижениям.
  - Благодарность близкому окружению за поддержку его дарований.
  - Знание о влиянии своим талантом и личностью на многих других.
  - Открытость к людям, способным передавать знания и помогать.
  - Знание о преобразующем влиянии своих произведений на других.
  - Творчество, имеющее духовные основы.
  - Увлеченность азартом игры, соперничеством, преодолением.
  - Страсть к выигрышу или творческой победе над другими.
  - Любовь к феномену юности, возможности творить с товарищами.
  - Критика, чрезмерная требовательность к близким людям.
  - Внимание к оценке своих произведений другими.
  - Стимулирующая ревность к достижениям других.
- #### **Я в отношении к своему творчеству**
- Раннее стремление к искусствам и наукам.
  - Активная проба дарований в различных сферах деятельности.
  - Жадное, часто истощающее овладение знаниями и практиками.
  - Сильная увлеченность духовным общением.
  - Переживание мощных порывов к творчеству.
  - Опора на бессознательные источники своего творчества.
  - Огромная энергия жизни и созидания в юности и молодости.
  - Преодоление иллюзий посредством познания и творчества.
  - Осознание исключительной ценности творчества в своей жизни.
  - Неистощимая страсть к творческому поиску.
  - Меньшая ценность произведения в сравнении с процессом творчества.
  - Творческие подъемы под влиянием религии и мистических учений.
  - Внимание к «человеку» как ведущему мотиву и предмету творчества.
  - Широкое использование символов в познании и творчестве.
  - Глубокий интерес к природе как источнику творческих состояний.
  - Отношение к своему жизнеописанию как способу «творения себя».

- Понимание творческой жизни как пути к внутренней свободе.
- Осознание зависимости своего развития от таланта и предназначения.
- Исследование техник, приемов, инструментов своего творчества.
- Оценка своих произведений как превосходящих труды других.
- Осознание исторических предпосылок и будущего своего творчества.
- Переживание сродства своего таланта духовному творчеству других.

Я в отношении к надличному

- Вера и любовь к Богу.
- Принятие Священного писания или других религиозных учений.
- Чувствительность к таинственным, мистическим явлениям.
- Повторяющиеся сны религиозного, трансцендентного характера.
- Склонность к символизму в философии, поэзии, науке.
- Использование символа как средства выражения глобальных открытий.
- Одухотворение природы, вера в ее божественное величие и мощь.
- Любовь к мифу, эпосу, сказке.
- Высокая ценность фантазии и воображения.
- Идеи об абсолютных началах человеческого бытия.
- Ценность идей о «внутреннем гении», «истине», «боге» в своей душе.
- Вера в силу «магических» действий и ритуалов.
- Феномены успешного предвидения, исполнившихся предсказаний.
- Рискованные опыты встреч с бессознательными силами души.

Я в отношении к жизненному пути

- Осознание своей жизни как процесса поэтапного духовного роста.
- Автобиографический синтез в самопознании и «тексте жизни».
- Любовь к своей жизни как полной творчества, уникальных свершений.
- Осознание динамики, оппозиций, противоречий своей жизни.
- Понимание жизни в измерении встреч со значимыми людьми.

- Оценка своей жизни по критериям духовных подъемов и падений.
- Высокая значимость событий жизни, «отмечающих судьбу».
- Ценность встреч с людьми, определившими «повороты жизни».
- Осознание решающей роли определенного текста в жизни и творчестве.
- Интуитивное чувство своей связи с творцами, ушедшими из жизни.
- Признательность родным за поддержку творчества в процессе жизни.
- Высокая значимость событий жизни, предсказанных другими.
- Поиск причин многих явлений своей жизни в надличных сферах.
- Понимание жизни как игры высших сил, в которой личность не вольна.
- Проживание молодости как периода, определяющего путь жизни.

Я в отношении к себе

- Значимость состояния «быть с собой».
- Ранняя вовлеченность в самопознание, практику самовыражения.
- Оценка самопознания как важнейшей сферы своего творчества.
- Тонкие самонаблюдения, размышления об Я, вспоминание о себе.
- Интуиция, направленная на творческие возможности бессознательного.
- Перенос в контекст самопознания идей философии и психологии.
- Использование символических образов «человека» в познании себя.
- Нахождение и разрешение противоречий Я и своей жизни.
- Постигание уникальности своего таланта, «отданного другим».
- Осознание жизни как пути к истокам своего Я, как «дороги к себе».
- Непрерывное осмысление себя как причастного к текущей жизни.
- Понимание связи времен в каждом значимом моменте жизни.
- Осознание и принятие своего влечения к «миру иному».

- Неразрешенность коллизии между свободой души и «бременем тела».
- Противопоставление своих любовных страстей своему предназначению.
- Чувство ритма, гармонии, движения, «остановок» своей жизни.
- Знание своих жизненных ограничений и возможностей.
- Идея личного противодействия миру как «погрязшему во зле».
- Осознание своей избранности и призвания «служить истине».
- Риски в самопознании, связанные с раскрытием внутренних конфликтов.
- Внутреннее отождествление с Другим-идеалом, Другим-образцом.
- Опыт «собираания себя» в исповеди, жизнеописании, автобиографии.

Рассмотренные интегральные культурно-психологические модели личности обосновывают наличие значительных ресурсов развития, заключенных в «самости», «типе» и «Я». Однако важно подчеркнуть, что реализация этих ресурсов во многом зависит от исторических возможностей культуры по отношению к индивидуальной личности. Данные возможности заключены в персоналиях, предметах, идеях, текстах, изображениях, практиках, составляющих для личности вариативные объекты культурной деятельности и идентификаций. Особое значение имеют объекты, связанные со становлением **«идеи личности»** в культурогенезе. Ее содержательная динамика нашла отражение в приведенных выше культурогенетических моделях личности и может быть обобщена в **новой модели**, интегрирующей культурно-исторический потенциал личностного развития.

Модель культурно-исторического потенциала личности

Представляем один из возможных вариантов синтеза «сквозных идей» о личности, сложившихся и длительно действующих в европейском культурогенезе. По нашей версии моделирования, сохранение и развитие этих идей как концептуального контекста и ориентиров идентификаций, выбора способов жизни и самопознания множества личностей означает усиление тенденций *персонализации* и *межсубъектности* в обществе и культуре. В качестве парадигмы синтеза предлагаем категорию **«измерения жизни»**.

1. Личность в мире исходит из высших мер жизни, имеющих осознанные образы и символы Абсолюта: Бога, Универсума, Космоса, Мифа, Разума, Бытия, Идеального, Слова, «Всеобщего Я». Его

присутствие в сознании и бессознательном составляет для личности сильное побуждение, высшее благо и предлежащий смысл, достигаемые в опытах веры, деятельного служения и трансценденции.

Это **«абсолютное измерение жизни»** личности, открывающееся ей в активном отношении к надличному.

2. Жизнь личности протекает в общностях и группах, выступающих для нее живыми множествами людей, подобных ей самой, с которыми она находится в разнообразном взаимодействии. Общественное переживается и понимается личностью не в качестве довлеющей тотальности, а в качестве плодотворной среды совместного проявления архетипов, творения общей ментальности, выработки типичных стилей поведения и деятельности, создания социальных ценностей и диалогического самопознания. Целью и сутью соединения личности с общностью является ее внутреннее превращение в «часть, индивидуально вмещающую целое».

Это **«коллективное измерение жизни»**, открывающееся личности в ее отношении к другим.

3. Абсолютное и коллективное получают личностное развитие путем освоения индивидом религии, этики, науки, философии, искусства, канонов обыденной жизни. Культурное априори придает индивидуальным устремлениям направленность на познание, оценку, воссоздание и преобразование культуры, на реализацию личностью возможностей быть ее автором. Авторство личности выражается в культурном творчестве, обогащающем мир образов, мыслей, идеалов, символов, чувств, языка и деятельности.

Это **«культурное измерение жизни»**, открывающееся личности в отношении к культуре.

4. Формирование мер абсолютного, общественного и культурно-бытия личности происходит в соответствии с ее природным априори или витальностью, телом, полом, чувственностью. Оно определяет ее влечения, активность в поиске удовольствия, эффективность биологической адаптации, конституцию, нейро- и психофизиологическую организацию, психическую динамику, сексуальность, психофункциональные возможности, соотношения мужественности и женственности, сенсорно-интуитивный опыт познания, действия и потребления. Психические компоненты природной организации сосредоточены на неосознаваемом уровне внутренней жизни личности. Они конституируют самость личности, ее «инстинктивную» жизнь, ее врожденный душевный потенциал.

Это **«природное измерение жизни»** личности, открывающееся ей в отношениях к телесности, естественной среде бытия, бессознательному.

5. В единстве и противостоянии бессознательному находится рациональная установка личности, связанная с развитием логического мышления, познания, способности к дискурсивным построениям, к идеализации мира. Мышление, направленное одновременно на внешние объекты и субъекта, определяет силу «сознания» как символической границы внутренней автономии личности, препятствующей ее слиянию с предметной средой, общностью и коллективным бессознательным. Центром «внутренней личности» является Я, которое, благодаря рефлексии, отношению к себе и непрерывному «синтезу себя», полагает свою свободу в выборе абсолютных, социальных, культурных и природных норм собственной жизни.

Это «**рациональное измерение жизни**», потенциал которого раскрывается в ее отношении к познанию.

6. «Я» позволяет личности субъективно отделить свою психологическую сущность как устойчивую определенность возможностей, потребностей, притязаний, способностей и характера от собственного существования, мимолетности и сиюминутности жизни, протекающей в желаниях, эмоциях, воображении и мысли. Направленно и спонтанно, в конкретные моменты проживания оно решает проблемы наполнения сознания вспоминаемым и новым содержанием, отождествления и разотождествления личности с другими людьми, постижения «себя» в «Другом», собирания себя — множественного и многоликого — в единство «самости» и феномены самовыражения и самоутверждения в социуме и культуре.

Это «**Я-измерение жизни**», открывающееся в отношении личности к себе.

7. Благодаря активности Я, личность становится основанием себя-живущей, причиной собственных активных выходов в мир, адресатом множества запросов и откликов, исходящих от других, автором социокультурных вкладов, состоящих в индивидуальном воспроизведении, изменении, трансляции другим личностям коллективных форм веры, познания, этики, практики и рефлексии. В связи с этим личность может осознать себя единичностью, к которой сходятся и в которой объединяются многие тотальные процессы в мире и социуме, подтверждая безмерность и неповторимость ее бытия.

Это «**измерение жизни-индивидуальности**», открывающееся личности в отношении к уникальности своего бытия.

8. Я самодостаточно в плане сознательной направленности на выявление собственных возможностей через самого себя. Однако объекты, смыслы и способы осуществления отношения к себе, чтобы расширяться, углубляться и варьировать, должны быть укоренены, встроены в иные жизненные отношения личности, требующие ак-

тивного культурного диалога с другими людьми. К ним принадлежат отношения личности к природе, жизни и времени, религиозное и этическое, познавательное и профессиональное, эстетическое и творческое, социальное и политическое отношения.

Это «**измерение жизни-в-отношениях**», охватывающее активные Я-интенции личности в мире.

9. Полноценное бытие личности в системе «мир — другие — Я» предполагает вскрытие и разрешение противоречий его сознательных и бессознательных аспектов, высокого и низкого ценностного уровня, объективности и субъективности, рационального и иррационального планов, психического и практического способов осуществления, коллективных и индивидуальных условий развития, направленности на себя и на других. Задача уравнивания оппозиций и преодоления их коллизий решается личностью благодаря способности инициировать «проблемную» интроспекцию, рефлекссию, самоисследование, жизненное действие.

Это «**измерение жизни-в-противоречиях**», открывающееся личности в отношении к своим оппозициям.

10. В жизненном процессе личность поддерживает внутренние и внешние связи с «другими», будь то реальные люди из повседневного окружения, или выдающиеся, или символические личности. «Другой» сохраняет свое присутствие во мне в форме «значимого для меня Другого», «моего Другого», «Другого как Я», «Я как Другого», «моего другого Я», «недоступного для меня Другого», «Другого, для кого Я недоступен». Соединение или слияние личности с другим человеком имеет многие разновидности, включая подражание, присвоение, обладание, принятие влияний, собственные влияния, признание взаимной свободы. В нормальном жизненном процессе происходит непрерывное интуитивное и рефлексивное дистанцирование и сближение Я с другими. Я личности проникает в другое Я, когда ей доводится нравиться, быть образцом, авторитетом или учителем, быть ценным партнером, вызывать соперничество, быть другом, любимым, волнующей тайной.

Это «**диалогическое измерение жизни**», раскрываемое личностью в отношении к другим.

11. Суверенность, самостоятельность личности в культуре и обществе обеспечиваются деятельной стороной ее жизни: профессиональными практиками, социальными действиями, творческой деятельностью, общением, поступками, приемами самовыражения и самоизменения. Закрепляясь и обобщаясь в разнообразных свойствах и качествах личности, конкретные действия, поступки и творческие акты начинают, в свою очередь, определяться «деятельной индивиду-

альностью», что привносит в них момент свободы и избыточности. Личность, погруженная в жизнедеятельность, находится в непрерывном генерировании возможностей, мотивов, целей, процессов, продуктов, социальных результатов и личных последствий активности. Деятельная личность обладает привилегией особо тесного сращения с миром, приобретения искусности, мастерства, высокого общественного статуса, постоянного Я-возврата к себе и диалога с собой, развития своих сущностных качеств и возрастания в существовании, т. е. является субъектом жизненного восхождения.

Это «**субъектное измерение жизни**», потенциал которого раскрывается личностью в ее отношении к деятельности.

12. Все, что происходит в личности и с нею, включено в общую историю индивидуальной жизни. Она соединяет освоенные личностью места жизни, неповторимые превращения объективного и субъективного времени, персональные вклады в культурную динамику, личный контур социальных связей, динамику жизнеотношений, трансформации сознания и бессознательного, изменения качеств и свойств личности, смену индивидуальных деятельностей и жизненных ролей, последовательность, длительность и смысл ведущих жизненных событий и значимых жизненных ситуаций. История индивидуального бытия становится автобиографией при участии Я, осмысливающего и творящего во внутреннем и внешнем тексте отношения прошлого, настоящего и будущего своей жизни. «Моя жизнь» или «мой жизненный путь» создается вобравшим личность общим потоком Бытия, силой ее исходного порыва «быть», ее глубинной экзистенцией, ее сознательной активностью и следующей за жизнью рефлексией.

Это «**биографическое измерение жизни**», развивающееся в отношении личности к своему жизненному пути.

13. Личность, вобравшая и реализующая свои связи с абсолютным, социумом, культурой, природными истоками и историей своей жизни, оказывается единичным носителем и субъектом «тотальности» или всеобщих свойств, что делает ее сравнимой и одновременно не сравнимой с другими людьми. Полюса тотальности и единственности намечают широкий диапазон универсальности, типичности и уникальности личности. Собранность общих, типологических и неповторимых свойств в личностное целое сочетается с их рассеиванием в конкретных жизненных проявлениях и ипостасях личности, что определяет диапазон ее бытия между полюсами единого и множественного. Множественность охватывает структуры ее сознания и бессознательного, «Я» и «отраженной субъектности», социальных масок и функций, деятельности и творческой продуктивности.

Это «**измерение жизни как множественности**», определяемое отношениями личности к своим разнообразным возможностям, способностям и своему многообразию в мире.

14. При осознании потенциалов и свобод своего внутреннего и внешнего существования личность может активно самоопределяться или «полагать себя» в отношении ко всему, что составляет ее жизненный мир. Самополаганием она охватывает устремления веры, значимые социальные связи, познание, жизненные ценности, сферу интимности, заботу о теле, способы сотрудничества и влияния на других, доступные деятельности, персональные достижения. Личность может самоопределяться в отношении к многомерным предпосылкам своего бытия: архетипическому наследию, природным способностям, культурному априори, иррациональным началам психики, общим условиям деятельности. Меры и качества самополагания в отношении к разным объектам могут меняться в диапазонах активности и реактивности, инициативы и ухода, принятия и отрицания, конструктивности и деструктивности, целостности и противоречивости, новизны и нормативности, вариативности и устойчивости, реализма и идеализации, власти и любви. Усилия и успехи самоопределяющегося Я образуют многокрасочную, яркую и динамичную картину самовозрастания личности.

Это «**измерение жизни как самополагания**», раскрываемое личностью в опытах самопричинности и активного Я-присутствия в текущем бытии.

Приведенная модель личности, взятой в различных измерениях жизни, является версией генеза и перспективы понятия «индивидуальная личность» в европейской культуре. Ее можно рассматривать также как модель **культурной динамики понятия «жизнь»**.

В целом, рассмотренные интегральные модели конституируют не только методологию «синтеза», но и методологию применения различных парадигм в познании личности, что может быть выражено в персонологии путем дальнейшего развития конкретных теорий и концепций личности на основе новых соотношений друг с другом. Культурная персонология высвечивает **происхождение парадигм** психологии личности, находя их истоки в «сквозных идеях» о личности в культуре.

Основываясь на культурогенезе познания личности, можно предположить, что персонологически перспективными будут следующие концепции, обладающие возможностями приобрести статус «личностных наук»:

- концепции трансцендентных функций личности;
- психоэкономические концепции личности;

концепции телесности и пола личности;
 концепции жизни личности;
 социальные концепции личности;
 культурные концепции личности;
 когнитивные концепции личности;
 нарративные концепции личности;
 психобиографические концепции личности;
 концепции «Я» личности;
 концепции жизненных отношений личности;
 концепции жизненных оппозиций личности;
 концепции сингулярности и множественности личности;
 концепции субъектности личности;
 концепции индивидуальности личности.

На наш взгляд, особой ценностью в аспекте единства герменевтики — теории — практики обладают те концепции, которые определяют жизненные контексты, отношения, противоречия и свободы личности. В своих пересечениях и взаимных включениях они могут способствовать становлению **персонологии жизни**.

Как отмечалось, парадигме «жизни» мы придаем особое психологическое и персонологическое значение. С одной стороны, это связано с тем, что «психология жизни» как самостоятельная область теоретических исследований и практики не приобрела должного развития в психологическом познании, несмотря на ее важность для решения актуальных задач помощи и поддержки индивида в его конкретных жизненных условиях. С другой стороны, персонология жизни обладает большим потенциалом для развития герменевтики, теории и эксперимента, ориентированных на раскрытие и повышение уровня индивидуальной жизни средствами консультирования и самопознания личности.

В следующих разделах рассмотрим ряд известных концепций, а также авторские теоретические модели, которые можно отнести к персонологии в парадигме «жизни». На первый план выходят модели **жизненных отношений** личности.

При моделировании осуществлялись референции к культурным источникам, применялся метод герменевтики и реконструкции культурогенеза жизненных феноменов личности. Получили новое теоретическое осмысление и интерпретацию классические идеи о жизни личности, использовался метод экспликации приемов индивидуального самопознания из философских, психологических и литературных текстов. Материалами моделирования выступили те жизненные реальности, которые наиболее часто выступают объектами устремлений, проблематизации, рефлексии клиентов в инди-

видуальном консультировании и нуждаются в глубоком теоретическом осмыслении (жизнь в целом, жизненное время, пространство, отношения, ситуации, события, свойства и возможности Я, феномены любви). Кроме того, приводятся модели некоторых жизненных функций и ресурсов личности, которые особо востребованы в поисковой, теоретической, практической и рефлексивной деятельности персонологов (мысль, слово, высказывание, диалог).

Отметим, что ряд моделей, из числа приведенных выше, также соответствуют содержанию и методам персонологии жизни, в частности, модели связей личности с жизнью, модели глубинных и культурно-исторических потенциалов личности-в-жизни.

11. Модели персонологии жизни*

Как мы видели, в определении своего предмета персонология исходит из множественных представлений, отражающих, в частности, европейский культурогенез идеи «личности» в ее постепенном обогащении значениями, смыслами и познавательными акцентами. Напомним, что примерную динамику содержаний этой идеи, освещенных в разновременных культурных источниках, можно представить следующим образом.

Личность — наружность, индивидуальное тело, таящее непознаваемую и неизъяснимую душу, занимающее незаместимое положение в пространстве и времени, доступное разнообразным изменениям, сокрытию личинами, превращениям в маски, во множественных «других». Личность — выдающийся человек, обладающий властью, вознесенный на вершину социальной иерархии, наиболее полно выражающий дух абсолюта и общности. Личность — исполнитель заданных обществом функций; предписаний и ролей, исповедующий принятие и следование коллективным представлениям, занятие predeterminedенного места в общественной структуре, служение и слияние с другими, ценность выражения «общего». Личность — принадлежность человека к различным категориям людей, объединенных сходными свойствами конституции, психики, поведения, социального положения, общественного признания, т.е. воплощение человеческих типов. Личность — внутренняя сущность человека, его «незная» душа, таинственный гений, невыразимая и не доступная другим индивидуальность, заявляющая о себе в творчестве и великих творениях. Личность — сознательное Я человека, соединяющее его глубинную душу с Духом как средоточием универсальных идей и идеалов, восходящее к высшим уровням бытия. Личность — человек рациональный и деятельный, активно познающий и преобразующий бытие, субъект, способный к самоопределению, полагающий себя во взаимодействии с другими, перспективно ориентированный, созидающий и продуктивный. Личность — «множественный» человек, встающий в отношения к другим людям, сознающий присутствие «других» в его «Я» и свое присутствие в «Я» других; выражающий себя в разных ипостасях; развивающийся как «коллективный субъект». Личность — конкретный, единственный,

* В разделе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта 9.01.0008 в рамках «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2009–2010 гг.

индивидуальный человек, проживающий неповторимую жизнь, обладающий уникальным телом и психической организацией, лично относящийся ко всему происходящему, совершающий персональный выбор и занимающий собственную позицию, обретающий аутентичность в самопознании и самовыражении.

В своей совокупности эти акценты в понимании личности, с одной стороны, обращены к «вершинным», онтологическим свойствам личности. С другой стороны, они основаны на допущении, что наряду с «возможным человеком» существует реальный человек, характеризующийся неповторимой телесностью, собственным вариантом развития, личным контуром жизненных противоречий, индивидуальным диапазоном и полнотой осуществления отношений к жизни, персональной мерой самореализации в предлагаемых жизнью условиях и ситуациях. В целом, приведенные определения личности намечают основные тематические контуры персонологии жизни.

В ее область могут быть включены исследования школы С. Л. Рубинштейна, посвященные личности как субъекту жизненного пути, исследования из области аналитической, индивидуальной, экзистенциальной, феноменологической и рефлексивной психологии, современные междисциплинарные исследования жизненного успеха, благополучия и состоятельности личности. Ключевыми моментами в персонологическом понимании жизни могут стать: придание «жизни» не только биологического, но также онтологического и психологического значения; усмотрение в «жизни» необходимого толчка, движущей силы, контекста и смысла личностного становления; поиск соотношения надличного, социокультурного, индивидуально-личностного уровней жизни; понимание личности в качестве Я, инициирующего воссоздание, изменение и обновление жизни. Особенно важно подчеркнуть **развивающее** участие и влияние личности на собственную жизнь и жизнь других людей.

При разработке персонологии жизни важно учитывать ее богатейшие предпосылки, заключенные в философских науках: философии жизни, онтологии, учениях о бессознательном, философском персонализме и экзистенциализме. Так персонологически важными являются следующие философско-психологические **определения жизни**, которые подчеркивают особенности ее человеческой индивидуальной формы.

А. Бергсон: Жизнь — это океан, в который мы погружены, увлекаемые жизненным порывом. Мы чувствуем, что наше существо сформировалось в этом океане как бы путем «локального затвердения»; мы не представляем собой самого жизненного потока, а являемся потоком, отягченным материей. Жизнь — это творческая эволюция;

жизненный порыв состоит по существу в потребности творить, т. е. внести в жизнь наибольшую сумму неопределенности и свободы. Жизнь относится к порядку психологическому, а психическое охватывает нераздельное множество взаимопроникающих элементов жизни. Мое сознание утверждает, что каждое из моих состояний жизни (ощущения, чувства, мысли) включает все другие, и я являюсь и множественным единством, и единой множественностью (21).

М.М. Бахтин: Жизнь — это последовательность живых событий отношений и наша борьба с собой за свободу относиться. Я являюсь субъектом активности видения, слушания, осязания, мышления, чувствования; я как бы выхожу из себя в своих отношениях и направлен вперед — на себя, на мир, на объект; речь идет не о гносеологической, а о жизненной корреляции меня — единственного субъекта отношений и всего остального мира. Основными событиями жизни являются мое вживание, вчувствование, самопереживание, сопереживание, самосознание, самовыражение, самоопределение в перспективе будущего (19).

С.Л. Рубинштейн: Жизнь — момент бытия, всеобщего существования. «Жизнь» — это уходящая вглубь, в бесконечность способность находиться в процессе изменения, становления, дления, пребывания, изменения» (127; 281). Человек должен быть взят внутри жизни как в нее проникающий, ее охватывающий, встающий над ней и превосходящий ее. Жизнь могуча, бесконечно разнообразна и чревата всем добрым и злым, и у человека, в конечном счете, есть одно дело в жизни: самому вносить в нее, сколько можно, красоты и добра. Личная жизнь — самое богатое, самое конкретное, включающее в себя как единичное многообразие, так и иерархию все более абстрактных отношений. Исходным условием моего существования является жизнь других личностей, обладающих сознанием. Все Я равны в жизненном процессе и Я, как сознательное существо, являюсь, наряду с другими, субъектом жизни (127).

М.К. Мамардашвили: Жизнь — это путь человека к себе через разрешение противоречий и достижение единства, неразделимости индивидуального бытия. Это упорядочивание сознанием происходящего, возможность иной жизни, опыт личного участия, понимания, усовершенствования жизни. Жить — значит временить, длить, не завершать, предстоять, обладать перспективой. Подлинным даром жизни является способность человека переживать и сознавать полноту присутствия, способность «расшифровки жизни» и создания текста жизненного пути. У человека нет «царского пути», нужно его собственное движение в мире путем риска, путем отклонений, путем раскрытия в себе «совершенного человека» (86).

Обобщая ценные идеи о сущности жизни личности, получаем следующий континуум определений:

- жизнь — это способ, которым личность соединяется с миром;
  - индивидуальный порыв к бытию, пробуждающий и реализующий желания и устремления личности;
  - усилие личности во времени и пространстве;
  - способность в каждый следующий момент мочь что-то иное;
  - движение к тайне бытия, к неизвестному, глубинному, своей неизвестной «родине»;
  - непрерывное чувствование личностью собственного существования;
  - движение к тому, чтобы «быть у себя», «совпасть с собой»;
  - упорядочение, разграничение оппозиций, гармонизация и преодоление границ существования;
  - вызов к активному существованию того, к чему личность встает в отношении;
  - становление, дление, непрерывность, самовоссоздание Я личности;
  - возможность присоединиться, «впасть», пережить какое-то вечное состояние;
  - пересечение и соединение с множеством других жизней, реализация многих вариантов бытия, продление своего бытия в бытии других людей;
  - несовпадение личности с собой, опережение себя, пред-полагание себя в будущем.
- Следующим шагом в построении персонологии жизни является концептуальное обращение к миру, в котором живет личность, или разработка проблем **топологии** жизни.

Модель топологии жизни

Мир «предсуществует» личности, в мир она призвана и вовлечена, в мире активно участвует и находит возможности для своего жизненного развития. Эти возможности сосредоточены во многих «топосах», или средах, или **пространствах** жизни. Речь может идти о едином мире личности, образованном множеством пространств, где осуществляется процесс индивидуального становления и самоопределения.

Пространства жизни в соотношении с личностью различаются степенями известности — неизвестности, доступности — недоступности, значимости — незначимости, освоенности — неосвоенности, открытости — закрытости, свободы — ограничений, конструктивных — деструктивных влияний. Пространства детерминируют лич-

ность, выбираются или отвергаются ею, изменяются и создаются ее усилиями. Они дифференцируются личностью и могут быть собраны ею в свое собственное «место бытия». Пространства локализуются для личности внешне и внутренне, «вне меня», «во мне», «в других». Пространства могут быть дальними, ближними, непосредственно освоенными и принадлежащими личности. Например, пространство мировой культуры дано личности как существующее независимо от нее. Определенные предметы этой культуры могут быть вовлечены в деятельность личности, т. е. могут составлять ее ближнее культурное пространство. Субъективно значимые и освоенные содержания, формы и практики культуры рефлексивно адресуются и реализуются Я, образуя внутреннее культурное пространство. В творческой деятельности личность может изменять состояние культуры, определять ее будущее, т. е. участвовать в создании дальнего культурного мира.

Присутствие и активность личности в разных жизненных пространствах можно исследовать и оценивать посредством следующих категорий:

«положения» (где личность находится?);

«позиции» (что здесь личность может, хочет, делает?);

«места» (что здесь личности дано, что она создает, на что влияет, что значит для себя и других?);

«укорененности» (где она находит опору, силы, условия для творчества и продолжения жизни?);

«границы» (где находится для личности раздел «этого» и «иного», «своего» и «чужого», «моего» и «другого», «данного» и «скрытого», «желанного» и «опасного»?);

«безграничности» (куда устремляются свободный жизненный порыв и вера в бессмертие?).

Пространства жизни личности и их образующие могут быть охарактеризованы и структурированы таким образом.

Пространство телесности: тело; наружность; расширенное тело как тело движущееся, действующее, воздействующее, оставляющее следы в других телах и вещах. Возрастные изменения тела. Ощущения, образы, переживания, смыслы телесности. Чувство телесного комфорта. Телесные способности. Телесные признаки здоровья и болезни. Порождающая способность и продуктивность тела. Наружность, облик, экспрессия, пластика тела. Эстетика тела, производная от образов других-для-Я, Я-для-других и Я-для-себя. Природная среда, окружение, природные воздействия и влияния на тело. Сопричастность тела природе.

Духовное пространство: знания, идеи, мировоззрения; человеческие идеалы; высшие чувства. Эстетические, религиозные, нрав-

ственные, интеллектуальные ценности. Идеальные формы любви, самопознания, творчества, поступка. Образы и идеи совершенного человека, общества, государства, труда, языка, отношений между людьми. Высокие каноны и символы мифа, искусства, науки, литературы, образования, воспитания. Духовно-смысловые ориентиры индивидуальной жизни.

Культурное пространство: тип культуры, к которой принадлежит и с которой соотносит себя личность; история этой культуры; культурное наследие, традиции. Духовные истоки культуры. Предметно-фигуративные и сигнификативные образующие культуры. Понятийное, образное, эмоциональное содержание культуры. Телесно-пластические формы культуры. Культурные отношения и практики людей. Культурная обстановка индивидуальной жизни. Культурные вкусы и стили жизни. Моно- или поликультурные условия жизни. Основные культурные источники познания, творчества, самопознания личности. Выдающиеся, авторитетные субъекты культурного развития личности.

Социальное пространство: мир других людей, общественных отношений, отношений личности с конкретными другими. Определенный социум, к которому принадлежит личность; его история, актуальная динамика. Коллективное сознание и бессознательное. Общности, группы, референтный круг, с которыми идентифицирует себя личность. Род и семья личности. Значимые и близкие другие. Другие, влияющие и «вкладывающие» в становление личности. Социальные идентичности личности. Социальные роли, сферы и результаты активности личности. Нормы, регламенты, формы, ценностный вес ее социальной деятельности. Оценки личности со стороны других. Общественное признание и статус личности.

Пространство деятельности: виды деятельности, в которые включена личность; ее доминирующие деятельности. Традиции, каноны, новации в осуществляемой деятельности. Ведущие способы и средства деятельности; взаимодействия с другими при осуществлении деятельности. Авторитеты в деятельности. Личные результаты и достижения в деятельности. Соотношение внешних и внутренних действий в контексте деятельности. Творческие формы деятельности. Соотношение совместности и индивидуальности деятельности. Социокультурная история и перспективы деятельности.

Внутреннее пространство: непосредственная данность «внешних» пространств личности в сознательных и внесознательных эмоциях, ощущениях, чувственных образах и «психической ткани» движений. Место сознательной динамики сложных образований душевной жизни: чувств, образов представлений, мыслей, интуиций,

символов. Интенции сознательной жизни: желания, актуализация возможностей, мотивы, замыслы, намерения, смыслы. Целостная структура сознания.

Рефлексивно-феноменологическое пространство личности: рефлексивные акты, порождаемые Я, возвращаемые Я, строящие «Я», осуществляющие и утверждающие Я в мире. Феномены самопознания в измерениях «мне», «мое», «у меня», «во мне», «со мной», «мною» (102) или «Я», «у себя», «в себе», «для себя», «собой». Единый образ, символ, идея «Я». Внутренний текст истории «Я» и собственной жизни. Отношения личности как интегралы сознательно-рефлексивной активности Я. Установки, когниции, переживания, позиции, творчество Я в деятельных связях личности с природой, культурой, обществом, другими, собой. Рефлексивные основания поступков личности.

Пространство бессознательного: глубинная чувственность, влечения и фантазии, сновидения и видения, проекции и интроекции, комплексы, защиты и «сценарии».

Трансличное пространство: представленность свойств личности, ее активности и отношений, созданных ею вещей, текстов, изображений во внешних и внутренних мирах других людей. Созданный личностью дизайн среды (дома, ландшафта, интерьера) жизни Другого. Взгляды, жесты, прикосновения и движения, запахи и ароматы, внешность и признаки пола личности, запечатленные Другим. Действия и поступки личности, адресованные, отраженные и принятые Другим. Целостный образ личности во внутреннем мире Другого. Самопознание личностью себя-в-Другом. Познание личностью Другого и его образ во внутреннем мире личности. Идентификация личности с Другим-в-себе. Раскрытие личностью Другому своего видения, понимания его. Включение Другим образа себя-личности в собственное «Я»; действия и поступки Другого на основе «отраженного Я».

Пространство влияний и вкладов: значение, ценность, признание личности в мирах других людей. Сделанное, созданное, совершенное личностью в обществе, культуре, сфере производства, гуманитарной сфере. Авторские продукты, произведения, тексты, принятые другими как условия их развития. Статусы известности, значимости, знаменитости, присвоенные личности социумом. Длительность и перспектива влияний личности на внешний мир. Душевные, духовные, деятельные «следы» личности в жизни многих людей. Последствия деяний личности для актуальной и предстоящей жизни других. Побудительные, интеллектуальные, эмоциональные, смысловые, практические «инвестиции» личности в собственное

развитие. Созданное и сделанное личностью в процессах ее самополагания.

Пространство Высшего: область тайны, благоговения, жизненного порыва, жизненного восхождения, творчества, трансценденции личности. Мир Абсолюта: Бога, Разума, Логоса, Космоса, Универсума. Основание веры личности в бесконечность бытия, вечность мира и бессмертие души.

Знание о пространствах, в которых протекает индивидуальная жизнь и которые в своих соединениях образуют в каждый момент бытия объективное и субъективное «место личности», может быть в перспективе обобщено в особой области персоналогического поиска — **топологии жизни личности**. Ценнейшим опытом такого поиска является труд «Психологическая топология пути» М. К. Мамардашвили.

Одной из центральных проблем топологии жизни является соотношение пространств внутреннего и внешнего пребывания личности здесь-и-сейчас. Например, то, что образует сейчас мое внешнее место присутствия (ландшафт, дом, предметы, занятия, другие люди), может не совпадать с моим внутренним местом: содержанием чувств и фантазий, впечатлений и воспоминаний. Подобное несовпадение прекрасно описано у М. Пруста, уловившего одновременность пребывания человека в обыденной предметной ситуации (дом, привычное чаепитие) и во внутренней ситуации необычайного всплеска чувств и таинственного рождения образа, далекого от реального местоположения субъекта. «Удрученный мрачным сегодняшним днем и ожиданием безотрадного завтрашнего дня, я машинально поднес ко рту ложечку чая с кусочком бисквита. Но как только чай с размоченными в нем крошками пирожного коснулся моего неба, я вздрогнул: во мне произошло что-то необыкновенное. На меня внезапно нахлынул беспричинный восторг. Я, как влюбленный, сразу стал равнодушен к превратностям судьбы и безобидным ее ударам, к радужной быстролетности жизни... Откуда ко мне пришла всемогущая эта радость? Я ощущал связь меж нею и вкусом чая с пирожным, но она была бесконечно выше этого удовольствия, она была иного происхождения. Откуда она ко мне пришла? Что она означает? Как ее удержать?... Я пью еще одну ложку... сила напитка уже не та. Ясно, что искомая мною истина не в нем, а во мне... Я оставляю чашку и обращаюсь к своему разуму... Я требую от него, чтобы он сделал усилие и хотя бы на миг удержал ускользающее ощущение... Я убираю от него все лишнее, приближаю к нему еще не выдохшийся вкус первого глотка и чувствую, как во мне что-то вздрагивает, сдвигается с места, хочет вынырнуть, хочет сняться

с якоря на большой глубине; я ощущаю сопротивление и слышу гул преодолеваемых пространств... И вдруг воспоминание ожило. То был вкус кусочка бисквита, которым в Комбре каждое воскресное утро угощала меня, размочив его в чае, тетя Леония. ...И, как в японской игре, все цветы в саду моего детства, все почтенные жители города, их домики, церковь — весь Комбре, все, что имеет форму и обладает плотностью, — выплыло из чашки чаю» (110; с. 42).

Интереснейшая проблема топологии жизни — изменение **масштаба** и **границ** пространств индивидуального бытия благодаря их самодвижению и активности, самопознанию, саморазвитию личности. Объективные и субъективные пространства могут наполняться и опустошаться, обогащаться и редуцироваться, расширяться и сужаться, достигать целостности и распадаться на элементы, иметь гармоничную и дисгармоничную архитектуру, быть местом развития или застоя, творчества или деструктивных действий личности. Границы пространств жизни личности могут объективно, субъективно и феноменологически раздвигаться, увеличиваться и уменьшаться, пересекаться, преодолеваться, устраняться, создаваться, стираться. Могут быть прозрачными или трудно проходимыми, притягательными или отталкивающими, близкими или дальними. Например, такие феномены, как «одухотворение внутреннего мира», «одушевление телесности», «персонализация», «просветление душевного мира», «внутренняя пустота», «уход в себя», «расширение сознания» связаны с изменениями масштаба и динамикой границ жизни личности.

Перечисленные разновидности пространств жизни и сдвиги их границ могут рассматриваться как **критерии** оценки и **параметры** изменений топологии в исследованиях, диагностике, интерпретации и коррекции личности. По этим критериям и параметрам могут быть определены:

- пространственные доминанты жизни личности;
- сравнительное развитие и освоение личностью разных пространств;
- личностная организация «целого» пространств жизни;
- развивающие и негативные эффекты взаимосвязей разных пространств;
- нормальная или патологическая динамика разных пространств;
- «вес» внешних и внутренних пространств в мире жизни личности;
- противоречия в развитии разных пространств жизни личности;

- соотношение внешних и внутренних причин динамики пространств;
- интенции личности к преодолению границ жизненных пространств;
- субъективные влияния личности на разные пространства жизни;
- активность личности, направленная на интеграцию пространств;
- творческое самоопределение личности во множестве пространств.

Поступательный жизненный процесс обеспечивается динамикой пространственных **положений** и **позиций** личности, в которых она, вовлекаясь в движение жизни, пребывает в ее потоке, спонтанно и направленно координирует ее сознательное и бессознательное течение, встает в деятельное и рефлексивное отношение к ней и в своей творческой сущности обновляет мир и жизнь. В богатстве философско-психологических учений о бытии можно обнаружить темы, касающиеся разнообразия **способов проживания жизни**, сочетающих определенные положения и позиции личности.

Модель способов проживания жизни

Различение некоторых способов проживания находим у **С. А. Рубинштейна** (127). Следуя его идеям, можно дать их следующие описания (149).

«**Растворение**» в текущей жизни. Сознание личности следует за наличными ситуациями и событиями, происходящими здесь-и-сейчас, оперирует в основном актуальными впечатлениями, переживаниями, представлениями. Личностная ретроспектива жизни относится, главным образом, к недавнему прошлому, а перспектива — к ближайшему будущему. «Я» осознается источником сильных желаний и связанных с ними эмоций и аффектов. Спонтанность и свобода их проявления создают у других впечатление особой энергичности и экспрессивности личности. При этом она отчуждена от самопознания, что способствует множественным отождествлениям с другими людьми. Такая личность может быть любителем удовольствий, приходящих из внешней жизни, человеком, увлекаемым жизнью других людей, или трепетно следящим за собственными ощущениями, эмоциями и фантазиями. «Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение — это отношение к определенным явлениям, а не к жизни в целом. Отсутствие такого отношения к жизни в целом связано с тем, что человек не выключается из жизни, не может занять мысленную позицию вне ее для рефлексии над ней» (127; с. 351).

Деятельная жизнь. Сознание постоянно ищет и находит способы эффективной реализации деятельности. На основе осознания личностью совершенных действий, мотивации и возможностей Я деятельность осуществляется направленно, планомерно и результативно. В ней присутствует отдаленный и ближний опыт, а также краткосрочные и пролонгированные прогнозы ее результатов и личностных достижений. Деятельность сосредоточена, как правило, на узкой предметной области, но при доминирующей установке на внешние объекты она предполагает и постоянные обращения личности к себе с целью формирования образа Я-деятеля. В этом образе отражены, в основном, эффекты отождествления себя с определенной функцией и ролью в социуме. Деятельность обуславливает расширение сферы общественных и индивидуальных значимостей личности и соответственно увеличивает масштаб охвата ею объективного и субъективного мира. «Каждая сфера функций и каждая сфера деятельности несет в себе соответствующую ей систему значимости. В деятельности человека по удовлетворению непосредственных общественных потребностей выступает общественная шкала ценностей. В удовлетворении личных потребностей через посредство деятельности реализуется отношение индивида к обществу и соответственно соотношение личностно и общественно значимого» (127; с. 368).

Рефлексивная жизнь. Это реализация сознательной позиции личности, состоящей в том, чтобы встать над проживаемой жизнью, понять закономерности бытия, максимально осуществиться. Активная внешняя и внутренняя деятельность личности опосредована наблюдениями за собой, осмыслением себя и привлекательным самовыражением. За счет единой ориентации на себя и на внешний мир личность способна уловить больше ценных свойств объектов и субъективных возможностей освоить их, чем при нерефлексивной позиции. Рефлексия становится причиной и условием углубляющихся и расширяющихся связей личности с миром и с собой. Жизнь, опосредованная рефлексией, не просто протекает или наполняется извне, а ответственно создается, проживается и «собирается во времени» самой личностью. Рефлексия «как бы приостанавливает, прерывает непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. Человек занимает позицию вне нее... Сознание выступает здесь как разрыв, как выход из поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней» (127; с. 351).

Творческая жизнь. Индивидуальное сознание достигает уровня общезначимости благодаря высокой жизненной активности лично-

сти, искусной рефлексии и производству новых, уникальных продуктов деятельности. Рефлексия и продуктивность способствуют актуализации обширных интуитивных содержаний с их мощной силой спонтанности. Сильное, зрелое Я раскрывает лучшие потенциалы психической жизни, развивает и реализует неординарные способности, влияющие на деятельность как самой личности, так и множества других людей. Основой всех отношений к жизни становится творчество, устремленное в далекое будущее и непостижимо соединяющее личность с культурой, культурной историей бытия. «Человек включен в бытие своими действиями, преобразующими наличное бытие. Этот процесс — непрерывная серия цепных взрывных реакций: каждая данность, или наличное бытие, взрывается очередным действием, порождающим новую данность нового наличного бытия, которое взрывается следующим действием человека» (127; с. 341).

Продолжая концептуальное обоснование «способов жизни» личности, предлагаем их новую **модель**, акцентирующую специфику, взаимные пересечения и синтез способов в направлении **жизнеутверждения**. Выделенные способы характеризуются определенными качествами проживания. Учитывается, что в качественном отношении жизнь может быть:

телесная — психическая — духовная;
 бессознательная — сознательная — сверхсознательная;
 созерцательная — мыслительная — практическая;
 иррациональная — рациональная — рефлексивная;
 репродуцирующая — воссоздающая — творческая;
 рецептивная — адаптивная — неадаптивная;
 спонтанная — произвольная — свободная;
 бессубъектная — моносубъектная — полисубъектная;
 индетерминированная — детерминированная — самодетерминированная;
 ретроспективно — актуально — перспективно ориентированная;
 эго — коллективно — диалогически направленная;
 слитная — дифференцированная — целостная;
 хаотичная — организованная — самоорганизующаяся;
 бессмысленная — неосмысленная — смыслонаполненная;
 изменчивая — противоречивая — устойчивая;
 оборванная — завершенная — длящаяся.

В зависимости от соотношения указанных качеств, на основе герменевтики релевантных философско-психологических текстов (19; 21; 86; 126; 127; 131; 173; 175; 180; 181) выделяются следующие способы жизни.

Жизнь-поток: спонтанное, неосознаваемое или слабо осознанное движение жизни, увлекающее, несущее человека, вызывающее у него чувство неподвластности и стремительности жизненных изменений. Слитность, неделимость моментов жизни, поглощенность человека набегающими извне событиями, ситуациями или своими внутренними состояниями. Переживание вдохновения, жизненно-творческого порыва, нахождения «в струе жизни», полного совпадения «себя» с происходящим.

Жизнь-путь: осознание, наблюдение, вспоминание, осмысление, построение жизни. Субъективное разделение жизни на моменты, этапы, периоды; различие человеком собственных изменений во времени. Чувство движения вперед, видение отдаленной перспективы, устремление к идеалу и своему предназначению, совершенствование деятельности, общественная ориентация, ценностное самоопределение, целевая направленность жизнедеятельности, преемственность и поступательность смысловой динамики. Понимание бесконечности Жизни и относительности завершения своего пути.

Жизнь-опыт: интенсивное внутреннее проживание личностью текущей жизни, осознание и запоминание значимых жизненных моментов, соотнесение их со своим Я. Вчувствование, вживание, рефлексия, активное внимание и отношение к своей жизни в прошлом и настоящем. Поиск и развитие связей своей жизни с жизнями других людей. Проблематизация жизни, раскрытие ее противоречий, разрешение жизненных проблем. Соединение в жизни рационального познания, самопознания, символизации и воображения. Принятие культурно-исторического опыта понимания и истолкования жизни. Нахождение «личной формы» жизни и ее интерпретации.

Жизнь-усилие: активное осуществление и воспроизводство жизни на основе внутренней и внешней деятельности и поступления. Воссоздание жизни в продуктивных действиях. Жизненная инициатива, поиск жизненных возможностей и ресурсов, способность «собрать себя» в напряженном жизненном действии. Максимум присутствия и участия в жизни, открытость к жизненным вызовам, противоречиям, «взрывам жизни». Многоплановая работа по обновлению жизни. Установление в активном сознании и преодолении себя единства прошедшей, текущей и наступающей жизни. Достижение полноты актуального проживания в контексте единой жизни.

Жизнь-произведение: отношение к своей жизни как области, процессу и предмету творчества. Осознание себя автором, «режиссером», исполнителем собственного жизненного пути. Придание своей жизни культурной формы (жизнь мыслителя, художника, дея-

теля, ученого, героя). Стремление достичь завершенности, совершенства, эстетического идеала жизни, которые будут высоко оценены потомками. Воплощение «Я» в литературном жизнеописании, искусно написанном тексте о своей жизни. Отмеченность жизни творческими свершениями, создающими траекторию уникального восхождения на уровень жизни-шедевра, который войдет в историю культуры.

Жизнь-текст: внутреннее построение жизни в форме рефлексии и рассказа личности о себе и происходящем с ней. Ценность диалогов личности с собой, с другими, с Другим, с другими-в-Я, с Я-в-Другом и своей жизнью. Искренний, исповедальный, оценочный настрой личности. Самовыражение в рефлексивных текстах (дневниках, мемуарах, литературных автобиографиях, исповедях). Пребывание в ипостасях героя, автора, интерпретатора своего текста жизни. Превращение собственной жизни в «живой эквивалент» мифологических, эпических, литературных сюжетов и историй. Отражение в текстах осознанных состояний, содержаний, процессов своего внутреннего мира. Смещение жизни в сферы дискурса, рефлексии, текстового обмена с другими. Создание авторского внутреннего текста интерпретации или «чтения» жизни.

Жизнь-путешествие: проживание жизни в непрерывном освоении и расширении внешнего и внутреннего пространства. Открытость к жизненным трудностям и самоиспытаниям. Преодоление границ наличной жизни, встречи с внешним и внутренним неизвестным, отношение к жизни как приключению. Насыщенная, активная событийная динамика жизни. Освоение различных культурных форм, стилей жизни. Проживание во многих образах, ролях, языковых мирах, служащее разнообразию и обновлению жизни. Творческое погружение в тайны внутреннего мира, встречи с бессознательным, поиск подлинного «Я». Обретение спутников и учителей на пути к самому себе.

Приведенные характеристики способов проживания, соотношенные с характеристиками пространств жизни, могут выступать в персоналогии жизни ориентирами индивидуализации и возможной полноты, разнообразия бытия личности. Образ индивидуальной жизни в контексте приведенной модели предстает как становление, изменение, смена и единство ее различных способов. Эта «идея» модели представляет собой новый взгляд на множественность форм жизни, а также новый прием интерпретации жизни и «диагностики» ее состояния, отвечающие актуальным проблемам индивидуального консультирования в аспекте поддержки клиентов и саморазвития консультанта.

Важным моментом в разработке персоналогии жизни является концептуальное обращение к жизненному **времени** личности.

Модель хронологии жизни

Изучение личности в соотношении со временем жизни дополняет топологию индивидуального бытия его **хронологией**. В плане ее построения большой ценностью обладают философско-психологические положения о времени индивидуальной жизни, содержащиеся в трудах М. Хайдеггера, С.Л. Рубинштейна, М.М. Бахтина, М.К. Мамардашвили, Н.Н. Трубникова, К.А. Абульхановой. Мы предлагаем интерпретацию этих положений, акцентируя идеи о времени **Н.Н. Трубникова** (161). Особенностью его подхода является применение философских определений и характеристик времени как всеобщего свойства бытия к изучению временного измерения конкретной человеческой жизни, а также обогащение идей о времени на основе исследования отношения индивида к временной динамике своего существования.

В приводимой ниже **модели** жизненного времени личности систематизируется ряд идей хронологии индивидуальной жизни, намечаются расширенные «наборы» параметров анализа временных характеристик жизни, качеств жизни, определяемых временем, модусов проживания трехмерности времени, форм отношения личности к времени жизни, видов субъективных отклонений в проживании времени. Значимость этих параметров определяется возможностью их применения для создания новых методик исследования, рефлексии и консультирования личности в аспекте развития ее связи со временем жизни.

1. Время остается чуждым началом жизни до тех пор, пока люди не начинают мало-помалу постигать истинную свою связь с миром, себя как часть мира и истинные результаты своего существования и деятельности в мире. Человеку открывается свойство мира **«временить»**, т. е. длиться и становиться, изменяться и пребывать, находиться в состоянии «бытия».

2. Постепенно человеком осознается производность такого общего условия жизни, как время, не только от «чуждых» структур внешнего мира самого по себе, но и от способов и форм собственного отношения к миру, от своей собственной деятельности. Не только объекты мира могут «временить» и выступать «временными объектами», но и сам человек является важнейшим **временным объектом**, способным порождать **временные события** и вливаться в общий временной континуум бытия.

3. Человек начинает осознавать истинную меру собственного единства и родства с природой, с миром, осознавать самого себя как

форму этого мира, а процесс социальной жизни как продолжение саморазвития природы. Человек включает в определение мира и себя «идею человека» и рассматривает человеческое существование как продолжение самого этого мира, как одну из восходящих форм его самоосуществления. Осознавая собственное существование во времени, человек начинает полагать себя **субъектом**, не только находящимся во временном потоке, не только отражающим временную динамику жизни, но и воздействующим на время и умеющим создавать его. Объективное время, в отношении к которому человек может выступать субъектом, — это время физическое, биологическое, социальное, культурное, духовное и психологическое.

4. Для человеческого отсчета времени необходима такая идея человека, образ которой мы носим в наших сердцах, чтобы время нашего бытия действительно принадлежало каждому из нас, как сейчас мы, не научившиеся принадлежать самим себе, принадлежим времени. Простая длительность течения индивидуальной жизни может быть неизмеримо умножена субъективными усилиями восхождения и достижения человеком более высоких уровней бытия, где время стремится к бесконечности. Различение **объективного и субъективного** (внутреннего, индивидуального) времени, самоопределение в нем расширяет возможности конкретного человека в плане наполнения и продления времени человеческого мира.

5. В представлениях человека о времени постепенно дифференцируются множественные **временные характеристики** объектов и явлений мира, бытия, индивидуальной жизни. Это длительность и протяженность, непрерывность и фрагментарность, последовательность и одновременность, временная локализация, ритмичность, временная близость и удаленность, скорость, равномерность и неравномерность, временная относительность, синхронность.

6. Субъективный план временного проживания жизни связан с развитием индивидуального сознания, самосознания, Я, рефлексии. В актах самосознания, включенного в деятельность, человеку дается актуальное состояние Я, знание об его отличиях от предшествующих состояний и предчувствие или знание о его влияниях на предстоящие состояния. Эти разрывы непрерывности душевной жизни, осознание границ и смены Я-состояний, сознание отличий себя от самого себя в каждом моменте существования определяют течение внутреннего времени жизни. **«Я»** в сознании и действии выступает **творцом времени**.

7. Индивидуальная жизнь имеет **качества**, определяемые одновременным присутствием человека в объективном и субъективном времени, а также активностью его обращения с объектами внешних

и внутренних пространств. Это жизнь наполненная или опустошенная, интенсивная или отложенная, напряженная или бессильная, непрерывная или разорванная, необратимая или обратимая, монотонная или разнообразная, быстрая или медленная, становящаяся или застойная, целостная или фрагментарная, конечная или вечная.

8. В сознании человека устанавливаются связи прошлого, настоящего и будущего мира и жизни, т. е. конституируется **трехмерность времени**. Границы, взаимные переходы временных измерений могут проживаться личностью в разнообразных субъективных модулях, соотношенных с разными внешними и внутренними объектами и событиями. Это прошедшее — длящееся — наступающее; уходящее — происходящее — приближающееся; ушедшее — актуальное — перспективное; утраченное — наличное — возможное; осуществленное — существующее — предстоящее; далекое — близкое — отдаленное; раньше — сейчас — позже; вчера — сегодня — завтра, тогда — теперь — скоро и т. д.

9. Связи и специфика трех времен объективного и субъективно-бытия ярко даются человеку в особых, иногда парадоксальных, **идеях**: «иду в будущее по следам своей памяти», «есть только здесь-и-сейчас: прошлое исчезло в нем, а будущего еще нет»; «наступающее будущее непрерывно поглощается прошлым», «приятное времяпровождение должно длиться дольше», «Я сам — это и есть время», «у разных событий — разное время», «время — колесо, движущееся по стреле временной горизонтали, пересекаясь в каждый момент с временной вертикалью», «на временной вертикали — события, которые длятся вечно». Эти идеи, включенные в контекст обращения личности со временем, могут сами менять субъективное проживание времени.

10. Связь человека со временем обеспечивается данностью, осуществлением и изменением времени в желаниях, памяти, ощущениях, восприятии, переживаниях, воображении, мышлении и интуиции. Во временной динамике психической жизни поступательно формируются образы времени, понятие времени, символы времени, чувство времени. Благодаря психической, **осознанной** форме «производства» времени и оперирования временем жизнь дается человеку не как сплошной «поток», а как «ход» или «путь», который может быть определен активностью и отношением самого человека.

11. **Отношение к времени** своей жизни может осуществляться в формах внимания, осознания, вчувствования, оценки, понимания, рефлексии. Взаимосвязь и реализация этих форм определяют разнообразные практики обращения личности со временем. К ним относятся: контроль, учет, распределение, организация, остановка,

ускорение, потеря, обретение, наращивание, преодоление дефицита, резервирование, растрачивание, увеличение, растягивание, уменьшение, избегание цейтнота, раскрытие перспективы. Время может быть посвящено человеком себе, близким другим и дальним другим. С другой стороны, его время может создаваться, регулироваться, умножаться или сокращаться другими людьми так, что в своем времени он может быть не волен. В связи со своим жизненным временем человек может познавать и развивать себя в качестве его объекта, носителя, обладателя, субъекта и создателя.

12. В своем отношении ко времени своей жизни личность, отмечает М.М. Бахтин, не вся пребывает «во» времени. Она оказывается «вне» и «над» временем, «объемлет» время, поскольку ее жизнь в мире движима **смыслом**, трансцендирующим Я за границы текущей жизни. «Я как субъект акта, полагающего время, вне-временен» (18; с. 132). Обладая смыслом, указывающим на ценностную (познавательную, эстетическую, этическую, религиозную) значимость объектов внешнего или внутреннего мира и субъективное отношение к ним, личность не совпадает с собой, попадает во время Духа и Культуры, обладающее надличной природой. Приобретенный смысл — «интуитивно переживаемая мной, владеющая мной лазейка прочь из времени, из всего данного, конечно-наличного — я воочию не переживаю себя всего в нем» (Там же).

13. Всякое движение человека во времени означает преобразования, вызванные или совершенные им в тех или иных пространствах жизни. Это изменение «топоса», занимаемого личностью в данный момент бытия, связанное с субъективными влияниями на состояние окружающих людей, существ, вещей, знаков, текстов, образов, символов, понятий. Объективная и субъективная динамика мест жизни, существующих на пересечении разных пространств, представляет собой сложный **«хронотоп»** личности, соотношенный с присутствием здесь-и-сейчас, с длящимися жизненными ситуациями, с большими жизненными периодами и с жизнью в целом.

14. Феномены проживания времени приобретают в сознании и творчестве людей **метафоры**, сближающие временные и пространственные характеристики и выражающие, прежде всего, символические представления о субъективном времени. Это, например, поэтические образы мелькнувшего события; промелькнувшей жизни; недавнего, но далеко ушедшего; тянущегося или быстро пробежавшего дня; томительно идущего времени; стремительно исчезающего времени; растворения во времени; сплошного потока времени; растяжимого времени; текучего и просачивающегося времени; времени «моего» и «чужого»; времени, уносящего жизнь;

подаренного или украденного времени. Особенно интересна метафора застывшего или «запечатанного» времени. Она связана с пространственным в европейской культуре представлением о существовании «скрытого времени» в созданных человеком вещах, т. е. о времени, «ставшем пространством». Отсюда метафоры остановленного, отвердевшего, окаменевшего, овеянного, «сгущенного» времени. Дворцы, храмы, остатки городов, старинные рукописи, древние одежды и украшения являются хранителями тайны длившихся и протекших когда-то событий творения и использования этих вещей. Мы знаем, что возможно развоплощение скрытого времени, когда личность становится восстановителем, досоздателем, реконструктором, созерцателем или даже сновидцем старинной вещи, вновь развертывая время ее существования и умножая собственное время жизни. «Ступками» времени выступают для личности и духовные формы культуры, включая символы.

15. В понятиях, символах, метафорах времени отражены **субъективные отклонения** в проживании времени реальных событий, данных личности в восприятии, представлениях, мышлении и интуиции. К примеру, отклонения во времени событий при их данности в представлениях состоят в следующем:

- непрерывность прошлой жизни субъективно разделяется в представлении на прерывистое время отдельных значимых событий;
- в представлении о прошедшей жизни могут ошибочно локализоваться события, а именно — более ранние подставляются на место более поздних и наоборот;
- события, представленные в образной ретроспективе как быстрые, реально занимали собой длинные отрезки времени;
- в представлениях о протекшей жизни какие-то ее события сближаются, несмотря на большую временную дистанцию между ними;
- в репрезентации прошлого близкие события оказываются оторваны друг от друга, будто между ними существовала «временная пропасть»;
- длительное время истекшей жизни, наполненной событиями, сменяется образом некоторых субъективно сближенных во времени ключевых событий;
- последовательность осознанных прошлых событий представлена как «происшедшее разом»;
- длительность многих протекших событий дана в представлении как «единый миг»;
- в представлении о будущем одновременно дано то, что затем развернется в последовательность событий;

– быстрота, летучесть воображаемых событий при их переходе в форму действительности может превратиться в развернутую длительность;

– никогда не бывшие события обретают время существования в сновидениях и фантазиях;

– в представление о конечности собственной жизни вплетается переживание «растворения в вечности»;

– события текущей жизни утрачивают в представлении сознательный временной аспект и субъективно перемешиваются во «временном хаосе»;

– монотонная, однообразная жизнь дается в представлении как «неподвижная во времени»;

– жизнь, полная событий творчества, представлена как «объемлющая тысячелетия».

16. Конечность времени человеческой жизни относительна в связи с возможностью **продления бытия** личности в сознании и деятельности других людей. Формы этого продления — продуктивные вклады и духовные влияния личности; ее представленность во внутреннем мире других как значимого, любимого человека, как идеала и образца; ее незримое вдохновляющее присутствие в стремлениях, действиях и поступках, в воображении и импровизациях других. Это также присутствие «Я» личности в «Я» других людей; деяния, произведения и свершения других, посвященные личности; факты превращения личности в героя рассказов, историй и повествований других. Это продолжение существования авторских текстов личности в их интерпретации и творческом развитии другими авторами; это помещение впечатлений, воспоминаний, идей о личности в символические предметы, значимые в жизни других.

Лучшее, связанное с личностью, ею порожденное, являющееся ценностью для жизни множества людей, получает длительное существование во времени культуры.

Модель жизненных отношений личности

При персонологическом исследовании жизни принципиальное значение имеет раскрытие ее тонкого строения или **архитектоники**, определяющей жизненное становление личности. Ее можно обосновать положениями С. Л. Рубинштейна, М. М. Бахтина, М. К. Мармардашвили, согласно которым в процессуальной развертке жизни, в ее структуре и содержании реализуются, взаимодействуют и развиваются **жизненные отношения** личности. Отношения как бы «расположены» в континууме жизни, действуя одновременно или последовательно, в слиянии, автономии, гармонии, конфликтах

и единстве. В поступательном движении жизни происходят всплески отношений, когда личная, внутренняя ценность происходящего оказывается способной определять уникальные действия и поступки человека, имеющие значение далеко за пределами индивидуальной жизни. «Отношения человека к миру, которые выражаются требованием «только со мной», «только если я включен», являются одновременно способом понимания мира, общества, истории» (86; с. 424).

Подход к изучению жизненных отношений, реализующийся в контексте персонологии жизни (139; 144; 145; 149), предполагает:

- определение отношений как самой «ткани» жизни личности;
- взгляд на отношения как на активность, напряжение, усилие сознания;
- понимание «Я» личности как необходимого источника отношений;
- установление связи отношений с жизненными значимостями личности;
- поиск корней отношений в неосознаваемом самодвижении жизни, а их телеологии — в духовной области бытия;
- рассмотрение в качестве объектов отношений природных, телесных, социальных, культурных, межличностных и внутриличностных явлений;
- определение структуры отношений как динамичной системы процессов вживания, переживания, созерцания, запечатления, вспоминания, мышления, понимания, осмысления, побуждения к действию, действия;
- акцент на ценностно-смысловую направленность отношений, задающую содержания и различия эстетического, нравственного, религиозного, познавательного, деятельного, творческого, рефлексивного и диалогического отношений;
- рассмотрение в качестве итоговых результатов жизни личности оптимистического, пессимистического, трагического, иронического, мудрого отношения к жизни.

С персонологической точки зрения проживание жизни в отношениях обуславливает и обусловлено способностью личности «**встать в отношение**». Эта способность формируется, приобретает устойчивость в зависимости от полноты **генеза** отношений личности, который имеет определенные условия и закономерные этапы.

1. Возникновение впечатления личности о встрече с новой реальностью.
2. Разграничение, установление личностью дистанции между собой и новой реальностью как значимым «иным».

3. Постановка «иного» в положение ценного объекта для себя и взаимодействие с ним.

4. Перенос значимого объекта в субъективный план, превращение его во «внутреннюю значимость».

5. Образование сложных психических синтезов, связанных с активностью в адрес объекта или построение «внутреннего эквивалента объекта».

6. Совершение в адрес объекта действий или поступков, стимулирующих «овнутрение» объекта в субъекте.

7. Установление внутреннего соотношения «Я — мой значимый объект».

8. Соотнесение своей внутренней значимости с реальным значимым объектом.

9. Поиск своего присутствия в значимом объекте.

10. Внутреннее принятие личностью объекта с собственными вкладами в него.

11. Забота Я о развитии объекта-в-себе и себя-в-объекте.

12. Нахождение и обращение Я с противоречиями, возникающими при взаимодействии с объектом.

13. Реализация отношения Я, воссоздавшего в себе значимый объект, к «Я», отраженному и воссозданному в этом объекте.

14. Выход Я за границы сложившейся связи с объектом в пространство, где бытие объекта ему неизвестно.

15. Дистанцирование от объекта для подготовки к следующему циклу своей активности в новой сфере взаимодействия с объектом.

Выделенные этапы с их реализацией — нереализацией, преемственностью — разрывами, гармоничной связью — конфликтностью могут характеризовать поступательный генез отдельных жизненных отношений, а также возрастной и культурный генез всей системы отношений личности.

Развитие способности «относиться» предполагает активность поискового сознания личности, целостность Я, согласованность психического и телесного, единство психических функций в их направленности на объект, избегание поглощения объектом и установления власти над ним, признание самодостаточности объекта, ответственность за состояние объекта, уравнивание интенций, направленных на объект и на себя, ценностное осмысление взаимодействия с объектом. Эти особенности личности служат конструктивному преодолению неизбежных противоречий генеза отношений и коллизий их зрелого состояния.

Становление системы отношений происходит во взаимодействии противоположных аспектов, или **оппозиций**, их субъекта, ге-

неза, структуры, содержания и реализации. Это психическое и практическое, сознательное и бессознательное, общественное и индивидуальное, природное и культурное, возможное и осуществленное, внутреннее и внешнее, «Я» и «Не-Я», объективное и субъективное, динамичное и устойчивое, активное и пассивное, ценностное и деструктивное. Осознание, уровень понимания, артикуляция конфликтов этих оппозиций существенно определяют уровень развития способности «относиться» и могут служить как достижению зрелости, так и саморазрушению личности.

В целом динамика жизненных отношений представляет собой непрерывный процесс возникновения **противоречий** между взаимосвязанными оппозициями. Например, один из оппозиционных аспектов отношения значительно опережает в темпах становления другой аспект. Или один аспект приобретает качественный оттенок, исключая его гармоничное единство с другим. Или один аспект испытывает изменения, не совместимые с состоянием другого. Или же один аспект достигает нового уровня развития, кардинально отличного от уровня другого. Или происходит редукция одного аспекта, хотя он необходим для полноценного существования другого. В этих и многих иных случаях либо начинает отчетливее обнаруживаться закономерное различие оппозиций, либо начинается их расщепление, либо появляется серьезный надлом их связи, либо совершается полная ломка взаимодействия, требующая перестройки одной из оппозиций или обеих сразу. Характер, острота, способы разрешения противоречий в отношениях обуславливают масштаб критических моментов жизни личности, ее кризисов, потрясений, возвышений и падений. В динамике отношений «снятие» противоречий выступает решением конкретных жизненных задач, поставленных перед собой личностью. При рефлексии коллизий, постановке жизненных задач и их решении реализуется индивидуальное **отношение к противоречиям жизни**.

В общем движении жизни личность может испытывать, осознавать и искать разрешения противоречий между следующими **аспектами отношений**, становящимися оппозициями:

- объективными возможностями субъектов отношений в данном обществе или определенной социальной группе и возможностями, которые личность может осуществить в собственной жизни;
- качествами отношений людей, в которые объективно вовлечена личность, и качествами отношений, которые она стремится освоить и реализовать;
- установкой личности на принятие заданных извне императивов, норм, правил и способов отношений и установкой на индивидуальные, творческие формы отношений;

- ситуативными, динамичными, изменчивыми проявлениями отношений и их устойчивыми свойствами;
- тенденцией к идеализации жизни в смысле высокой активности сознания, познания, рефлексии в отношениях и тенденцией к их действенно-практической реализации;
- сознательным и бессознательным, побудительным и исполнительным, когнитивным и аффективным планами отношений;
- направленностью отношений на внешний мир, других людей и направленностью на «Я» личности;
- тенденциями самодвижения отношений и тенденциями субъектного овладения их развитием;
- особенностями выражения Я в отношениях и устойчивыми свойствами Я как субъекта отношений;
- ценностным уровнем общественной, коллективной жизни и ценностным уровнем отношений личности;
- внутренним потенциалом продуктивности отношений и наличием результатами и достижениями личности при осуществлении отношений;
- реальным качеством и масштабом достижений личности в отношениях и ее оценкой своей продуктивности;
- объективными требованиями к силе и активности Я в отношениях и его реальным участием в их реализации;
- объективно востребованным диапазоном, шириной осуществления жизненных отношений и личностным потенциалом реализации отношений;
- наличием пространственно-временными границами жизненных отношений и интенциями личности выйти за эти границы.

Для выявления и осмысления этих общих противоречий жизненных отношений личность должна встать «над» ними, занять **рефлексивную позицию**, при которой все существенные аспекты отношений становятся принадлежностью, атрибутами, объектами деятельности Я и предметами его самопознания. Рефлексия противоречия состоит в осознании личностью пространственного или временного разрыва между своими оппозициями и их соотношении, синтезе в новых пространственно-временных границах. При рефлексии оппозиций происходят изменения отношений личности к значимым объектам: усиление близости с ними, уход от объектов, их разрушение, попадание в зависимость от объектов, их совершенствование, саморазвитие личности, переход к новым формам и уровням реального взаимодействия с объектами.

Рефлексивная позиция может быть занята личностью при проживании противоречий **генеза отдельного отношения**, что особен-

но важно для субъектной регуляции текущей жизни. При этом оппозиционным оказывается то, что Я в контексте данного отношения связывает с собой, что превращается им в часть себя, в чем отражается он сам, что осваивается и преобразуется Я, что глубоко ценностно затрагивает его. В ходе рефлексии генеза отношения раскрывается связь и коллизии «Я» со значимым «объектом», или «Не-Я», обладающим осознанными следами влияний, вкладов, преобразований личности:

Я (Не-Я) ← → Не-Я (Я)

Если речь идет, например, об отношении Я к другому человеку, то рефлексия может уловить следующие закономерные противоречия между различными моментами отношения (см. рис. 2).

«Я» и «Не-Я» в контексте отношения изначально автономны во взаимодействии друг с другом, что является основанием для расгласования между ними.

Реальное «Я» и «Я-для-себя» никогда не смогут совпасть с «Я»-в-«Не-Я».

«Не-Я»-в-«Я» никогда не будет тождественен своему реальному прототипу «Не-Я».

«Не-Я» в ипостасях реального и отраженного может затрагивать личность своими различиями.

Взаимно овнутренние «Я» и «Не-Я» бывают не узнанными и не принятыми своими реальными прототипами.

«Я» может быть не удовлетворен тем, как представлен в нем «Не-Я».

«Я»-в-«Не-Я» становится более значимым для личности, чем «Я»-для-себя».

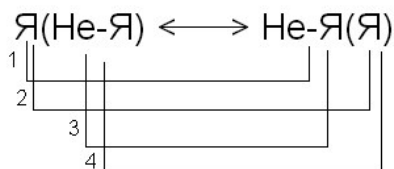

Рис. 2. Рефлексивные противоречия жизненного отношения

Противоречивое отношение «Я» к «Не-Я» может существенно изменять их положения и роли в жизненном взаимодействии.

Противоречия могут заключаться в осознаваемых взаимодействиях между структурными составляющими встречных отношений «Я» и «Не-Я»: побуждениями, переживаниями, знаниями, смыслами и действиями. Речь может идти, к примеру, о противоречиях

между эмоциональными устремлениями «Я» к «Не-Я» и закрытостью «Не-Я» для переживаний. Или между ожиданиями «Я» по поводу действий «Не-Я» и реальными действиями «Не-Я». Или между целями и смыслами активности «Я» и оценкой ее результатов со стороны «Не-Я». Или между знанием «Я» о себе и знанием «Не-Я» о нем. Или между сложностью образа «Не-Я» в «Я» и представлением о себе «Не-Я» и т. д.

На возникновение противоречий жизненных отношений, их данность в рефлексии и на сложность их преодоления могут влиять многие условия. К ним можно отнести неравномерность и неполноту генеза отношений; форсированное извне или изнутри развитие отношений; недостаточные возможности самосознания в отношениях; процессы глубинного становления отношений; влияние на отношения личностных качеств субъекта; спонтанное саморазвитие Я и объекта; изменение ценности объекта для Я; избытки или дефициты активности Я в практическом осуществлении отношений.

В рефлексивном и нерефлексивном обращении личности с противоречиями жизненных отношений формируются различные **способы** их разрешения:

- установление относительного паритета оппозиций и достижение между ними развивающего взаимодействия;
- нахождение новой меры соответствия в уровнях и направлениях развития оппозиций;
- достижение взаимодополнения в качествах и уровнях активности и самодвижения оппозиций;
- установление равновесия между оппозициями за счет их включения в новую систему взаимодействий;
- открытие новой формы положительного доминирования одной оппозиции над другой;
- отрицание одной из оппозиций за счет усиленного развития другой;
- «аннигиляция» одной оппозиции в другой;
- синтез оппозиций в качественно новом отношении личности.

Разрешение противоречий идет при взаимном «влипании» и проникновении оппозиций, при их взаимном исключении, при получении ими относительной самостоятельности на новом, более высоком уровне, при потере ими свойства быть оппозициями.

Каждый способ разрешения противоречия может быть выбран в результате анализа жизненных реалий. Например, развивается противоречие между значительными способностями личности к творческой профессиональной деятельности и низким уровнем ее реальной авторской продуктивности. Оно вызывается ситуацией,

при которой социальный запрос на высокие достижения в данной профессиональной области еще недостаточно сформирован, и личность неактивна в отстаивании социальной ценности своего труда. Один из способов разрешения противоречия состоит в следующем: несмотря на большую психологическую цену, человек достигает творческого, профессионального результата, соответствующего его возможностям, и направленно добивается социального признания и широкого общественного использования своих достижений. Реализация данного способа требует от личности специальной активности — осознания и применения способа как «моего», «мною открытого», «мною избранного», «мною примененного». Отсюда дополнительный источник внутренних сил для утверждения личностью своей позиции.

Способ, которым личность разрешает свое противоречие, определяет либо сохранение наличного уровня, либо развитие, либо частичный регресс ее жизненных отношений. Но каким бы ни был исход, для самостоятельной личности **выбор** «моего способа» — это событие обобщения многих возможных путей снятия противоречия. Способность личности «относиться» обогащается в течение жизни опытом эффективного выбора, применения и интеграции различных способов разрешения противоречий в жизнеотношениях.

Персонологическое представление об отношениях может быть обобщено в следующей модели их базовых характеристик:

целостность отношений как единство их объективных условий, устойчивых субъективных тенденций, динамичных содержаний, гибких способов реализации, процессуальных и продуктивных компонентов;

диалогизм отношений, начиная от их внешней детерминации со стороны других людей, до глубинного влияния отношений на внутренний мир другого человека;

предметность отношений как направленность на значимые для личности внешние и внутренние объекты;

хронотоп отношений как вовлеченные в них люди и предметы, положение субъекта, место и время протекания отношений;

идеальность как участие сложных интеллектуальных процессов в становлении отношений;

духовность как присутствие высших ценностных образований в контексте отношений;

активность самосознания в осуществлении отношений, создающая возможность для их рефлексивного развития;

бессознательный план протекания, структуры и воплощения отношений;

субъектность отношений как их обусловленность личностью и ее жизнью и их обратное влияние на личность и ее жизнь;

индивидуальность отношений, определяемая высоким уровнем развития и неповторимостью их внутренних источников, содержания, процессуального строения и продуктивности;

проблемность как наличие оппозиций в структуре и динамике отношений, а также возникновение, личностное осмысление и разрешение их противоречий;

феноменологичность отношений или их принадлежность Я и участие в их осуществлении процессов самопереживания, самонаблюдения, самооценки, самопознания, самополагания;

исполненность отношений в актах жизненного выбора, принятия жизненных решений, в определении жизненных стратегий, открытии жизненного предназначения;

критическая выраженность отношений в формах поступка, деяния, творческого продукта, свершения, масштабного влияния субъекта на других;

смыслообразование как расширение и углубление жизненных смыслов в результате реализации ценностей, разрешения ценностных коллизий и рефлексии «передвижек» ценностных приоритетов в отношениях.

Приведенная персонологическая модель жизненных отношений включает частные модели генеза отношения, оппозиций в отношениях, рефлексии противоречий отношения, способов разрешения противоречий в отношениях, базовых характеристик отношений. Эта система моделей, построенных путем расширенных научных и культурных референций, может служить теоретическим основанием новых эмпирических исследований личности, концептуальной основой интерпретации жизненных проблем личности в консультативном процессе, руководством к разработке практик самопознания и приемов самополагания личности.

Модель жизненной ситуации-события личности

В плане дальнейшей постановки и поиска решений проблем персонологии жизни подчеркнем, что пространство, время, жизнеотношения оказываются «вложены» в контекст уникальных жизненных **ситуаций** личности, определяющих возможности и индивидуальную траекторию ее бытия. Ситуация — «единичный облик, который мир поворачивает к нам как наш единственный и личный шанс» (131, с. 555). С субъективной стороны ситуация может приобретать статус **события**, указывающего в своем позитивном качестве на те формы активности, которые можно обобщить в феномене «отноше-

ния к ситуации» как моменту поступательного развития личностью своей жизни. Такими формами активности выступают, в частности, занятие такого положения в ситуации, которое позволяет личности обратить к себе благоприятные внешние условия текущей жизни, проживание личностью значимости происходящего, принятие ситуации как согласующейся с сокровенными ожиданиями личности к жизни. Это также открытие возможностей данной ситуации для дальнейшей жизни, амплификация жизненных отношений, рефлексия личностью своего присутствия и участия в ситуации, актуализация известных и неизвестных способностей личности, осознание диссонансов ситуации, в которых усматривается развивающий потенциал, реализация «надситуативной» позиции личности, позволяющей осмыслить ситуацию в перспективе ее влияния на будущую жизнь.

«Со-бытие» совершается здесь-и-сейчас, означает единство хронотопа, активное взаимодействие личности с другими людьми, дышащая взаимосвязь «Я» с «Не-Я», связь существующего и осуществившегося, переходы внешнего и внутреннего, встречу объективного и субъективного, взаимопроникновение сознательного и глубинного в личности. Иными словами, закономерную двойственность актуального бытия, задающую проблемность, открытость, вариативность наступающей жизни личности.

Персонологическая разработка категорий «ситуация» и «событие» предполагает, на наш взгляд, синтез продуктивных философско-психологических идей М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, С.Л. Рубинштейна, М.К. Мамардашвили, не представленных с должной полнотой в современных психологических исследованиях и практиках, посвященных «ситуативному» срезу человеческой жизни.

Предлагаемую нами персонологическую **модель** ситуации-события образуют:

«**мир**», его наличное состояние, призыв и вызов, которые личность принимает как условия собственного существования;

«**окрестности**» (131) или конкретная обстановка, в которой оказывается или которую создает личность: местность, ландшафт, дом, интерьер;

«**место**» как часть обстановки, которую личность может непосредственно охватить своей внешней и внутренней активностью;

«**тело**» личности с его возможностями действовать, изменять обстановку и изменяться в ней самому;

«**время**» как данность во временных характеристиках процессов взаимодействия личности с ситуацией (длительность, последовательность, одновременность, скорость и т. д.);

«**значимости**» — те элементы ситуации, которые представляют для личности объекты ведущих желаний;

«**другие**» — люди, находящиеся для личности во внешнем или внутреннем присутствии в ситуации;

«**Другой**» как значимый человек, явное или неявное присутствие которого определяет доминирующие отношения личности в ситуации;

«**фактичность**» — факт присутствия личности в ситуации, данный ей посредством самосознания, восприятия и понимания своей телесности, а также взглядов, действий, речи, жестов других людей;

«**тема**» ситуации как личностное знание или мысль, образ, смысл, речевое выражение происходящего;

«**задача**» — осознание, артикуляция личностью основного противоречия (рассогласования, дефицита, избытка, критического изменения) в ситуации и готовность его разрешить путем познания, самоисследования, поискового действия;

«**действия**», конституируемые смыслом, осознанием «могу», мотивом, целью и планом, выбором и исполнением, результатом и уровнем достижений личности, включенными в динамику взаимодействий в ситуации;

«**комплексы действий**», образующие целостные процессы деятельности в ситуации с их инструментами, способами, последовательностью этапов;

«**границы**» ситуации, полагающие пределы места, времени, отношений, взаимодействий, проявлений свойств личности в ее внешнем и внутреннем мире;

«**Я**», входящее в ситуацию со своими сложившимися свойствами, границами сознания, рефлексии и интенциональности;

«**рефлексия**», охватывающая ситуацию в ее отнесенности к «Я» с позиций кто? — что? — где? — когда? — откуда? — с кем? — для кого? — ради чего? — что в результате? — что дальше?;

«**Я для себя**» как эффект отрицания в ситуации наличного «Я», «отнятия себя у себя», по выражению М. Хайдеггера, и самопознания открывающихся возможностей для самоизменения личности;

«**другие для меня**» как данность других действующих лиц ситуации в «Я» личности;

«**мое прошлое**» — значение, которое «Я» придает прошедшей жизни в свете актуальной ситуации и своего возможного будущего;

«**мое будущее**» — выбор личностью себя, еще не существующего, но имеющего возможность «быть» в перспективе преобразований ситуации;

«**быть вместе**» — выбор взаимодействия с другими в противовес позиции независимости и отчуждения в ситуации;

«в Другом» как знание «Я» о своей представленности в значимом Другом, к которому личность обращена в ситуации;

«**историчность**» или переживание, понимание связи индивидуальной ситуации с всеобщими ситуациями человеческой жизни: «все, что происходит с нами, — заметил М. К. Мамардашвили, — происходит не здесь и не сейчас»;

«**диалог**» внутри ситуации, состоящий в пересечении, противоречиях, согласованиях жизненных контекстов, а также внутренних и внешних текстов, личности и других людей;

«**символическое значение**» ситуации как возможность выражения в символе ее сущности в соотношении с архетипами, «большими темами» человеческой жизни;

«**впечатление**», рожденное ситуацией, представляющее собой субъективный избыток, встречу с неизвестным в себе и в мире, «внеситуативное», феноменологическое отстранение, которое выступает толчком, мотивом последующей жизненной активности личности;

«**новое**» — то, что появляется в жизни, познании, Я, деятельности, в других, в мире, благодаря ситуации и участию в ней личности, что раздвигает жизненные границы в сторону расширения индивидуальных возможностей и продления перспективы жизни;

«**субъект**» или личность в качестве главной «созидательной части» ситуации, раскрывающей и осуществляющей ее жизненный потенциал;

«**ценность**» как вклад ситуации в существование духовно-практических ценностей, делающих возможными человеческую жизнь и ее развитие;

«**возможное**» как предпосылки развития жизни, заключающиеся в ситуации и проживаемом событии (в динамике ситуации, в субъекте, его отношениях, эффектах его активности в мире и «других»).

Для персонологии наибольший интерес представляют ситуации, где личность, вовлекаясь в событие, не просто встречает и использует благоприятные обстоятельства или эффективно отвечает на происходящее, а сама свободно идет на амплификацию своих отношений, занимая позицию максимального присутствия, вовлеченности и участия в бытии. Такие моменты жизни личности можно обозначить как «**события причастности**», играющие ведущую роль в «воссоздании, высвобождении» (М. К. Мамардашвили), взрывном преобразовании (С. Л. Рубинштейн), обновлении и развитии жизни. Причастность имеет мощный **феноменологический** план, состоящий, прежде всего, во внутреннем усилии личности сполна осуще-

ствиться в здесь-и-сейчас текущей жизни. «Полнота есть характеристика «органа жизни»: жизнь как бы проходит через этот орган, чтобы воспроизводиться и осуществляться, и реализуется уже на его основаниях» (86; с. 569). Проживание «причастности» как такого органа жизни дается в интуитивных и рефлексивных феноменах, которые можно эксплицировать, обращаясь к концепциям «впечатления» М. К. Мамардашвили (86) «поступка» М. М. Бахтина (18), «внутрь-преобразующего действия» С. Л. Рубинштейна (127).

Феноменологические характеристики события причастности могут быть промоделированы по четырем параметрам: внутреннее время, внутреннее место, сила проживания, смысл проживания. Они указывают на проживание и осознание личностью своих актуальных отношений и общего состояния «Я» в хронологическом, топологическом, энергетическом и семантическом измерении. Это соответствует основным модальностям внутреннего диалога личности с собой-причастным: «в каком времени живу?», «в каких пространствах живу?», «с какой интенсивностью живу?», «что происходит сейчас со мной?», «какие люди сейчас со мной?», «какой Я сейчас?», «что это значит для меня?».

К **временным** феноменам события причастности можно отнести: чувство внезапной остановки жизни, переживание одновременности себя во всех своих частях, мгновенное схватывание «летучей истины и совершенства», восприятие времени как изменения своих внутренних состояний, встречу с вечностью, чувство исчезновения времени, переживание времени чего-либо отданного или приобретенного.

Топологическими феноменами события причастности являются: осознание своего реального положения; видение себя с чужого места; нахождение внутри проживания; отстранение от переживания для освобождения места присутствию; полное вложение себя в ситуацию; ощущение себя частью, вмещающей целое и помещающей себя в целое; точка бифуркации; проникающая рефлексия; падение в фиксированные точки значимости.

Силовыми феноменами события причастности выступают: переживание высокой интенсивности жизни; взрыв наличной ситуации; «удар» бытия; захваченность происходящим; мощь желания; усиление сознания, мысли и воображения; рождение сильных идей, метафор и символов; чувство задействованности, ангажированности в бытии; опыт выдерживания противоречий и приложения усилий к их разрешению.

Смысловыми феноменами события причастности являются: открытие истинного облика реальности; чувство подлинной жизни;

достоверность проживания «Я есть»; переживание единственности происходящего; сознание своей исполненности здесь-и-сейчас; встреча с тайной; сознание свободы самоосуществления; духовные открытия в моменты реализации высших отношений к жизни; знание, что «только Я могу это пережить»; признание одаренности, искусности, гениальности Другого; выбор «рискну быть»; осознание, что являешься тем, кем способен быть; осознание внутреннего равновесия.

Большую ценность для развития феноменологии событий причастности имеют их художественные описания. Отраженное в тексте уникальное соотношение времени — места — силы — смысла события ведет, как нить Ариадны, в таинственный мир индивидуальной личности.

«Я вдруг очнулся, будто спал давно,
И вот пророс до времени потока
Сквозь сон и распахнул окно,
Чтобы ко мне ворвались птицы рока
И закружили над моей головой,
Скрывая знаки в непонятном крике
Моей судьбы... Я понял: я живой...
Я знать хотел одно: как я очнулся,
Как время вызвало во мне пожар,
Как я ему навстречу повернулся,
Как выдержал я времени удар?
Откуда я пришел, я помню смутно:
Все желтизна, все осень, все листва,
Мне там пространство было неуютно,
Я там все помнил; там была судьба»*.

В событиях причастности мы узнаем себя живыми и способными длить и изменять свою жизнь. Мы даем себе «быть» различными способами и в разных мирах, осуществляемся в переплетении жизненных отношений, можем продолжить жизненное восхождение к своей индивидуальности; можем, по выражению С. Л. Рубинштейна, быть источником света для других людей и преобразователями жизни.

Предлагаемые персонологические модели ситуации и события причастности ориентированы на концептуальное обоснование практик консультирования и психотерапии в индивидуальных слу-

чаях, связанных с дефицитами жизненных ресурсов, которые вызваны неполнотой реализации личностью возможностей актуального проживания.

Далее рассмотрим тот план индивидуального бытия, который наиболее важен в деле познания, культурного творчества, рефлексии личности. Речь идет об **интеллектуальной жизни**, реализуемой посредством «мысли», «слова», «высказывания». Акцент на эту форму жизни обусловлен и тем значением, которое придается в личности **персонолога** его способностям к выдвигению оригинальных научных идей, искусному написанию текстов, разработке и применению эффективных речемыслительных практик и самопознанию.

* Строки из стихов киевского поэта Е. Проскуликова.

12. Персоналогические модели мысли, слова, высказывания

Модели мышления и мыслительных установок личности

Индивидуальное мышление является, в основном, предметом общей психологии, психологии развития, когнитивной психологии, психологии интеллекта. Новым направлением в изучении мыслительной активности может стать ее **персоналогическое** изучение как функционального, динамического, содержательного и продуктивного **аспекта** жизни личности, раскрываемого в **культуре**, в частности, философских, психологических и литературных произведениях. Исследовательская герменевтика этих произведений позволяет, во-первых, обнаружить жизненные феномены, уникальные факты и виды мышления героев. Во-вторых, эксплицировать данные о мыслительной жизни авторов, заключенные в их текстах. В-третьих, создать концептуальные модели и практики актуализации «событий мысли» в процессах жизни, познания и самопознания личности, открыть новые потенциалы мышления. В-четвертых, использовать материалы культуры в целях углубления, конкретизации, преобразований, верификации знаний из области психологии мышления, в том числе для разработки моделей зрелого мышления и личности мыслителя. В-пятых, выявить культурогенетические способы мышления, значимые для интеллектуальной деятельности современных персоналогов.

Индивидуальная мыслительная жизнь должна стать проблемой культурной персоналогии, персоналогии жизни, персоналогии самополагания, которым в единстве с другими науками предстоит внести свой вклад в познание мышления. Остановимся на некоторых примерах персоналогического моделирования «мысли личности» и «личности мыслителя» (152).

На основе привлечения европейских культурных источников (текстов народных сказок, произведений Феофраста, И.-В. Гете, Ж. де Лабрюйера, Ф. М. Достоевского, М. Волошина, М. К. Мамардашвили), содержащих яркие личностные факты мышления, на основе научно-психологических концепций мыслительной деятельности и анализа индивидуальных феноменов мышления наметим **модель развития мысли**. «Мысль» в контексте модели выступает моментом проживания жизни, процессом активности, отношением к объекту и ситуации, добываемым знанием, которое имеет высо-

кую познавательную, практическую, эвристическую ценность для личности. Мышление пробуждается, «притягивается», активизируется значимыми объектами внешней и внутренней жизни, вызывающими у личности проблемные, поисковые состояния. При рассмотрении проблем как побудителей мысли важно учесть их собственные параметры и характеристики личностного отношения к ним.

1. Сознательная и бессознательная мысль личности **оперирует** или сложными единичными объектами, или структурами, состоящими из нескольких либо множества таких объектов, или системами взаимодействий объектов, образующих динамичные «ситуации» мышления.

2. **Объекты** мысли (процессы, вещи, существа, люди, другой человек, психика, «Я») даны личности в единстве сенсорных и образных, символических и понятийных, изобразительных и вербальных репрезентаций. Ведущей формой репрезентации объектов мысли является понятийно-вербальная.

3. Иногда объект внезапно, во вспышке догадки, озарения или прозрения «показывает свою **истину**». Иногда личность во взаимодействии с объектом постигает его **проблемность**, присутствие неизвестного, неопределенного, ошибок, противоречий, избытка значений, признаков «невозможного». Здесь объект выступает в качестве источника и содержательного основания проблем, требующих осознанного, поступательного поиска, жизненных действий и отношения личности.

4. **Отношение** к проблемному объекту проживается личностью в разных формах, которые могут взаимодействовать, компенсировать, замещать и дополнять друг друга. Речь может идти, например, об эмоциональной форме отношения, когда личность испытывает любопытство, любознательность, беспокойство, интеллектуальную неуверенность, сомнение, азарт или беспомощность. Вероятно также интуитивное схватывание новизны, неопределенности или недостатка знания о значимом объекте, сопровождающееся общим чувственным прогнозом, надеждой, предчувствием преодоления когнитивных затруднений. Или личности может быть свойственна рефлексия проблемы и активность, направленная на понимание того, в чем состоит неизвестное, а также на выражение этого понимания в вербальном «вопросе», «проблемном суждении», «задаче».

Например, одаренный студент-филолог стремится продолжить образование в области философии. В разговоре с друзьями он огорченно спрашивает: «Почему мои родители не хотят, чтобы я занимался философией?». Затем, подумав, формулирует: «Моя проблема в том, что они надеются на мой скорый успех, а я не могу дока-

зять, что и в качестве философа могу достичь компетентности и благополучия. Я должен подумать, как их убедить». В **вопросе** студент просто фиксирует существование неизвестного-для-себя (не знаю, почему...). Затем в **проблемном суждении** обнаруживает конфликт (они надеются..., а я не могу доказать...), неразрешенность которого создает неопределенность в отношениях студента с родителями. Это несомненное продвижение в понимании проблемы. И далее — постановка **задачи** и одновременно выдвигание **гипотезы** о том, как найти **решение** проблемы (подумать, как их убедить...). Здесь в формулировке проблемы присутствуют ожидание и указание на возможное решение (согласие родителей, что философ может быть успешным профессионалом), и это решение связывается с активностью рефлексии и поискового мышления, устанавливающего новые отношения между элементами проблемной ситуации. Этими элементами являются: «родители», «философия», «Я», «успех». Найденный пробел, пустота в этой жизненной связи — **отсутствия понимания** родителями, что «я могу быть успешен в философии». Решение проблемы студент видит в том, чтобы, убеждая, помочь родителям понять его. Решению, таким образом, служит введение в ситуацию «**Я-убеждающего**» как ее нового элемента и «**понимания**» как нового отношения родителей к студенту. Решение предполагает выход **за пределы** исходной ситуации, т. к. «убедить» означает скорые действия и результаты личности в выбранной области деятельности, превращение «философии» из воображаемого ценного объекта в поле его **жизненной практики**.

5. Проблемность мышления имеет свой жизненный **генез**. Она начинает проявлять себя в детском «наивном» вопрошании, которое служит устранению неведения о предметах обыденной жизни, а также построению относительно прочной системы непротиворечивых, опытных знаний о реальности. Затем личность переходит к осознанной постановке проблем, расшатывающих первичные интеллектуальные схемы и требующих различения оппозиций, когнитивных преобразований, творческого поиска. Проблемность мышления ранней взрослости допускает существование многих, в том числе противоположных, точек зрения на объект. Она связана с сомнениями, обнаружением множества новых оппозиций, с нахождением конструктивных и деструктивных противоречий в объектах, с выявлением апорий, с выдвиганием контрдоводов и опровержением научных знаний, казавшихся устоявшимися и «монолитными». Эта «диалектическая стадия» развития мышления рассматривается К. Ригелем как следующая за «стадией формальных операций» в модели интеллектуального генеза Ж. Пиаже (61). Диалектическая

мысль по мере взросления личности выражается не только в различении противоположностей и постановке новых проблем, но и в попытках самостоятельного синтеза оппозиций, в применении различных способов снятия противоречий между ними, в осознанном «удержании» их коллизий, нахождении продуктивных и контрпродуктивных решений проблем.

6. Мышление взрослой личности оперирует проблемами, которые требуют определенного «**разрешающего умственного действия**». Это, в частности:

- перенос знания с известных ситуаций или объектов на проблемный объект или ситуацию (это является тем же, что и другое);
- нахождение ошибки в мысли, концептуальной системе или модели (это объясняется неверно);
- обнаружение заблуждения в своем или чужом понимании (это понимается неправильно);
- достижение понимания (это следует понимать так);
- преодоление незнания об объекте (мы теперь знаем, что это...);
- восполнение недостаточности наличного знания об объекте (еще известно, что это...);
- обнаружение причин незнания об объекте (мы не знаем об этом потому, что...);
- преодоление внешнего и внутреннего сопротивления познанию объекта (это препятствует тому, чтобы я знал...);
- понимание скрытого значения символов (в действительности это значит...);
- преодоление устоявшегося знания об объекте (это может быть иным, чем нам известно, а именно...);
- вскрытие противоречия в мыслимом объекте (то-то и то-то конфликтует друг с другом...).

Например, художественно-психологический анализ учения Спинозы о человеке позволил **И.-В. Гете** (39) проблематизировать собственную жизнь, продемонстрировать искусство оперирования противоположностями и прояснить на этой основе ключевые противоречия человеческой жизни.

После реконструкции эти противоречия выглядят следующим образом:

- 1) мы стремимся к внутренней автономии, а нас призывают к самоотречению;
- 2) мы стремимся пополнить извне нашу собственную сущность, но нам навязывают что-то чуждое и даже тягостное;
- 3) то, что добывается нами с великим трудом, у нас крадут;

- 4) то, что было нам благобно даровано, у нас отнимается;
- 5) чем более мы защищаем свою личность, тем более пренебрежительно к нам относятся;
- 6) нас разрушают, но мы сознательно и бессознательно себя восстанавливаем;
- 7) наше самовосстановление в действительности является «подменой себя»: одна страсть заменяется другой, одно занятие — другим;
- 8) мы отрекаемся от себя, а некоторые, избегая частичного отречения, отрекаются от всего;
- 9) некоторые отрекаются от суетности жизни, стремятся составить себе несокрушимые понятия, и в них появляется нечто сверхчеловеческое, но другие видят в них безумных или безбожников;
- 10) в нас глубоко коренится сознание наших преимуществ, но мы отказываем другим людям в обладании ими.

Применяемые способы разрешения проблем становятся основаниями для дальнейшей проблематизации значимых объектов и использования новых разрешающих подходов. В едином процессе мышления разрешающие действия образуют континуум, определяющий интеллектуальную состоятельность личности в отношении к объектам из различных сфер жизни.

7. Проблемы объектов и ситуаций являются **побудителями и стимулами** мышления в разных сферах жизни личности, включая социальную, профессиональную, частную, индивидуальную. В зависимости от характера внешних и внутренних объектов, заключающих проблемы, и специфики самого проблемного мышления личности различаются его множественные **типы**. Это предметное, социальное, научное и художественное мышление. Это эмоциональное, интуитивное, образное, символическое и дискурсивное мышление. Это рефлексивное, диалогическое и «интерсубъектное» мышление.

8. Реализуя тот или иной тип мышления, личность может с разной степенью активности и эффективности осуществлять проблематизацию на разных ее **этапах**. Речь идет о переживании порыва к поиску, о нахождении и понимании, осмыслении и прояснении, исследовании и творческом разрешении проблем, о переводе достигнутого результата в конструктивное знание, о самооценке результата и его оценке другими, об обнаружении новых проблем. Усилия и успешность личности на различных этапах проблематизации характеризуют ее как индивидуальность в определенной области мыслительной жизни. Вспомним, как Ф. М. Достоевский описал «порыв к творчеству в науке» одного из своих героев. «Его пожирала страсть самая глубокая, самая ненасытная, истощающая всю

жизнь человека и не выделяющая таким существам, как Ордынов, ни одного угла в сфере другой, практической, житейской деятельности. Эта страсть была — наука... В нем было более бессознательного влечения, нежели логически отчетливой причины учиться и знать... В уединенных занятиях его никогда не было порядка и определенной системы; был один только первый восторг, первый жар, первая горячка художника. Он сам создавал себе систему, в душе его уже мало-помалу восставал темный, неясный, но дивно-отрадный образ идеи, воплощенной в новую просветленную форму; творчество уже сказывалось силам его...» (51; с. 265).

9. Проблемы, встающие в жизни личности, **характеризуются** степенью распространенности (индивидуальные и частные, общие и всеобщие), частотой актуализации (проблемы ситуативные, периодически возникающие, константные). Кроме того, к их характеристикам можно отнести длительность решения (проблемы краткосрочные, требующие некоторого времени на решение и решающиеся длительное время), новизну решения (проблемы, решаемые традиционным, или новым путем, или посредством их сочетания), степень оригинальности решения (проблемы, требующие или не требующие нетривиальных решений).

10. Решение личностью мыслительных проблем, будь то проблемы познания или самопознания, состоит в развитии и построении новых понятий, в углублении и раскрытии межпонятийных связей, в создании новых концептуальных моделей. Благодаря этому становится более дифференцированным и интегрированным знание, развивается различительная способность сознания, растет генерирующая сила рефлексии и интуиции.

Понятийное конструирование при решении проблем ведет к следующим **мыслительным результатам**:

- искомое неизвестное включается в известную категорию объектов;
- различные объекты образуют новое целое;
- некоторые признаки объекта оказываются несущественными;
- в конкретном объекте обнаруживается действие закона, всеобщего принципа, универсального свойства, общего правила;
- единичный объект или событие приобретает ранг критического воплощения общего принципа или закономерности;
- свойства объекта интегрируются в его новый концепт;
- объект ставится в новые отношения к другим объектам;
- открываются причинно-следственные связи объекта с другими;
- объект раскрывается в своих влияниях на другие объекты;
- определяется характер воздействий на объект других объектов;

- выявляются формы присутствия объекта в других объектах;
- объект берется в соотношениях с объектами-оппозициями;
- объект испытывает кардинальные изменения и т. д.

Эти результаты переноса знания, исправления ошибок в знании, преодоления заблуждений, роста понимания, открытия нового, прояснения скрытого, разрешения противоречия, прогнозирования динамики знания означают **события развития мысли**. Достижение результата чаще всего не завершает проблемную активность. Оно должно найти выражение в теоретической и практической деятельности личности, стать основанием для **принятия решения** о внешнем или внутреннем действии, изменяющем индивидуальную жизнь.

11. Уровень решения проблем существенно определяется **мыслительными операциями**, задействованными в поисковой деятельности. Мышление в своем тонком операциональном строении выступает внутренним, почти не уловимым рефлексией, свернутым, слитным, быстро текущим процессом. Однако исследования предметных действий как аналогов мыслительных актов, а также речевых эквивалентов мысли позволяют проникнуть в тайную динамику мышления.

Как известно, блестящий анализ операционального состава мышления осуществлен **С.А. Рубинштейном** (124). Приняв этот анализ за основу, покажем, как «работают» некоторые мыслительные операции при создании выдающихся текстов культуры, отражающих живую авторскую мысль, посвященную познанию человека. Возьмем «факты мысли» из литературно-философского произведения «Характеры» **Жана де Лабрюйера** (43), демонстрирующие мастерство автора в постижении «личности» и раскрывающие возможности «мыслительного наблюдения», значимые и для современных персонологов.

Различение — операция мысленного извлечения элементов из целого и их отделение друг от друга. Процесс различения хорошо эксплицируется в высказываниях, перечисляющих составные части и признаки (качества, свойства, функции, связи) целостного объекта.

«Человек домогается, хлопочет, интригует, тревожится, просит, встречает отказ, просит снова и достигает цели; а послушать его, так он получил желаемое без всяких просьб...» (43; с. 318).

Сравнение — операция мысленного сопоставления отдельных объектов или их элементов и дальнейшее установление сходства и различия между ними. Эта операция обнаруживается в высказываниях о специфических особенностях соотносимых явлений.

«Пока любовь жива, она черпает силы в самой себе, а подчас и в том, что, казалось бы, должно ее убивать: в прихотях, суровости,

холодности и ревности. Напротив, дружба требует ухода: ей нужны забота, доверие и снисходительность, иначе она умрет» (43; с. 245).

Нахождение сходства (подобия, сродства) — операция, позволяющая отождествить различные объекты по одному или нескольким признакам. Раскрывается в высказываниях о разных явлениях, обладающих похожими чертами, свойствами, отношениями.

«И при дворе, и в народе — одни и те же страсти, слабости, низости, заблуждения, семейные и родственные раздоры, зависть и недоброжелательство; всюду есть невестки и свекрови, мужа и жены. Всюду люди разводятся, ссорятся и на время мирятся; везде мы находим недовольство, гнев, предвзятость, пересуды» (43; с. 348).

Нахождение отличий — операция, благодаря которой однородное открывается как обладающее индивидуальными или типологическими отличиями друг от друга. Эксплицируется в высказываниях о различных свойствах объектов, относящихся к одной категории.

«Лишь убедившись на собственном опыте, можно поверить в существование тех удивительных различий, которые возникают между людьми, обладающими большим или меньшим запасом монет. Это «больше» и «меньше» побуждает человека надевать мундир, или мантию, или рясу» (43; с. 279).

Объединение в целое — операция воссоединения различных объектов, прошедших сравнение, взаимодействующих, имеющих сходные и отличительные признаки, в новую структуру. Находит выражение в синтетических суждениях, подчеркивающих существование многого в составе единого или соотношения (причинная зависимость, воздействие, влияние и т. д.) многих элементов в общем целом.

«Дети богов — назовем их так — не подчиняются законам природы и являют собой как бы исключение из них: время и годы почти ничего не могут им дать. Их достоинства опережают их возраст. Они рождаются уже умудренные знаниями и достигают истинной зрелости раньше, чем большинство людей изживает младенческое неведение» (43; с. 221).

Абстрагирование — операция выделения общих, существенных, т. е. свободных от случайных привнесений, константных свойств объектов и объединения этих объектов в новую категорию. Ярко выражается в высказываниях, которые подчеркивают отвлеченные, категориальные признаки сходных явлений.

«Талантом собеседника» отличаются не те, которые охотно говорят сами, а те, с кем охотно говорят другие; если после беседы с вами человек доволен собой и своим остроумием, он вполне доволен и вами» (43; с. 263).

Выделение противоположностей — операция разделения объектов-оппозиций или оппозиционных признаков определенного объекта, находящихся в большем или меньшем противоречии друг с другом. Проявляется через высказывания, сопоставляющие противоположности.

«Мы преисполнены нежности к тем, кому делаем добро, и страстно ненавидим тех, кому нанесли обиды» (43; с. 254).

Синтез различного, противоположного — операция развивающего соединения различных, в частности, оппозиционных объектов, свойств в такое новое целое, где разное, противоречивое взаимно дополняет, уравнивает, усиливает друг друга. Обнаруживается через высказывания о вещах или событиях, вбирающих в себя противоположности, погашающих одну противоположность в другой, выявляющих новые возможности их взаимодействия.

«Друзья потому находят удовольствие в общении друг с другом, что одинаково смотрят на нравственные обязанности человека, но различно мыслят о вопросах научных: беседы помогают им укрепиться во взглядах, доказать свои убеждения или узнать что-либо новое» (43; с. 272).

Конкретизация — обратная операция по отношению к абстрагированию признаков, определяющих видовые, родовые, универсальные различия, оппозиции и тождества объекта. Состоит в возврате к индивидуальной специфике объекта при удержании всего богатства его абстрактных свойств и отношений. Как частный случай обнаруживается в высказываниях о конкретных явлениях, приобретающих яркую индивидуальность за счет полного обладания существенными признаками либо максимального соответствия законам тех категорий, к которым они принадлежат.

«Люди, украшенные достоинствами, сразу узнают, выделяют и угадывают друг друга; если ты хочешь, чтобы тебя уважали, имей дело только с людьми, заслуживающими уважения» (43; с. 271).

Символизация — операция, предполагающая опосредованное соотнесение единичного объекта с абстрактными признаками общих и универсальных объектных категорий. Средством соотнесения выступает другой объект, эмпирически отличный от исходного, но критически полно демонстрирующий какой-то обобщенный признак, соединяющий оба объекта. Операция эксплицируется в метафорических высказываниях, а также в высказываниях, которые уподобляют отдаленные явления или обладают переносным смыслом.

«Как много на свете людей, которые похожи на уже взрослые и крепкие деревья, перенесенные и высаженные в сады, где они вос-

хищают взоры каждого, кто видит их в столь прекрасных местах, но не знает, откуда их доставили и как они росли» (43; с. 283).

По характеру операций видно, что их можно разделить на различительные, объединяющие и синтетические, причем одни из них в основном осуществляются по отношению к эмпирическим, наблюдаемым объектам и их признакам, а другие — по отношению к «теоретическим» объектам и признакам, являющимся эффектами абстрагирования. Эмпирические и теоретические операции различия выступают «аналитическими»; объединения эмпирических и теоретических признаков принадлежат к разряду «синтетических». Операции тех и других видов образуют, согласно С. Л. Рубинштейну, единый и непрерывный **аналитико-синтетический процесс** мыслительной жизни личности.

В составе аналитико-синтетического процесса все выделенные операции складываются в динамическую последовательность, детерминированную мыслительными качествами и установками субъекта, содержанием проблемы, замыслом, его обоснованием, самодвижением мыслительной активности, предвидением результата решения проблемы и выбранным способом достижения и оценки результата. Реализация проблемного мышления требует определенных отношений координации, соподчинения, единства операций.

В подвижном процессуальном контуре мышления можно обнаружить некоторые инвариантные формы организации операций, составляющих своего рода **логические матрицы**. Их количество сравнительно невелико, но они поддерживают воспроизводство основных закономерностей и продуктов мышления, делающих возможными интеллектуальную совместимость, взаимопонимание, диалоги, взаимную трансляцию опыта личностей в определенной **культуре**. Среди этих матриц выделяют процессы речемыслительного порождения и воспроизводства допущений, выводов, обобщений, противоречий, парадоксов, синтетических суждений и т.д. Матрицу могут образовывать множество различных операций, которые «погашаются» в осознанном логическом продукте, выступающем промежуточным или конечным результатом процесса решения проблемы.

Например, устойчивым продуктом мышления является вербальное или символическое «извлечение оппозиций». В зрелой индивидуальной мыслительной жизни оно достигается благодаря матрице операций с оппозициями, включенных в контекст отношений личности к внешним или внутренним объектам. Данные операции могут состоять в символическом «смещении» противоположностей, в их чувственном разграничении и разведении, в различительных и объ-

единяющих действиях диалектического дискурса, в феноменологическом «перетекании» оппозиций. Это могут быть также поступательные операции рационального синтеза тонких бинарных дифференцировок с перспективой осуществления «синтеза синтезов».

Представим матрицу **операций с оппозициями**, порождающую сложные мыслительные продукты личности:

- выделение целого со слабо различенными элементами;
- обнаружение двойственности целого;
- извлечение элементов-оппозиций целого;
- рассмотрение оппозиций как автономных по отношению друг к другу;
- установление фактов непроходимости границ между оппозициями;
- удержание оппозиций в их кардинальном различии;
- соотнесение оппозиций как активно взаимодействующих внутри целого;
- определение равновесия, комплементарности, взаимопереходов оппозиций;
- нахождение конфликтных отношений взаимодействующих оппозиций;
- обнаружение противоречия оппозиций;
- исключение одного из элементов противоречивой пары оппозиций;
- нахождение новой формы равнодействия или дополнения оппозиций;
- синтез оппозиций в новом целом;
- определение присутствия одной оппозиции в другой;
- разведение обогащенных друг другом оппозиций;
- создание целостностей, нивелирующих различия оппозиций;
- понимание оппозиций как «созданных друг для друга»;
- «расщепление» оппозиций в их неосознаваемой изоляции друг от друга.

Отметим, что эта система операций была намечена нами под впечатлением о мастерском оперировании противоположностями К. Г. Юнгом при построении им психологической типологии личности (202) и уже нашла преломление в модели разрешения противоречий жизнеотношений.

12. Порядок реализации и гибкость операционального состава мышления поддерживается, в числе других условий, особенностями **содержаний**, с которыми действует личность, устанавливая между ними множество «мыслимых отношений» при решении проблемы. К числу основных содержаний мышления относятся образы, симво-

лы и понятия объектов, закрепленные в изобразительно-речевых кодах. Процесс мышления выступает сменой циклов их жизненного порождения, репродукции и преобразования. Процессуально-содержательное единство каждого события мышления составляет, по выражению Л. М. Веккера, «формулу мысли» (32). В реальном взаимодействии и отношении личности к проблемному объекту «формулой» описываются усложняющиеся акты и эффекты его осмысления и переосмысления. Эффекты мыслительного процесса (репрезентация проблемы, идея ее решения, промежуточные интеллектуальные результаты, решение проблемы) формируют продуктивный план мышления, основной единицей которого выступает **понятие** или «концепт».

Приведем **модель генеза понятий**, выступающую необходимым дополнением общей модели развития мысли личности.

В контексте мыслительной активности понятия интегрируют первичные и вторичные образы объекта и действий с ним, превращая их в участников абстрактно-логического процесса. Придав образам, действиям и их элементам легко обратимую словесную форму, понятия хранят чувственную, фигуративную индивидуальность объекта, а также воссоздают его принадлежность к различным абстрактным категориям и идеальную форму его существования. «Понятие как специфическая структурная единица мысли, воплощающая ее высший уровень, представляет несомненную эмпирическую реальность, с которой нас сталкивают самые различные области практического и научно-теоретического опыта» (32; с. 281). В области персонологии сложная психическая ткань понятий позволяет с необходимой полнотой реализовать интеллектуальное отношение к «личности» и «Я» как сложнейшим реальным и идеальным объектам познания и самопознания.

1. Понятие является **инвариантом**, образующими которого, кроме собственно мыслительных «включений», выступают ощущения и восприятие, образы представлений, воображения, воспоминаний, эффекты переживаний и впечатлений, шлейфы желаний и самоотношения, а также предметные, пластические, речевые, действенные формы порождения и выражения мысли.

2. Содержанию понятия присущи обобщенность, существенность и отвлеченность особого рода. В общих признаках объекта **представлены** индивидуальные признаки, в абстрактных — конкретные, а в существенных — ситуативные.

3. Понятие строится как **иерархическая структура** признаков объекта. Ее можно рассматривать по «принципу обобщенности», означающему, что на каждом вышележащем уровне она содержит

все более существенные, фундаментальные признаки и, следовательно, включает все меньшее их число. При этом поддерживаются устойчивые отношения подчинения между нижними и верхними «этажами» иерархии.

Структуру можно рассматривать также по «принципу включенности», согласно которому растущие ранги обобщения предполагают увеличение проницаемости признаков более высокого ранга для признаков менее высоких рангов. Эмпирические признаки включаются в содержание признаков с растущей мерой обобщенности, преобразуясь из образных в мыслительные, из случайных в существенные, из индивидуальных в видовые, родовые, всеобщие. Общие признаки за счет проникновения эмпирических признаков становятся более «живыми», детальными, конкретными. Например, видимый огонек свечи, имеющий индивидуальные временные и топологические параметры, в понятийном осмыслении превращается в «свет», обладающий свойством безграничности, т.е. теряет свою предметность. Понятие «горящая свеча» приобретает такое расширенное объективное содержание, что ее свечение становится одним из бесчисленных моментов в вечном порождении света.

Структуру понятия можно определять и по «принципу межуровневых отношений признаков». Тогда она становится «расширяющейся спиралью» связей исходного конкретного объекта с умножающимися представителями каждого нового уровня структуры и приобретает статус символического, или теоретического, или феноменологического понятия. Их построение будет состоять в интуитивно-эмоционально-логическом восстановлении, упорядочении и структурной организации сквозных многоуровневых отношений объектов, сходящихся к основному объекту. Например, в области персонологии понятие «индивидуальная личность» может строиться как «символ», «общая теория», «культурный феномен».

4. Согласно разным классификациям, в содержательную структуру, или **семантику**, понятия входят другие понятия, указывающие на разноплановые признаки объекта:

- 1) предметно-структурные, функциональные, генетические, конкретно-ситуативные, категориальные понятия;
- 2) индивидуальные, видовые, родовые понятия;
- 3) ситуативные, специфические, общие, универсальные понятия;
- 4) эмпирические, конкретно-научные, общенаучные, философские понятия.

Содержание **зрелых понятий** формируется и развивается посредством привлечения всей тотальности сложившейся понятийной системы, оперирования понятиями разной степени общности в кон-

тексте решения конкретных жизненных проблем, а также путем сочетания сознательных и бессознательных способов понятийного структурирования для перехода к творческим, спонтанным преобразованиям понятия, ведущим к совершенствованию способов деятельности и поведения личности.

5. В понятийном пространстве выделяются понятия **разных видов**. Одно известное видовое различие указывает на существование предметно-образных, образно-схематических, образно-символических и абстрактно-речевых понятий. Другое различие указывает на существование общезначимых, культурно-специфических и личных понятий.

Еще одно распространенное различие понятийных видов имеет в основании характер и полноту «значений» понятий. Если значение ограничено предметным, конкретно-эмпирическим наполнением, охватывает очевидные функциональные и генетические отношения объекта и имеет множественные ассоциативные включения, то это «житейское понятие». Если значение включает всю полноту иерархии содержаний и сформировано посредством сложной системы операций, личность владеет «научным понятием». Можно выделить также «понятие-символ» (мифологическое, философское или художественное), строящееся путем творчески-ассоциативного нахождения образных заместителей, предельно соответствующих еще непознанному значению понятия. Символические слова или высказывания указывают на яркий предметный образ, а тот, в свою очередь, на волнующее мыслителя невербальное, иррациональное «ядро» понятийного значения. Как, например, можно метафорически определить направленность, различительную силу и расширяющееся пространство сознания, кроме присвоения ему символических имен «луча» и «света», подразумевая неизвестную энергию и проявляющую сущность сознательной активности? К перечисленным разновидностям понятий можно добавить «феноменологическое понятие», которое обладает интуитивным значением и одновременно глубоким субъективным смыслом, основанным на рефлексии и уникальном проживании личностью познаваемой реальности.

Развитие мышления личности происходит на основе индивидуального многоуровневого понятийного конструирования, предполагает присутствие и единство в содержании мысли различных видов понятий, является следствием уникального опыта осмысления мира, жизни, себя.

6. В развитой понятийной системе, будь то индивидуальное мышление или мышление определенной культуры, можно обнаружить

элементы всех предыдущих культурогенетических и онтогенетических этапов становления мысли. При этом существует глубокое сродство этапов культурогенеза и онтогенеза мыслительной активности. В понятийном мышлении современной личности могут относительно свободно функционировать концепты, соответствующие разным фазам культурогенеза и онтогенеза мыслительной деятельности, образуя «понятийное богатство мысли».

Как известно, одна из лучших **генетических типологий** понятий, взятых в контексте культурного и индивидуального мышления, принадлежит **Л. С. Выготскому** (38). Выделенные им разновидности концептов в их совокупности и интегральном развитии можно рассматривать как критерии **зрелости мысли личности** в условиях творческого синтеза потенциалов мышления разных культурных эпох и разных времен индивидуальной жизни.

Самыми генетически ранними понятиями и «следами» во взрослом мышлении являются «синкретические понятия». Они актуализируются путем случайного, ситуативного, ассоциативного сведения логически не соединимых вещей и событий. В синкретическую «связку» могут попасть любые элементы реальности, словно мыслитель бессознательно убежден, что «все в мире связано со всем» бесчисленным количеством непосредственных отношений. Эти понятия обладают большой силой субъективной убедительности, т. к. кажутся хранителями таинственного иррационального знания, поднимаемого из глубин души смутными желаниями, эмоциями и фантазиями. Синкретическими элементами понятийного строя взрослой личности выступают, например, мыслеобразные картины сновидений, необъяснимо влекущие идеи ритуальных, обрядовых и некоторых игровых действий, магические сцепления причин и следствий в «приметах», поэтические агглютинации шуточной «чепухи» и сказочной «небывальщины».

Максимилиан Волошин упоминает опыт обрядового синкретического творчества, описанный его знакомой писательницей. Подобного рода опыты живут и творчески питают нас, независимо от того, созданы ли они нами в детстве или нам их доверила древность, или они украсили нашу взрослую жизнь.

«Помню себя совсем маленькой в яркое солнечное утро, зажженную солнцем столовую с накрытым чайным столом, на котором ослепительно сверкают чайные ложечки. Большие еще не встали. Мне сразу бросается в глаза предмет, который я в комнатах никогда не видала: на полу лежит несколько душистых, едва распустившихся березок, и горничная засовывает одну из них в угол за диван. «Что это? Зачем?» — спрашиваю я. «Троицын день», —

объясняют мне. Мне ново и непонятно это слово; оно мне ничего не говорит, я удивительно быстро и радостно связываю оба представления и только оживленно допытываюсь: «Всегда так бывает?» — «Всегда, — говорит горничная, — а вот вечером пойдем на реку венки в воду кидать». Все становится празднично и необычайно в моих глазах. Я хочу помогать расстилать березки, накрывать на стол. Мне дают нести бумажный мешок с сахаром, и я, выпустив его из рук, роняю на пол. Белые кусочки громко рассыпаются и раскатываются по полу, сверкая на солнце. Я стою над ними. Троицын день... березки... рассыпанный сахар... Все это вместе... «Знаешь, — говорю я радостно маленькой сестре, — это тоже всегда так надо! Каждый раз, когда будет Троицын день, надо рассыпать весь сахар... Что-то вроде представления о разрушенном сахарном дворце мелькает в моем воображении. Раз в году должны гибнуть все белые сахарные дворцы... И еще несколько лет мы выполняли наш бессмысленный обряд, прячась от взрослых, как прячется сектант, совершая свое тайное моление» (36; с. 500).

Детство культур, детство современной личности и функционирование взрослого мышления отмечено становлением «понятий-коллекций». Такими концептами объединяются предметы, явления, события, которые вместе объективно участвуют в какой-то практической деятельности, представляют собой различные ситуативные формы одного и того же опытно постигаемого факта, связаны процессом реализации личностью какого-то конкретного сильного желания, служат материалом для словесного обозначения общих наглядных свойств личной «значимости», выделенные при первичном абстрагировании.

«Коллекционное мышление» отзывается в нашей взрослой жизни, когда мы спонтанно пользуемся приемами обыденного определения вещей, «от века» задействованных в повседневной жизни, хорошо знакомых с раннего возраста, очевидных со времен, когда сказки, легенды, предания и житейская мудрость окружающих были для нас основным источником знания о жизни. Особой магией обладает для нас логика древних обобщений, касающихся человеческих качеств, которую мы иногда стихийно воссоздаем, не подозревая, что ее искусные образцы появились тысячелетия назад. Разве заключения кого-то из нас о знакомом ему человеке не напоминают иногда коллекции «черт», объединенных в уже упомянутых «Характерах» Феофраста?

«Высокомерие — это какое-то презрение ко всем остальным людям, кроме себя, а высокомерный вот какой человек. Посетитель, который спешит, он говорит, что тот может встретиться с ним

после обеда на прогулке. Оказав людям услугу, он велит хорошо запомнить это. Избранный на государственную должность, отказывается, уверяя, что ему недосуг. Первым посетить никого он не желает. Со встречаемыми на улицах не разговаривает, а идет, глядя себе под ноги или, наоборот, высоко поднимая голову» (17; с. 32).

В процессах образования понятий-коллекций непосредственно зарождаются процессы становления «псевдопонятий», которые родственны абстрактным понятиям, но отличаются от них относительной нестойкостью структуры под воздействием сенсорно-перцептивных впечатлений, невысокими порядками обобщений, прямым участием в практических действиях в виде конкретных «рецептов», указаний и регламентов. Кроме того, они отличаются «законодательным» характером в смысле притязания на руководство повседневной жизнью и некоторого сопротивления когнитивным преобразованиям. В производстве и воспроизведении данных концептов задействованы самые разнообразные операции, в которых современная развивающаяся личность, подобно человеку магических и мифологических культур, может упражняться с настоящей страстью: различение, перечисление, сравнение, сопоставление, ассоциирование по внешнему сходству, гиперболизация, классификация, выделение предметных оппозиций и их эмпирический синтез, установление прямых причинно-следственных отношений.

По мере культурного и личностного становления концептуальной системы псевдопонятия эволюционируют, преобразуются в теоретические, научные и «метанаучные» концепты. Однако их изначальная красочность, интуитивная точность, богатство оттенков и близость художественному творчеству проступает в более поздних интеллектуальных образованиях.

Если продолжить аналогию между концептами становящегося мышления конкретной личности и культурогенетическими видами понятий, уместно обратиться к «интеллектуальным» европейским сказкам. Возьмем пример из старинной ирландской сказки «Мудрость Кормака» (56). Герой с неподражаемой рефлексивной изобретательностью, сочетая обобщенность значения и индивидуальность смысла, с убедительностью речи мудреца раскрывает способы построения псевдопонятия «**обычай королей**», вполне приемлемого для современного человека, облеченного властью и желающего быть достойным доверия других людей.

Первый способ: различение конкретных действий, формирующих королевский «обычай», и действий, которых следует избегать, в противоположность личным искушениям и возможностям.

Король говорит о себе:

«Я слушал лес, я глядел на звезды, я избегал тайн, я молчал в толпе, я говорил с людьми, я был кроток на пирах, я был горяч в бою, я был нежен в дружбе, я был великодушен со слабыми, я был тверд с сильными»... «Я не был высокомерен, хотя был силен; я не обещал ничего, хотя был богат; я не хвастал ничем, хотя был искусен во многом; я не говорил плохо о том, кто отсутствовал».

Второй способ: соотнесение оппозиций таким образом, чтобы не впасть в противоречие.

Король советует:

«Не смейся над старым, если ты молодой; и над бедным, если ты богатый; и над больным, если ты здоровый; и над тупым, если ты способный, и над глупым, если ты мудрый». «Не будь слишком умен и не будь слишком глуп; не будь слишком самонадеян и не будь слишком застенчив; не будь слишком горд и не будь слишком скромн; не будь слишком суров и не будь слишком добр».

Третий способ: указание на причинно-следственные зависимости, отрицательно влияющие на «обычай».

Король предостерегает:

«Если ты будешь слишком умен, от тебя будут ждать слишком многого; если ты будешь слишком самонадеян, тебя будут избегать; если ты будешь слишком скромн, тебя не будут уважать; если ты будешь слишком суров, от тебя отшатнутся; если ты будешь слишком добр, тебя растопчут».

Четвертый способ: синтез умений, способностей, черт характера личности, образующих подлинный «королевский обычай».

Король определяет идеал правителя:

«Ему следует спрашивать совета у мудрого, следовать учениям древности, блюсти законы, быть честным с друзьями, быть мужественным с врагами, изучать искусства, постигать языки, слушать старейших, оставаться глухим к клевете. Пусть он будет нежен, пусть он будет суров, пусть он будет страстен, пусть он будет милостив, пусть он будет справедлив, пусть он будет терпим, пусть будет упрен, пусть ненавидит ложь, пусть любит правду, пусть не помнит зла и не забывает добро».

Ключевым моментом культурного и личностного геза мысли является развитие «истинных понятий», а с ними утверждение в понятийной системе законов вербализации, категоризации, иерархичности, рациональности и индивидуальности знания. Каждое такое понятие стремится вобрать в себя многие другие истинные понятия и стать «концептуальной системой» или «теорией». Построенные на теоретическом уровне концепты воссоединяются в учения и ми-

ровоззрение; личность приобретает статус исследователя, ученого. При этом в зрелых концептуальных структурах талантливых мыслителей, включая «знатоков личности», творчески сочетаются синкретизм, символизм, теоретичность, рефлексивность, воплощенные в культурных формах магического, мифологического, художественного и научного мышления (189).

Примером истинного понятия может быть сама категория «мышление». Это общезначимое понятие, входящее в содержание многих наук, обладающее у конкретных личностей тем или иным уровнем развития и интеграции концептов разных видов. На его примере можно показать внутреннее разнообразие мысли-о-мысли, принадлежащей выдающимся исследователям в области философской и психологической теории познания, которые выражают точку зрения культуры и глубоко личное понимание «мышления». Сошлемся на **концепцию М.К. Мамардашвили**, представленную в работах «Картезианские размышления» и «Психологическая топология пути» (83; 86) и являющуюся, на наш взгляд, подлинно персонологической. «Мышление» рассматривается автором как «способность личности мыслить» и раскрывается путем применения философских, научных, символических и феноменологических понятий, обладающих разной степенью обобщенности, конкретности, интуитивности, эвристичности и экзистенциальности. Среди них выделяются **опорные концепты**, удерживающие и развивающие структуру исходного понятия, которые сам Мамардашвили назвал «неподвижными звездами».

К «звездам», освещающим его авторское понимание «мышления», можно отнести следующие концепты.

Философские: мир, существование, жизнь, феномен, пространство жизни, время жизни, человек, свобода, причинность, бесконечность, добро, красота, истина, познание, язык, порядок, закон.

Философско-психологические: индивидуальность, психическая жизнь, психические структуры, ментальные состояния, сознание, индивидуальное «Я», рефлексия, мысль, речь, интуиция, память, представление, воображение, восприятие, образ, действие, воля, переживания, впечатления.

Символические: чистое сознание, естественный свет сознания, поле сознания, точки интенсивности, врожденные идеи, путь мысли, места мысли, ослепительность понимания, фигура впечатления, запечатанные вазы, криптовые содержания, акт творения, тайна воплощения, сон мысли, лохмотья мысли, тайная химия мысли.

Экзистенциально-феноменологические: мысль как бытие-со-смыслом, мой опыт мысли, мое состояние, только у меня, только со мной, мое отношение к Другому, моя подлинная жизнь, усилие

жить, возврат моего-ко-мне, форма присутствия, глубокое чувство вещей.

Под взглядом персонологии в структуре, содержании и динамике мышления обнаруживаются проявления различных, укорененных в высших ценностях **жизненных отношений** личности: познавательного, эстетического, этического, практического, отношения к себе. В мудрой мысли представлено отношение личности к истине. И в этом отношении «нельзя зайти слишком далеко, потому что истина еще дальше» (86). Хорошая мысль является опытом «производства гармоний», в котором достигается оптимальное отношение между выражением и выражаемым, что говорит об эстетике мышления. Великая идея говорит на языке этики, показывая одну из сторон человеческого блага: «мысль — поступок раз и навсегда» (86). Осознание «это моя мысль» свидетельствует о значимости для личности ее способности быть мыслителем. Развитие мышления личности в измерении жизнеотношений является основой совершенствования интеллектуальной культуры социума, новой проблемой комплексных психологических исследований, историей и перспективой культурного становления личности, сокровенной задачей Я каждого, кто в искусстве мышления обрел смысл жизни.

Вследствие беспрецедентного умножения проблем, встающих перед человеком и доступных лишь отточенному индивидуальному уму, все большее значение приобретает **авторское начало** мышления. Мыслительная деятельность реализует свои разнообразные потенциалы, превращаясь в ведущую сферу объединения множества творцов на основе производства новейших интеллектуальных продуктов. В связи с этим в психологии актуализируется вопрос о личности как уникальном субъекте мышления, способном к продуктивному диалогу с другими.

При персонологическом исследовании мысли и ее субъекта должна получить дальнейшее развитие идея С. Л. Рубинштейна (124) о **личностном опосредовании** мышления в познании, труде, искусстве, нравственном поиске, самопознании, творчестве и юморе, составляющих ядро всечеловеческой культуры. Основными моментами этого опосредования определяются мыслительные возможности и способности личности, ее интеллектуальные ценности и потребности, направленность на значимые объекты мысли, интеллектуальные позиции, мыслительные установки, интеллектуальные вклады личности в культуру, присутствие личности в «мире мысли» других людей. Важно учитывать, как и насколько личность обладает смыслом — может — мотивирована — способна — склонна — настроена продуктивно мыслить при решении задач, которые ставит перед ней

жизнь. При гармоничной выраженности и соединении всех этих моментов мышление становится активно генерирующим, а личность — творческой.

Предлагаем **модель личности мыслителя**, акцентирующую направленность мысли субъекта на значимые объекты, его интеллектуальные позиции и, прежде всего, **мыслительные установки**. Основным референтом моделирования видим персоналога в его многоплановой интеллектуальной деятельности.

Направленность мысли на значимые объекты может выражаться в пристрастном сознательном или слабо осознанном выборе личностью конкретных доминант своего интеллектуального внимания, которые становятся источниками смыслов и мотивов мышления. Это могут быть другие люди, тексты, идеи, символы, практики, образы искусства, природные объекты, общество, общение, работа, «Я» и собственная жизнь.

Выстраивая в текущей жизни мир привилегированных объектов мысли, гибко улавливая, проживая и оценивая их проблемные отношения, личность занимает ситуативные **интеллектуальные позиции**, состоящие в том, чтобы:

- осуществить возможность мыслить;
- персонально принять и освоить готовое знание;
- транслировать другим идеи, концепции, мыслительные практики;
- быть исследователем, добывать новое знание;
- узнавать, как живут и о чем мыслят другие люди;
- разделять с другим человеком определенный стиль мышления, таинство мыслительного поиска;
- выражать свои желания, переживания и образы в форме мысли;
- обращать силу мышления в план самопознания;
- следовать мыслью за прошедшей и текущей жизнью;
- обобщать знания о себе в концепции и идеале «Я»;
- находить ошибки, подвергать сомнению общепринятое знание;
- видеть противоречия в собственном мышлении и мышлении других;
- распознавать в других партнеров, соавторов, компетентных критиков или лиц, противодействующих познанию;
- осознавать и сообщать смысл делаемому, совершаемому, происходящему;
- строить рациональные модели своей деятельности;
- вскрывать комическое в отношениях и поведении людей;
- моделировать свои отношения с другими людьми;
- создавать интеллектуально емкие изображения и тексты;
- искать идеал, высшие ценности, гармонию, совершенство;

- создавать обобщенный мислеобраз мира;
- формировать мировоззренческое отношение к жизни.

При реализации интеллектуальных позиций актуализируются, развиваются и выражаются в действиях **мыслительные установки** личности, задающие характер интеллектуальных изменений объектов, а также уровень субъективной причастности, заинтересованности, погружения в состояние мышления. Зрелые мыслительные установки выступают устойчивыми интенциями личности к интеллектуальному освоению значимых объектов и, по определению Д. Н. Узнадзе, указаниями для успешного завершения деятельности по преобразованию объектов (163). Установки имеют глубинный и сознательный генез, запускают тот или иной тип функционирования мышления и проживаются личностью экзистенциально, феноменологически, с различным участием интуиции, переживаний и рефлексии. Если исходить из представления о развитой **функциональной структуре** мышления как единстве функций осознания — познания — понимания — интерпретации — коммуникации — рефлексии — регуляции поведения — саморегуляции — символизации — идеализации — порождения комического и др., то суть мыслительных установок личности можно выразить в следующих интенциях, эффектах проживания и самообращениях:

- осознай это;
- исследуй и познай это;
- постарайся это понять;
- раскрой другим свое понимание;
- передай другим свое знание;
- найди новое знание;
- сомневайся в известном;
- подумай об этом иначе;
- построй свою систему знания;
- найди смысл;
- создай символ;
- думай, что хорошо, а что дурно;
- ищи идеал;
- пойми свои желания и чувства;
- будь остроумным;
- представь, что думает другой;
- подумай, как мыслишь сам;
- наблюдай, откуда является твоя мысль;
- думай, как действовать и поступать;
- подумай, что сделано и что может выйти из этого;
- наблюдай и думай о себе и своей жизни.

Сложные проблемы жизнедеятельности решаются личностью при актуализации, связи и смене различных установок. Они, как отмечалось, указывают на хорошо развитые функции мышления, оправдавшие себя в процессе жизни и прочно закрепившиеся в системе существенных детерминант мыслительного процесса. Установки также фиксируют **отношения** субъекта к объектам мысли, свидетельствуют о **ценностях** личности, развившихся в интеллектуальной сфере, выражаются в интеллектуальных позициях, отвечающих характеру поставленных мыслительных проблем.

Эффективность зрелой установки связана с повышением уровня сознательной и бессознательной активности мышления, осуществлением сложной композиции мыслительных операций, интеллектуальной продуктивностью и высокой субъективной оценкой результатов мышления. Актуализация определенных установок является внутриличностным основанием каждого нового цикла мыслительной деятельности, сопряженным с выбором, принятием и осмыслением объекта мысли, мотивированием мышления, готовностью достичь и реальным достижением интеллектуального успеха. Ансамбль установок с интегралом в виде **установки на творчество** характеризует личность как активного субъекта интеллектуальной жизни в культуре.

Спецификой мыслительной установки является слияние интенций и **действий**, направленных на значимые объекты. Содержательное раскрытие установки возможно через анализ инициированной осознанной деятельности и ее объективных и субъективных результатов, полученных в определенных жизненных условиях. Установка — это, прежде всего, ее продуктивное действие. Рассмотрим установки, выступающие динамичными «эквивалентами» личности, вовлеченной в разнообразную мыслительную деятельность, сфокусированную на творчестве. Именно такой является, на наш взгляд, деятельность персоналога.

Установка на познание. Это тенденции личности к абстрактно-понятийному мышлению, называемому «логическим», «дискурсивным», «направленным», а также мышлению, которое оперирует образными и символическими понятиями в процессах фантазирования и воображения. Ссылаясь на заключения **К.Г. Юнга** (199), специально изучавшего личностные аспекты мыслительной активности, можно выделить «образующие» двух типов установок личности на познание.

Логически-дискурсивная установка:

- активизация сознания, рефлексии;
- обращение к действительности, реальной жизни личности;

- приспособление к динамике вещей, событий, ситуаций;
- интенсивное, направленное продвижение в мысли;
- словесное оформление, протекание и выражение мысли;
- следование причинным связям и зависимостям реальности;
- включение в мыслительный процесс активного внимания, волевого усилия, целевой и смысловой направленности;
- адресация мысли другим людям, поиск ее социального подтверждения;
- раскрытие и развитие «Я» в его рациональном реагировании на реальность;
- ориентация на объект, на управление внешней деятельностью, на ее объективный результат;
- поиск противоречий действительности и движение к их интеллектуальному разрешению;
- перевод мысли из внутреннего плана в план внешнего действия;
- референция познавательных результатов к образованию, науке, наукоемкой практике;
- одновременная ориентация мысли на объект и мыслящего субъекта.

Продуктивность реализации интенций к логическому мышлению обеспечивается системой разнообразных скоординированных операций с абстрактными, идеальными и эмпирическими объектами. Сложный операциональный состав этой формы мышления позволяет личности понять и реконструировать чужую мысль, выдвигать гипотезы, вести исследования, создавать модели, строить оригинальные рассуждения, разнообразно оперировать оппозициями, делать выводы, обосновывать «порядки» практических действий.

Фантазийно-символическая установка:

- активизация бессознательного как «сгустка» истории душевного развития человечества;
- вовлечение в индивидуальное познание всеобщих, непрерывно возобновляющихся мыслей и символов человечества (жертва Христа, предательство Иуды, любовь Эдипа, подвиг Прометея, любовь Психеи, похищение женщин и т. д.);
- ориентация на «внутренние объекты», имеющие индивидуальную окрашенность и сильную зависимость от контекста душевной жизни личности;
- сопровождение мышления влечениями, проекциями, переживаниями, идентификациями личности с познаваемым объектом;
- создание воображаемых объектов, реализация эстетической связи с миром, эстетизация отношения к себе;

- обращение к «невозможностям» и поиск новых сочетаний «возможного» в отношении к будущему;
- соединение сознания и бессознательного в актах символического постижения действительности;
- действия, продуктивно воплощающие фантазийную мысль;
- референции «воображаемого» к искусству, гуманитарному познанию, литературе, практикам воспитания и развития человека.

У одних личностей активность фантазийно-символического мышления может вести к непониманию и неприятию реальности. У других она ведет к лучшему узнаванию реальности, когда интегрируется с рациональными путями познания. Такое мышление обеспечивает доступ к внутренней реальности, благодаря чему открываются глубинные желания и конфликты, становясь предметом логического самопознания (10; с. 251).

В области персонологии синтезу фантазийно-символической и логической мыслительных установок придается особое значение в связи с ценностью опытов герменевтики, использованием материалов искусства и литературы, анализом и творческим синтезом фактов и идей при работе с индивидуальными случаями, научным предвидением и прогнозированием, изобретением новых психопрактик. При реализации установки личности на познание в фокус мышления последовательно или одновременно попадает множество **свойств** значимого объекта. К ним могут относиться:

- свойства хорошо известные, малоизвестные или неизвестные;
- реально присущие объекту или субъективно присвоенные ему;
- непротиворечивые или конфликтующие;
- поддерживающие или нарушающие целостность и существование объекта;
- положительно или отрицательно оцениваемые личностью и другими;
- необходимые или случайные;
- устойчивые или вариативные;
- имеющие позитивные или негативные перспективы в генезе объекта;
- указывающие на тот или иной статус объекта в культуре и познании.

В зависимости от направленности на те или иные свойства объекта и характера мысленного оперирования ими можно определить, какой **ход мысли** субъекта осуществляет установку на познание. Полагаем, что понятие «ход мысли» близок категории «личностный тип мышления», введенной К. А. Абульхановой (3).

Если доминируют репродукция непротиворечивых свойств и выделение устойчивых связей объекта с другими, а также высокая субъективная ценность объекта и принятие его наличного состояния, то мышление осуществляет **канонизацию** объекта.

Если на первый план выходят отрицание известных свойств и взаимодействий объекта, подстановка воображаемых альтернативных свойств, фиксация его противоречий, когда одни свойства исключают другие, нахождение и акцентирование деструктивных взаимодействий объекта и выражение субъектом неудовлетворенности наличным состоянием объекта, значит, мышление осуществляет **критику** объекта.

Когда при познании объекта подчеркиваются его недостаточно известные свойства и взаимодействия, развивающий потенциал его противоречий, перспективы преобразования объекта, заполнения пробелов и преодоления оппозиций в знании, возможности новых интеллектуальных подходов, мышление демонстрирует **проблематизацию** объекта.

При условии акцентирования малоизвестных, случайных, негативных, контрастных, фантазийных свойств, принижающих реальный статус объекта, а также выражения амбивалентного эмоционального отношения к нему мышление осуществляет **компенсацию** недостатка знания об объекте.

Когда мышление извлекает только позитивные атрибуты объекта, преувеличивает их число, подчеркивает отсутствие противоречий в объекте и равновесие между его свойствами, утверждает высокий культурно-исторический и гносеологический статус объекта и выражает его сверхценность для субъекта, мышление производит **идеализацию** познаваемого объекта.

Если мышление акцентирует недостаток рационального знания о свойствах объекта, обращается к фантазийным или символическим их репрезентациям, отрицает известные свойства, стремится найти новые свойства, усилить влияния объекта на другие объекты, определить развивающий потенциал его противоречий, утвердить его высокий статус в мире и ценность для субъекта, следовательно, мышление стремится к **преобразованию** объекта.

Каждый ход мысли имеет свою развертку и возможности превращения в другие ходы. Например, «проблематизация» в динамике мышления может органично перейти в «преобразование». Это хорошо демонстрирует классическая концепция продуктивной мыслительной деятельности, намеченная **С. Л. Рубинштейном** (124). При ее **реконструкции** соотношение проблематизации и преобразования

в осуществлении личностью установки на познание можно представить следующим образом.

1. Обнаружение проблемных отношений свойств значимого объекта в зависимости от истории его познания в культуре, в науке, от результатов предыдущей мыслительной деятельности, объективных и субъективных условий актуального протекания мышления и устойчивых интеллектуальных предпочтений личности.

2. Формулировка проблемы, предполагающая теоретическое «доосмысление» проблемного отношения и его точную вербализацию в виде вопросов, допущений о неизвестном и о его противоречиях с известным в объекте.

3. Репрезентация ожидаемого решения проблемы в форме «цели» мыслительной деятельности, построение прогностической модели результата мышления; придание этой модели характера «детерминирующей тенденции» за счет непрерывного обращения к ней.

4. Поиск вариантов раскрытия проблемного отношения, отбор тех, которые ведут к новым решениям, сочетают интеллектуальную экономность и избыточность, отвечают творческим устремлениям и смыслам развития субъекта мышления.

5. Выдвижение основной гипотезы, планирование ее проверки, состоящей в совершении определенных мыслительных шагов, достижении промежуточных мыслительных результатов, применении и варьировании конкретных техник, методов и средств мышления, изменении интеллектуальных состояний субъекта, в частности, повышении активности рефлексии или интуитивного поиска.

6. Процесс мысленного решения проблемы, включающий либо пошаговое подтверждение гипотезы, либо отказ от нее и выдвижение новой, либо уточнение гипотезы; непрерывное прогнозирование и возвраты к ранним фазам решения; использование подсказок; отказы от запланированных мыслительных действий в пользу других, затребованных динамикой процесса мышления.

7. Решение проблемы как преобразование свойств объекта и субъекта, извлечение неизвестного, достижение личного интеллектуального результата. Это может быть ответ на исходный вопрос, или формулировка сделанного открытия, или нахождение новой идеи, или заключение о снятом противоречии в объекте; или возникновение субъективных эффектов понимания, творческого озарения, или усиление Я как эффект рефлексии интеллектуального успеха.

8. Интеллектуальная оценка найденного решения, преобразующего объект и субъекта познания. В частности, степени соответствия решения замыслу, цели и гипотезе, качественного уровня ре-

зультата в сравнении с уровнем предшествующих результатов в той же проблемной области, влияния результата на знание субъекта о своих мыслительных возможностях и интеллектуальной состоятельности, места результата в системе достижений, принадлежащих другим мыслителям, практической значимости полученного знания.

9. Укрепление смысла и возникновение новых интенций к проблемному, преобразующему объект познанию и самопознанию личности.

Здесь просматривается **модель построения персонологического исследования**, нацеленного на такую постановку и решение проблем «личности», которая предполагает новизну, научную нетривиальность, оригинальность идей, концепций, фактов, методов, которыми оперирует персонолог, мыслящий и действующий в измерениях герменевтики, теории, практики и самополагания в качестве автора.

Можно говорить о доминировании того или иного хода мысли в зависимости от связей личности с определенными объектами и социокультурными сферами реализации интеллектуальной деятельности. Так, абстрактные профессиональные объекты, относящиеся к науке, философии, теоретическому моделированию, информационной деятельности, активизируют канонизацию — критику — проблематизацию — преобразование. Конкретные профессиональные объекты, существующие в политике, бизнесе, управлении, консультировании, требуют канонизации — проблематизации — преобразования. Мыслительные объекты в гуманитарной сфере, в том числе психологии личности, предполагают активность проблематизации — преобразования — компенсации — идеализации.

Установка на понимание. Это ориентация личности на непрерывное обучение приемам мышления, на освоение готового концептуального знания, на освоение и принятие интеллектуального опыта других, на воспроизводство традиций мыслительной деятельности как части многовековой культуры познания. Активность конкретного мыслителя состоит в возможно более полном «вычерпывании» известных значений философских, научных, художественных понятий и в овладении способами их воссоздания, реконструкции и использования. «Понять» — это попасть в пространство существующих ценностей духовной культуры. Установка на понимание делает личность открытой и восприимчивой к чужим идеям и идеалам в их наполнении стремлениями, чувствами и смыслами авторов, а также к повторению техник познания, изобретенных другими людьми. Установка имеет ценностный характер, проявляющийся в любви, уважении, восхищении умственными достижениями мыслителей прошлого и настоящего, в усилиях

быть «понимающим» и «посвященным» в среде творцов и новаторов ради расширенной передачи и «социализации» их открытий. Личность, следующая этой установке как основной, встает на путь ученичества и наследования, на котором оживляет и хранит интеллектуальную культуру.

Задачи мыслительной деятельности, детерминированные установкой на понимание, связаны в основном с переносом готовых знаний или познавательных методов в условия, которые отличаются когнитивной неопределенностью, заключают ошибку либо заблуждение, открывают новые возможности применения известного. Следуя установке на понимание, личность сама стремится к тому, чтобы ее идеи были понятны для других людей, чтобы ее интеллектуальные суждения соответствовали логике других, а результаты ее мышления могли быть использованы в коллективном познании. Непонимание мысли личности другими людьми создает благоприятную ситуацию для ее ухода в мир фантазий и внесознательных интуиций, что ведет к переживанию интеллектуального одиночества. С другой стороны, недостаток понимания другими — возможность для личности усовершенствоваться в стиле освоения и передачи мысли. Понимание и собственная понятность в сфере мышления являются для личности условиями ее эффективного социокультурного диалога.

Установка на интерпретацию. Она направляет личность в авторском понимании и проблематизации знания, состоит в использовании известных концептов для объяснения, постижения и преобразования текстов, символов, изображений, жизненных фактов и новых научных данных. Жизнь, другие люди, собственное «Я», культурные носители знания могут стать для личности неисчерпаемыми предметами авторских интерпретаций. Проинтерпретировать какую-либо реальность, значит, поместить ее в контекст собственного интеллектуального опыта, обогащенного расширенным опытом других людей. Чем ближе этот контекст к высокой интеллектуальной культуре, тем богаче познавательный, социальный и жизненный потенциал личностной интерпретации. Коллективное знание, формирующееся путем синтеза множества авторских интерпретаций, выступает гибким и многообразным «личностным знанием» о мире. «Жизнь личности», познаваемая путем самоинтерпретаций с опорой на культурные источники и научное знание, становится перспективной для самотворчества. Слабость установки на интерпретацию выражается в предпочитаемом использовании личностью готовых, известных, общепринятых форм мысли без их авторского осмысления и раскрытия их новых культурных, научных и экзистенциальных возможностей.

Действие данной установки личности в жизни и в отношении к ее субъектам, событиям, предметам и ценностям хорошо представлено в когнитивной теории личности **Дж. Келле** (169). С позиций этой теории, личность, направляемая зрелой установкой на интерпретацию, выступает «исследователем жизни». Нормативные знания, распространенные техники мышления становятся для нее материалами и инструментами собственного пути познания. Взаимодействие с миром требует от нее не только понимания, но и непрерывных объяснений и указаний, руководящих индивидуальными действиями при встрече с «фактами». С этой целью создаются **интерпретационные конструкты**, представляющие собой сплавы некоторой «идеи» о факте, «способа» формулировки этой идеи, личностной «оценки» факта и интенции к определенному «поведению». Согласно Келле, к наиболее распространенным интерпретационным конструктам принадлежат:

- предопределяющие («Это ложь и ничего больше»);
- констеллятивные («Если это ложь, то это нечестно, наказуемо, явный признак морального разложения и т. д.»);
- пропозициональные («Можно предположить, что это ложь»).

Предопределяющие конструкты, нацеленные на исключение альтернатив, воспроизводящие распространенные клише, выражающие согласие с чужими толкованиями, не требуют дальнейшего осмысления факта и задают поведение, устраняющее когнитивную неопределенность. Констеллятивные конструкты, предполагающие выбор одного из нескольких возможных объяснений и дающие уточняющие и прогностические характеристики факта, допускают осторожное, апробирующее поведение личности, открытое для проверки и исправления ошибок. Пропозициональные, или гипотетические, конструкты ориентируют на будущее тщательное исследование факта с удержанием в основной интерпретации нескольких альтернативных объяснений. Поведение намечается с учетом возможности пересмотра факта и является многомерным и гибким по составу исполнительных действий.

Очевидно, что к собственно «исследовательским» интерпретационным конструктам относятся только два последних, хотя их перечень можно продолжить. Например, включить в него **моделирующие конструкты**. («Если предположение о лжи подтвердится, то, преодолевая ее, можно обнаружить истину».) На их основе определяются программы проверки авторских гипотез о реальности, способы ее пересмотра и планы поведения в соответствии с новым взглядом на факты. Иногда за счет удачной интерпретации жизненный факт может приобрести статус «критического случая» как предмета от-

крытий в науке или искусстве. В частности, это происходит с некоторыми авторскими интерпретациями, сделанными в психологии, философии, филологии.

В персонологии «интерпретирующий» стиль мышления, состоящий в свободном привлечении к познанию личности множества предположений, идей и фактов из разных областей знания, различных теорий и текстов, ценится особенно высоко. Персонологические интерпретации ведутся в русле применения герменевтического подхода к личности при исследовании ее жизни, отношений, свойств и «текстов личности», включая научные, рефлексивные, литературные тексты, а также тексты консультативных и психотерапевтических сессий.

Проблемы, к которым обращается субъект данной установки, требуют развития знания на основе использования коллективного и личного когнитивного опыта, а также оригинального субъективно-синтеза элементов этого опыта. Если понимающая установка смещает внимание и позитивные переживания субъекта на промежуточные процессы применения общеизвестного знания в новом цикле познания, то интерпретирующая установка наиболее действенна при движении к авторскому интеллектуальному вкладу в изучение объекта.

Установка на диалог. Это тенденция личности к социально ориентированному мышлению, которое предполагает ее участие в коллективной мыслительной деятельности, развитие ее способности к интеллектуальному влиянию, а также ее интеллектуальную состоятельность в культурном социуме. Следование данной установке означает поиск субъектом возможностей для совместной мыслительной активности, обмена знаниями с конкретными другими людьми, для представленности в них себя-мыслящего и для внутренних обращений Я к другим мыслителям. Выраженность установки указывает на переживание и осознание личностью присутствия «Другого» в любой операции и любом продукте мышления, на признание значимости мысли другого человека, на стремление усовершенствовать мышление других, на высокую ценность для личности широкого практического использования достигнутых ею мыслительных результатов. В персонологии, в связи с ведущей ролью отношений «личность — личность» в герменевтической, теоретической, экспериментальной, практической и рефлексивной деятельности, значение установки мыслителя на диалог особенно велико.

Полагаем, что зрелость этой установки личности конституируется ее конкретными **диалогическими интенциями**, определяющими:

- активное обучение у других, проявление инициативы в интеллектуальном общении, корректное использование в своем мышлении интеллектуальных ресурсов других;
- поиск взаимопонимания с другими по поводу содержания, процесса и средств мышления;
- достижение идентичности с авторитетными партнерами в совместной мыслительной деятельности;
- оценку социальной ценности информации, используемой в процессе мышления;
- понимание идей и суждений партнеров по интеллектуальной деятельности;
- принятие аргументов, высказываний, критики и опыта участников интеллектуальной коммуникации;
- управление коммуникацией партнеров при решении мыслительных проблем;
- поддержку продуктивных, творческих идей, развиваемых другими мыслителями, участие в их распространении, конструктивном обсуждении, практическом применении;
- представление собственных идей в понятной, убедительной и доступной для адресатов форме;
- плодотворное участие в интеллектуальных спорах, дискуссиях, коллективных обсуждениях проблем, «мозговых штурмах», коллективном исследовании и творчестве;
- оценку своего интеллектуального успеха в контексте совместной мыслительной деятельности;
- поиск согласия, договоренности, кооперации, сотрудничества при возникновении конфликтов в совместной мыслительной деятельности;
- помощь другим при затруднениях и ошибках в мышлении;
- рефлекссию своего присутствия в качестве мыслителя во внутреннем мире Другого;
- ожидание объективной оценки процессов и результатов своего мышления со стороны других людей;
- ориентацию на активную передачу своих идей в коллективном дискурсе;
- рассмотрение поставленных мыслительных проблем и достигаемых интеллектуальных результатов с точки зрения их общей социальной значимости и жизненной ценности для конкретных других людей.

Установка личности на диалог в мыслительной деятельности противоположна ее тенденциям к интеллектуальной агрессии, давлению, манипулированию, распространению когнитивных клише

и стереотипов, эгоцентризму или чрезмерной неординарности мышления. Вместе с тем она означает открытость и способность личности к пониманию враждебных установок других по отношению к ее интеллектуальному поиску, корректное преодоление деструктивных воздействий других на проводимые исследования и репрезентацию полученных знаний, раскрытие личностью замыслов других по созданию трудностей для продвижения ее новых идей (108). Кроме того, диалогическая установка означает конструктивные ответы личности на сопротивление других при внедрении интеллектуальных инноваций, разрешение коллизий, связанных с противодействием других распространению интеллектуальных продуктов личности в информационном пространстве, адекватный отклик личности на сокрытие другими данных, необходимых для ее познания и самопознания.

В целом диалогическая направленность личности в мыслительной деятельности не ослабляет, а усиливает достоинства мышления — уникальность, авторство, возможность творческих вкладов в интеллектуальную культуру общества.

Установка на рефлекссию. Это направленность личности на решение задач самопознания и самоисследования, способствующая эффективному контролю мыслительной деятельности в ее течении и получении промежуточных и конечных результатов. Активизируя мысль о «Я», установка является условием эффективной саморегуляции, самоорганизации и самовыражения личности в интеллектуальной жизни. Благодаря рефлексивной установке мышление приобретает «тройную» силу, т. к. субъект может одновременно фокусировать мысль на объекте, на себе и своей мысли, на процессе самоосуществления в объекте. Установка удерживает, возобновляет и продлевает **«мою мысль о собственной мысли»**, проживаемую, по выражению Ивана Бунина, «как самое неотразимое доказательство моей причастности чему-то такому, что во сто крат больше меня». Активность рефлексии в различные моменты конкретной мыслительной деятельности может изменяться от уровня, на котором субъект поглощен мышлением без регулярных обращений к своему «Я», до уровня ясного самоотчета о способах, операциях, продуктах мышления и до уровня восхождения к «трансцендентному Я» как высшему источнику и субъективному проекту мыслительной активности.

Обобщим в **модели** ключевые эффекты реализации субъектом мышления рефлексивной установки:

1) мысль о том, что я мыслю об определенном **объекте** (мысль о предмете своего мышления);

2) мысль о том, что я **мыслю** об объекте (мысль о своем нахождении в состоянии мышления);

3) мысль о том, **что** именно я мыслю об объекте (мысль о содержании своего мышления);

4) мысль о том, **как** я мыслю об объекте (мысль о способе своего мышления);

5) мысль о том, что мысль принадлежит **мне** (мысль о «Я» как источнике мышления);

6) мысль о том, как я-мыслитель **вливаю** на свое мышление (мысль о своих свойствах как мыслителя);

7) мысль о том, что стало **результатом** моего мышления (мысль о продукте своего мышления);

8) мысль о том, что моя мысль **пополнила** знание об объекте (мысль о присутствии Я в познаваемом предмете);

9) мысль о том, что моя мысль изменила **меня** как мыслителя (мысль о развитии Я в процессе мышления).

Видно, что в этом континууме рефлексивных эффектов каждый эффект предполагает предыдущие, т. е., к примеру, узнавание «Я» в предмете мысли посредством акта синтетической рефлексии «снижает» эффекты рефлексивных действий по отношению ко всем основным особенностям мыслительной деятельности. Здесь можно использовать введенное В. Лефевром понятие **«порядков рефлексии»**, которые возрастают по мере движения субъекта от фиксации факта «мыслю» до раскрытия в предмете мышления и в себе своего следа как мыслителя.

Рефлексия мыслительной деятельности, направленной на внешние и внутренние объекты, позволяет личности отнести значимые источники, способы и результаты мышления к себе, закрепив их в структуре своих интеллектуальных способностей. Вследствие этого мышление приобретает не только соответствие познаваемой реальности, но и мощный субъективный источник развития. Рефлексия, обращенная к «Я», сосредоточена на внутренних качествах субъекта, на оценке интеллектуального уровня его жизни в культуре и обществе, оттесняя интуитивное, нерефлексивное понимание себя-мыслящего. Результаты рефлексии выражаются в особых мыслительных продуктах личности. Это понятия, относящиеся к «Я-мыслящему», это его жизненные смыслы, цели, планы, стратегии, рациональная самооценка, нарративы, история жизненного пути. Облеченные в форму философских, психологических или литературных текстов, рефлексивные построения могут становиться вкладом в культуру изучения и самопознания человека. Для персонолога активность рефлексивной установки означает непрерывные ин-

тенции к Я-присутствию и феноменологическому погружению в свою жизнь, познание и практику, к дискурсивному и символическому открытию своего существования в мире и «Я» других людей. Интегрируя знания о «Я» личности, рефлексия может обратиться к своим глубинным источникам и вызвать из бессознательного символы индивидуального движения к гармонии, творчеству, красоте, равновесию, совмещению противоположностей или, напротив, к конфликту, разрушению и смерти. У личности, использующей положительные потенциалы искусного самоизучения и иррационального порыва к подлинности самобытия, развивается способность быть созидательной силой культуры.

Установка на остроумие. Она является ориентацией личности на достижение и утонченное переживание неординарного интеллектуального результата, умножающего опыт смеховой культуры. Данная установка может быть охарактеризована на основе содержания превосходной работы **З. Фрейда** «Остроумие и его отношение к бессознательному» (172).

Процесс реализации установки на остроумие захватывает осознаваемые, а также несознаваемые и ненаблюдаемые моменты мышления. При развертывании сознательного мышления как организованного, целенаправленного и результативного процесса в его подтексте могут оформиться компенсирующие тенденции, отвечающие бессознательному или скрываемому сопротивлению субъекта общепринятым канонам правильности, объективности и обязательности рациональной мысли. К примеру, требует компенсации сомнение субъекта в утвердившихся принципах искания истины, или его неудовлетворенность уровнем нормативного знания и критический настрой по отношению к нему, или его отвержение устаревших способов мышления. Возможно, должна быть скомпенсирована тревога субъекта по поводу возможной критики его мышления, или непризнания другими достоинств его ума, или ограничения в свободе интеллектуального творчества, или наличия у него «асоциальных» идей, или вынужденного сдерживания удовольствия от мыслительной деятельности, или скрытой потребности в интеллектуальном доминировании, не реализуемой прямым путем. Остроумие — прекрасный способ отвода энергии регрессивных интенций, присущих субъекту мышления, в новую область мыслительного творчества, рассчитанного на понимание других людей и имеющего культурную ценность. При этом наибольший ценностный вес остроумие приобретает тогда, когда естественные для него «обнажающие», «агрессивные», «скептические», «иронические» и «демонстративные» тенденции отступают перед проявлением личностью своей способности видеть неявный,

по-новому конструктивный смысл в интеллектуальных клише и переживать в этой связи радость и удовольствие. «Дуракам угодно, чтобы я сам следовал тем советам, которые даю другим. Но это невозможно, ведь я же совсем другой», — заметил Сальвадор Дали (42; с. 192).

Установка на остроумие может реализоваться в процессах серьезной разработки интеллектуальных проблем. Она спонтанно, эвристично, иногда в виде блестящей импровизации выражает себя в комическом решении как своего рода логическом отклонении, «сдвиге». Кажется, что в сознательной жизни появляется какое-то другое мышление, не доступное оценке и критике, имеющим место в обычной интеллектуальной деятельности. Пробелы, противоречия, неясные места, пропуски в мыслительных репрезентациях каких-либо объектов и ситуаций преодолеваются за счет концептуальных операций, поверхностно очень похожих на фантазирование. Это комическое преувеличение и преуменьшение, подчеркивание противоположного, необычный синтез и сгущение оппозиций, «склеивание» несовместимого и отдаленное сравнение, изоляция «кричащих» признаков и выпячивание несущественного. В ходе комической проблематизации продуцируются забавные метафоры, словесные бессмыслицы, нелепицы и явные логические ошибки, тонко направляющие мысль субъекта на пересмотр устоявшихся интеллектуальных конструктов методом исправления искажений, содержащихся в остроте.

Иногда действие установки на остроумие ограничивается просто шутовой формулировкой проблемы, состоящей в намеке на что-то обычно умалчиваемое, в недомолвке или двусмысленности. Причем намек должен быть броским, а пробел в мысли — легко заполняемым. Но чаще всего установка реализуется в развернутом процессе мышления, где постепенно рождается неординарная, иногда на грани «допустимого», мысль, или действие установки осуществляется в спонтанном интуитивном открытии, меняющем устоявшиеся взгляды многих. Мысль-острота имеет персональное авторство, является подлинным, уместным, своевременным и творческим событием в единственной ситуации индивидуальной жизни, продленной в жизнь других и в бытие культуры.

В персонологии известное выражение «остроумное решение» означает не только нетривиальный эффект познания, но и нахождение символов исследуемых явлений в культуре комического, применение «смеховых практик» в познании и консультировании личности, творческое продуцирование и использование смеховых «сюжетов» в самопознании и саморазвитии персонолога. Мой коллега Вадим Петровский на одном из научно-исследовательских семина-

ров для студентов НИУ ВШЭ с иронией отметил превратности свободы «Я»:

Изрыв глубины, выгнав выси,
Я своего же бытия
Познал Я то, что независим,
Я независим от себя.

Куда грохочет колесница?
О чем стрекочет колесо?
А мне все чаще-чаще снится
Зависимость: со-со-со-со...

Установка на творчество, или «продуктивная установка», является готовностью и инициативой личности к авторскому порождению новых идей, преобразующих реальность. В системе других мыслительных установок она играет особую роль. Во-первых, является интегралом интенций познания, понимания, интерпретации, диалога, рефлексии, остроумия и придает им продуктивность и неповторимый «вкус индивидуальности». Во-вторых, она актуализирует не только сознательно-рефлексивную, но и интуитивно-постигающую динамику мышления, определяющую его эвристичность. В-третьих, данная установка способствует появлению новых интеллектуально емких форм современной культуры: информационной, научной, технической, художественной, коммуникативной. В-четвертых, при успешной реализации она «закрепляется» в личности как спонтанный глубинный процесс воспроизводства состояний интенсивного поиска и создания новаций, что задает уникальный контур творчества личности в культурной динамике.

Установка на творчество выражает себя в характерных особенностях личности мыслителя и мыслительной деятельности, отмеченных **М. Вертгеймером** (33) с позиций гештальт-психологии:

- оценка человеком своего мышления как способности исследовать мир;
- потребность мыслителя в достижении эффекта «хорошей структуры», признаками которой являются согласованность, соразмерность, гармоничность, равновесие понятий и идей, функционирующих в зависимости от своего места и роли в образовании структурных качеств и отношений;
- стремление мыслителя преодолеть неизвестность отношений, разрешить противоречия явного и скрытого в создаваемой структуре, а затем испытать чувства новизны и интеллектуальной гармонии;

– поиск мыслителем проблем в исследуемых интеллектуальных структурах и возможностей творческого переструктурирования; особое внимание к пустотам, нарушениям, неясным местам в актуальном знании и понимании;

– интуитивность мыслительного процесса, реализуемого по трудно улавливаемой «логике» структурообразования в «поле сознания»;

– мысленное воссоздание и создание «целого» посредством операций различения и введения новых элементов и отношений объекта, их изоляции, группировки, центрирования, реорганизация структуры и обнаружения «структурной истины»;

– осознание процесса поиска и его результатов, которое, благодаря своей интенсивности и непрерывности, парадоксально усиливает нерелексивные состояния предвосхищения, догадки, озарения, интеллектуального избытка и наслаждения тем, что, по словам Л. Ландау, «удалось понять то, что был не в силах вообразить».

Присутствие творческой установки мышления лучше всего осознается людьми, испытавшими радость собственных интеллектуальных поисков, открытий, порождения избытков знания, вызывающих личность к продолжению мыслительной деятельности. В частности, психологическая характеристика данной установки была эксплицирована **Г.С. Батищевым** (16) из психологической концепции творчества, созданной С.Л. Рубинштейном, и эта экспликация означала «встречу» двух исследователей, объединенных стремлением творить. Приведем эту характеристику с некоторыми дополнениями.

1. Творческая, или «креативная», установка мыслителя может иметь разные формы и действует как личная восприимчивость к открытиям, новациям и нововведениям, принадлежащим другим, а также, и это главное, как направленность на самостоятельное генерирование нового.

2. Руководствуясь творческой установкой, мыслитель предпочитает проблемы, связанные с преодолением заблуждений, движением к неизвестному, с качественным улучшением наличного знания, обнаружением неразрешенных противоречий, уловлением будущих тенденций в познании и построением принципиально новых концептуальных структур.

3. Творческая установка проявляет себя во внешней и внутренней продуктивности. Первая составляет индивидуальный вклад в «произведенческое бытие» интеллектуалов, растворяясь в нем или выделяясь в качестве исключительного опыта. Вторая состоит в «построении» самого мыслителя, развивая его интеллектуальную одаренность и личностные черты, поддерживающие становление творческого таланта. Мыслительные достижения и устойчивые от-

ношения к ним субъекта входят в структуру его личности, в его историю, в число главных «направляющих» его жизненного пути.

4. Акцент на творческую установку в мышлении означает иной подход к исследованию мышления, чем его изучение в качестве реактивного процесса, отвечающего на типичные когнитивные ситуации, или в качестве активности, самопроизвольно возникающей в динамике естественного влечения к интеллектуальному структурированию мира. Данная установка вызывает сосредоточение субъекта на самом мышлении с тем, чтобы во взаимодействии с проблемной ситуацией извлечь как можно больше возможностей для обновления операционального, инструментального, результативного, регулятивного состава мыслительной деятельности и, как следствие, приобрести свойства, придающие субъекту уникальность в среде мыслителей.

5. Творческая установка реализуется одновременно в первичном, или авторском, мыслительном творчестве, а также во вторичном творчестве или со-творчестве с другими. Последняя характеристика указывает на диалогичность процесса рождения идей, на то, что длительная жизнь авторской идеи обусловлена ее ценностью в пространстве коллективных идей и что любая творческая идея так напитана желаниями, страстями автора, что неизменно притягивает, заражает и вдохновляет умы многих других.

6. Творческая установка «работает» не только на оригинальность и общезначимость мыслительного результата. Далеко не вся сила продуцирования и творческого замысла выражает себя в конечном, о вещественном результате поиска. Не меньшую ценность имеют также новизна в способах, техниках и средствах генерирующего процесса, оттенки проживания мыслительного творчества, приемы вызова вдохновения, конструктивные изменения в самом мыслителе и новые позитивные моменты в самоотношении. «Я пошел в атаку на проблему... Для меня это был священный обет, вопрос жизни и смерти. Я знал, что погибну, если потерплю неудачу... Решение было запрятано где-то в глубинах мозга, а я все еще не мог вывести его наружу. Я почитал свои любимые, вдохновенные строки Гете из «Фауста»... И вдруг мысль, как вспышка молнии, поразила меня, и через мгновение открылась истина. Образы, увиденные мной, были необыкновенно отчетливы и до такой степени обладали твердостью металла и камня, что я сказал: «Вот это мой двигатель. Посмотрите, как он у меня работает». Я вырвал эту тайну у природы, и мой двигатель работал именно так, как я увидел в мысли», — вспоминал Н. Тесла (157; с. 48).

7. Установка на творчество выражается в некотором противостоянии эпистемологическим традициям и устоявшимся моделям интерпретации опытных данных, разрывает привычную интеллекту-

альную коммуникацию человека, требует остаться наедине с собой и влечет к рефлексивному проторению пути для бессознательных процессов мышления. Иногда данная установка конфликтует, а может и агрессивно исключать активность других установок мыслительной деятельности. Однако при эффективном действии она придает мышлению рациональный, понимающий, интерпретирующий, рефлексивный и диалогичный характер.

8. В творческой установке личности заключена мощная энергия для интенсивного протекания мышления. В каждом творческом мыслительном акте происходит оживление всего структурированного понятийного опыта субъекта и появление «идей» как концентрации опыта, оптимальной для решения проблемы. Мыслительные операции протекают с такой скоростью, при которой в единицу времени генерируется на порядки больше концептуальных вариантов, чем в режимах действия других мыслительных установок. Рождаются идеи, оптимально «пригнанные» к условиям данной проблемной ситуации, строится прогностическая модель промежуточных и конечных результатов поиска. Возникает интеллектуальная чувствительность и действенное отношение к ошибкам и противоречиям в мышлении, стремление к самовыражению в строго логической и символической формах, свидетельствующих о содействии творчеству сознания и бессознательного, появляется избыточность мыслительного результата в свете новых данных, выходящих за пределы проблемной ситуации. Воспроизводятся неповторимые душевные состояния подъема, удовлетворенности собой, причастности к большим феноменам жизни.

В условиях построения «новой персонологии» творческая установка персонолога, определяя его профессиональную ориентацию на синтез знаний, методов, практик и опытов самополагания, является ведущей, а следовательно, определяет успех проекта «науки личности». При этом в устремлениях персонолога к научному творчеству, в построении его замысла, разработке моделей преобразования реальности и освоении порядков рефлексии важнейшую роль играет владение искусством речевого порождения и репрезентации мысли, а также вербального самовыражения в отношении к другим, к себе, к культуре.

Модели слова и высказывания личности в контексте жизни

Далее, расширяя границы традиционных философских, психологических, лингвистических исследований речевой деятельности, рассмотрим сложный феномен **слова** как реальности жизни личности. Роль слова в индивидуальном бытии рассматривается с учетом куль-

турогенеза речи. Намечаются культурно-психологические модели «слова» с акцентом на его разнообразные функции и свойства в развитии, творчестве, самопознании и самоопределении личности.

Анализ фундаментальных исследований речи (12; 19; 20; 34; 38; 44; 48; 49; 55; 66; 68; 69; 78; 116; 177) позволяет заключить, что в **функциональном** аспекте слово способствует:

- установлению опосредованной связи субъекта с объектом;
- развитию и реализации познавательной деятельности субъекта;
- замещению образных моделей объекта;
- субъективному слиянию субъекта с объектом;
- субъективному пониманию и осмыслению объекта;
- символизации как выражению иррационального знания об объекте;
- выражению оценочных переживаний по поводу значимого объекта;
- реализации интенции «могу говорить»;
- обмену, диалогу, передаче и сохранению знания между субъектами;
- оформлению концептуальных моделей изменения объекта;
- осуществлению рефлексивных действий и выражению их результатов;
- внутреннему диалогу субъекта с собой и другими;
- репрезентации неосознаваемых психических содержаний;
- обозначению «пустот» в концептуальных моделях объекта;
- структурированию сознательных актов субъекта;
- запуску, регуляции, совершению действий субъекта;
- созданию персональных текстов, самоописаний.

В жизненном становлении личности этот богатый потенциал слова реализуется посредством развития его функциональных **свойств**. Среди них свойства слова быть перцептивным образом, сигналом и действием, знаком и именем, носителем значения и смысла, символом, средством означения и экспрессии переживаний, способом общения, средством авторского самовыражения. Имея в виду данные свойства, исследователи говорят о многих «сущностях» слова, например, указующей и означающей, концептуальной и именующей, смысловой и символической и т. д.

Так, слово в его свойстве быть **знаком** обладает перцептивно-образной формой, выступает психическим гештальтом, связывающим слуховые, кинестетические, визуальные и т. д. впечатления личности от говорения, слушания, чтения, письма, представления о собственной и чужой речи.

Как самостоятельный перцепт и образ, слово уже в раннем культурно- и онтогенезе может участвовать в субъективном пространственно-временном взаимодействии элементов любой жизненной ситуации. В этом качестве оно может быть изолировано из ситуации в роли «приметы», «намека», «указателя», «сигнала» наступления последующих событий и появления сопутствующих элементов ситуации. Здесь слово является частью того синкретического целого, на которое указывает; оно является таким же «предметом», «вещью», как все остальное в этом целом. Примером может быть «клич» в архаичном ритуале охоты или детской игры в охотника.

Назначение ранних слов может не осознаваться личностью, т. е., по выражению М. Фуко, используются «неизвестные» знаки. За ними не усматривается скрытых содержаний, не хранится никаких тайн, т. е. они являются «немыми». Но при этом произносимые слова позволяют личности произвольно противопоставить себя ситуации, «магически» вызвать ее необходимые предметные и процессуальные составляющие или представления о них. Слова первых лет жизни ребенка призваны создавать одни и те же ситуации исполнения его желаний, и из них не должен выпасть ни один из слившихся со словом элементов.

В дальнейшем, по мере жизненного развития субъекта речи, слово становится подлинным знаком, т. е. приобретает означаемое, которое отделено от него как «другое», может быть замещено словом без утраты своего основного содержания и входит этим содержанием в структуру словесного знака в виде «значения». По формулировке М. Фуко, слово-знак репрезентирует, представляет предмет, но это представление само представлено в нем. В «отяжелевшем» за счет значения речевом знаке имеет место удвоенная репрезентация: в «образе» слова заключен содержательный «образ» объекта и действий субъекта с ним (177). В значении постепенно структурируются все более отвлеченные связи обозначаемого предмета с другими, уводящие от его единичности, становящиеся концептуальным, или «идеальным», представлением о предмете. Слово-знак является эквивалентом отвлеченных идей о предмете и позволяет оперировать предметом в идеальном плане.

Преобразование слова в собственно знак, как в общекультурном, так и в индивидуальном жизненном процессе, имеет ряд существенных условий и последствий. Их можно обобщить в **модели словесного знака**, основанной на теориях позднего структурализма (К. Леви-Строс, Ж. Лакан, Ж. Деррида, Р. Барт, М. Фуко, П. Рикер).

1. Слово как знак конституируется процессом познания и, прежде всего, мыслительной деятельностью субъекта. В актах познания

устанавливаются надситуативные отношения между личностью и предметом, между словом и предметом, между личностью и словом. Сначала предмет дается субъекту познания как обобщенный фигуративный образ, вобравший все его непосредственные действия и взаимодействия в мире, затем, как объемный, содержательный концепт, нуждающийся в замещении и репрезентации, адекватной его отвлеченной сущности. В качестве этого заместителя используется акустически-зрительно-двигательный образ слова, с помощью которого индивид более эффективно, чем, например, посредством рисунка, картины, карты, схемы, может осознанно закодировать и передать свою мысль. Между словом и предметом устанавливается интеллектуальное отношение, переносящее предметное содержание внутрь словесного знака. За оболочкой слова совершается колоссальная работа по умножению и структурированию его концептуального значения. Будучи отделен от означаемого, знак одновременно внедрен в него, придавая предмету свойство «быть означенным». Мысль во взаимном обращении означающего и означаемого приобретает двойную отнесенность: к предмету и слову. Целостность вербально-мыслительного процесса поддерживается субъектом познания, который рефлексивно отсылает мысль о предмете к слову и из слова извлекает мысль. Слово-знак в системе рациональных жизненных связей личности приобретает статус самостоятельного объекта познания.

2. Слова-знаки универсальны, пригодны для любого индивидуального выражения основных операциональных и продуктивных структур мышления. Они обеспечивают культурную преемственность в решении человеком проблем, связанных с познанием мира и жизни. Так, в мышлении современной личности словесный знак определяет многоплановую категориальную и символическую принадлежность предмета, его многоуровневое тождество с другими предметами. Например, «бабочка» означает земное, живое, насекомое и одновременно душу, мимолетную красоту, волшебную метаморфозу, соблазн и очарование. Слово как бы притягивает все новые и новые признаки предметов родственных категорий и тем самым расширяет и интегрирует мир персонального *cogito*. Одновременно словесный знак репрезентирует одну из множества предметных категорий («цветок», «часы», «человек» и т. д.), служит установлению бесчисленных различий и сходств между данной категорией и другими, обобщает и удерживает «единство множественности» исходной категории. Благодаря слову интеллектуальная жизнь длится как непрерывный аналитико-синтетический процесс. Поддерживая органичные для европейского мышления оппозиционные разделения свет — тьма, материя — дух,

мужское — женское, сознательное — бессознательное, коллективное — индивидуальное и т. д., слово преодолевает сосредоточение мысли на одной из парных категорий как первичной и основополагающей и утверждает равноправное существование и ценность каждой из них. В индивидуальном воссоздании мыслительной жизни слово разделяет, отождествляет, интегрирует и ценностно уравнивает означаемые объекты.

3. В единстве со словом мышление структурирует означаемое, устанавливает его связь со знаком, придает данной связи прозрачность, однозначность. Все, что в предмете не мыслимо, не осознано, слово-знак стремится исключить из своего содержания. Язык классической рациональности как самый типичный знаковый код строго придерживается границ мышления и в движении своих значений разворачивается в виде дискурса, оперирующего строгими терминами, нормативными категориями и понятиями, употребляемыми по общему соглашению. В дискурсе господствуют чистая мысль и чистый язык, т. е. «язык представляет мысль так, как мысль представляет себя сама». Слово-знак стремится исключить комментарии, толкования, прозрения, т. е. герменевтические усилия, и рассматривается по критериям истинности, точности, общезначимости представленной в нем мысли. Означающее и означаемое как бы взаимно predeterminedены и создают пространство коммуникации, где все субъекты лингвистически подобны друг другу и могут согласно помыслить о предметах-референтах. Речь в форме концептуально отточенной, грамматически безупречной, ориентированной на высокопродуктивный диалог по поводу однозначной связи словесных знаков осваивается личностью в академическом обучении и при овладении интеллектуальными профессиями, где действуют научные, информационные, технические, прагматические установки.

4. Но и в тех областях знания, где господствует общая договоренность о словоупотреблении, личность находит свободу означения. Слова-знаки пропускают в свои содержания элементы далеких значений или сами удаляются от изначальных значений под влиянием переосмысления. Они могут «плавать» между смежными значениями, отмечая актуально привилегированные. Слова меняют форму произнесения и написания и в этом обновлении что-то приобретают или теряют в содержании.

В частности, становясь знаком научной или культурной парадигмы, слово вдруг становится всепроникающим и всеобъемлющим, привлекая к себе огромные массивы означаемых референтов. Например, слово «гламур» вбирает представления о блеске, глянце, стильности, эстетической форме, современной моде, соблазне и сек-

суальном вызове, красоте тела, элитарном стиле жизни, приоритете внешнего над внутренним, гедонизме, манифестации богатства, убывании духовности, культе молодости. Или, «разоблачая» себя как знак, слово обращается в символ, находя и иррационально объединяя свойства отдаленных референтов. Или, связываясь со «знаковой фигурой» культуры, социума, времени, слово начинает занимать исключительное место в массовом и индивидуальном дискурсе, становясь в нем основным инструментом нового упорядочения или стихийной игры значений. Например, слова-имена «Билл Гейтс» и «Стив Джобс» повсеместно употребляются как центрирующие множество идей об исключительных индивидуальных достижениях. Или, прямо расставаясь со своими прежними значениями, слова становятся знаками иносказаний, выражая обратные содержания. Слово «гениальный», обесцененное сцеплениями с сомнительными референтами, все чаще приобретает ироническое, оппозиционное значение. Во всех перечисленных случаях слово расстается с ролью «прозрачного знака для идеальной мысли» и напоминает о своих других культурных и жизненных свойствах, в частности, свойствах быть именем или символом.

Свойство слова быть **именем** конституируется вместе с развитием знаковой функции речи. Если знак призван удерживать безличные, нормативные, обобщенные характеристики предмета, то имя должно подчеркнуть индивидуальность единичных референтов речевой деятельности. В культурно- и онтогенезе слово-имя обособляет познаваемые единичные предметы, активно утверждает их собственное бытие и указывает на их высокую личную значимость для субъекта. Будь то ребенок, именуемый любимую игрушку, или целый народ, присваивающий Имена своим кумирам, или ученый, открывший новый объект и давший ему авторское название, слово позволяет им оставаться в границах объективно определяемой и глубоко субъективно понимаемой реальности.

Основные положения о слове-имени содержатся в экзистенциальной, феноменологической и психоаналитической теориях (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, А. Камю, А. Виттенштейн, Ж. Лакан, Э. Кассирер, П. Рикер, М. Мамардашвили и др.). Ряд этих положений мы объединяем в следующей **модели**.

1. Имя не стремится придерживаться только категориальных определений предмета и его чистого значения. Оно индивидуализирует нормативное знание и возвращает предмету неповторимую специфику, которая дается личности чувственно, эмоционально, в воображении и фантазии. Образно-эмоциональное содержание придает имени характер «образного слова». В своей зрелой форме

имена живут в риторическом, поэтическом, мифологическом, эпическом, экзистенциальном и индивидуально-творческом пространствах речи.

2. Имя, появляясь в связи с исключительным вниманием субъекта к определенному объекту-референту, может распространиться на объекты, субъективно напоминающие исходный референт. При этом именование существенно отличается от о-значения тем, что схватывает не категориальное, общепонятное, осознанное сходство объектов, а их «сродство», связанное с ситуативными, мимолетными, ассоциативными впечатлениями и переживаниями, глубинными смутными интуициями и бессознательными побуждениями индивида. Поименовать — значит превратить существующее-для-всех в существующее-для-себя и, создав свой словесный мир, посвятить в его тайну других.

3. С именованием связан феномен внутреннего личностного присвоения объекта, который феноменологически наделяется качествами «быть моим», «быть частью моей жизни», «быть частью меня самого», «быть частью моей души», а следовательно, качеством быть «зависимым от моего произвола». В этом акте сращения с объектом мы откликаемся на бессознательный древний призыв одушевлять предметный мир, вбирать в себя силы, свойственные ему, отождествлять себя со значимостями и одновременно придавать им собственные черты, быть уверенными в своей таинственной связи с ними. К именованию проложен путь от стихийного анимизма, тотемизма, фетишизма, магии, игры. Имя и возвышает, и подчиняет объект субъекту. Если объектом является другой человек, это ставит его в двойственную позицию по отношению к именуемому субъекту: превосходства и зависимости.

4. Поименованный объект имеет властную притягательность и сильно влияет на субъекта. Ощущая это, субъект или «вживается» в него, или оживляет его, или идентифицируется с ним, или сообщает ему особенные жизненные силы, или приписывает сверхъестественные возможности, или существует для себя как отраженный в объекте. Трудно найти лучшее подтверждение этой власти, чем воспоминание К. Юнга об одном из впечатлений детства.

«У стены был склон, на нем, выступая из земли, стоял камень — «Мой камень». Часто, сидя на камне, я погружался в странную метафизическую игру; выглядело это так: «Я сижу на этом камне, я на нем, а он подо мною». Камень также мог сказать «я» и думать: «Я лежу здесь, на этом склоне, а он сидит на мне». Дальше возникал вопрос: «Кто Я? Тот ли, кто сидит на камне, или Я — камень, на котором он сидит?» Ответа я не знал и всякий раз, поднимаясь, чувст-

вовал, что не знаю толком, кто же я теперь. Эта моя неопределенность сопровождалась ощущением странной и чарующей темноты, возникающей в сознании. Я не сомневался в том, что этот камень был тайным образом связан со мной. Я мог часами сидеть на нем, завороченный его загадкой» (196; с. 36).

5. Слова становятся именами, когда опосредуют и завершают внутренние процессы поиска личностью объектов собственных сильных влечений и стремлений. Имя оценивает и предопределяет отношения к объекту с точки зрения его соответствия ведущим желаниям личности. Иногда, родившись в динамике желания и прикрепившись к нему, имя переводит внимание субъекта с объекта на объект, фиксируя в них общие качества, не замечаемые другими людьми; в этом смысле слово освещает скрытые свойства объектов, объединяя их в новые «категории». Так, часто увлекающаяся женщина выделяет среди людей класс «моих мужчин». Имена как отметки «фигур желаний», прозвучавшие в присутствии других, могут стать для них приглашением разделить стремления именуемого и стать именуемыми.

6. Имя как репрезентация объекта желания имеет непосредственное отношение к тому, что феноменологи называют «симулякрой». М. Мамардашвили, интерпретируя жизненные состояния героев Пруста, рассматривает ее как целостное и устойчивое аффективно-образное впечатление, которое, вследствие своей предельной субъективности, ценности и фантастичности, отделяется от объекта и, закрепившись в магическом для личности имени, предпосылается любому восприятию данного объекта. Она существует виртуально, до каждой новой встречи со сверхзначимым объектом, а при его появлении во взгляде и сознании субъекта тут же оказывается в потоке активности, идущей от субъекта к объекту. Симулякра — это и имя, и образ, и желание, и чувство, «наложенные» личностью на человека, или вещь в акте непосредственного проживания (132).

7. Имя может приобрести такую самостоятельность, что нивелирует значимость объекта, с которым было первоначально слито. Оно само становится «вещью» или «существом», которым личность оперирует, рассчитывая непосредственно изменить что-либо в реальности: создать, исцелить или уничтожить. С этой бытийной автономией слов-имен связаны старинные ритуалы заклинаний и заговоров. Иван Бунин описывал это так:

«Барышню била лихорадка, она готова была покатиться в судорогах на пол, когда, сидя в сумерках в спальне, ожидала появления Клим... И вот он проходил мимо нее, развязывая на ходу платочек

с какими-то колдовскими косточками. Затем из спальни раздавался в гробовой тишине его громкий, необычный голос:

— Встань, раба божия!

Затем на доску, положенную на пол, ставили барышню с выкашившимися от ужаса глазами и похолодевшую, как покойник... И вдруг он начинал странным, отдаленным каким-то голосом:

— Взыдет Филат... Окна откроет... Двери раскроет... Кликнет и скажет: **Тоска!**

— Тоска, Тоска! — восклицал он с внезапной силой и грозной властью. — Ты иди, Тоска, во темны леса — там твои мяста...

И все чувствовали, что нет ужаснее слов, чем эти, сразу переносищие душу куда-то на край дикого, сказочного, первобытно-грубого мира. И нельзя было не верить в силу их, как не мог не верить в нее и сам Клим, делавший порою прямо чудеса над одержимыми недугом» (29; с. 254).

8. Имя, покидающее свой конкретный референт, но при этом не обращающееся в подобие вещи, может эволюционировать в символ. Так происходит, когда оно начинает влиять на многих людей и использоваться ими для определения своего отношения к разнообразным аналогам поименованного. В этом процессе имя как бы возвращает себе статус «знака» и свойства распространенности, общезначимости. Например, какое-то литературное именование приобретает такую силу внушения, что притягивается ко всем предметам, имеющим ассоциативное или иррациональное сходство с исходным референтом. Например, в романе Пруста встречается выражение «Бал черепов». Оно дается героем романа торжественному собранию его постаревших знакомых — парижских аристократов, приобщение к кругу которых долгие годы была его вождельной целью, а в зрелые годы — предметом самоиронии. Имя здесь указывает на возраст собравшихся, на их принадлежность к старинным фамилиям, их утраченные в современном мире клановые позиции, их роль хранителей древнейших, почти уже потусторонних традиций, их мистическую связь с миром тьмы, где душами владеют не прикрытые земным обычаем страсти к богатству, лжи, власти. Это имя сейчас легко переносится в план символического обозначения реальных ревностных хранителей устаревших взглядов, или могущественных когда-то лиц, отстраненных от дел, но не оставляющих свои амбиции, или бывших власть предержащих, избалованных вседозволенностью, одним словом, всех, кто, вопреки времени, хочет править свое торжество в эпицентре жизни.

9. Когда личность именуется, она поднимает на уровень сознания содержания бессознательного слоя психики, которые хочет прояс-

нить для себя. Здесь именование выполняет когнитивную функцию, и, если «незнаемые» содержания относятся к коллективному бессознательному, их раскрытие и означение могут иметь широкую социальную и культурную значимость. Особенно хорошо это видно в именовании архетипов у К. Г. Юнга. Имена Анимы, Анимуса, Персоны, Тени, Самости, Мудреца, Трикстера давно живут автономной жизнью всеобщих «понятий» в сферах философии, науки и искусства.

10. Найденное мастером имя стремится вернуться к своему референту, влияя на его бытие, детерминируя его изменения и преобразования. В имени может быть заключен проект будущего существования референта. Человек, поименованный авторитетными другими «Творцом», полагает себя в перспективе трудного, полного коллизий, но сулящего вдохновение и свободу, пути открытий. Эта активная сущность имени была отмечена М. Хайдеггером поэтической строкой из Гельдерлина: «Не быть вещам, где слова нет». Как к верхнему пределу своих достижений и духовных влияний, к именованию стремятся оратор, поэт, проповедник и пророк.

Близким к именованию является свойство слова быть **символом**. Спецификой словесной символизации является то, что она происходит, когда в познании нужно или уклониться от прямой концептуализации предмета, или указать на скрытое содержание предмета, или интегрировать в одном понятии большой объем отдаленных концептуальных содержаний, или за явной идеей скрыть другую идею — иногда оппозиционную. В последнем случае вербальный символический процесс подчеркивает равноценность и взаимную обратимость противоположностей. Действует принцип децентрации, обоснованный Ю. Кристевой и Ж. Деррида на примере литературных текстов.

Любое слово является «символом» в смысле указания звуком, речевым движением, зрительным образом на что-то другое. В более глубоком определении символизация означает словесное опосредование процесса замещения одного психического содержания другим: мыслью — мысли, обобщенным образом — мысли, обобщенным образом — интуитивного прозрения или переживания. Словесное замещение мыслью мысли происходит, например, в творческом метафорическом процессе. Другим примером рождения словесного символа является название образа, подставляемого на место идей о многих референтах, в том числе человеческих состояниях, объединенных чертами, собранными в образе. Примером могут служить слова-символы «дерево», «огонь», «вода», «дом». «Возьмем символ, связанный с огнем. Мы зачарованно смотрим на горящий очаг,

и на нас производят впечатление определенные качества огня. Прежде всего, это его подвижность. Он все время меняется, все время находится в движении, и тем не менее в нем есть постоянство. Он остается неизменным, все время меняясь. Он производит впечатление силы, энергичности, изящества и легкости. Он как бы танцует, и источник его энергии неисчерпаем. Когда мы используем «огонь» в качестве символа, мы описываем внутреннее состояние, характеризующееся теми же элементами, которые составляют чувства, испытываемые при виде огня: состояние энергичности и легкости, движения, изящества и радости» (173; с. 187).

В словах-символах существуют, оживают, воплощаются образы великой литературы, названные Андреем Белым «аристократическими»: Эдип, Гамлет, Фауст, Великий Инквизитор.

Общераспространенные словесные символы в системе речевой символики дополняются личными символами, рождающимися в самопознании. Динамика их порождения хорошо показана Э. Фроммом на примере перевода образов сновидений в осознанное словесное обобщение (173). Так, приснившаяся человеку окраина города, пустынный, незнакомый, убогий городской пейзаж могут быть внутренне связаны с чувствами одиночества, потерянности, страха, испытываемыми им в последнее время. Образ сна отныне будет символизировать для него эти переживания. Одновременно этот образ может сгуститься в слове «Окраина», которое в свою очередь становится для человека символом личной заброшенности, маргинальности и начинает активно входить в содержание самосознания и высказываний о себе.

Словесный символизм, хотя и является частью познавательного процесса, все же существенно противостоит его отвлеченности, логической упорядоченности, осознанности и рациональности. Это происходит благодаря тесной связи слова-символа с продуктивным представлением, воображением, фантазией. Так же, как Возрождение, Романтизм и Серебряный век, современная культурная эпоха увлечена символическими образами. Р. Барт отмечает, что современный текст отличается тотальным вторжением словесного образа, вытесняющего традиционную абстрактность понятий. Слова сливаются с творческими образами и стоящими за ними идеями, что и составляет суть символизма (12).

Обобщим в **модели** ряд характеристик слов-символов, освещенных в известных философско-психологических исследованиях (12; 17; 20; 59; 65; 156; 171; 195; 199; 205).

1. Слово-символ связано с познанием — творчеством — переживанием — артикуляцией, обладает свойством соотносить и объединять

между собой не только элементы сознания, но и элементы «бессловесного», «бессмысленного» мира, каким является Бессознательное.

2. Словесный символ уводит субъекта от конкретных референтов в ментальный мир с его образно-понятийными трансформациями. Образное содержание, присутствующее в речевом символе, может служить средством для перехода к концептуальному значению.

3. Слово в ипостаси символа имеет внутреннее напряжение, связанное с загадочностью, проблемностью символизируемого, с репрезентацией «тайны референта», с отсутствием прозрачности отношения символа и основного значения. Напряжение символического слова возникает и под влиянием переживаний личности, которая выражает в нем не только знание и незнание о предмете, но и внутренне пристрастное отношение ко всему, что связано с этим предметом.

4. Слова-символы способны к спонтанному взаимному порождению, появляясь и ассоциируясь в продуктивном процессе, подобном цепной реакции. Освещая в этом процессе основные значения референтов, символы устанавливают между ними необычные отношения, осознание и обоснование которых может стать для субъекта задачей интеллектуального творчества. Так, в философии Ф. Ницше огромной энергией символического и рационального генерирования обладает слово «сверхчеловек», у В. Соловьева — «богочеловечество». Рождаясь и соединяясь со множеством символов в сфере философского и поэтического творчества, а также в области самопознания, слова такого рода образуют личные символические миры, по которым особенно легко распознаются талант и гений.

5. Распространенной формой словесного символизма является метафора, имеющая не только лингвистическое и филологическое, но и важнейшее психологическое значение. Великолепные образцы метафорического продуцирования определяли собой речевые стили целых культурных эпох, например, упомянутые схоластические словопрения Средневековья.

6. Метафорическая деятельность личности включает в себя операции логического порядка и операции, характерные для воображения и фантазии. С внешней стороны эта деятельность стремится быть интеллектуальной, дискурсивной. Однако внутренне она вскрывает такие отношения вещей, которые кажутся парадоксальными и являются слишком отдаленными в обычном категориальном пространстве. Такие отношения, говорит М. К. Мамардашвили, «поднимаются сознанием из глубин нашей душевной жизни, из области, где все первоначально просто, непрерывно, одновременно и все связано со всем» (86; с. 378).

7. При помощи метафоры мы охватываем сознательные и бессознательные слои нашего ментального поля и в мысли достигаем его самых удаленных и разделенных друг с другом участков. В метафоре есть творческое начало, т. к. с ее помощью мы проясняем ранее скрытое. В ней есть определенная «аномалия», т. к. для прояснения неизвестного мы пользуемся приемами архаичного мышления, что проживается личностью как познавательный риск, интеллектуальный вызов, когнитивный диссонанс.

8. Структура метафоры, как правило, имеет два необходимых элемента: главный и вспомогательный. В первом есть ключевое слово, относящееся к основному референту, во втором — слово, указывающее на другой референт, с которым сопоставляется основной. В метафоре «а она-то все идет, словно лодочка плывет» основным референтом является «она» или «девушка», а сопоставляемым референтом выступает «лодочка». Главный элемент здесь — идея «она идет», вспомогательный — идея «лодочка плывет». Структура метафоры в целом выражает необычное отождествление основного референта с другим (девушка — лодочка), так что этот другой становится атрибутом или символом и именем первого. Автором любой метафоры символически подчеркивается личная значимость основного референта, как это обычно бывает в поэзии, риторике или интимном общении: «пьянея звуком голоса» (я — Опьяненный тобой); «странной близостью закованный» (я — Сцепленный с тобой). В метафоре вообще чрезвычайно сильно авторское присутствие. Кроме знания и оценки ведущего референта, акцентируется интеллектуальная самостоятельность автора. В подтексте метафоры проступает: «Я так вижу... Я так представляю... Я так понимаю...».

9. Метафорический процесс развивает и уточняет значение основного референта. К числу операций этого процесса относятся сравнение, нахождение сходства, уподобление. В высказывании «буря ревет» буря сравнивается с чудовищем, издающим мощный рев, и отождествляется с ним по этому признаку; значение «бури» вбирает данный признак как существенный. Кроме того, выделяются операции гиперболизации, выпячивания или отрицания каких-то свойств основного референта, которые могут специально не акцентироваться в его логическом значении. В метафоре «не мужчина, а орел» это значение обогащается свойствами успешности — дальновидности — высоких достижений. Однако та же метафора может не утверждать, а отрицать названные свойства референта, и делать это также преувеличенно. В этом случае она употребляется иронически или насмешливо, отнимая у референта всякую общность с «орлом». Иногда операция отрицания прямо заключена в структуре метафоры: «я человек,

а не тварь дрожащая». Здесь за выраженным отрицанием совершается еще одна важнейшая интеллектуальная операция — выделение противоположности: «орел» — «не орел», «человек» — «тварь дрожащая». Некоторые метафоры парадоксально сводят противоположности, указывая на таинственную двойственность основного референта: «живой труп», «дневные звезды», «искренняя ложь».

10. Операции, порождающие интеллектуально и эстетически ценные метафоры, стремятся к увеличению в континууме индивидуального или коллективного творческого процесса, образуя продуктивную «символическую прогрессию». А. Белый (20) упоминает в этой связи выражение «белорогий месяц», впитавшее в культуре множество последовательных сравнений и метафорических трансформаций. Их развитие, лежащее в глубине многих мифологических и поэтических произведений и ведущее к понятию «европейского обновления», он представил следующим образом: месяц — белый рог — небесный бык — Зевс — лунолика Европа — молодая Луна — новая Европа. В подобных континуумах проявляется действенность и генерирующая мощь метафор, характерная для большинства слов-символов.

Неотъемлемым свойством слова является обладание **значением** и **смыслом**. Данное свойство определяется развитием внутреннего содержания слова (Ж. Пиаже, Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьев и др.) и может быть **промоделировано** следующим образом.

1. **Значение** выступает как сложная понятийная структура основного референта, связывающая такие его «определители», как предметы, предметные свойства, состояния, действия, предметные ситуации, события его познания и преобразования, а также инвариантные отношения между ними. Значение, наполняющее слово, является «концептом», доступным для общего понимания, интеллектуального обмена, совместной разработки многими людьми. В зрелом понятийном значении концентрируются координационные и субординационные отношения между многими словесно структурированными предметными категориями. То есть у слова как носителя значения существует массивный нормативный речевой и когнитивный контекст. В тонком интеллектуальном высказывании для автора и адресата этот контекст полно изливается в употребленном слове.

2. Активная реализация в речи общих значений может уводить личность от индивидуальности единичных референтов, и потому слова начинают терять опору в реальных вещах, феноменах, событиях. В этом состоит извечная опасность для «интеллектуальной речи». Даже работа с чистыми значениями требует удержания в их

структуре индивидуальных референтов с их репрезентативными признаками и в этом смысле она всегда должна быть «феноменологической». Ценность значения легче обнаруживается в его соотношении не с метафизической истиной, а с закономерными проявлениями действительной жизни, в динамике которой слово направляет познание, самопознание, рефлексию конкретной личности. Проблема связи с индивидуальным референтом — это не только проблема иллюстрации или наглядного примера в абстрактном тексте, но и проблема жизненности, экзистенциальности, доверительности, исповедальности слова и речи.

3. Единое значение слова структурировано из содержательных элементов разных типов. Одни из них являются специфическими признаками единичных представителей референта, другие определяют принадлежность референта к частным и общим категориям объектов, третьи отсылают референт к всеобщим категориям, познаваемым теоретическими науками и философией, четвертые свидетельствуют о причастности референта к мифу и остаются за пределами рационального мышления. За словом, таким образом, кроется потенциально неисчерпаемый дискурс, многомерное теоретизирование, конкретизация и символизация. Выражение «цветущее дерево» для кого-то на одном полюсе понимания несет значение «той яблони за окном», а на другом — значение «вечного возобновления жизни».

4. В различных языках в значении определенного слова могут быть особо выделены те или иные содержательные аспекты. Поэтому в разных языковых культурах тождественные слова могут свидетельствовать о разной реальности. Значение организовано из многих элементов, но некоторые из них могут быть настолько акцентированы в речи субъектов, что, наконец, отщепляются от первичного значения и начинают развиваться в виде новых доминирующих значений слова. Или основное значение слова переносится в содержание многих других слов, и оно начинает символически объединять самые различные референты. Или из значения определенного слова выделяется какой-то существенный элемент, и это слово становится его исключительным заместителем. Или значение какого-то слова начинает прогрессировать, разрастаться, требуя трансформаций его слова-носителя. Появляются производные от начального слова, которые привносят в него новые самостоятельные значения, интегрирующиеся на новом уровне. Так, например, формируются сленговые расширения речи.

5. Слово обладает многозначностью. Отмеченные выше события, относящиеся к становлению множественных содержаний слов,

определяют «динамику значений». Остановимся подробнее на некоторых моментах этой динамики.

— П. Флоренский на примере «истины» раскрывает явление кросс-культурной многозначности слова (165). Он отмечает, что русское слово «истина» означает: подлинно существующее — живущее — пребывающее — реальное — подлинное — прочное — справедливое. Совсем иное значение референта подчеркнуто в древнегреческом языке. Здесь «истинное» означает: не упущенное памятью — незабвенное — заключенное в сознании — преодолевающее время — вечно стоящее. В латинском языке под «истиной» подразумевается: обоснованное — защищенное — табуированное — зачатое — требующее веры — страшное — вызывающее смирение — правота — право. Семитское значение «истины» определяет ее в качестве: слова Божьего — надежного слова — верного обещания — искреннего суждения.

— Примером многозначности, порожденной отщеплением и автономизацией частей исходного значения, является развитие концепта «Я». Х. Ортега-и-Гассет (156) отметил, что в раннем европейском культурогенезе «Я», прежде всего, значило «мое тело» — «моя плоть» — «мое сердце» — «мое». Позднее в философско-психологических толкованиях «Я» становится «творящим мир в воображении и фантазии» (Гете), «тем, что мы представляем о себе» (Шопенгауэр), «высшим законодателем природы» (Кант), «всем-в-мире» (Фихте), «центром сознания» (Фрейд).

— Феномен переноса значения слова в понятийные содержания других слов и обратное семантическое обогащение исходного слова хорошо видны на примере понимания «крови». Кроме прямого значения «жидкой среды организма, необходимой для жизни», это слово имеет множество привнесенных значений. Это «близкое родство» и «братство», «наследование могущества, титула» и «признак избранности», «неприкосновенность» и «невинность», «война» и «гибель».

— Случаем распространения части значения на другие референты и объединения их общим словом является развитие содержания слова «ключ» (116). Оно обозначает, во-первых, то, что открывает вход, дверь. Во-вторых, то, что бьет струей из-под земли, отворяя ее. Третье, то, что является решением какой-то проблемы, раскрывая что-то неизвестное. Во всех этих значениях присутствует важнейший элемент исходного значения «ключа»: способность делать явным нечто потаенное.

6. Кроме умножения содержаний слова, определяющих его многозначность, в позитивной динамике значения можно обнаружить

углубление значения, улучшение его структуры, упрочение связи с определенным словом, развитие связей понятий, активность разных психических образующих. Так, в структуре развитого значения можно обнаружить логические, интуитивные, образные содержания, которые активно взаимодействуют друг с другом. Иногда изменение значения ориентировано на то, чтобы сохранить и укрепить одну из этих разновидностей содержаний. Например, в значении слов «Небесный Отец» и «Творение» поддерживается и углубляется интуитивное содержание.

К динамике значений можно также отнести создание авторского варианта основного содержания слова. Не допуская искажения сути, вариант привносит в значение ценные оттенки и креативные уточнения. Это, в частности, характерно для новых категорий, введенных в науку талантливыми учеными.

7. Важной характеристикой динамики значения является его ускользание или непонятность слова для адресата. Непонимание является естественным для детей, только начавших устанавливать для себя правила связной осмысленной речи. Но ускользание значения может быть характерно и для взрослых, отмечая области незнания и пассивности мысли. Непонимание значений метит проблемные зоны интеллектуального поиска, объективные изменения устоявшихся схем и содержаний мышления, а также непрозрачность построения текстов, передаваемых личности в дискурсе. Иногда сложившаяся связь слова и значения направленно или спонтанно нарушается самим субъектом; очевидные содержания уходят на периферию сознания, чтобы освободить пространство для проникновения внутрь слова новых идей, мыслеобразов, символических образований. То есть возникает «вызванное непонимание». Такое событие в динамике значения может обусловить существенную перестройку индивидуальных концептуальных структур, улучшение либо смену когнитивного стиля или может вести к аномальным изменениям в мышлении.

8. Иногда зрелые значения нуждаются в амплификации, чтобы означенный референт мог занять определенное место в системе значимостей и ценностей личности. К феноменам амплификации относятся удвоение значений в метафоре, употребление переносных значений, использование двусмысленностей, привлечение дополнительных и нахождение исчерпывающих определений и т.д. Если в раскаянии человек признает дурными свои действия, он, возможно, скажет: «я низко пал». Перенос значения акцентирует здесь скрытую основную мысль о недостойности собственного поведения. Или в двусмысленном суждении мужчины «я не могу сказать, что не люблю свою жену» проявляют себя имплицитные значения

вербального концепта «моя жена»: «она вызывает страх», «не могу быть откровенным о ней», «не люблю, но должен молчать об этом». О способности увеличивать мощь значащего слова за счет исчерпывающих определений говорит выражение Ж.-П. Сартра: «Я обогатил вселенную моей «трепещущей зеленью».

9. Внутренние метаморфозы значения слова, включая развитие, усиление, изменение, редукцию, расширение, совершаются за счет его связей со значениями других слов внутри единой семантической структуры. Процессы взаимодействия, влияния, ассоциирования в данной структуре образуют подвижное «поле» различных значений и соответствующих нейронных «паттернов речедвижений», сбегających к исходному слову и активизирующихся при его произнесении или слушании в определенных ситуациях и контекстах, выявляющих связи данного слова с эмоциональными, образными, мыслительными, действенными элементами жизненной активности. В семантическом поле образуются, как сознаваемые связи значений, отвечающие за относительно инвариантное содержание слова, так и бессознательные связи, влияющие на не уловимую личностью динамику основного значения. Критическим проявлением активности сознательной семантики слова выступает полное и точное раскрытие его содержания в дискурсивно построенном тексте, когда актуализируются и припоминаются все ведущие связи внутри «поля». Показательно в этом смысле ораторское искусство с его свободой в подборе прозрачных, уточняющих, хорошо согласующихся друг с другом словесных определителей референта.

10. Бессознательная динамика элементов семантического поля особенно ярко обнаруживается в творческих трансформациях значений и в их патологических сдвигах и нарушениях (З. Фрейд, К.Г. Юнг, Ж. Лакан, Р. Лэнг). Психологическими доказательствами существования бессознательного уровня семантических полей могут, к примеру, служить:

- самопроизвольное бессвязное всплывание слов в состояниях сниженной активности сознания: засыпания, дремы, пробуждения;
- ошибочные припоминания близких по значению слов: подмена нужных значений другими, в частности, при неясном понимании различий между референтами;
- сложности вспоминания забытых имен собственных, феноменологически представленные М. Прустом как «грандиозная игра памяти в прятки», как бессознательный переход от забвения к воскрешению, при котором имя не приближается к нам постепенно, а возникает вдруг, вопреки тем ложным именам, которые мерещились на пути к нему;

- затруднения в припоминании слов, вызванные присутствием в них запретных, нежелательных для личности значений;
- вербальное поведение душевнобольных, когда психический недуг находит фантастический, условный язык для манифестации невыразимых желаний;
- спонтанные словесные ассоциации во сне, трансформирующиеся в необычные образы сновидений;
- саморазвертывающаяся вербальная активность в ассоциативном эксперименте;
- навязчивое вспоминание и повторение определенного слова, о чем говорят: «Я не знаю, почему приходит на ум это слово»;
- труднообъяснимая генеративная мощь «поля значений», проявляющаяся в творчестве.

Последний феномен можно сравнить с огромной волной, выносящей из темных глубин на освещенное побережье бесчисленные экзотические порождения придонных вод. Семантика некоторых слов в знаменитом произведении Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» поражает необъятным количеством элементов, моделируя глубинный потенциал значений. «И уж раз мы порешили обратиться за советом к столпам учености, то мне бы хотелось, чтобы главным советчиком нашим был бы не просто сумасброд, а Сумасброд в Высшей Степени: фатальный, от природы, небесный, меркуриальный, лунатический, эксцентрический, эфирный, арктический, героический, гениальный, предопределенный, августейший, кесарский, императорский, королевский, монарший, патриарший, лояльный, знаменосный, принципиальный, благородный, избранный, триумфальный, дворцовый, образцовый, редкостный, обычный, привычный, домашний, придворный, популярный, знаменитый, фаворитный, грозный, самобытный, державный, специфический, метафизический, экстатический» (дано с сокр. — *Авт.*) (119; с. 392). В данном случае слова-определители значения вовлечены в процесс раскрытия референта по нескольким правилам семантического структурирования: амплификации, употребления противоположностей, избыточности использованных категорий, категориальной близости, случайных ассоциаций, созвучия, рифмы. «Поле» Рабле насыщено такими многомерными определениями, которые обычно свойственны символической семантике с ее «бессвязной связью значений».

Глубинный семантический слой имеет отношение к развитию сознательного нормативного значения, к его обновлению, к появлению в нем элементов коллективного бессознательного, к деконструкции и построению общепонятных содержаний слова. В этих процессах значения обычно придерживаются социальных и куль-

турных координат. Но вместе с тем сознательная и бессознательная семантика слова подвержена влияниям, исходящим от субъекта, его «Я», личного опыта, активно проживаемых жизненных событий и ситуаций. Здесь проблема «значения» слова переходит в проблему индивидуального «смыслообразования».

11. Появление в значении слова **смыслового плана** выступает важнейшим моментом общей динамики значений. К формам смысловой трансформации значения относятся, в частности, переходы общего значения в уникальный личностный смысл, частичное развитие значения слова как смыслового, отдельные привнесения в значение элементов смысла, развитие значения за счет авторских смысловых включений, приобретающих общую значимость. Смыслообразование в любой форме характеризуется несколькими основными психологическими признаками.

— В отличие от образования значения, оно зависит не столько от активности мысли, сколько от пролонгированного усилия человека наполнить слово разнообразными эффектами персонального проживания, включая интеллектуальные, эмоциональные, интуитивные, символические, рефлексивные. В составе смысла они сохраняют свою свежесть и самобытность, не растворяясь в строгом концепте.

— Смысл конституирует скорее не слово-знак, а слово-имя и слово-символ, т.е. те коды, которые открывают личности доступ в сказочные, мифические, поэтические, художественно-литературные и интимно-фантазийные миры.

— Смысл адресуется субъектом не столько анонимной общности, как значение, сколько своему близкому окружению, кругу жизненных значимостей, самому себе.

— Смысл концентрирует для индивида не только знания о референте, но и его оценки данного референта, отношения к нему, неповторимые впечатления о конкретных встречах с ним, эффекты глубинных влияний референта, осознание своего «следа» в нем и перспективы взаимодействия с ним.

— Присутствие смысла узнается в изменениях значения при ситуативном употреблении слова, в эффектах сильной зависимости значения от речевого контекста, или в доверительном тексте, когда адресат вовлекается в личный мир говорящего, где концепты размываются скрытой критикой, сомнениями, иронией, интимным самораскрытием, или в диалоге двух личностей, связанных близостью оригинального понимания и интерпретаций референта.

— Смысл конституируется структурой семантического поля, релевантного слову. Он определяется, во-первых, объемом ассоциированных смыслов других слов, соотносящихся с исходным словом.

Во-вторых, типом связей смысла исходного слова с множеством других смыслов, который может представлять собой иерархию или субординацию, последовательность значимостей или «сцепку» оппозиций, «ком» аглютинаций или совершенную концептуальную систему, иррациональное соотношение «немыслимого» или априорную гармонию интуитивной «истины» слова. В-третьих, способами осознанного обращения личности со смысловой структурой слова в плане ее содержательного обогащения, умножения связей между элементами, упрочения и одновременно придания гибкости отношениям смыслов, порождения сложных речевых образований, вскрывающих максимум тонких смысловых нюансов исходного слова.

— Особая роль принадлежит смыслам, добываемым и организуемым личностью в рефлексивном процессе, порождающем индивидуальное содержание слова «Я». Здесь в смысловую динамику вовлекаются референты, соотносимые с сущностью Я, его динамикой, уровнями его осознания, формами обозначения, психической архитектоникой, практиками познания, самовыражения и развития. Смысл «Я», создаваемый личностью, становится активной ментальной основой ее жизненного самополагания.

12. Процессы смыслообразования наиболее активны в искусстве, гуманитарных науках, индивидуальном творчестве, самопознании, где влияние личности на содержание устных и письменных текстов особенно велико. Например, понятие «цветущее дерево» в осмыслении М. Пруста возвышается до духовного впечатления, меняющего взгляд читателя от скользящего до созерцательного, проникающего и постигающего. «Насколько хватало глаз, **яблони**, одетые с неслыханной роскошью, были все в цвету; ноги у них вязли в грязи, а сами они вырядились в бальные платья и не принимали никаких мер предосторожности, чтобы не запачкать изумительный, от века не виданный розовый шелк, сверкавший на солнце; морская даль служила яблоням как бы задним планом, точно на японских гравюрах... Можно было подумать, что вся эта живая красота искусственно создана каким-нибудь любителем экзотики и причудливого сочетания красок. Однако она трогала до слез, потому что, каких бы эффектов утонченного искусства она ни достигала, чувствовалось, что эта красота естественна, что яблони стоят в чистом поле, точно крестьяне на одной из дорог Франции» (112; с. 15).

Отвлекаясь от прелести картины, развернутой в слове, подчеркнем, что данный отрывок как иллюстрация искусного переплетения смыслов показывает все основные закономерности индивидуальной трансформации значений текста. Семантика «цветущей яблони» объединяет отдаленные по значению слова «роскошь»,

«ноги», «шелк», «бал», «японская гравюра», «экзотика», «слезы», «поле», «крестьяне», «Франция». Это указывает на преобладание в ней образных, фантазийных, символических, эмоциональных и, в целом, глубоко личных отрефлектированных связей, устанавливаемых автором между референтами. Коннотативные связи, т.е. порождаемые и актуализируемые единичным моментом проживания и переживания, доминируют над деннотативными, т.е. обобщенными концептуальными связями.

Опыты смыслообразования являются моментами жизни-в-слове, в которых личность обретает «собственное понимание», вводя в структуру значения содержания, открывшиеся только ей. Путем смыслообразования реализуется возможность отнестись к знанию, закрепленному в значении, и как бы высветить его заново, даже если для этого требуется установить тончайшие отношения «яблони» с «шелком» и «Францией». Смысл индивидуализирует, персонифицирует значение, и увлечение им нередко заставляет субъекта отклоняться от строгой логики построения концептов. Поэтому многие науки защищают свои системы от проникновения индивидуальных смыслов. Но в то же время ученым известно, что поиск смысла часто является способом творческой интерпретации и обновления значения.

13. Некоторые значения и связи значений стимулируют активное производство смыслов. В частности, это происходит при порождении и понимании проблемных конструктов, открытых для различных преобразований. К таким конструктам относятся, например, парадоксы, неявно соединяющие противоположные понятия. Понимание парадокса состоит в творческом воссоединении противоположностей, когда за явным разрывом референтов личность субъективно отыскивает их внутреннее соответствие; значения вбирают в себя друг друга, синтезируется новый смысл, который обогащает систему значений. Прекрасную возможность индивидуальной интерпретации и восстановления различных синтетических смыслов дают, к примеру, следующие высказывания: «Чтоб добрым быть, я должен быть жесток» (В. Шекспир); «Красота — это вечность, длящаяся мгновение» (А. Камю); «В настоящей трагедии гибнет не герой — гибнет хор» (И. Бродский); «Звук должен быть окутан тишиной» (Г. Нейгауз); «Откуда я узнаю, что я думаю, пока я не услышу, что говорю?» (Г. Уоллес); «Чем больше читаешь, тем меньше раздражаешь» (Ж. Ренар); «Я был самым богатым человеком в мире, пока меня не разорило богатство» (Б. Сандрар).

14. В индивидуальной жизни смысл слов служит гибкости интеллектуального развития, текстовому воплощениюмыслеобра-

зов, умножению значений в когнитивной деятельности, формированию и обоснованию жизненных ценностей и отношений личности, высказыванию и исполнению намерений действовать и поступать, переводу мысли в план самопознания и рефлексии. Эти функции смысла реализуются в единстве, определяя осознание и артикуляцию жизненной активности личности на всех ее этапах. Так смысловой контур отношения к объекту и действия в соответствии с этим отношением рефлексивно даются субъекту в виде вопросов и решений: «Что это собой представляет?», «Что это значит для меня?», «Что я могу?», «Что я намерен делать?», «Как я буду делать это?», «Я выбираю этот вариант действия», «К чему это приведет меня?».

15. Индивидуальные смысловые расширения, уточнения или отклонения смысла от значений, степень активности Я в смыслообразовании, сознательность и бессознательность процессов осмысления имеют свои психологические индикаторы — средства выражения. Среди позитивных индикаторов выделяются: речевые высказывания и тексты личности с высоким уровнем проблемности, авторского присутствия, творческих привнесений в содержания; жизненные действия с активной речевой регуляцией, отличающиеся разнообразием ценностной детерминации, замыслов, сфер осуществления и продуктивных результатов; понимающая и интерпретационная деятельность личности, направленная на углубление известных значений.

Кроме того, в континуум индикаторов смысловой динамики следует включить:

- высокую частоту актуализации в речи одних и тех же элементов смысла, отмечающую их субъективное акцентирование;
- искажение и ускользание значений в мысли и речи вследствие пристрастного отношения к референту, субъективного сращения с ним;
- экспрессивность высказываний и текстов, подчеркивающая аффективно-оценочный характер связи с референтом; интонационные усиления, ослабления, паузы и т. д.;
- забывание значимых слов в речи, запинки, молчание, умолчание;
- субъективное выпадение сверхзначимых слов из речи собеседников; эффекты несознаваемой «глухоты»;
- оговорки, ослышки, описки, выражающие скрытые смысловые доминанты;
- прорывы в повседневную, нормативную, адаптированную к окружению речь необычных для личности слов и выражений; со-

бытия неожиданной откровенности, речевой смелости, остроумия на грани вызова и риска.

16. Наряду с рассмотренными особенностями смыслообразования необходимо отметить еще одну его неотъемлемую черту. Оно, как правило, происходит в живом общении, осуществляющем коммуникацию, информационный обмен, совместную деятельность, взаимопонимание, духовные взаимовлияния, сопереживание и близкие отношения. Подлинная свобода индивидуального оперирования смыслом приобретает во взаимоотношениях с Другим, складывающихся в познании и общем деле на основе взаимных стремлений, страстей, возможностей и ценностей. Индивидуализация, свойственная смыслу, только усиливает его тенденцию быть вызванным, разделенным и принятым другой личностью. Эта тенденция свидетельствует о «смысловом диалогизме» в речи личности.

Смысловый диалогизм речи развивается благодаря коммуникации личностных содержаний слов в контексте сложных «единиц» устных и письменных текстов, обращенных автором к Другому. Важнейшей единицей речевого диалога является «высказывание».

Представим **модель высказывания**, включающую в себя ряд частных моделей. Они характеризуют специфику высказывания в структуре речи, сложную внутреннюю топологию высказываний Я в диалоге, значение и содержание рефлексии автора при реализации «могу высказываться», сущность высказывания как события жизни его автора и адресата, влияния, оказываемые Другим на Я и самопознание автора в речевом диалоге, диалогические эффекты высказывания. Концептуальной основой модели выступили идеи М. М. Бахтина, Л. Виттенштейна, П. Рикера, М. Фуко (19; 34; 122; 177).

1. Начнем с известного определения **места высказывания** в речевой деятельности, принадлежащего М. М. Бахтину: «Речь может существовать в действительности только в форме конкретных высказываний отдельных говорящих людей, субъектов речи. Речь всегда отлита в форму высказывания, принадлежащего определенному речевому субъекту, и вне этой формы существовать не может. Как ни различны высказывания по своему объему, по своему содержанию, по своему композиционному построению, они обладают как единицы речи общими структурными особенностями и, прежде всего, совершенно четкими границами» (19; с. 263). Зрелая речь-высказывания имеет своего индивидуального автора, представляет собой единство внутренней и внешней форм речевой активности, существует в виде связи отдельных речевых актов, транслирует от автора к адресату дискурсивную мысль, отмеченную их личными отношениями и оценками, обладает согласованностью в своих грам-

матических и семантических структурах, является доступной, понятной и функциональной. Бессознательные аспекты значений и смыслов речи отступают перед их сознательной организацией и логическим выражением. Она развернуто эксплицирует скрытые, свернутые интеллектуально-оценочные процессы, формирующие семантику слов и их связей. Будучи «изречением мысли», речь сама является представлением и мышлением в их знаковом выражении, процессуальной реализации и организации в текст. Речь — «это не внешнее проявление мысли, но сама мысль» (177; с. 111).

2. Высказывание является **структурой слов**, где каждое слово находит и выражает свое значение и смысл через концептуальные связи с другими. В высказывании рождается и передается адресату подвижное содержание слов автора, и в зависимости от точности их общих значений и активности их смысловой трансформации они контекстуально обнаруживают свое знаковое, именуемое или символическое назначение. Высказывание при этом выступает преимущественно объективно-логическим, субъективно-понимающим или глубинно-интуитивным. Содержание высказывания как нечто иное, в сравнении с содержаниями отдельных слов, ограничивает или расширяет, упрощает или углубляет их значения и смыслы. В этой связи не кажется радикальным тезис Л. Виттенштейна, согласно которому «высказывание, обладающее сложностью, является комплексом, состоящим из слов. Обладают ли слова значением за пределами высказывания? Слова функционируют только внутри высказывания... За пределами высказывания они не имеют ни функции, ни значения» (34; с. 274). Высказывание как связь слов в целом может быть отдельной фразой, завершенным текстом или его фрагментом.

3. Отношение между высказыванием и словом опосредуется **мыслью**, развивающейся в подвижном, живом взаимодействии понятий. Мысль и растворяет в себе отдельные понятия, и своим целостным влиянием определяет ведущее или подчиненное положение своих различных понятийных составляющих. Слова-носители понятий, творя и репрезентируя мысль в контексте высказывания, также приобретают статус его главных и дополнительных элементов. Высказывание в своих содержательных, структурных, интонационных, интенциональных и действенных аспектах позволяет словам проявить свои значения, удержать и связать их в процессе мыслеобразования, наполниться смыслом, показать свой вес в речевом дискурсе, воплотиться в жизненной практике личности. Кроме мыслимого и осмысленного содержания, в высказывании заключено нечто «немыслимое», соотношение которого с осознанной мыслью задает авторскую интенцию к продолжению мышления и речи. Возмож-

ность мыслить в заоре известного — неизвестного и высказывать мысль реализуется в жизни говорящего «постоянно возобновляемым вопрошанием о том, каким образом мысль может одновременно обретаться и вдали, и близ себя, как может она существовать под видом немыслимого» (177; с. 345). Высказывания дают мысли «время быть» и «быть жизнью», конституируют длительность, последовательность, континуум, порядок и возобновление интеллектуальной активности личности. Речь-высказываниях «не противостоит мышлению как внешнее внутреннему или как экспрессия — рефлексии..., не противостоит другим знакам — жестам, пантомимам, изображениям, эмблемам как произвольное или коллективное — естественному или единичному. Но противостоит им всем как последовательное одновременному» (177; с. 116).

4. Высказывание — это акт говорения, рассказа, диалога, беседы, общения, референции и самореференции. Это выраженная идея, сообщение или обращение, оценочное или критическое суждение, предписание или действие, адресованное автором другим людям или самому себе. Оно представляет собой самоценный фрагмент жизни личности, момент ее переживаний, желаний, продвижения в познании и самопознании, способ самовыражения и творчества, средство его культурного самоопределения и вкладов в культуру. В своем предельном назначении как воплощения истины, высшего смысла, красоты и блага бытия высказывания стремятся оперировать **именами** или словами, исчерпывающе, в экзистенциальной полноте определяющими объект. «Говорить или писать означает не высказывать просто какие-то вещи или выражать себя, не играть с языком, а идти к суверенному акту именованию, двигаться путем языка к тому месту, где вещи и слова связываются в их общей сути, что позволяет дать им имя... Классическая дискурсия... движется вперед в постоянном ожидании Имени» (177; с. 152). Индивидуально следовать этому проекту классического дискурса — значит раскрыть максимум возможностей речи-высказываниях как искусства жизни, увидеть свое существование в «блеске бытия языка».

5. Высказывание относится к конкретному факту реальности, отражает, копирует его, но при этом, по формулировке Л. Виттенштейна, «имеет намерение быть чем-то другим». Оно является «**моделью реальности**», в которой заключена возможность чего-то нового, ожидание реализации этой возможности и проект изменения объекта высказывания в соответствии с ожиданием. Высказывание, по сути, является средством осознания, что нечто возможно, инициативой осуществления возможности и методом преобразования объекта-референта. «Могу высказываться» означает «Могу влиять на то,

о чем говорю». Влияющее высказывание должно иметь ту же степень сложности, что и объект, который представлен в нем, должно нести смысл, который задает перспективу личностных действий, содержать гипотезу, в чем должны состоять изменения объекта, быть прогнозом результатов действий субъекта. Высказывание является основным способом нашего понимания, описания и проблематизации мира, выражения нашего интеллектуального беспокойства, сомнения и проекции себя в будущее, вовлечения других личностей в деятельность, создающую ситуацию совместного бытия (34). Оптимальным эффектом высказывания является обновление объекта-референта и появление нового в личности и жизни автора и адресата.

6. Ориентируясь на объект, высказывание моделирует некоторое **жизненное событие**, связанное с ним. Это созерцание объекта, действия с ним, его собственная активность, взаимодействие с другими объектами, вовлеченность в активность других людей, проявление им определенных свойств, переход из одного состояния в другое и т.д. Моделируемое событие имеет транспективную направленность, объединяет прошлое и настоящее объекта, приобретает в процессе высказывания явные или неизреченные черты будущего. Высказывание «ведет» происходящее с объектом, обладает властью над ним, и в этой власти само перерастает в событие, вплетенное в бытие референта. Объект начинает воплощать представления, воображение, мысли, артикулированные высказыванием. Событийный аспект высказывания охватывает и автора, для которого «Я говорю» становится событием «творения реальности». Для Другого как адресата высказывания оно тоже может выступить значимым событием жизни, если раскрывает ему ранее неизвестные возможности отношения к объекту.

7. Высказывание в адрес Другого актуализирует способность Я представлять и мыслить о себе, «анализировать самого себя, располагаясь, часть за частью, под взглядом рефлексии» (177; с. 111). Высказывание **рефлексивно** в плане его осознания и репрезентации субъектом как исходящего от Я, соотнесения его содержания и речевой формы с собой, присутствия «Я» в представлении и мысли, заключенных в высказывании, отношения автора к высказанному и занятия позиции, раскрывающей «судьбу» высказывания в мире Другого, в Другом, в самом себе, в текущей жизни.

Рефлексия высказывания — это авторская проблематизация себя в вопросах: кто именно говорит?/это говорю Я сам?/почему Я говорю?/на какой объект направлено мое высказывание?/о чем Я говорю?/как Я говорю?/насколько это значимо для меня?/кому адресую высказывание?/в какой ситуации находится то, о чем

Я высказываюсь?/в каких ситуациях находимся Я-автор и Другой-мой адресат?/чего хочу достичь своим высказыванием?/какой смысл я передаю в высказывании?/какого ответа Я ожидаю от Другого?/что и как он отвечает?/удовлетворен ли я ответом?/что изменилось в его отношениях и действиях вследствие моего высказывания и его ответа?/что изменилось во мне?/что нового появилось в нашем общении?/что осталось невысказанным или несказанным нами?/что это может быть?/что я скажу далее?/настроен ли Другой на продолжение диалога? и т. д.

Авторская рефлексия может протекать как развернутая практика самопознания в контексте высказывания, или как процесс, подробно высвечивающий отдельные моменты Я-в-высказывании, или как свернутая, имплицитная активность мысли, направленная на себя-высказывающегося. Присутствие Я в высказывании, влияние Я на его конструктивные последствия для собеседников, рефлексия, определяющая продолжение речевого обмена, порождают новые возможности для развития автора.

8. Персональное авторство высказываний приобретает яркий, творческий характер при условиях их укоренения в живом сознании множества других людей, их адресации значимым другим, отношения автора к взаимодействию с Другим как «встрече» с близким Ты, достижения взаимного понимания высказываемых содержаний, присутствия Другого в высказываниях, продвижения автора в рефлексии высказываний благодаря ответам адресата. Эти условия объединяются М. М. Бахтиным в категории «диалогизм высказываний» (19). Высказывание не является индивидуальным событием, а возникает в глобальном мире личностей, говорящих между собой, мире многоречия, в немолчном речевом потоке, захватившем бесконечное множество авторов и адресатов. Способом наиболее прочного слияния с общей речевой жизнью является конкретный диалог Я — Другой, утверждающий взаимную идентичность собеседников и их подобие многим другим говорящим, а также углубляющий самотождественность автора. Авторское высказывание в диалоге неотделимо по форме и содержанию от чужих высказываний, попадает во «взволнованную и напряженную среду» вопросов, ответов, оценок, сообщений, принадлежащих другим. Оно соотносится с когда-то уже сказанным и слышанным и ориентируется на то, что будет сказано и услышано. Высказывание существует как завершенное и целостное речевое явление, т. к. Другой вопрошает или сам является вопросом для автора, который дает ответ на поступивший запрос. В зрелом высказывании как моменте диалога реализуются притягательные и вдохновляющие смыслы и способы ценност-

ных жизнеотношений Я, направленных на Другого. «Всякое высказывание претендует на справедливость, истинность, красоту и правдивость... И эти ценности высказывания определяются разными формами отношения к действительности, к говорящему субъекту и к другим» (19; с. 319).

9. Ценностный эффект высказывания может быть достигнут при занятии и рефлексии Я следующих **диалогических позиций**: Я обращается и отвечает Другому, участвуя в межличностном взаимодействии;/Я высказывается о Другом как герое своей речи;/Я высказывается, откликаясь на интеллектуальную, эмоциональную, духовную силу Другого;/Я высказывается от имени Другого, отождествляясь с ним;/Я говорит, вызывая высказаться Другого;/Я высказывается в ожидании определенного реагирования Другого;/Я высказывается о себе, обращаясь к реальному и своему «внутреннему» Другому;/Я высказывается о себе как «отраженном» в Другом;/Я высказывается в адрес Другого от лица Третьего (коллективного Я, или других собеседников, или себя как бессознательного «Другого»);/Я высказывается, обращаясь к контексту речевой жизни Другого и вводя его в собственную речевую жизнь;/Я высказывается о себе, относящемся к Другому и говорящем о нем;/Я действует словом и вызывает Другого на действие или поступок;/Я говорит о своих изменениях в результате высказывания и ответных действий Другого.

В динамике диалога Другой мотивирует и располагает Я к высказыванию; влияет на его замысел, цель и содержание; задает его смысловые акценты; вызывает эмоционально-речевую экспрессию Я; ожидает прозрачности и понятности высказывания; рефлексировать свое отношение к высказыванию; ожидает новизны выражаемой мысли; понимает, интерпретирует, истолковывает, дополняет высказывание; высоко оценивает или обесценивает, принимает или отвергает, противодействует или поддерживает, сопротивляется или разделяет его, критикует или соглашается с ним; осваивает высказывание как модель своего будущего действия; отвечает и продолжает высказывание.

10. Речь личности в диалоге является постоянным прорывом туда, где нечто еще не состоялось, где мысль еще не родилась, где обитает неизвестное, где таится неизвестное Я в отношении к загадочному Ты. Присутствие в высказываниях неведомого «Я» «непрестанно призывает человека к самопознанию» (177; с. 344). Познание себя является важнейшим потенциалом Я, высказывающегося в диалоге с Другим, наряду с возможностями породить совместный текст, участвовать в бесконечном процессе межличностного воссоздания и обновления

значений и смыслов слов, трансформировать словесные знаки в имена, генерировать и передавать мысль, моделировать и обновлять реальность, освещенную в речи, познавать Другого, рефлексировать высказывания в речевом диалоге и изменения объекта-референта, Другого, самого себя, превращать высказывание в значимое событие жизни Я и Другого, восходить в высказывании на уровень диалогичности, осуществлять свои ценностные жизнеотношения в форме высказывания. Самопознание в речевом диалоге, выражение знания о себе, самообозначение и самоинтерпретация являются перспективой для идентификаций, сохранения и изменения автором себя, для преобразования объекта и адресата в ценностных измерениях. «Вопрос, в конечном счете, состоит в том, чтобы узнать, как собеседующие Я — Ты могут экстерииоризироваться в некоем «он», не утрачивая способности к самообозначению, и как он (она) из идентифицирующей референции может интериоризоваться в субъекта, который высказывается сам о себе» (122; с. 61).

11. Высказывание, направляемое Другому, приобретает тот или иной эффект, указывающий на степень достижения целей высказывания, поставленных перед собой автором. При ориентации автора высказывания на воссоздание и обновление ценностей, связанных с объектом, во внутренней и внешней жизни адресата могут возникать следующие **диалогические эффекты**:

- понимание, принятие адресатом нового знания об объекте;
- признание адресатом правды об объекте;
- постановка адресатом вопроса о неизвестном в объекте;
- нахождение адресатом проблемы, побуждающей к творчеству;
- выражение адресатом сомнения в наличном знании об объекте;
- выражение интереса к тайне, заключенной в высказывании;
- принятие адресатом этической установки, выраженной в высказывании;
- внутреннее согласие адресата на помощь, поддержку автора;
- нахождение адресатом решения высказанной автором проблемы;
- занятие адресатом собственной этической позиции;
- отклик адресата на высказанное впечатление о красоте;
- выражение адресатом своего понимания прекрасного;
- искренний ответ на послание любви;
- дружеский, поддерживающий ответ адресата;
- согласие адресата на продолжение диалога;
- выражение заинтересованности в новых сообщениях автора;
- понимание юмора автора и остроумный отклик адресата;

- одобрение адресатом предложенных автором действий;
- выражение адресатом готовности действовать в ответ автору;
- сообщение адресата о замысле деятельности;
- откровенное высказывание адресата о себе;
- выражение адресатом чувств радости, счастья, вдохновения, восхищения.

Соответствие откликов адресата целям высказывания позволяет автору включить эти новые факты своей эффективности в структуру «Я сам» и высказаться об этом.

Искусное обращение со словом и высказыванием, познание себя в качестве их автора и адресата, реализация познавательного, творческого, диалогического и интенционального потенциала речи являются важнейшими аспектами жизненного **самополагания персоналога**. В современной культуре изучения «личности» все большее значение приобретает мастерство создания теоретических текстов, развивающих знание и отношения адресатов к познаваемым явлениям, способность транслировать знания в диалогах с другими, вовлекая их в процессы поиска нового, возможность придавать отточенную вербальную форму качественным методам исследований, умение создавать красивые рефлексивно-речевые практики, служащие самопознанию адресатов. Кроме того, все более востребована способность к моделированию консультативных и психотерапевтических текстов, реализующих множество диалогических позиций автора, умение профессионалов оказать помощь адресатам в переводе «текстов личности» в план познания жизни, себя и других, владение вербальными инструментами интеллектуализации и эстетизации профессионального общения. Важную роль играют возможности персоналога тонко, со знанием дела интерпретировать тексты культуры, посвященные «личности», сообщать другим данные своего самопознания, побуждать адресатов к творчеству и импровизации в речевой деятельности. И особую актуальность приобретает способность персоналога развивать и артикулировать конструктивное отношение к себе, позволяющее раскрывать свое Я во множественных отношениях к другим в частной и профессиональной жизни.

Персоналогическое обоснование самополагания личности, в том числе, реализуемого в высказываниях и текстах, требует проведения инновационных исследований «Я». В частности, они должны раскрывать культурный и индивидуальный генез «Я», его существование в качестве субъекта жизни, его ипостаси и свойства, формы развития отношения к себе и отношения «Я — Другой», разнообразие «Я могу» в различных жизненных отношениях, эффекты само-

познания в измерениях достижения и превосходения себя. Речь идет о начале разработки одного из фундаментальных направлений в современном познании личности — **персонологии «Я»** (99; 100; 103; 135; 136; 144; 150).

13. Модели персонологии «Я»*

Модель «Я» личности

В пространстве данного персонологического направления нами разрабатываются теоретические модели, обосновывающие место Я в процессах жизни и становления личности. Одним из способов построения авторской **модели «Я»** стала экспликация, интерпретация и систематизация идей М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, П. Рикера, М.К. Мамардашвили, которые посвящены связям и жизненному генезу ряда феноменов личности: Я, значимостей, сознания, жизненных отношений, рефлексии, возможностей, отношения Я — Другой, пространства отношений. Выбор источников герменевтики и моделирования был обусловлен их высокой научной и экзистенциальной ценностью для постановки и решения новых проблем «Я».

Приведем континуум положений, образующих указанную модель.

— **Личностью** является человек в единстве своих телесно-душевно-духовно-деятельных сущности и бытия, жизни. Личность как «жизнь» выступает способом соединения человека с миром, который его призывает, «бросает вызов», вмещает, делает собственной частью, выступает потаенным и открытым одновременно. В своей жизненной активности личность выводит себя на «сцену мира», выделяет **значимости** (ценное для себя), изменяет существующие в мире соотношения, ставит мир «под вопрос». Участие личности в бытии мира отрицает его наличное состояние, обращает существующее новыми сторонами друг к другу. Эти стороны являются для личности или доступными, или скрытыми, или остающимися «в тени». Через вызванные, постигнутые, предвидимые изменения в мире личности дается собственное «присутствие», свое «Я есть», «экстатическое выступание и выстаивание в просвете бытия». В этом состоит уникальный способ человеческого существования или «экзистенция» (180; 181).

— Личность проблематизирует и испытывает мир посредством способностей ощущать, воспринимать, представлять, мыслить, переживать и действовать, устремляясь к значимостям. Порождение и субъективное воссоздание этих активных жизненных состояний

* В разделе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проектов 10.01.0015 и 12.01.0073 в рамках «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2010–2011 и 2012–2014 гг.

связано с наличием и «работой» **сознания**, которое конституирует личность в качестве «Я», или «самополагающего», «самообеспечивающего», «самоустанавливающего» начала в мире и жизни. Суть такого положения личности в мире, на примере осознанного представления, состоит в том, что «в каждом представлении представляющий — это человек, которому в представлении предоставляется его представленное, и в каждом представлении он устанавливает также и самого себя — не задним числом, а заранее, ибо он, представляющий, предносит всякое представленное себе. Поскольку представляющий человек по существу уже нашел при представленном также и себя, постольку во всяком представлении заложена сущностная возможность того, чтобы представление само совершалось в кругозоре представляющего. Со-представленность представления и представляющего внутри человеческого представления значит не то, что Я и его представление как бы встречаются сами по себе, а значит сущностную принадлежность Я-представляющего к конституции представления... Для этого не требуется никакого специального возвращения и обращения ко мне-представляющему... Представляющий человек может быть со-представлен своеобразно неприметным способом» (181; с. 124).

При ярком свете сознания личность одновременно знает, что именно существует и что она представляет, знает представление, знает себя-представляющего и знает «Я-средоточие» всех этих знаний. И даже если «Я» не становится специальным предметом мысли о себе в представлении (предметом рефлексии), представляемое все равно необходимым образом принадлежит ему как «представителю всякого представления».

— В протекании жизни Я обобщает, «собирает» множество личностных актов познания, переживания и деятельности, адресованных значимостям, становится саморазвивающимся субъектом воспроизведения и обновления этих актов. Значимость при этом открывается Я попеременно в следующих **формах**: предметной (что она есть), внутриличностной (как она дана), трансличностной (как она реально преобразуется), отражения «личностного» (сохранения преобразований в себе) и нового вопроса к личности (бытийного вызова).

— Жизненное обращение личности к значимости имеет форму **отношения**, которое является универсальным способом построения, проживания и рефлексии индивидуального бытия в мире. Реализующиеся отношения творят единое течение, изменчивую «ткань» жизни, объективные и субъективные ответы личности на затрагивающие запросы мира. «Мы говорим «отношение» тогда, когда хотим назвать позицию, занятую человеком, место, отводимое им чему-то

вне его... Человек в своем существе «относится» к тому существенному, что требует его. Он принадлежит, послушен, как осуществляющийся, тому, что обращено к нему как вызов» (181; с. 290).

Отношение к любой значимости порождается и определяется Я личности, выступает сложной активностью и феноменом ее сознания, создается взаимосвязью сознательных, т. е. включающих в свою конституцию Я, стремлений и переживаний, восприятия и представлений, мышления и интуиции, действий и поступков. Каждая из образующих отношения во взаимодействии с другими может стать самостоятельным «отношением», в котором различаются процессы и эффекты, имеющие генез, течение и локализацию в пространствах «между личностью и значимостью», «в личности» и «в значимом». Идет ли речь о мыслительном, образном, эмоциональном, практическом или интегральном отношении, оно в собственном существовании обеспечивает многомерное соприсутствие личности и значимости.

Отношение является континуумом целостных, обладающих сложной психической и практической архитектурой, продуктивных актов, инициируемых Я, адресованных им своей значимости и возвращенных себе. Я в контексте реализующегося отношения может занять рефлексивную позицию, способствующую образованию и развитию сложной субъективной конфигурации отношения к значимости. В этой конфигурации:

Я встает в отношение к себе как проживающему встречу со значимым;

Я встает в отношение к значимому;

Я ставит значимое в отношение к себе;

Я относится к значимому как присутствующему в себе;

Я относится к себе как присутствующему в значимом;

Я относится к себе как обновленному на основе связи со значимым.

Посредством рефлексии Я актуализирует и познает эти моменты отношения, интерпретирует и соотносит их, находит и разрешает их противоречия, производит их синтез и постигает их перспективу. Я проявляет глубокое расположение к значимому, совершенствует его, охватывает и попеременно перемещается во внешние и внутренние пространства личности и значимого, развивается на основе «соотношения отношений», становится самим этим соотношением.

Отношение личности к значимости в конкретных жизненных ситуациях приобретает **многоэтапную динамику**. В ней взаимно порождаются и переходят друг в друга совершение действия, актуализация смысла, осознание «могу», мотивирование, целеполагание,

акты выбора, принятие решения, действие, достижение цели, оценка результатов действия в аспекте осуществления смысла и перспектив его проблематизации.

Выделение этих этапов и их намеченная последовательность связаны с акцентировкой **смысла**, проектирующего будущую активность личности в плане возможного — желаемого — целевого — выбранного. В этом проекте, среди других движущих сил отношения к значимости, важнейшая роль принадлежит осознанию возможностей. «Мы действуем перед тем, как полагать наши возможности, и эти возможности, открывающиеся как реализованные или находящиеся на пути к реализации, отсылают к смыслам, делающим необходимыми особые действия, чтобы быть поставленными под вопрос» (131; с. 73). В жизненной корреляции с возможностями смыслы направляют к тому, чтобы действовать с охотой, любовью, энтузиазмом, знанием дела, на благо других.

Отношение — это трансценденция к значимости, рефлексивно представленная в модусах «Я действую», «Я имею смысл», «Я могу», «Я хочу», «Я знаю цель», «Я выбираю», «Я достигаю». Каждый из этих моментов рефлексии может раскрыть и определить «судьбу» того или иного этапа отношения в разных пространствах сопребывания значимого и Я.

— Я порождает, реализует, приобретает **возможности** для прочной связи со своим значимым, которая устанавливается эмоциональным, познавательным, деятельным и рефлексивным путем. Я в своем осознании могу — смог — смогу выступает тем, в чем «существо человека хранит источник своего определения» (131; с. 198), является тем, чем «должен быть человек в своем бытии и посредством чего нечто пришло бы к бытию» (131; с. 61), становится источником активности в отношениях к значимостям. «Быть Я» для личности — значит существовать в измерении своих осознанных возможностей. То есть жить посредством себя, обогащаться феноменами своего жизненного распространения в бытие значимого, расставаться с собой, идти к новой встрече с собой, достигать себя и ускользать от себя в неизвестное будущее к новым значимостям. «Возможное есть то, чего недостает «для себя», чтобы быть «собой» (131; с. 134).

— Динамика Я, его отношений и возможностей развертывается через конкретные моменты существования **«для себя»** или ситуативные «места», положения, состояния, позиции личности, данные ей в самосознании. «Для себя» не охватывает Я в целом, никогда полностью не тождественно ему, угрожает его сложившейся идентичности и необходимо ему для саморазвития и воссоздания бытия на основе рефлексивного воссоединения с собой. Актуализация, от-

рицание и Я-присвоение «для себя» обеспечивают устойчивость, сохранение и изменчивость «Я сам». «Кто мыслит обо мне, не есть чистый вневременной взгляд. Это я сам, который длится, будучи включен в кругооборот моей самости, находясь под угрозой в мире со своей историчностью» (131; с. 181).

— Я имеет множество **ипостасей**, которые указывают на многообразии способов соединения личности с собой, со своей жизнью и ее ценностями. Речь идет об иррациональном и телесно-чувственном, сигнификативном и рефлексивном, идеальном и межличностном способах, по-разному соотносящихся при становлении Я, которое «со своим историческим и априорным содержанием и есть сущность человека» (131; с. 71).

Так, Я изначально существует как глубинное, неозначенное, невербальное, дорефлексивное **эго**, смутно улавливаемое интуитивным сознанием личности. Наше Я «сознанием не исчерпывается, и не оно вызывает его существование. Оно всегда дается как бывшее перед сознанием и обладающее глубинами, которые должны раскрываться постепенно» (131; с. 135).

«Я» выступает **знаком личности**, средством обозначения чувственного телесно-психического эго и самообозначения центра сознания. Знак «Я» является культурным даром, который при его использовании делает возможным существование «для себя» как присутствие личности по отношению к себе. «Я» является словом, употребляемым личностью в адрес неповторимого «себя» только однажды, в единственный момент жизни. Это имя индивидуальности, живущей, познающей и называющей себя в необратимом континууме уникальных событий здесь-и-сейчас.

Я существует в форме **Я-тела**, которое формируется, чувствует и означает под впечатлениями личности о теле других, под их взглядами и под влиянием их непосредственных откликов на ее внешность. Кроме того, в переживание и осознание Я-тела (или «внешнего самого глубокого внутреннего») включены те культурные образы, которые передаются личности другими в виде изображений и текстов, напоминающих или отражающих ее облик. При этом картина тела личности в видении и понимании других избыточна в сравнении с ее собственной картиной. Посредством других Я-тело «продолжается внешне в измерении богатства, которое ускользает от меня» (131; с. 370).

Я является источником и субъектом мысли, принадлежащей ему самому, несущей знание о его телесности и душевном мире, отчуждающей его от себя самого, порождающей новое знание о нем и возвращенной себе самому, т. е. **субъектом рефлексии**. «Посредством

рефлексии «для себя», которое теряется вне себя, пытается интериоризироваться в собственное бытие; это есть второе усилие, чтобы основать себя; речь идет для него о том, чтобы быть самим собой» (131; с. 186).

Взаимодействуя с другими людьми, порождая свое присутствие в их мирах, личность выступает **коллективным Я**, частью доступным для рефлексии, а частью просвечивающим как «неизвестное Я», преломляющим влияния близких и дальних других, лоящим взгляды, исходящие от культуры, и впечатления от своего распространения в окружении. Переживая свое «рассеяние» во множестве других, личность стремится собрать себя, терпя частое поражение при встрече с непроходимыми местами в таинственных пространствах чужого бытия. «Мы не постигаем множественного взгляда. Речь идет скорее о неощущаемой, мимолетной и вездесущей реальности, которая реализуется перед нами наше нераскрываемое Я и которая сотрудничает с нами в создании этого Я, ускользающего от нас» (131; с. 304).

В «кругообороте самости» Я может стать **идеалом** совпадения с собой, исполненности себя, осуществив все возможности, которые открываются «для себя» в ситуациях встреч и отношений к значимостям. Эти возможности и эффекты их реализации осознаются Я как перспектива собственного расширения и усиления во всестороннем и целостном участии в новых встречах со значимым. Идеальной границей Я является эффект, который обозначается нами термином «достижение себя». Он появляется при восхождении личности к своим значимостям в их абсолютном и ценностно-культурном измерениях. Это фундаментальный проект индивидуального бытия, конституируемый возможностями Я.

— Богатейшим миром, в котором личность может открыть себя и Я-центрировать свои возможности, является Другой как конкретная, значимая личность. **Другой** с его взглядом, пониманием и действием в адрес личности необходим Я в плане переживания и осознания своей фактичности, своей свободы в контексте совместного бытия. Динамичное «для себя» личности вовлекается в жизнь Другого, вовлекает его в свою жизнь, предстает «для Другого» и становится его собственным «для себя». Другой создает и позволяет личности понять основные «структуры» ее бытия.

Другой — это другое Я для меня, так же, как Я — другое Я для него. Оба наши Я в пространстве «вне себя» входят в организацию друг друга, утверждают реальность друг друга, раздвигают границы своих «Я могу», своей рефлексии, субъективности и влекущей взаимной «объектности». «Не существует привилегии для моего Я; мое эмпирическое Эго и эмпирическое Эго Другого появляются в одно

и то же время в мире; и общее значение «другой» необходимо для конституции как одного, так и другого из них» (131; с. 257). Находясь в необходимой зависимости, Другой и Я не растворяются друг в друге; свобода одного не является исходным условием свободы другого. В обмене возможностями каждый дарит другому новое свободное бытие, определяя его и становясь его частью. «Другой — это и есть Я сам, от которого меня ничего не отделяет, абсолютно ничего, если не его чистая и тотальная свобода, т. е. неопределенность себя самого, которую он один имеет в бытии для себя и через себя» (131; с. 294).

Принципиальное тождество с другим как «тоже личностью» и «тоже Я» распадается, когда в реальной ситуации перед каждым Я оказывается конкретный Другой. Я устанавливает с ним связь на уровнях рассматривающего взгляда, внешнего действия, взаимного отражения, соприсутствия Я и Другого, рефлексивного раскрытия и обобщения своего бытия в Другом, бытия Другого в себе, своего бытия в себе и бытия вне себя и Другого. Участвуя в этой «зеркальной игре мира», Я наращивает потенциал своей рефлексии. «Я конкретно испытываю Другого как свободного и сознающего субъекта, темпорализируюсь к своим собственным возможностям. И присутствие этого субъекта без посредников есть необходимое условие всякой мысли, которую я попытался бы сформулировать о себе» (131; с. 293). Другой в его заинтересованной обращенности ко мне соединяет меня с самим собой. (Не забудем при этом, что в этой игре зеркал и взаимных отражений, согласно известным литературным сюжетам, отраженный может исчезнуть в отражающем или не отразиться в том, что предназначено отражать, или отразиться в виде незнакомого себе образа, или превратиться в свое незнакомое отражение.)

— В жизненных связях с личностью и в ее рефлексии Другой приобретает различные **ипостаси**.

Он является для личности реальным пространственно-временным **объектом**, конкретным фактом, ситуацией в мире, существенным вызовом жизни, на который личность должна ответить, ценностью, без которой она ощущает в себе недостаток бытия. Личность направляет на Другого свою активность, адресует ему свои желания, переживания, акты познания, поступки и действия, овладевает частью его внутреннего мира, разделяет его бытие, помещает его в мир своих субъективных значимостей и разворачивает «в себе» взаимоотношения с ним.

Не исчерпываясь положением объекта, Другой является **личным присутствием**, пробуждающим в личности переживание собственной реальности, удостоверенной обращением к ней другого

человека. «Другой дается мне как конкретное и очевидное присутствие, которое я ни в коем случае не могу извлечь из себя и которое не может быть поставлено под сомнение и стать объектом феноменологической редукции или всякого другого эпохе» (131; с. 294).

Присутствие Другого, транслируемое в его взгляде, речевом обращении, оценке и интериоризации образа личности показывает ей жизнь «по ту сторону» Я-бытия. «Отношение, которое меня объединяет с Другим, не может быть отношением внешнего к внутреннему миру, но через взгляд Другого я испытываю конкретно, что есть **другая сторона мира**» (131; с. 293).

Присутствующий Другой является для личности осознаваемым и во многом неизвестным **субъектом**, обладающим способностью быть побудителем, инициатором, образцом, ценителем, продолжателем ее активности. Другой становится соавтором самосознания, жизненной истории личности, а также выступает активной частью ее внешнего и внутреннего мира, где личность находит себя живой и значимой для бытия другого человека. Другой дает личности «быть», чувствовать, видеть, воображать, понимать, дает ей открыть и актуализировать свой потенциал, дает место в мире для ее творений, определяет ее роль в сообществе создателей культуры.

В своих референциях к культурному творчеству, непосредственно участвуя в познании и практике личности, Другой демонстрирует свою **орудийность**, т.е. показывает свою принадлежность к универсуму орудий, усилителей возможностей, которые личность может освоить и применить в жизнедеятельности, увеличивая свою свободу и свободу множества других.

Другой выступает для личности адресатом и «местом» воплощения конкретных жизненных перспектив Я. Это «глобальная возможность» Я, связанная не только с присутствием, но и отсутствием Другого как вероятного будущего. Другой — **проект**, эскиз, набросок, смысл Я-бытия личности в наступающей жизни.

Другой — это, по сути, **Я сам**, собравший воедино Я, данное в Другом, Я, имеющее в себе представленного Другого, Я, отразившее «в себя» связь Я — Другой, а также соединивший свои Я-объект, Я-субъект, Я-орудие, Я-личную свободу, присутствующие в сознании и бытии Другого.

— Существова во множестве ипостасей, реализуемых в отношении к значимостям, ставшее Я приобретает и развивает **свойства**, посредством которых познает, выражает и полагает себя.

1. Я имеет свойство предстоять себе, быть неизвестной, неопределенной, непоименованной **самостью**. Личность предчувствует в ней свои неизвестные возможности, связывает с ней недоступность ко-

нечного понимания, почему именно так живет, действует, относится, почему именно это происходит в ее жизни. Посредством этого свойства Я целостно реагирует на спонтанные впечатления, уникально извещающие и соединяющие его с предназначением личности. Благодаря интуиции существования самости можно признать наличие «немыслимого» в себе, предвидеть возможность быть «другим Я, чем Я есть», открыть, что наше «Я», по выражению М.К. Мамардашвили, никогда не является тем, что мы о нем думаем. В процессе сознательной жизни, посредством рефлексии от имени «Я», мощь самости как предпосылки автономии и активности личности переходит в силу «Я сам», т.е. субъекта реализации этой предпосылки в настоящем и будущем взаимодействии с миром и другими людьми.

2. Я обладает **рефлексивностью**, определяемой П. Рикером в качестве способности к сознательному опосредованию своего непосредственного присутствия, позиции в мире, «непрестанного труда по интерпретации действия и самого себя» (122; с. 215). Это познавательно-эмоционально-смысловая включенность Я в собственную духовную, телесную, психическую, деятельную жизнь и возвращение, присвоение себе дифференцированного и обобщенного опыта своего участия в ней. Это проблематизация себя, поиск «Я-неизвестного» и разрешение проблем «Я» на основе соотношения себя с другими. Это постижение себя и своей жизни среди других личностей с акцентами «только Я», «только ко мне», «только во мне», «только благодаря мне» (86), при условии, что уважаются и ценятся эти акцентировки у Другого.

3. В рефлексии и обращении к себе-неизвестному, Я приобретает **идентичность** как свойство быть и знать себя подобным, «сродным» другим людям в своих качествах, жизненных состояниях и способах активности. Это свойство приписывать другим личностям то, что характерно для самого себя. Это также способность к воссозданию чувства, образа, идеи «собственности» Я и своей жизни при осознании их пересечения с множеством других Я и других жизней. Это развитие «нарративной идентичности» на основе сравнения, отождествления истории своего жизненного пути с повествованиями, заимствованными у культуры, с героями и авторами культурных источников. Это такое внутреннее слияние с другой личностью и самоизменение на этой основе, что Я для себя становится иным, «Другим», или, в формулировке П. Рикера, «как Другим». «Самость самого себя подразумевает инаковость в столь глубокой степени, что одну невозможно помыслить без другой, что одна скорее переходит в другую, если говорить на языке Гегеля.

С «как» нам бы хотелось связать сильное значение не только сравнения самого себя с другим, но еще и импликацию самого себя в качестве другого» (122; с. 18).

4. Я обладает свойством **самотождественности** (совпадения с собой, непрерывности «Я»), состоящим в осознанном и спонтанном поддержании личностью постоянства «себя», несмотря на свои изменения, вызванные жизнью и собственными отношениями к ней. Совпадение с собой достигается путем согласования, гармонизации своих стремлений — ценностей — отношений — поступков — их личных и внеличных последствий. Ему способствуют переживание телесной аутентичности в течение жизни, обращения других как к «той же самой личности» и приписывание ей одних и тех же качеств, а также рефлексия своих противоречий и их разрешение в пользу сложившегося Я, воздержание от «плохих» для себя выборов, действительное осуществление своих устойчивых смыслов.

5. Я имеет способность к **сохранению себя**, развивающуюся на основе ответственности перед другими людьми, исполнения обязательств, обещаний и долга, сдерживания слова, осознания результативности и продуктивности жизни, «присутствия» в других людях, рассказов о себе и образов автопортретов, практик владения своим телом и телесного взаимодействия, символического осмысления и изображения себя. Так, создать рассказ о себе означает совершить самообобщение, осознать себя «сполна» как живущего «эту уникальную жизнь», со своим сложившимся согласием или несогласием с ней, со вскрытыми конфликтами, с удовлетворенностью или неудовлетворенностью уровнем осуществления ожиданий и чаяний. Основная ценность при сохранении себя — это отделение себя от Другого в опыте утверждения его суверенного бытия, а также отдачи, служения и посвящения ему. «Сохранение Я-сам для личности — это такой способ вести себя, чтобы другой мог на нее рассчитывать. Поскольку кто-то рассчитывает на меня, я держу ответ за свои поступки перед другим... Термин «ответственность» объединяет два значения: «рассчитывать на...» и «держат ответ за...». Ответственность объединяет их, добавляя к ним идею ответа на вопрос «Где ты?», поставленный другим, который нуждается во мне. И ответ «Вот Я» говорит о сохранении Я» (122; с. 200).

6. Я обладает свойством **воплощать Абсолютное Я**. Это, во-первых, проживание личностью вечно длящихся, повторяющихся событий поиска и поклонения красоте, любви, добру, истине. Во-вторых, личное восхождение на предельные уровни присутствия, участия и действия в мире, для которых «нет никаких внешних гарантий» и необходимо «мужество невозможного» (4). В-третьих,

отражение в единичном Я как «малом зеркале большой бесконечности» (122; с. 442) множества других Я, что дает личности переживание сопричастности тому, что неизмеримо масштабнее и богаче ее. Обнаружив в себе «коллективное Я», личность осознает себя потенциальным местом встречи, преобразования, импликаций, расширения бытия бесчисленных Я.

7. Я имманентны свойства **фактичности, реальности, феноменальности**.

Фактичность Я хорошо раскрывается положением П. Рикера: «Нет мира без Я, которое в нем находится и живет, и нет Я без мира, где оно так или иначе действует» (122; с. 363). Человеческий мир и Я связаны фактами и закономерностями со-бытия, взаимной необходимости, создания и изменения друг друга.

Реальность Я обусловлена тем, что, телесно и душевно живя в мире, оно дано самому себе как непрерывно возобновляемое соотношение «Я под взглядом других», «Я под собственным взглядом», «Я во взгляде на других», «Взгляд других на мои вклады в них».

Феноменальность Я связана с осознанным присутствием, погружением, ангажированностью, вовлеченностью, активностью и самопостижением личности в конкретных ситуациях, «местах» и событиях, когда во впечатлениях и актах творчества ей непосредственно дана истина и возможности себя-в-мире. Я присутствую — «значит, Я могу. Мир устроен так, что есть как минимум одно существо, которое может. И, конечно же, то место, в котором мы можем, не есть то, которое мы можем выбирать, не есть то, что мы можем получить умозаключением, только посредством знания» (86; с. 544).

8. Я имеет свойство **быть основанием себя**. Речь идет о фундаментальной способности Я определять, утверждать, проектировать себя и свою жизнь во временном континууме и различных пространствах бытия посредством самопознания и самостоятельного действия. Знание о себе приобретается при активном участии в собственной жизни, при углублении в себя-неизвестного, при смысловом и деятельном соединении ретроспективы, актуальности и перспективы жизни. Нельзя иметь «предварительное знание» о себе, помимо самодеятельности и рефлексии, непрерывно открывающих субъектность и авторство Я в жизни, которые направляют его к идеальной цели, к осознаваемому пределу саморазвития в мире высших ценностей, к смыслу творческого самопревосхождения.

9. Я имеет свойство **обладать «топосом»**, уникальным местом, миром из которого прорастает и прирастает внутренняя и внешняя жизнь личности. Это пространство, данное личности для присутствия, проживания, ментальных репрезентаций предметного мира,

себя и других. Это развертывающаяся во времени «топология» инициированных и осознанных жизненных изменений, расширяющаяся и соединяющаяся с подвижными мирами других людей. Это область представленности личности в Другом, откуда совершаются влияния на другое Я и другую жизнь, это точка, откуда личность может «проникнуть в другого и восполниться его миром и содержанием той точки, которую этот человек занимает» (86; с. 448). Это пространство «синтеза» впечатлений о значимых других, создающего их Образы и Символы, в той или иной степени скрытые или открытые для этих других. Это место, где личность находит себя во взглядах и высказываниях других, открывающих его новые стороны и качества. Это место, где Я еще нет, но ему известно, что оно возможно.

10. Я — это «какая-то странная длительность, непрерывность» (86; с. 96). Ему присуще свойство **временить**, выступать тем, что в каждый следующий миг жизни может что-то иное и является чем-то иным. Это «иное» спонтанно и рефлексивно вплетается в прочную и податливую ткань наличного Я, изменяя его и создавая актуальные предпосылки для проживания следующего момента жизни. «В потоке жизни слишком многое существует для нас в модусе будущего, как того, которое мы предполагаем реально возможным для себя — это называется «знанием возможностей» (86; с. 528). Непрерывное, субъективное установление связи прошлого, настоящего и будущего Я, иными словами, удержание «транспективы Я», определяют его самоидентичность, сохранение и преобразование себя. Я «необходимы мужество и героизм» для познания и принятия себя-возможного, для отношения к перспективе жизни во всей своей полноте, для целостного вложения себя в свой жизненный проект, для глубины проникновения внутрь «потом», для причастности к тайне грядущего. Ценным способом продлить, наполнить, интегрировать «Я как время» является текст самопознания, помещающий «Я» во время культуры (138).

11. Я присуще свойство **телесности**, обладания «только этим» телом как уникальным пространственно-временным объектом среди других тел, как единичным фрагментом телесного опыта мира. Телесность является, по словам П. Рикера, «предельной точкой референции мира», постоянной и изменчивой одновременно. Тело изменяется во времени, но одним и тем же остается то Я, которое осознает и называет это тело «своим» и «Я сам». Телесность образует основу субъектности Я, является источником и единством способностей к персональным преобразованиям в мире.

12. Я обладает **означенностью** средствами языка, может употреблять слово «Я» как личное местоимение, культурный знак, «странст-

вующий, вакантный термин» (122), в любой миг применимый как к себе, так и к иному референту. Этим референтом может быть Я другого человека или Я в качестве «другого». «Я» используется для обозначения всех личностей и каждый раз — одной-единственной. «Я» применяется личностью как символ универсального «автора» всех сознательных жизней и уникальное имя персонального сознательно-присутствия в неповторимый момент здесь-и-сейчас. Этот знак нужен личности, чтобы создавать и оберегать границы «собственного», сохранять себя в речи, деятельности и творчестве, а также разделять ставшее и новое Я. Посредством «Я» личность называет, именуется, аттестует, интерпретирует, идентифицирует и выражает себя. Идентифицирующая референция с помощью знака «Я» указывает не только на факт осознания тождества личности с собой, но и на факт утверждения неисчислимого множества других Я, каждое из которых тоже обозначает себя этим знаком.

13. Я характеризуется свойством, которое, по аналогии с известной формулировкой М.К. Мамардашвили (85), можно назвать **«необходимостью Другого»**. Мира Я нет без него самого, но, чтобы появиться, быть и развиваться, он нуждается в соединении с мирами других людей. Другой, который может составить важнейшую часть моего бытия и может восполнить это бытие и восполниться сам, является моей значимостью, «сенсibiliзированной точкой по отношению ко мне» (86). Связь моего Я с Другим устанавливается во внешнем пространстве «между», во внутренних мирах каждого из нас, в мирах, где протекает наша жизнь относительно независимо друг от друга. Развертывается процесс взаимных встреч, отражений, присутствий, влияний, ускользаний, изменяющих Я и Другого. Это тот путь, где совершаются наши совместные или взаимно направленные действия, мною добывается знание о себе и Другом, приоткрывается неизвестное Я, возникают предчувствия и интуиции моего «другого Я», открывается и создается новый Другой-во-мне, рождается новое Я-в-Другом, меняемся во взаимоотношениях Я и Другой. «Если я выхожу на точку, сенсibiliзированную по отношению ко мне, то я в этой точке воссоздаю себя или должен суметь воссоздать себя, т.е. я отражаюсь в ней, а она отражается во мне» (86; с. 444). Для Другого мое Я может обладать высокой ценностью в силу того, что оно «занимает уникальную точку, из которой переживается что-то, видно что-то, что не видно и не переживается ни в какой другой точке» (86; с. 448). Этот избыток моего видения Другого, которым я делюсь с ним, способствует его самопознанию, а также росту его значимости для меня, открывая мне новые возможности нашего взаимодействия. При этом Другой должен пред-

стать для меня автономной личностью, с которой можно вступить в подлинное «отношение» как свободное внешнее и внутреннее взаимодействие индивидуальностей. При отсутствии отношения Другой потерян для меня как мир нашего общего развития. Одновременно Я исчезаю для Другого как источник обновления и обогащения его жизни, а также теряю развивающую связь с собой, переставая быть «видимым» и «отраженным» Другим. Потеря или не-обретение взаимной значимости Я и Другого отнимают у нас возможность пройти путь взаимного поиска общих смыслов и совершения совместных деяний, далеко во времени продляющих бытие каждого. Напротив, отношение к Другому развивает способность «расширять себя, присоединяя к себе своеобычность другого опыта, другого переживания» (86; с. 485). Условиями высвобождения этой способности являются сомнение, незнание, вопрошание, откровения, открытия, касающиеся Я и осознанно проживаемые им под влиянием Другого. Кем выступает «необходимый Другой» для Я? Источником интуиции и знания о существовании Высшего, субъектом требований, наказов, наставлений, сообщений, действий и оценок в адрес Я, проводником в мире ценностей и смыслов, побуждающих Я к жизни, критиком, встающим в оппозицию к Я, возражающим, противоречащим и сопротивляющимся. Через Другого Я познает факт единичности себя и величину своих границ: что в самом себе Я не может сравнить с Другим; что Я не может приписать и позаимствовать у Другого, включая тело, взгляд, текущие душевные состояния, место в мире здесь-и-сейчас; что Я не может принять у Другого; что Я не может отдать Другому в связи с существующими ограничениями для отражения, преломления и воплощения в нем.

14. В интеграции мотивационных — когнитивных — эмоциональных — вербальных — рефлексивных — деятельных связей с другими Я приобретает и индивидуально проявляет свойство **смыслополагания**. Рождение и открытие смысла как вдохновляющего знания о «наилучшем для моей жизни» происходит благодаря признанию значимости других в их ценностных отношениях к жизни, разделению с ними этих отношений, взаимному отражению ценностей Я и других, уникальному выбору Я, ради чего ему предстоит жить. «Личности путем взаимных отражений, бесконечных взаимных отражений изменяются и усложняются или — развиваются. Это такие взаимоотражения, которые усложняют точки, находящиеся в этих отражениях. И в каком-то плане можно сказать, что существует, реально существует только бесконечный смысл, т. е. отражение — усложняющее и развивающее — обладает свойством бесконечности... Многообразие рефлексирующих одна в другую то-

чек есть способ существования бесконечности смысла» (86; с. 444). Приобщаясь к воссозданию ценностных смыслов, личность совершенствуется в самопознании и созидательном действии в мирах других и собственном мире, т. е. переходит на более высокий уровень отношения к себе. Преломляясь и выражаясь в отношении к другим и в их жизнеотношениях, отношение к себе способствует персональным вкладам в бытие человеческих ценностей.

15. В процессах укрепления и взаимопроникновения отношений к другим и к себе формируется свойство **диалогичности Я**. В свою очередь, нахождение в диалоге с собой и Другим является оптимальным условием для развития данных отношений. Диалог — это «единственная ситуация, в которой мы можем установить отношение к человеку и к себе в их собственном качестве и достоинстве» (86; с. 186). Диалог — обмен чувствами, впечатлениями, представлениями, мыслями, высказываниями, действиями и поступками, где личности могут взаимно реализовать ценности отношений: инициативу и ответственность, надежность и заботливость, помощь и верность слову, взаимное уважение и понимание другой личности в ее инаковости, автономии, единственности. «Каждая личность является незаменимой в нашей привязанности и оценке» (122; с. 231). Диалог — это условие раскрытия личностью безусловного бытийного равенства с Другим. Это момент ухода от иллюзий самодостаточности и осознание соприсутствия и наполнения «другими» своего Я. Это событие трансцендирования, где значительно все: от мимолетного обмена взглядами до трагического прояснения этического конфликта двух личностных миров. Это связь личностей, речевое и эмоциональное сближение, когда одна вызывает другую на непосредственный ответ; это опыт душевного единения, преодоления изоляции и взаимного оказания развивающих влияний. Вступить в диалог означает открыться к Другому и увидеть его встречную открытость, взаимодействовать с ним и уловить внутреннее взаимодействие, «вызвать себя из потерянности в Другом» (122), отстраниться от себя, найти и понять изменения Я, происшедшие в пространствах внешнего и внутреннего взаимодействия, убедиться в развивающих эффектах своей активности в жизни Другого, открыть в Другом «место», где Я еще нет, но оно оставлено именно для него. «От того, какие мы уже есть, мы должны выходить в пространство или точку, где нас еще нет и где мы только возможны, и неизвестно, в какой форме мы возможны» (122; с. 466). Высокий потенциал диалога заключен в отношениях с любимым, близким, другом, партнером, Учителем, духовным наставником, консультантом, советником в частной жизни. Это лучшие Другие для поддержки лич-

ности в актуализации, рефлексии и осуществлении разнообразных потенциалов Я, в том числе относящихся к речевой жизни. Пространство речевого диалога намечается, структурируется и динамизируется особыми словесными маркерами: «я», «ты», «мы», «у нас», «нами», «с тобой», «без тебя», «со мной», «без меня», «ты как я», «ты тоже», «ты не я», «я как ты», «я не ты», «только я», «только ты», «ты сам», «я сам» и т. д.

16. В предчувствии, предвидении своей жизни Я проявляет свойство, которое можно обозначить как **«быть возможностью самого себя»**. Это свойство воплощается в жизненном проекте личности, в котором соединяются ее осознанные смыслы и замыслы, желания и устремления, ожидания и надежды, образы воображения и фантазии, цели и программы деятельности, планируемые достижения и самоизменения. Источником, автором и адресатом этого проекта выступает Я в рефлексивном отношении к себе-потенциальному, переходящему, в случае осуществления проекта или «достижения себя», в структуру «Я сам». Я как «возможность себя» интегрирует «Могу», зарождающиеся и воплощающиеся в его различных свойствах. В соотношении с конкретными сферами и способами включения личности в наступающую жизнь, эти «Могу» выражаются в различных интенциях, среди которых П. Рикер выделяет «Я могу говорить», «Я могу действовать», «Я могу рефлексировать», «Я могу рассказывать о себе», «Я могу быть ответственным за свои поступки» (122). В зависимости от встающих жизненных задач Я актуализирует и рефлексивно обобщает определенные интенции, чтобы при решении этих задач получить новые основания «быть» и развиваться.

— В отношениях личности к значимостям ее возможности, данные в рефлексии, а также возможности самой рефлексии выступают **«возможностями Я»**. Обладающая ими личность, относясь к чему-то иному, одновременно помещает «себя» в фокус активного отношения, т. е. способна **встать в отношение к себе**. Самоотношение в контексте других отношений позволяет личности узнать свои потенциалы, включить их в структуру собственного Я, способствует раскрытию «возможного Я» в ситуациях саморазвития и развития своих значимостей, прежде всего, «Другого». В случае реализации отношения к себе в контексте отношения к Другому ситуации развития охватывают **три основные измерения** взаимодействия и сопresутствия Я и Другого: между Я и Другим, Я-в-Другом, Другой-в-Я. В каждом из измерений появляются специфические возможности Я, рефлексия и осуществление которых определяют полноту достижения себя в отношении к Другому. Речь идет об исходящих от Я и возвращающихся к Я возможностях действовать и обращать

взгляд, создавать и познавать, говорить и интерпретировать, принимать и постигать, углублять и обобщать, оценивать и преодолевать неизвестное, вспоминать и определять перспективу. Это касается и всех других жизнеотношений личности, включающих ее отношение к себе.

Модели развития отношения личности к себе

В дополнение к модели «Я» обратимся к персоналогическому моделированию «отношения к себе», основанному на интерпретации и авторском осмыслении концепций, намеченных в трудах М. Фуко, М.М. Бахтина, С.Л. Рубинштейна, М.К. Мамардашвили и акцентирующих проблему **развития** самоотношения.

Начнем с **модели культурогенеза отношения к себе**, эксплицированной из содержания знаменитого труда **М. Фуко** (175), посвященного «субъекту» как «способности человека относиться к самому себе». Выделим конкретные параметры, характеризующие европейскую культурную динамику «отношения к себе» от времен Античности до современности.

1. Исторически отношение к себе, или «культура себя», приобрело ряд общих равноценных **форм**, конституирующих его культурные типы и индивидуальные варианты. Содержание каждой формы составляют феномены, отражающие положения, установки, состояния, внутренние и внешние действия, акты сознания личности, ориентированные на себя.

Обращение к себе (забота о себе):

устремление к себе, занятие собой, попечение о себе, опыт себя, отстранение от внешнего, отступление в себя, уход в себя, погружение в себя, укрытие в себе, пребывание в себе; жить наедине с собой, довольствоваться собой, ухаживать за собой, найти себя во всем, встретиться с собой, воссоединиться с собой, быть себе другом, воздавать себе должное, уважать себя, чтить себя, находить счастье в себе, не быть рабом себя, быть свободным в отношении к себе.

Познание себя (самопознание):

припоминание себя, узнавание себя, истолкование себя, концентрация мысли на себе, экзегетика себя или возврат к своим истокам, открытие незнания себя, слежение за собой, досмотр сознания, исследование своих представлений, изучение своих впечатлений, воображение о себе, открытие тайн себя, изучение себя, поиск истины себя, высказывание о себе.

Преобразование себя (практика себя):

испытание себя, образование себя, управление собой, труд над собой, избегание дурного в себе, преодоление искушений, приобре-

тение независимости от телесных страстей, освобождение себя от зла, выработка себя из себя, совершенствование тела, подготовка себя к деятельности, к встрече с истиной и к жизненным трудностям, аскетика, очищение себя, исправление жизненных ошибок, говорение правды о себе, исцеление себя, спасение себя, разрешение противоречий своей жизни.

2. При актуализации различных форм отношения к себе могут быть задействованы многие **душевные процессы**: самопереживание; самоощущение; самовосприятие; память себя; представление о себе; воображение о себе; интуиция себя; рефлексия; самоизменение. В направленности на «Я» они достигают синтеза, производимого сознанием, чувством и волей.

3. Отношение к себе в его душевных составляющих может иметь ту или иную доминирующую **временную направленность** либо обладать многовекторной временной ориентацией.

Прошлое: отношение направлено ретроспективно, на состоящую внутреннюю и внешнюю жизнь Я, на его историю, на причины его актуального состояния.

Настоящее: отношение вплетено в текущую жизнь, улавливает внутренние и внешние позиции Я здесь-и-сейчас, определяет актуальное обращение личности с собой, обеспечивает полноту связи личности с собой в данный момент жизни.

Будущее: отношение намечает положения, позиции, активность Я в недалеком и отдаленном будущем, определяет перспективы действий личности в адрес Я, конституирует идеалы Я и цели самопреобразований.

Время всей жизни: отношение к себе реализуется транспективно, т. е. Я познается во всех временных измерениях жизни; устанавливается единство и тождество «себя» во всем времени жизни; связываются отношения к себе в прошлом, настоящем и будущем; непрерывно в самопознании «разворачивается свиток» жизни; прошлое Я вводится в план актуального и перспективного Я.

4. Для отношения к себе могут быть благоприятны различные **возрастные периоды жизни** или жизненный путь в целом.

Юность, когда личность особенно открыта к обучению у наставника и учителя, помогающего ей обратиться к себе для того, чтобы научиться познавать, действовать, управлять. «У души, стоящей на пороге жизни, готовой переступить его, нужно спросить только одно: подумай, хочешь ты войти или нет? Иначе говоря, ты хочешь жить или хочешь не жить?.. Если ты выберешь жизнь, то в нее войдет все, что есть в этом раскинувшемся вовне мире, все чудеса и все горести» (175; с. 312).

Зрелые годы, когда личность наиболее способна уединиться в себе, отрешиться от внешней жизни, согласовать заботу о теле с заботой о душе, сосредоточиться на самопознании, исправлении себя, отучении себя от дурного, «собираении себя».

Вся жизнь, когда обращение к себе, самопознание и самопреобразование реализуются, непрерывно совершенствуясь, получая воплощения и отклики во внешнем мире.

5. Осуществление и развитие отношения к себе может иметь определенную **целевую и смысловую ориентации**. Различные типы ориентаций могут дополнять и взаимно обогащать друг друга, обуславливая связь и единство жизненных функций отношения к себе, вводя личность в полноту бытия.

Практика: отношение к себе может быть нацелено на эффективное участие Я в государственной, общественной и экономической деятельности; Я совершенствуется ради самоотдачи личности делам управления, образования, создания и умножения богатства.

Истина: отношение к себе развивается во имя поиска Истины, создания готовности Я к принятию истины, самоиспытания истиной, неутомимого познания мира, умножения истинного знания, саморазвития в качестве проводника истины. «Истина дается субъекту только ценой введения в игру самого существования субъекта» (175; с. 26).

Другой: отношение к себе имеет целью и смыслом обучение, наставление других людей в самопознании, побуждение их к заботе о себе, помощь им в обращении к себе, «практике себя» и создании текста о себе.

Искусство жить: отношение к себе ориентировано на Я как единство душевного и телесного, на приобретение опыта себя, на познание мира как основания своего бытия, на высказывание истины о своей жизни, на духовное преобразование себя, на поиск собственной формы жизни и на создание своей жизни как произведения.

Спасение: отношение к себе наполнено смыслом культивирования здоровья, долголетия, заботы о теле и его совершенстве; или смыслом достижения истинного знания; или смыслом осуществления всей своей жизни на духовном уровне; или смыслом обретения мудрости; или смыслом веры, познания, самоотдачи Богу, открытия истины в божественных заповедях.

6. Для пробуждения, становления, реализации отношения к себе необходимо **участие других людей**, предстающих перед личностью такими же «Я», как она сама: «для становления субъекта нужен другой субъект».

Кто эти другие? У других, сопровождающих личность в приобретении способности относиться к себе, появились в истории раз-

ные функции, роли, имена. Обращаться к себе личность могут побуждать: философ, учитель, попечитель, наставник, духовный водитель, собеседник, советник в частной жизни, экзистенциальный консультант и психотерапевт.

Что они делают? Они будят мышление, сообщают знания, руководят сознанием, лечат душу, задают вопросы, ведут беседы, дают мудрые советы и наставления, произносят речи, помогают сделать правильный выбор, выспрашивают, направляют к откровенным высказываниям, осуждают, избавляют от пороков, создают трудные ситуации и помогают справиться с ними. Учитель учит ученика слушать себя, запоминать себя, узнавать свое незнание, обнаруживать свое знание, является специалистом по развитию субъективности. «Учитель — это тот, кто заботится о том, как заботится о себе его ученик и для кого любовь к своему ученику — это способ позаботиться о его заботе о самом себе» (175; с. 75). Терапевт улучшает душевное состояние пациента, обращая его к себе: исцеляет недуг его равнодушия к себе, служит проводником его обращения к себе, помогает ему выдерживать и высказывать знание о себе, вдохновляет его на почитание своей души

В чем они помогают? Личность получает у них поддержку в заботе о теле, в познании, в самопознании, в управлении своими делами, в образе жизни, в изменении себя, в рассказах о себе и своей жизни, в руководстве людьми, в приобретении мастерства.

7. Отношение к себе как потенциальная способность любой личности тем не менее может исторически приобретать разную степень **распространения в обществе**. В своих развитых формах оно может быть:

— *делом немногих*, избранных, выдающихся, имеющих доступ к знанию, к великим учителям, власти, управлению;

— *делом немногочисленных сообществ*, состоящих из обычных людей, связанных дружественными связями на почве культивирования заботы о себе, исповедующих «моду» на самопознание и практику себя;

— *делом многих индивидуальностей*, практикующих в общении со многими другими лично избранные приемы познания себя и управления собой, услышавших и уникально ответивших на общественный призыв и обязанность обратиться к себе. «Нельзя озаботиться собой всеобщим способом» (175; с. 137).

8. Отношение к себе развивается на **духовном** уровне, когда основывается на совместном с другими поиске знания; на самопознании при поддержке других; на понимании, что знание «вносит изменения в то, что мы есть»; на практике себя для блага других и на со-

вершении пути к себе как пути к другим; на становлении собой для полноценного бытия с другими и обмена с ними истинными речами о себе. «На слово истины, которое учит меня истине,.. на это слово я должен — меня к этому побуждают, призывают, обязывают — ответить истинной речью, в которой я раскрываю перед другими истиной моей собственной души» (176; с. 423).

Многотрудный поиск истины, преломление ее собственными усилиями в практике своей жизни и передача «личной истины» другим для их блага означает **этический** способ существования, противоположный тому, который порождается реализацией негативных смыслов самоотношения: эгоизма, бравады, агрессивного самоутверждения, противопоставления себя другим. Единство истины и этики как ценностей отношения к себе составляет его духовное основание. «Можно назвать «духовностью» те поиски, практики и опыт, посредством которых субъект производит в самом себе изменения, необходимые для того, чтобы получить доступ к истине. «Духовностью» в таком случае будет называться совокупность этих поисков, практик, опыта; это могут быть практики очищения, отречения, служения, изменения образа жизни, из которых складывается та цена, — причем дело идет уже не о познании, а о самом существовании субъекта, — которую он должен заплатить за доступ к истине» (175; с. 27).

9. Отношение к себе предполагает определенное представление личности о сущности и генезе **«себя», «Я»**, в зависимости от которого самоотношению отводится та или иная жизненная роль:

априорное Я — данное изначально, всегда существующее, всеобщее, неизменное;

высшее Я — достигается путем аскезы, идеального самоотношения;

телесное Я — тело личности, природное основание ее души, место прижизненного существования индивидуального душевного мира, предмет заботы и практики себя;

обретаемое Я — результат развития отношения к себе, направленного на познание и создание себя;

действующее Я — движущая сила телесной и душевной жизни, субъект, соотносящий и связывающий прошлое, настоящее, будущее, осознающий собственные жизненные усилия, возможности и опыт, активно строящий свою жизнь.

Функционально Я может выступать причиной, идеалом, смыслом и целью существования личности, ее жизненной основой и субъектом жизни. Многоплановое понимание возможностей своего Я и богатство реализации его функций позволяет личности достичь полноты отношения к себе.

10. В архитектонике и реализации отношения к себе особая роль принадлежит **слову и речи**. Воплощая единство знака, образа означаемого, значения, смысла, интонации и интенции к действию, слово в контексте самоотношения имеет множественные потенциалы:

- поворот сознания на себя;
- помощь в узнавании, запоминании и вспоминании себя;
- выражение самопереживаний и представлений о себе;
- придание формы размышлениям о себе;
- внутренняя оценка себя;
- подталкивание себя к действиям;
- удержание своих намерений;
- обращение к другим и ответы им по поводу себя;
- самовысказывание;
- импровизация о себе;
- ведение диалога с собой;
- повествование о себе;
- самохарактеристика;
- внутренние обращения к Другому.

Старинными метафорами потенциалов речи являются: экипировка, оснащение и снаряжение, защита, укрытие, укрепление и хранилище, помощник, кормчий и водитель. Искусно используя Я-обращенную речь, личность может стать учителем себе, терапевтом себе, исследователем себя, защитником себя, руководителем себя.

11. Отношению к себе присуща различная **продуктивность**, зависящая от того, на что нацелено самоотношение и какие смыслы оно реализует в жизни. Продуктивность состоит в конкретных субъективных и объективных результатах действующего самоотношения, в его конструктивных последствиях для личности и других, в его собственных изменениях и достигнутых уровнях развития. В целом, продуктивность отношения к себе определяет то, насколько личности удалось выстроить «коррелятивный себе» внешний и внутренний мир.

Продуктивными эффектами самоотношения являются:

развитие познания: усовершенствование приемов припоминания, узнавания, представления и размышления, направляемых на поиск сущности вещей;

развитие себя как познающего: приобретение способностей добывать истинные знания;

движение в самопознании: умножение и углубление знаний о себе и методов познания себя, овладение приемами рефлексии, направленной на познание — переживание — действие;

изменение себя: усовершенствование тела, достижение новых душевных состояний, освоение новых способов жизни, обновление

своих представлений, разрешение своих противоречий, развитие новых свойств, чувство преобразования;

развитие деятельности: самостоятельное овладение новыми умениями и техниками в политической, общественной, экономической, образовательной, терапевтической практике;

передача опыта самопознания: обучение других познавать себя на основе собственных достижений в приобретении знаний о «Я»;

укрепление веры: исповедь, покаяние, самоотречение, просветление, самоотдача Богу;

творчество: уникальное мастерство в рефлексии и самоисследовании, в раскрытии тайн своей души и в решении проблем внешнего мира.

12. Самоотношение в форме полноты, зрелости и свободы конституирует особый **тип личности**, который исторически приобрел имена «субъекта», «мудреца», «высшей индивидуальности». «Движение, посредством которого мы познаем себя, в великом попечении о самих себе позволяет душе достичь мудрости» (175; с. 87). Мудрец отличает хорошее от дурного, добро от зла, истинное от ложного, прекрасное от безобразного, видит себя в зеркале божественного и не страшится самопреображения.

Противоположностью «мудрецу» выступает личностный тип, характеризующийся отсутствием практики себя, слабостью доступа к себе, отчуждением от себя, ложными представлениями о себе. Его характеризуют следующие признаки:

- он открыт всем внешним влияниям;
- он позволяет себя заполнить всем, что приходит извне;
- он принимает приходящие представления без разбора;
- он позволяет впечатлениям произвольно проникать в душу и смешиваться со своими фантазиями и иллюзиями;
- он не запоминает, не помнит, не вспоминает;
- он позволяет своей жизни утекать, не различая прошлого, настоящего и будущего;
- он не концентрирует свою волю и силы на единой цели;
- он поглощен разделенностью и многообразием мира;
- он желает одновременно многого, но не может отдать преимущества ничему;
- его желания зависимы, изменчивы, ограничены;
- он не ведет направленной деятельности;
- он поглощен собой, но не знает себя.

13. Способом поддержания связи с собой, контроля своих душевных движений и действий, направленных на себя, получения от-

ветов на собственную активность в мире, выявления и разрешения своих противоречий является **рефлексия** личности. «Именно формы рефлексивности конституируют субъекта как такового. История этого конституирования — история принципа «познай самого себя» (175; с. 502). Рефлексивный план самоотношения исторически приобрел следующие формы:

- 1) поиск истины в себе;
- 2) размышление о том, что думаешь о себе и действуешь ли, как думаешь, испытание себя правдой о себе и исповедью о своих жизненных коллизиях;
- 3) метод наблюдений за ходом своего мышления, познающего мир;
- 4) искусство понимания того, что собой представляешь и как достичь собственного жизненного присутствия, действенности, эффективности и благополучия.

Добавим, что в различные периоды европейского культурогенеза в фокусе рефлексии оказывались различные аспекты «Я». Покажем это на примере модели ведущих объектов индивидуального самопознания во времена Античности, Средневековья, Ренессанса, Нового времени и современности (139; 150).

Анализ рефлексивных текстов, принадлежащих М. Аврелию, А. Августину, П. Абеляру, Б. Челлини, И.-В. Гете, Л. Толстому, Н. Бердяеву, К. Юнгу, С. Дали, позволил выявить историческую динамику сменяющихся и дополняющих друг друга тем самопознания:

«*мои идеалы*», воплощаемые богами, разумом, истиной и выдающимися людьми, заботой о себе, спасением и сознанием, глубинным миром души, творчеством и общественным служением, своим Я и собственными шедеврами;

«*мои противоречия*», возникающие на путях обретения истины и веры, в испытаниях себя, во взаимодействии с другими людьми, в творческой жизни, в самопознании, в отношениях, в развитии качеств и способностей, в поисках смысла, в самовыражении, бытии-в-других и самоутверждении;

«*мои разрешения противоречий*», осуществляемые с жертвами или приобретениями, путем активности или недеяния, в одиночестве или в общении, осознанно или неосознаваемо, с отказом от себя или самообновлением, способом капитуляции или нового жизненного прорыва;

«*мое самоутверждение*», состоящее в творении и достижении уникальных результатов, отстаивании достоинства, сопротивлении противодействию, преодолении враждебности других, принятии одиночества, сохранении автономии, превращении личного в обще-

принятое, усилении «Я» в самопознании, приобретении известности, построении жизни в соответствии со своим идеалом;

«*мое взаимодействие с другими*» в формах внутренних и внешних взаимоотношений с учителями и авторитетами, с родителями и любимыми, помощниками в творчестве, вдохновителями и учениками, с друзьями и врагами, с ближним окружением, государством и носителями власти;

«*мое творчество*» с его жизненным пробуждением, иррациональным и осознанным протеканием, обусловленностью даром, совместностью осуществления, продуктивным выражением в образцах, трудах, свершениях и произведениях, влиянием на множество других людей;

«*мои ценные знания*» как опытная, рациональная основа творчества, соединяющая традицию, обучение, освоение мастерства других, творческие практики, концептуальные авторские установки и личное мировоззрение;

«*мои жизнеотношения*», включая отношения к миру, к другим, ко времени и местам своей жизни, к своим талантам и деятельности, к своему творчеству и его влияниям, к своему познанию и мистическим переживаниям, к знаниям и тайнам, памяти и воображению, к своим коллизиям, к течению и завершению жизни, к самоопределению и судьбе;

«*мои жизненные смыслы*» в их происхождении, содержании, личном принятии, действенности, жизненной смене, связи с ценностями и духовным поиском, исчерпывании, возрождении, дефиците и полноте реализации;

«*я сам*» как обладающий телом, обликом и душевным миром, сознанием и потаенной личностью, знанием и незнанием себя, качествами и способностями, возможностью действовать и достигать, идентичностью и переживанием тождества себе, собственной жизнью и ее историей.

Самопознание в формах размышления о себе, самовопрошания, самопонимания, откровенных самовысказываний, персональных выборов и принятия решений о своих действиях воплощает линию развития отношения к себе, отчетливо проявившуюся в начале христианской эпохи и продолженную в современность онтологически, экзистенциальными, феноменологическими, рефлексивными теориями и практиками. По сути, это линия, соединяющая «Исповедь» Августина с бесчисленными опытами научно-гуманитарного и индивидуального обращения к себе в современном социокультурном контексте. Один из таких опытов нашел преломление в нашей следующей модели отношения к себе.

Модель рефлексивного развития отношения к себе разработана методом экспликации, реконструкции, интерпретации идей, содержащихся в работе **С.Л. Рубинштейна** «Человек и мир» (127) и посвященных познанию человеком себя в своем присутствии и соотношении с миром.

Познавательная активность человека в мире, частью которого является сам человек, осознающий и определяющий свое бытие, представлена автором на предельном уровне развития, задающем высшие критерии самопознания конкретной личности. «Субъекты, личности внутри сущего, осуществляют познание этого сущего, как вещного, так и личностного» (127; с. 337). «В какой мере и как субъект, познающий мир, может быть познан и, значит, стать объектом познания?» (127; с. 340).

Рубинштейном разворачивается обширный диапазон связей человека с миром, познаваемый в философско-антропологическом, индивидуально-психологическом и рефлексивном планах. Согласно автору, содержание этого диапазона определяет задачи онтологически обоснованной теоретической и практической поддержки личности в ее существовании, а также способы ее обращения к себе, размышлений о себе и самопонимания.

Познание человеком мира, бытия, жизни определяется Рубинштейном в качестве «отношения», указывающего на единство мышления, переживания, оценки и действия в направленности Я на значимые познавательные объекты. Если таким объектом выступает «Я» или «Я сам» человека, то речь идет о «познавательном отношении к себе», которое может осуществляться на уровне мотивационно, эмоционально и ценностно насыщенной **рефлексии**, в пределе ориентированной на прояснение и развитие личностью собственных свойств и своих основных отношений к жизни. Речь идет об отношении к другому человеку, этическом и эстетическом, теоретическом и практическом отношениях.

Рефлексия как познавательный срез самоотношения конкретных личностей может обладать различными степенями содержательного наполнения, процессуального совершенства, целостности строения, действенности, проблемности и конструктивных влияний на индивидуальную и общественную жизнь. Рубинштейном намечаются контуры поступательной личностной рефлексии, которая является его собственной, уникальной практикой, имплицитно реализованной при создании текста его труда. Тема единичного, моего «Я», размышляющего о всечеловеческой и собственной жизни, отчетливо звучит в развертке его глубоких онтологических и одновременно феноменологических идей. В этой развертке, ведущей к оп-

ределению основополагающих смыслов жизни, запечатлен опыт самопознания и самоотношения философа.

Текст Рубинштейна диалогичен в плане страстной обращенности к широкой научной аудитории, в плане постановки общезначимых проблем, направляющих его научный поиск, и в плане **скрытого самовопросания**, помещающего автора — человека и индивидуальность — в пространство человечества, общества, Другого, «Мы» и «Я». Роль рефлексивного подтекста размышлений Рубинштейна трудно переоценить при его психологической экспликации, а также развивающем и психотерапевтическом приложении. В целом это «философская практика себя», значение которой автор определил в терминах «способа жизни», связанного с появлением рефлексии.

Мы наметили модель рефлексивного развития самоотношения в форме **вопросов**, которые могут направлять самоисследование личности на пересечении онтологического, социального и индивидуального измерений ее жизни. Вопросы восстановлены на основе анализа идей С.Л. Рубинштейна, освещающих следующие **темы познания** человеком себя и своего бытия в мире.

1. **Включенность** человека в состав бытия, наряду с другими людьми, и приобретение человеком качеств «бытийствующего» и «общественного», а миром — качества «исторического». Обусловленность свойств человека свойствами того, что с ним соотносится и наоборот. «Человек должен быть взят внутри бытия, в своем **специфическом отношении к нему**, как субъект познания и действия, как субъект жизни... Бытие как объект познания — это бытие, включающее и субъекта» (127; с. 332).

2. **Воссоздание** и обновление в отношениях индивидуального человека к миру тех общественных отношений, которые сложились между людьми, у многих людей, у конкретных индивидов по поводу познания истины, поиска красоты, утверждения добра, доверия и любви к человеку, преобразующей деятельности. «Общее проявляется в единичном через отношение единичного к единичному, когда одно единичное выступает в качестве эквивалента другого» (127; с. 333).

3. Осуществление **индивидуальной жизни** как специфической формы бытия конкретного человека в мире, состоящей в пребывании, изменении, развитии, испытании, участии, действии, воздействии, порождении новых причинных связей в мире.

4. Выражение и изменение в жизни человека индивидуальной меры самоопределения и определения другим, детерминации и самодетерминации во взаимоотношениях с людьми, т. е. развитие человека в качестве субъекта. Человек является **субъектом жизни** в силу своей уходящей вглубь, в бесконечность других существова-

ний способности находиться в состоянии взаимодействия, становления, отношения, преобразования. Способность жить определяется отношениями личности к миру в моментах хочу — могу — умею — действую — создаю — достигаю.

5. Существование субъекта как центра преломления внешних воздействий, внутренней основы индивидуальной жизни, возможности собственных изменений, места порождения активности, качественной определенности личного бытия, причины устойчивости и изменчивости человека во взаимодействии с другими людьми. Субъект жизни «выступает как **самодействующая причинность** по отношению к себе» (127; с. 287).

6. Пребывание и активность индивидуального человека, единичной личности во множественных отношениях с другими людьми, в отношениях к другим как объектам для себя, в отношении к себе как объекту для других и для себя, в установлении **субъект-субъектных** отношений к другим и к себе. Субъект в самосознании и отношении к себе становится «Я», воплощающим уникальное совпадение субъекта и объекта. «Я выступает как имеющее себя предметом отношения себя самого» (127; с. 334).

7. **Развитие** отношения к себе внутри отношений к другим как сознательной деятельности Я в адрес других и самосознания своего активного присутствия в других жизнях. К себе относится Я как человек, субъект, сознательный деятель, реальная личность, а не индивидуальное сознание или психика. «Я» — «это сознательно действующее лицо, субъект как жизни вообще, так, в частности, и познания, осознания мира и самого себя как сознательного существа, осознающего мир... и изменяющего его в качестве действующего лица в процессе теоретической и практической деятельности и в качестве субъекта деятельности осознания» (127; с. 335).

8. Становление **конкретного Я** в качестве объекта и субъекта для другого Я, которое, в свою очередь, является объектом и субъектом для множества других Я. Каждое отдельное Я выступает условием существования других Я, имплицитно их, становится «Мы», входит во всеобщее «Я», объединяет всех личностей и одновременно является единственным «моим». Все Я, в том числе «мое», обратимы, определяются через свои отношения друг к другу, в которых обретают самих себя.

9. Существование «**Другого**» не в смысле его противоположности или приоритета в сравнении со мной, а в смысле его позиции, которую он занимает, исходя от меня. Другой является частью меня, как я являюсь его частью, и каждый из нас может отнести к себе, как другому, и к другому, как себе. Мое единство с другим состоит

в том, что в текущей жизни его «Я» воссоздает в себе то, что мною воспринято и осознано в мире, и меня самого.

10. Наличие у человека особого **способа жизни**, состоящего в его множественных отношениях к миру и своему существованию в нем, образуемых сознанием и деятельностью. Отношение к себе представлено в данном способе как самосознание и самодеятельность, исходящие от реальных действий человека в мире и устремленных к значимостям жизни. Мир и «Я сам» даны человеку через жизненные отношения мира к «Я» и «Я» к миру. «Личностью в специфическом смысле этого слова является человек, у которого есть своя позиция, свое ярко выраженное отношение к своей жизни» (124; с. 241).

11. Вовлеченность личности в значимые **жизненные ситуации**, где сходятся, пересекаются и вызывают «взрывные действия» ее различные отношения. Ситуации, по сути, есть формы становления жизни. Ситуация включает в себя внешние и внутренние условия, личность, других людей и их взаимодействия, психическую и практическую активность участников, проблему, заключенную в скрытых связях и противоречиях элементов ситуации, всплеск жизненных отношений личности, вскрывающий и разрешающий проблему, момент преобразования ситуации, рефлексию личности и создание условий для возникновения новой значимой ситуации. «Таково сложное строение человеческого бытия и бытия, включающего человека» (127; с. 341). Здесь основания противоречивости жизни, побуждающей личность изменяться и изменять себя. Путем взрыва, ломки, расщепления ситуации, выявления в ней нового совершается развитие индивидуального Я.

12. Обусловленность Я **отношениями к жизненным ситуациям**, которые выявляют и развивают различные свойства и стороны личности, встающей в позиции осознающей, переживающей, поступающей, встречающей противоречия и «демаскирующей скрытое». Существует тесная связь ситуативной психической активности человека, его деятельности, его качественной определенности, его новых свойств и его самосознания. «Действие, изменяющее наличное бытие... изменяет, реализует что-то новое в самом человеке, что вызывается именно этим действием в этой ситуации» (127; с. 345).

13. Неразрывность связи отношения личности к другому человеку и к себе в мире **ценностей и идеалов**; осуществление отношения к другой личности в измерении собственных этических суждений, выборов и поступков, в измерении своей любви к ней как утверждения ее бытия, в измерении созерцания красоты ее лица, позы, звучания голоса, телесной пластики, мимики, в измерении своего пути

к истине, правде, справедливости, искренности в мыслях и поступках, адресованных ей. Отношение к Другому с позиций ценностного самоопределения порождает у личности чувство собственной свободы. «Личная свобода — это личная инициатива, возможность действовать на свой страх и риск, свобода критики и проверки, свобода совести» (127; с. 364).

14. Формирование в процессе индивидуального бытия **обобщенного отношения к жизни**, интегрирующего отношения личности в отдельных жизненных ситуациях, а также отношения, длительно связывающие личность с ее основными жизненными значимостями. Обобщенное отношение выражает устойчивые позиции личности по вопросам жизни и смерти, добра и зла, истины и заблуждения, свободы и необходимости, уважения к человеку или презрения к нему. Определяется фундаментальный **смысл** участия личности в человеческом бытии, состоящий или в проживании его трагичности, или в его разрушении, или в его строительстве, или в его обесценивании, или в творческой причастности к нему, или в выработке серьезного, мудрого и ответственного отношения к нему. Обобщенное отношение к жизни может изменяться на основе отношения личности к себе, посредством рефлексивных смысловых переакцентировок и самостоятельной реализации новых смыслов.

Выделенные темы познания человеком себя мы рассматриваем, как способные задать конкретное содержание, логику, метод **индивидуальной рефлексии**. Такая рефлексия, в продолжение традиции экзистенциально ориентированного самопознания, может направляться следующими вопросами:

- Осознаю ли я свое существование в мире и как чувствую его?
- Испытываю ли уверенность, находясь в пространстве своей жизни?
- Как я оцениваю воздействие мира на себя?
- Есть ли в мире особое место для меня и моей активности?
- Что, прежде всего, составляет мой мир?
- Осознаю ли я себя живущим в природном, общественном, личном мире?
- Чувствую ли я согласие с условиями и обстоятельствами своей жизни?
- Существую ли я для многих других людей?
- Кто из людей является необходимой частью моего мира?
- В чем я активен по отношению к другим?
- Чью активность и чьи влияния я чувствую в себе?
- Ощущаю ли я свою общность с другими людьми и в чем она состоит?

- Я — это один из многих, единственный во множестве, такой, как другие?
- Осознаю я себя как «индивидуальную личность»?
- Что самое важное соединяет меня с другими?
- Что для меня важнее: моя уникальность или мое сходство с другими?
- Означает ли моя индивидуальность «исключительность среди других»?
- Вижу ли я себя в качестве «эквивалента», «подобия» других людей?
- Интересна для меня моя жизнь и что она такое для меня?
- Что значит для меня «жить»?
- Прилагаю ли я усилия, чтобы жить?
- Чувствую ли, что моя жизнь зависит от меня?
- Нужна моя жизнь для жизни других людей?
- Осознаю я свои изменения в процессе жизни и в чем они состоят?
- От чего я завишу в своей жизни?
- Что зависит в моей жизни от меня?
- Что я хочу, к чему стремлюсь в своей жизни?
- Что я могу в своей жизни?
- Что я способен делать в своей жизни?
- Как я обращаюсь со своими способностями?
- Каковы мои жизненные достижения?
- Началом, источником чего я являюсь в жизни?
- Во мне ли причина моих желаний, замыслов, поступков?
- Могу ли я вызвать важные события, значимые ситуации в жизни других?
- Важны для меня отдаленные последствия моих решений и действий?
- Вижу я себя объектом познания, переживаний и деятельности других?
- Способен я признать, что другие бывают «объектами» для меня?
- Могу я относиться к себе и другому как равным, свободным личностям?
- Нужны мне другие люди, чтобы чувствовать свою реальность?
- Что такое для меня «я сам»?
- Что значит для меня «быть собой»?
- Кто из людей мне необходим, чтобы узнавать себя и быть собой?
- Что я делаю, чтобы получить ответ, отклик и отдачу других людей?
- Встречи с кем открыли для меня что-то новое в себе?
- В общении с кем я чувствую прилив сил и желание действовать?
- Кто из людей является действующими лицами моего внутреннего мира?
- С кем я внутренне ощущаю свое сродство?

Кто, по-моему, чувствует и осознает мою важную роль в его жизни?
 Кто ощущает и принимает сходство, общность со мной?
 С кем я разделяю свои впечатления, переживания, мысли, действия?
 Для кого важно то, что я пытаюсь передать, выразить, раскрыть?
 За кого я несу ответственность в своей жизни?
 Кто принял ответственность за меня в своей жизни?
 Что значимо для меня в жизни?
 Доступно ли это для меня?
 Хотел бы я обладать этим?
 Могу ли я сделать это своим?
 Что я делаю, чтобы значимости наполнили мою жизнь?
 Приходилось мне отказываться от своих значимостей?
 Какая ситуация является особенно важной в моей жизни?
 Что именно значимо в ней для меня?
 Что произошло в этой ситуации и было это хорошо или плохо для меня?
 Что было неизвестным, таинственным в ситуации?
 Что составило противоречие ситуации?
 Что удалось понять и осмыслить в ситуации?
 Как я действовал и что сделал в той ситуации?
 Как я переживаю ситуацию и оцениваю свою позицию в ней?
 Как разрешилась коллизия ситуации?
 Каковы последствия происшедшего в ситуации для других людей?
 Что изменилось во мне и моей жизни вследствие данной ситуации?
 Завершилась эта ситуация для меня субъективно?
 Что в жизни является добром и злом для меня?
 Что в мире и жизни является красотой для меня?
 Что для меня истина?
 Какие возможности познавать я вижу в своей жизни?
 Когда я почувствовал, что совершилась справедливость?
 Что значит для меня «жить по совести»?
 Что для меня означает «личная свобода»?
 Когда я испытываю чувство собственной свободы?
 Что является основным смыслом моей жизни?
 В чем состоит ведущая цель моей жизни?
 Что кажется мне возможным и невозможным в моей жизни?
 Что я не смог бы перенести в своей жизни?
 В чем я еще не состоялся, в чем меня еще нет?
 Каким является мое общее ощущение от проживания своей жизни?

Чего я хотел бы достичь всей своей жизнью?
 Что может выйти из моей жизни?
 Чьи жизни являются для меня ориентирами в моем жизненном пути?

Реконструкция рефлексивного контекста теории С.Л. Рубинштейна имеет, на наш взгляд, как исследовательское, так и практическое значение. Обращаясь к приведенной развертке вопросов, соотнося их с собственной индивидуальностью, размышляя над ними и отвечая на них, конкретная личность может углубить, умножить и систематизировать знания о себе.

Рефлексия обнаруживает пробелы в самопознании; она позволяет личности осознать свое незнание себя; направляет к постановке проблем, связанных с недостатком знаний о «Я»; создает условия для поиска нового в себе; порождает мотивы, замыслы, планы жизненной практики личности, открывающей ей новые стороны «Я»; прокладывает путь к неосознаваемым сторонам «себя». Рефлексия позволяет личности поместить в поле своих значимостей множество Я-объектов: тело и душевные процессы, действия, поступки и их результаты, других-в-Я и Я-в-других, жизненные отношения и ситуации, время жизни и повествования о себе. В этом охвате «Я», в его проблемном, дифференцированном познании, в соотношении и синтезе его элементов заключен высокий потенциал развития **творческого самоотношения**.

Моделирование рефлексии на основе философско-психологической концепции и результатов личного самопознания С.Л. Рубинштейна означает, по сути, наше обращение к «**Другому**» с его высоким потенциалом влияний на индивидуальное самоотношение в культуре, межличностных диалогах и творчестве. Данное направление исследований отношения к себе намечается в нашей следующей модели.

Модель творчески-диалогического развития отношения к себе разработана методом персоналогической реконструкции идей **М.М. Бахтина**, содержащихся в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» (18).

1. Личность является «непространственным центром» душевной жизни, организующим началом **жизненных отношений** в единстве их эмоциональной, волевой, познавательной и поступковой установок, смысловым обоснованием жизни, средоточием интимности, инициатором ценностных событий, субъектом упорядочивания внешнего и внутреннего мира, самосознанием «предстояния себе», побуждающим к продуктивной активности и условием «инкарнации», или оживления, своих отношений в текущей жизни.

2. Каждое подлинное отношение к миру обладает потенциалом творчества, направленного на придание объектам целостности, содержательности и ценностной полноты. Творческое отношение выявляет богатство видимых и скрытых качеств объекта, а также обобщает, изменяет и совершенствует их путем поисковой деятельности субъекта. Отношение не только «ловит» объект как личную значимость, но и «досоздает» его. Относиться, значит, становиться автором преобразований объекта. «Всякое принципиальное отношение носит творческий, продуктивный характер. То, что мы в жизни, в познании и в поступке называем определенным предметом, обретает свою определенность, свой лик лишь в нашем отношении к нему: наше отношение определяет предмет и его структуру, но не обратно; ...когда мы отходим от своего принципиального отношения к вещам и миру, определенность предмета противостоит нам как что-то чужое и независимое... и мы сами теряем себя и устойчивую определенность мира» (18; с. 33). Творческие отношения к предметному миру строят мир «Я», который личность обновляет, осуществляя **творчество в отношении к себе**.

3. Отношения к миру в своем продуктивном движении предполагают смену свободных **жизненных актов и состояний** личности: вчувствования и вживания, принятия и осмысления, отстояния и венаходимости, занятия позиции и преобразования объекта. Осуществление творческого отношения невозможно при условии слияния с объектом, потери себя в нем, чрезмерного сокращения дистанции в связи с ним, присвоения объекта, отказа другим людям в освоении и обладании им в жизни. Это в полной мере касается самоотношения личности. «Я для себя являюсь субъектом активности видения, слушания, осязания, мышления, чувствования; я как бы выхожу из себя в своих переживаниях и направлен вперед на себя, на мир, на объект. Объект противостоит мне как субъекту. Но речь идет не о гносеологической корреляции субъекта — объекта, а о жизненной корреляции меня — единственного субъекта и всего остального мира» (18; с. 64).

4. Продуктивное отношение к себе возможно только в мире **культуры**, человеческих **ценностей**, в культурном диалоге, при участии конкретных «других» в ценностно-смысловом развитии личности. Все в индивидуальном бытии «горит заемным ценностным светом других». Самоотношение пробуждается и активизируется во встречах личности с эстетическим, этическим, познавательным, творческим отношением другой личности и наполняется соответствующим, «отраженным», индивидуализированным содержанием. Критерии своей принадлежности к ценностному миру и силы быть в нем личность принимает от «других». «Я сам не могу быть автором

своей собственной ценности, как я не могу поднять себя за волосы» (18; с. 61). При этом ценностный **диалог «Я»** и **«Другого»** неизбежно носит напряженный, противоречивый характер, благодаря которому только и возможно приращение содержаний «Я». «Диалог представляет собой борьбу между ценностными контекстами жизни личностей, выражение столкновения между их различными эмоционально-волевыми позициями, занятыми ими в одном и том же событии, выражение борьбы оценок» (18; с. 17).

5. В диалоге, происходящем во множестве жизненных событий, создается образ моего телесного и душевного «Я», добывается новое дискурсивное знание о «Я», обогащается опыт деятельности Я, обновляется, совершенствуется предметная среда самоотношения, развивается рефлексия, расширяются границы ценностного самовыражения. В зазоре моего переживания себя и выраженного переживания меня Другим рождаются мои интенции к самоизменению. Я объединяюсь с Другим, имеющим **избыток видения** меня, чтобы признать, что я многого не знаю о себе, чтобы с его помощью разрешить коллизии моей жизни, чтобы глубже понять себя, чтобы встретиться с тайной моего существования в нем, чтобы рассказать о себе и вместе с ним строить жизнь. «Когда нас двое, то с точки зрения действительной продуктивности события важно не то, что, кроме меня, есть еще один, по существу такой же человек, а то, что это другой для меня человек. В этом смысле его простое сочувствие моей жизни не есть слияние в одно существо... а есть существенное обогащение события, ибо моя жизнь сопереживается им в новой форме, в новой ценностной категории — как жизнь другого человека» (18; с. 112). Мы улавливаем отражения нашей жизни в сознании других людей, учитываем оценочные оттенки в их отношении к нам, превосхищаем их позиции во взаимодействии с нами, и все это составляет необходимый материал для нашего перспективного самоопределения. Но если мы не входим в диалоги с другими людьми, их представления о нас становятся «мертвыми точками» нашей бессознательной жизни. Иногда они спонтанно сгущаются в наш **«двойник»**, который пугает нас внезапным появлением в сознании, чуждостью и властью над нами.

6. Для творческого отношения к себе необходима атмосфера **любящего** сознания и действия Другого. Смысл любви, укорененный в этическом, религиозном, эстетическом и интимно-личном бытии людей, побуждает другого человека занимать по отношению ко мне разнообразные позиции, обеспечивающие мою **самостоятельность**: позиции вне — рядом — вместе — внутри — напротив — в единстве. Самостоятельность, в противовес зависимости и пассивности, озна-

чает суверенную жизнь моей души в относительном отвлечении от влияний Другого. «Душа — это совпадающее само с собою, себе равное, замкнутое целое внутренней жизни, постулирующее внаходящуюся любящую активность другого» (18; с. 154). В любовном отношении ко мне Другой приносит в дар утверждение моего бытия, высокую оценку, идеальный смысл, любование, милование, доверие, уважение и понимание меня. В значимой встрече с отношением любящего Другого я свободно принимаю его взгляд на меня, разделяю с ним активность его памяти, воображения и мышления, посвященную мне, работаю над собой по его желаниям и замыслам, создаю себя по его заданию и проектам, превосхожу его ожидания и отвечаю своим творческим отношением к нему.

7. В диалоге с Другим, реализуя этическое, эстетическое, познавательное и деятельное самоотношение, личность формирует собственные **жизненные границы**. Они охватывают внешний мир ее практической активности, пространства ее наружности и внутреннего тела, душевный мир, включая рефлексивное и феноменологическое пространство. Роль Другого и Я в построении границ и содержания разных миров является различной.

В частности, Другому принадлежит ведущая роль в развитии самосознании наружности, или пространства **внешнего тела**, личности. Именно Другой в ипостасях культуры, общества, конкретных людей является авторитетным автором внешнего тела личности. «Моя наружность не может стать моментом моей характеристики для себя самого. В категории «я» моя наружность не может переживаться как объемлющая и завершающая меня ценность; переживается она лишь в категории «другого», и нужно самого себя подвести под эту категорию, чтобы увидеть себя как момент внешнего единого живописно-пластического мира» (18; с. 61). Не видя в Другом создателя моего облика, не соотнося созданный им образ со сконструированным мною образом себя, не учитывая возможной эмоционально-оценочной реакции Другого на мою наружность, я никогда не раскрою тайну своего внешнего выражения.

При этом пространство **внутреннего тела** — эквивалент внешнего тела, целое витальных ощущений, влечений и потребностей — дается только самосознанию самой личности, хотя совершенствуется и согласуется с образом наружности при поддержке Другого.

Душевный мир личности постигается, развивается и ею самой, и «другим», но только сама личность может свободно раздвигать границы и умножать уникальные содержания этого мира.

Мир практической активности личности приобретает свои границы на основе взаимодействия и содействия Другого, наполняется

личностью собственными действиями, поступками и их продуктивными результатами в качестве соавтора близких и дальних других.

В **рефлексивном мире** личность имеет возможность охватить все границы своей жизни, занимая позицию самодостаточности в проживании, став на какой-то момент творцом Я-для-себя. «Взглянув на себя глазами «другого», мы в жизни всегда возвращаемся в себя самих, и последнее, как бы резюмирующее событие, совершается в нас в категориях собственной жизни» (18; с. 43).

8. Личность стремится достичь **чистоты творческого самоотношения**, обращаясь к художественному, религиозному или философско-психологическому написанию исповеди, автобиографического рассказа, жизнеописания. Однако личный характер такого повествования всегда неизбежно сочетается с явным или неявным присутствием разнообразных значимых других. «Чистый одинокий самоотчет невозможен... Известная степень тепла нужна в окружающей меня ценностной атмосфере, чтобы самосознание и самовысказывание могли осуществиться в ней, чтобы началась жизнь» (18; с. 165). Другой задает культурную форму текста, является идеальным или реальным собеседником, выступает внутренней инстанцией осуждения, помилования и спасения, мыслится как самый желаемый адресат, существует как организующая ценностная сила рефлексии. Собственная жизнь освещается автором как возможный рассказ о ней авторитетного Другого. Во всей своей аутентичности самоотношению рассказ о себе является моментом развивающего **несовпадения** личности с собой, открывая перспективу движения Я к будущим событиям прощения, понимания, оправдания другими и преодоления, обновления, преображения себя.

9. Творческая сущность отношения к себе выражается в активных установках личности на переосмысление своего прошлого, завоевание себя в каждом моменте настоящего, полагание себя в будущей жизни. Я в **смысловом** и **временном** измерении самоотношения проходит через все жизненные отношения как «свой», «не отпускает» их от себя, оживляет их, поддерживает свою верность себе и преобразует себя в наступающей жизни по ценностным канонам, заданным другими. «Осознавать себя самого активно — значит освещать себя предстоящим смыслом; вне его меня нет для себя самого» (18; с. 142). Самоотношение обновляется в трансперспективе жизни благодаря **поступкам**, совершаемым в форме дела, слова, мысли, чувства, которые меняют ситуации ценностного присутствия и участия личности в жизни других. Поступок вплетен в архитектуру самоотношения, позволяя личности каждый раз встретиться с новой реальностью «себя» в жизненном взаимодействии с другими. Поступковая продук-

тивность отношения к себе оживляет и создает такие смысловые моменты внутреннего и внешнего бытия личности, что она осознает себя дома в творческом мире других людей, «свершивших в нем свою жизнь, — мире Христа, Сократа, Пушкина...» (18; с. 134).

10. Творчески-диалогическое раскрытие Я-для-себя в условиях ценностных жизнеотношений, любви и избытка видения со стороны других, построения своих жизненных границ и создания текстов о себе конституирует личность в качестве «автора себя», обладающего индивидуальностью особого рода. Это единственность самопознания, оформления и выражения себя в соотношении с другими, а не «видимая, познанная и оформленная другими людьми индивидуальность» (18; с. 225).

По мотивам размышлений Бахтина мы наметили континуальную модель Я-позиций, развивающих способность личности к творчеству и диалогу в контексте самоотношения. Она включает конкретные содержательные координаты осуществления рефлексии и практики «себя», которые могут быть представлены в различных методиках и технологиях, ориентированных на личность, испытывающую дефициты либо стремление реализовать новые возможности во взаимодействии Я — Другой.

Позиции Я, проблематизирующие, развивающие отношение к себе, опосредованное Другим, мы определяем следующим образом.

- Я полагаю себя «другим», единственным, в сравнении с окружающими.
- Я вступаю во взаимоотношения со значимым Другим в актах самодеятельности, самовыражения, самореализации.
- Я получаю знания о себе и оценки себя посредством наблюдаемого отношения ко мне Другого.
- Я встаю на место реального Другого и вглядываюсь в себя как «другой».
- Я «овнутряю» Другого в качестве активного, субъектного начала моего душевного мира.
- Я вижу Другого не только в себе, но и в реальности его собственной жизни.
- Я нахожу себя живущим и действующим во внутреннем и внешнем мире Другого.
- Я даю Другому создавать меня.
- Я обращаюсь к себе-в-Другом, узнавая новое о себе.
- Я заимствую образ себя, знание о себе, идеал «Я» у Другого.
- Я стараюсь быть принятым, вовлеченным в мир Другого, расширяя границы себя.

- Я знаю, что мне многое неизвестно о своем бытии-в-Другом.
- Я встаю на место Я-в-Другом и с этой позиции вглядываюсь в себя.
- Я во внутреннем принятии Другого осознаю его частью себя.
- Я создаю внутреннего Другого в измерениях «лучшего», «идеального».
- Я нахожусь в поиске тайны Другого, зная, что многое не знаю о нем.
- Я встаю на место своего внутреннего Другого, узнавая себя.
- Я обращаюсь к себе в реальном или воображаемом присутствии Другого.
- Я принимаю или отрицаю Другого, чьи сильные влияния осознаю.
- Я стремлюсь освободиться от своего присутствия в Другом и от его внутреннего взгляда на меня.
- Я встречаю Другого в своих снах и пытаюсь разгадать загадку его появления в них.
- Я исследую себя как отраженного в Другом, стремясь уловить истину своей данности в нем.
- Я создаю в Другом свой образ, позволяющий нам быть вместе.
- Я самоопределяюсь в ценностных отношениях к Другому: религиозном, этическом, познавательном, эстетическом, творческом.
- Я обращаюсь к «дальнему Другому», которого нет реально в моей жизни: учителю, образцу, выдающемуся человеку, герою произведения.
- Я изучаю мир Другого, в котором меня еще нет, или где меня отрицают, или который закрыт для меня.
- Я разрешаю внешние и внутренние противоречия с Другим в поиске его места и роли в своей жизни.
- Я определяю свои возможности и ограничения в отношениях с Другим.
- Я иду на поступки помощи, поддержки, самоотдачи Другому.
- Я собираю моменты присутствия Другого во мне и моей жизни посредством создания художественного образа, текста, символа.
- Я обращаюсь к Другому в качестве его аутентичного Я-сам.
- Я проживаю отчуждение в отношении к Другому.
- Я не нахожу «действительного себя» в Другом.
- Я не принимаю отчуждения Другого.
- Я признаю свободу существования Другого как автономного Я.
- Я доверяю Другому продлить свое существование в его внутреннем мире и творчестве.
- Я дарю Другому его самого, открывая лучшее в нем.

— Я адресую Другому свои знания, опыт созидания и самопознания.

В каждом из моментов присутствия Другого в отношении личности к себе есть место творчеству, способствующему со-бытию, общей сознательной жизни, согласованию знаний, представлений и впечатлений, сопереживанию и содействию. Я и Другой являются одновременно **авторами** и **соавторами** творческого самоотношения личности, создавая жизненное пространство для становления ее индивидуальности. Ресурс индивидуализации особенно богат, когда другие, влияющие на самоотношение, являются активными референтами, трансляторами и творцами культуры.

Индивидуальность Я и отношения к себе выступает также результатом приобретения человеком **аутентичного опыта** целостного отражения, интенсивного проживания, сознательного присвоения и осмысления значимых моментов своей жизни. Формой такого опыта является **впечатление**, или то, что «вспыхивает только в одной жизни», что «можно только лично пережить», что «случается только со мной», что является сущностью «усилия жить» (86). Оно отличается силой «невербального корня», спонтанностью возникновения и появления в сознании, чувством «всплеска» подлинной и наполненной жизни, высоким потенциалом содержательного обогащения «Я». Впечатление — это «летучее живое, какая-то летучая истина, какое-то летучее совершенство и полнота, которые летучи именно потому, что человек не может продлить этой полноты, — молний истины нельзя растянуть в долгое и ровное Солнце...» (86; с. 394). С персоналогической точки зрения впечатление представляет собой мгновенное, целостное, побудительно-аффективно-когнитивное отношение к значимости, которое полно выявляет ее индивидуальность, высокую личностную ценность, положение в глубинном и вершинном пространствах бытия и реальную способность улучшить жизнь личности.

Осознанное впечатление может стать для личности «кодом» тайны собственного существования, нуждающимся в расшифровке, или символом загадочных событий внутренней жизни, требующим понимания, или проблемой непредсказуемого жизненного процесса, ожидающей решения, или новым материалом для рефлексии, или предметом художественных и философско-психологических поисков и исследований. Превращение впечатления в тему познания и самопознания, в основание диалога с собой, достижения причастности к жизни и самоидентичности может быть обеспечено **феноменологической практикой** личности как одним из способов развития отношения к себе.

В широком плане феноменологическая деятельность, ориентированная на «впечатления», может быть определена следующим образом. Во-первых, это интенсивное проживание, осознание, артикулирование и описание своих впечатлений. Во-вторых, самоисследование впечатлений и изучение впечатлений, представленных другими людьми в повествованиях о своей жизни. В-третьих, экзегетика, интуитивно-дискурсивная рефлексия и означивание своих впечатлений. В-четвертых, создание концептуальных моделей и текстов анализа впечатлений, применимых в самопознании других личностей: экспликация «логоса, услышанного мною» (86; с. 28), которым можно «читать» впечатление. В-пятых, развитие душевной установки на уловление впечатлений и наполнение ими своей жизни, чтобы активно «быть» и «становиться».

Ряд важнейших аспектов феноменологического подхода к впечатлению блистательно реализован М.К. Мамардашвили в труде «Психологическая топология Пути». На основе анализа душевной динамики эго-героя М. Пруста он находит психологические «маркеры» впечатления, связанные с возможностями личности в плане познания, усиления и обновления себя и своей жизни.

Модель феноменологического развития отношения к себе разработана методом авторской интерпретации и дополнения размышлений **М.К. Мамардашвили** о жизненном потенциале впечатления, вскрываемом при его истолковании личностью.

Идея моделирования состоит в том, что личность может изменить жизнь и «Я» вследствие того, что познает впечатление и вводит его в контекст поведения и истории жизни, а также занимает позицию «внутри» него и непроизвольно пробуждает скрытые в глубине души силы жизненного самодвижения. Обращаясь к впечатлению, воссоздавая его, личность задается вопросами: что со мной происходит на самом деле? где я стою? что на самом деле я чувствую? какое место я занимаю? что я испытываю? о чем свидетельствует мое состояние? каковы сейчас мои возможности? Работа с впечатлением увеличивает разрешающую способность сознания и завоевывает новое видимое и незримое пространство для Я. Так, неожиданно замеченный любящий взгляд открывает личности ее истинное место в жизни другого человека и вызывает у нее яркие, явные и неявные, состояния Я, изменяющие ее отношение к Другому.

Личность — это «лик», проявленный при ее становлении «практикующим феноменологом» на путях проживания, прояснения и осознанного скрепления своих впечатлений в образе подлинного «Я». «Перед нами, во-первых, проблема установления отношения к некоторому трансцендентальному объекту, которое может уста-

новиться в невербальном «я есть, я могу». И, во-вторых, это «я есть, я могу» не дано в моем наличном персонаже, в моем эмпирическом «я». И нырять в себя означает, прежде всего, избавляться от этого своего «я» и разрушать его... Скажем, мы встретились с гением. Как говорил Толстой, перед достоинствами гениев у нас есть только одно спасение — любовь к ним. Но для любви нужно — узнать, признать. А это очень трудно — узнать, не нырнув в себя...» (86; с. 440).

Какие характеристики впечатления намечены М.К. Мамардашвили в поиске, как он выразился, его «простой модели»? Какие особенности впечатления запускают осознанное и «невербальное», восходящее и нисходящее вглубь движение личности к самой себе? Что личность может обнаружить в феноменах своих впечатлений, анализируя их? Какие свойства впечатления, открытые усилием сознания, составляют феноменологическую основу развития самоотношения? Ответим на эти вопросы с помощью следующей реконструкции.

1. Во впечатлении представлен значимый объект или момент жизни в форме глубоко укорененного, эмоционально насыщенного, осознанного и запоминаемого образа с центром в виде «фигуры желания».

2. Впечатление относится к особым «точкам сенсублизации» жизни; проживаемый момент жизни накладывается на некую «рамку нашей чувствительности».

3. У впечатления есть связь с архетипом, и уловить эту связь — значит добраться до его самого глубокого источника.

4. Во впечатлении вложены ведущие жизненные отношения личности в виде «больших» чувств, мыслей, стремлений, идеалов.

5. Впечатление отмечает сродство личности и некоторого объекта как конкретного эквивалента ее жизненной ценности.

6. Во впечатлении реализуется акт проживания интенсивной, полной, существенной жизни.

7. Впечатление единственно, необратимо, невозвратно, но может быть продлено личностью его активным преобразованием и интеграцией в свой внутренний мир.

8. Впечатление является значимым моментом жизни, который затрагивает, захватывает, зачаровывает, «ангажирует» личность; в нем личность становится правдивым «свидетелем себя».

9. Впечатление едино, неразложимо, рационально не выразимо, но допускает проникновение личности и ее творческую рефлексивную позицию.

10. Во впечатлении есть то, что личность не может знать, пока не обратилась и не включилась в его анализ.

11. Впечатление показывает личности реальность такой, какая она есть, открывает действительность собственной жизни.

12. Впечатление говорит о присутствии личности в собственной жизни, но ведет к перерыву присутствия, когда личность осмысливает его.

13. В принятом личностью впечатлении формируются интенции к тому, чтобы «мочь быть», «рискнуть быть», «испытать жизнь».

14. Во впечатлении личность переживает чувство гармонии, как будто бы «мое вернулось ко мне».

15. Впечатление метит противоречия, которые личность готова разрешать, чтобы обновить себя и свою жизнь; личность видит противоречие как возможность преодолеть свои жизненные границы.

16. Во впечатлении есть момент разрыва границ самосознания, проявления неизвестного, напряжения, порыва заглянуть в «неизвестную родину».

17. Впечатление способствует усилению сознания, что создает условия для появления «отношения личности к своему впечатлению».

18. Впечатление, при условии его истолкования, пробуждает способность личности заново «вложиться» в свою жизнь, активно воссоздавая, высвобождая ее.

19. Впечатление при активном осознании означает расставание личности с собой, движение к возможному Я.

20. Впечатление выявляет сложность смыслового контекста жизни личности; в нем есть следы выполненных, нарождающихся в глубине Я, актуализированных и потенциальных смыслов.

21. Впечатление дается личности словесно-чувственно-образным «текстом», имеющим пересечения с множеством текстов культуры и конкретных других людей; авторский «текст впечатления» может быть измерен своим культурным объемом.

Осознание и полнота реализации развивающих потенциалов впечатлений является сверхсложной задачей для личности и редко выступает специальной целью индивидуальной рефлексии и деятельности. Исключениями являются опыты гениев литературы, обращаясь к самопознанию. Однако в области персоналогической практики приведенные свойства впечатления могут стать «канвой» рефлексивной активности, интегрирующей его в пространство внутренних предпосылок развития жизни. Порядок такой рефлексии можно обозначить как **«мою работу с впечатлением»**, предполагающую следующие шаги.

Обнаружение в моем впечатлении чувственного, аффективно-го, мысленного образа значимого объекта./Открытие впечатления

как точки «усиления жизни»./Видение во впечатлении конкретного жизненного события, совпавшего с состоянием моего ожидания и особой чувствительности./Установление связи впечатления с архетипом как его глубинным источником./Открытие во впечатлении гармонии моих ведущих жизненных отношений./Понимание впечатления как «метки» моей определенной жизненной ценности./Акцентирование во впечатлении момента полноты проживания жизни./Вчувствование во впечатление как уникальное, необратимое, свидетельствующее о моем жизненном предназначении./Воссоздание, продление впечатления активным отношением к нему./Осмысление впечатления как момента жизни, затрагивающего, ангажирующего меня, расширяющего возможности существования./Осознание, что впечатление целостно, неразложимо, во многом рационально не выразимо, но допускает субъективное преобразование его./Понимание, что во впечатлении есть то, что мне не дано знать, пока нет моего включения в него./Отношение к впечатлению как выявляющему действительность моей жизни./Обнаружение в ткани впечатления интенций к освоению возможностей, преодолению жизненных испытаний, принятию рисков./Открытие во впечатлении момента моего совпадения с собой./Поиск жизненных оппозиций, которые манифестирует впечатление./Уловление во впечатлении факта разрыва и изменения жизненных границ./Придание ценности впечатлению как импульсу к творчеству./Истолкование впечатления, чтобы заново включиться в жизнь с позиций ее «автора»./Активное осознание впечатления для постижения моей перспективы./Раскрытие во впечатлении соотношения реализованных, актуальных, нарождающихся и возможных смыслов./Выражение впечатления в образах, текстах и действиях, адресованных мною другим людям для вовлечения их в наше активное со-бытие./Самовыражение впечатления в формах, имеющих культурную ценность.

Конкретные персоналогические приемы рефлексивного анализа впечатления могут иметь формы самоисследования, свободного самоописания, нарратива, пробуждая и стимулируя творческую активность индивидуального самопознания.

Рассмотренные модели развития самоотношения теоретически обосновывают и могут реально активизировать один из мощных источников жизненного становления и самополагания личности — ее творческий диалог с собой, осуществляемый феноменологическим и рефлексивным путем. Подчеркнем, что этот путь может быть нацелен на развитие Я не только в отношении к себе, но и в других жизнеотношениях личности, в частности, **отношении**

к Другому. При этом акцентированной линией развития Я может стать раскрытие и реализация его **возможностей**, не получивших должного осмысления ни в теоретической, ни в практической психологии личности.

Модели возможностей Я в отношении к Другому

Возможности Я определяются нами как осознанное знание и переживание личностью «Я могу», служащее позитивным преобразованиям себя и своей жизни. Опираясь на релевантные положения модели «Я», моделей развития отношения к себе и моделей высказывания, мы обратились к моделированию «Я могу» в отношении к Другому, в любви к Другому и в речевом диалоге с Другим. Следуя принципу взаимного преломления и конкретизации моделей, последовательно рассмотрим «интегральную модель возможностей Я в отношении к Другому», «модель возможностей Я в любви к Другому», «модель возможностей Я высказываться в диалоге».

1. **Интегральная модель возможностей Я в отношении к Другому** обобщает «Я могу» в трехмерном пространстве «между Я и Другим», «Я-в-Другом» и «Другой-в-Я». Данные возможности представлены в рефлексивном модусе, благодаря чему они становятся доступны личности в индивидуальном самопознании.

Полагаем, что Я в своем отношении к Другому осознанно может («знаю, что Я могу»):

- 1) принять встречу с Другим, впечатление об облике Другого как благо для себя;
- 2) инициировать разнообразную психическую и практическую активность в адрес Другого и вызвать его на ответную активность по поводу значимых объектов;
- 3) понять расположение Другого и его отклик на активность Я в форме взгляда, жеста, эмоциональной экспрессии, высказывания, поступка, призыва к действию;
- 4) создать обобщенный внутренний образ Другого на основе анализа его активности и проявленных качеств субъекта;
- 5) уловить, понять образ Я, сложившийся в Другом на основе его причастности к взаимодействию, достичь для себя «прозрачности тела Другого»;
- 6) мысленно поставить реального Другого в отношении к образу Я, проинтерпретировать данное отношение;
- 7) прояснить, как Другой хочет быть представленным в Я, и сравнить этот желаемый образ с образом Другого-в-Я;
- 8) мысленно встать на место реального Другого и его «глазами» увидеть его образ в Я;

9) установить, углубить свое отношение к присутствию Другого-Я в направлении усиления идентичности и самостоятельности Я и Другого;

10) поставить задачу расширения и обогащения мира общих значимых объектов и способов взаимодействия Я с Другим;

11) понять, что значит в жизни Другого взаимодействие с Я и причастность к его бытию;

12) повысить ценность для Другого присутствия Я-в-Другом, сделать это присутствие развивающим, наполненным;

13) понять, что в жизни Я совершается посредством Другого, каков объем его вкладов в эту жизнь;

14) осуществить Я-обобщение своей активности и своих рефлексивных шагов во всех измерениях со-бытия с Другим, выйти на уровень «рефлексии рефлексии»;

15) допустить мощь «неизвестного Я» в соотношении с «известным Я» во взаимодействии с Другим; понять, что сознание, рефлексия есть «тайна бытия в полном свете»;

16) поставить под сомнение успешность своих усилий по реализации тех или иных возможностей Я, адресованных себе и Другому;

17) поставить перед собой и Другим вопрос о выявлении новых возможностей Я и Другого, родившихся во взаимодействии и сопresentности;

18) создать проект отношений с Другим и инициировать новый цикл реализации возможностей Я для умножения возможностей Другого.

Возможности Я рефлексивно открываются личности в связи с «невозможностями Я» или ее «не могу». Например, Я не может с достоверностью узнать для себя, как объекты мира даются Другому и только ему; каким Другой является сам-для-себя; каким Я предстает непосредственному взгляду Другого; как Другому даны отношения Я к другим значимостям; как меняется отношение Я к Другому в присутствии третьих лиц; какова загадка присутствия Я-в-Другом, неосознаваемого Другим; каков внеличный смысл того, что Я и Другой вручены и поручены друг другу.

Возможности Я в отношении к Другому различаются по степени **доступности для рефлексии и реализации**. Есть возможности, которые не открылись в рефлексии и не апробированы во взаимодействии с Другим, возможности, «хозяином которых Я не является». Есть возможности, не известные и не востребованные Другим, т.е. «мертвые возможности». Есть возможности, актуализирующиеся исключительно в присутствии Другого. Есть возможности, избыточные по отношению к запросам Другого. Есть возможности в отно-

шении к Другому, от которых приходится отказаться. Есть возможности в отношении к Другому, выходящие за границы тех «могу», которые характерны для других отношений к значимостям. Есть возможности, переживаемые и осознаваемые как безграничные в сотворчестве с Другим.

Модель возможностей Я в отношении к Другому ориентирована на решение ряда персоналогических задач. В частности, на ее применение в качестве кода интерпретации текстов общения личности с Другим для определения диалогичности этого общения; на ее конкретизацию посредством соотнесения с известными концепциями «критических случаев» отношения Я к Другому; на ее преломление в техниках рефлексивного сопровождения речевого диалога с Другим, создающим расширенное пространство для взаимопонимания, совместного житнетворчества и саморазвития.

Для апробации данной модели как инструмента анализа диалогичности отношения личности к Другому можно обратиться к текстам великой русской литературы, в частности, произведениям Ф.М. Достоевского. Приведем отрывок из романа «Подросток», выделяя те «Я могу» героя, которые обнаруживаются и реализуются им в момент проживания встречи с любимой женщиной. Возможности Я эксплицируются на основе анализа рефлексивных фрагментов текста и отмечаются **соответствующими номерами** из приведенной модели.

« — Нет, нет, сядьте, — остановил я ее, — вот вы опять вздрогнули, но вы и в страхе улыбаетесь... (Возможности 1, 3, 5)

— Вы в бреду?

— В бреду.

— Я боюсь... — прошептала она.

— Чего?

— Что вы стену ломать начнете... — опять улыбнулась она, но уже в самом деле оробев.

— Я не могу выносить вашу улыбку! (Возможности 3, 5, 6)

И я опять заговорил... Я весь как бы летел... Меня как бы толкало что-то. Я никогда, никогда не говорил так с нею, а всегда робел. Я и теперь робел ужасно, но говорил; помню, я заговорил о ее лице. (Возможность 2)

— Я не могу больше выносить вашу улыбку! — зачем я представлял вас грозной, великолепной и с ехидными светскими словами еще в Москве? ...Когда я ехал сюда, вы всю ночь снились мне в вагоне. Я здесь до вашего приезда глядел целый месяц на ваш портрет у вашего отца в кабинете и ничего не угадал... Я вас тогда видел, а между тем спроси меня тогда, как я нашел, какая вы? — я бы не сказал. Я как увидел вас, так и ослеп. Ваш портрет совсем на вас не по-

хож... Вы полны, вы среднего роста, но у вас плотная полнота, легкая, полнота здоровой деревенской молодки. Да и лицо у вас совсем деревенское, лицо деревенской красавицы — не обижайтесь, — круглое, румяное, ясное, смеющееся и... застенчивое лицо. Застенчивое у Катерины Николаевны Ахмаковой! Застенчивое и целомудренное, больше, чем целомудренное, — детское! — вот ваше лицо! Я все время был поражен и все время спрашивал себя: та ли это женщина? Я никогда не воображал, что у вас такой лоб; он немного низок, как у статуй, но бел и нежен, как мрамор, под пышными волосами. У вас грудь высокая, походка легкая, красоты вы необычайной, а гордости нет никакой... (Возможности 4, 7, 8, 9, 10, 13)

Она с большими, открытыми глазами слушала всю эту дикую тираду... (Возможности 5, 6, 8) Только что я приостановился, она протянула руку и как бы просящим, но все же плавным голосом промолвила:

— Этак нельзя говорить... этак невозможно говорить... (Возможности 3, 7, 15)

И вдруг поднялась с места, неторопливо захватывая свой шейный платок и соболью муфту. (Возможность 2)

— Вы идете? (Возможность 16)

— Я решительно вас боюсь... вы злоупотребляете... — протянула она с упреком. (Возможности 5, 6, 11)

— Я вам сам дверь открою, но знайте: я принял одно огромное решение; и если вы захотите дать свет моей душе, то воротитесь... (Возможности 9, 10, 14, 17, 18)

Она посмотрела на меня и села на место. (Возможности 2, 3, 12) (52; с. 202).

Герой достигает живого отклика Другого при сообщении о принятии «огромного решения» во имя любви. Этот момент свидетельствует о совпадении ожиданий героя к себе, результатов осуществления себя в отношении к Другому и желаемых ответов Другого. Происходит движение Я к достижению себя за счет синтеза множественных «могу», направленного на полноту собственного присутствия в Другом, который дает ответный «свет его душе». Диалогичность отношения к Другому усиливается доминированием *возможностей* 2, 5 среди реализующихся «Я могу».

Любовь является «критическим случаем» исполненности Я в отношении к Другому. Наша интегральная модель может быть уточнена, конкретизирована посредством соотнесения с известными концепциями, открывающими возможности Любящего.

2. Модель возможностей Я в любви к Другому является реконструкцией размышлений **Р. Барта** (13) и **Ж.-П. Сартра** (131) о любов-

ном отношении личности. В понимании Р. Барта, любовь — это первичное отношение к Другому, мощная интенция, возвышающая каждое жизненное отношение, в которое проникает, исключительный случай полного принятия и воссоединения с другим человеком. Любовное отношение Я к Другому является свободно разворачивающимся проектом «дать себе и Другому больше бытия». Я-любящее, реализуя свои возможности в разнообразии любовного отношения, полно осуществляет себя посредством утверждения ценности Любимого.

Идеи, отраженные в предлагаемой модели, хорошо демонстрируют трехмерность пространства реализации «Я могу» во взаимодействии с Другим. Так, Любящий, проживающий и познающий свою любовь, может:

— осознать сильное впечатление, затронутость обликом Любимого. С первой встречи фактичность Любимого может быть воспринята Я полностью и непосредственно, без укрытия и тайны. Знания и переживания, которые Я приобретает в истории своих волнующих, непосредственных впечатлений о Любимом, образуют его «психическое тело», существующее в качестве Образа, Воображаемого, Символического, Текста;

— проникнуться, вобрать в себя Любимого, преодолевая его инаковость, объектность, оставляя за ним свободу быть самим собой, возвращаясь к его личному присутствию в своей жизни. Это возможность раскрыть субъектность друг друга в поле совместной жизни и в своем внутреннем мире;

— собрать Любимого по лучшим впечатлениям, переданным множеством других людей, соприкоснувшихся с ним в разнообразных ситуациях, и «из всех точек, разбросанных, как звезды, получится совершенная фигура — «мой Другой» (13; с. 147);

— отождествиться с Образом Любимого, утратить внутреннее одиночество, но при этом уважать и отвечать за его и собственную автономию, прибегая к двойному отрицанию: он — не Я, а Я — не он. Я желает «присвоить» Любимого как именно Другого, который дает ему бытие;

— достигать полной идентичности с Любимым, становясь для себя Другим; полагать это в качестве идеала, высшей ценности любви. Основанием отождествления выступает свобода Любимого как целостной личности, могущей наполнять Я, обращаясь к нему множеством сторон, в том числе раскрытых Любящим;

— вывести Любимого из системы традиционной идентичности, основанной на оценке других по критериям «качеств». В этой связи он не может существовать для Я как «маленький», «незначитель-

ный», «трусливый», «неуверенный» и т. д. «Я люблю Другого не за его качества, но за его существование; я люблю не то, чем он является, но тот факт, что он есть» (13; с. 372);

— развернуть перед Любимым необозримую картину возможного мира ценностей (знания, красоты, добра, блага других, творчества), стать щедрым посредником между собой и Любимым в освоении обширных сфер жизни, моделировать новые возможности Я, осуществление которых привлечет к нему ответное чувство. «Проявляется блистательная, редкостная вещь, называемая избытком, которая равна Красоте» (13; с. 382). Любовь по своему существу есть масштабный проект Я стать любимым, возобновлять ценностное бытие, вовлекая в отношение к себе свободу Любимого;

— стать подобным Мудрецу и Королю, которые стремятся быть настолько «присвоенными» другим человеком, чтобы заполнить его субъективный мир, «дать ему свой мир для жизни», резюмировать и символизировать события его жизни, охватить собой все его интенции к свободе, стать всеобъемлющей ценностью, встать выше всех оценок. Назначение такой экспансии Я — создать две индивидуальности, имеющие общее пространство для жизненного диалога;

— владеть словом и текстом любви так, чтобы они магически притягивали Любимого, вливались в него, оставляли глубокие эффекты влияний в сфере воображения, фантазии, идей и желаний. Во встречном пробуждении любви речь Любимого проскальзывает как «околдовывающая сила» внутрь его свободного вовлечения. Любимый становится «идеальным собеседником», создающим вокруг Любящего максимальный резонанс. Слова Я-любящего стремятся быть истиной для Любимого и как истина принимаются ответные слова;

— создавать для Любимого постоянный приток впечатлений о взаимоотношениях; преодолевать трудности жизни двоих, открытых взорам и мнениям множества других людей; в сложных ситуациях возвращать себя и Любимого к личной ответственности друг за друга, к одиночеству выборов и решений, сделанных в пользу Другого;

— понимать, что Любимый, ответно заботясь и опекая, не должен поглотить Я, т. к. Я, всецело отданное ему, не способно признать и его суверенность. Любовный диалог строится на дистанции, позволяющей субъективно возвысить друг друга и отпустить Другого, когда он желает выйти из отношений;

— познавать себя с точки зрения тех моментов любви, которые ограничивают созидательные возможности и свободу самоопределения Я и Другого;

«страдание», когда образ Другого-в-Я становится непереносим, и Другой призывается к ответу: «Взгляни на меня, посмотри, что ты со мной делаешь» (13; с. 92);

«власть», когда появляется стремление поставить Другого в полную зависимость от своего присутствия в его мире. «Ведь именно подчинением я и занят: подчиняясь, желая подчинять, Я на свой лад испытываю желание властвовать» (13; с. 99);

«потрясение», когда Другой в шутке, иронии, грубости демонстрирует себя как «не-мой» Другой. «Он одержим демоном, который говорит его устами, и извергаются оттуда, как в волшебных сказках, уже не цветы, а жабы. Ужасный отлив образа» (Там же. С. 184);

«похищение», когда чувствуется, что Другой, вольно или невольно, присвоил меня, и Я весь спроецирован в Другого и потерян для себя. «Влюбленный в чем-то оживляет архаические времена, когда мужчины должны были похищать женщин. Во всяком влюбленном есть что-то от сабинянки» (13; с. 107);

«неизвестность», когда ускользает сокровенная сущность Другого, и кажется, что Я не смогу узнать, как меня видит и что обо мне думает «неизвестный Другой». «Другой непроницаем, неуловим, неподатлив. Я не могу его раскрыть, добраться до его истоков: откуда он? кто он? Я впустую трачу силы. Я никогда этого не узнаю» (13; с. 209);

«несовпадение», когда в смущающей коллизии оказываются мои возможности, то, чем Я обладаю, и то, что способен принять от меня Другой. «Любить — испытывать нехватку того, что имеешь, дарить то, чего у тебя нет, тому, кто в этом не нуждается» (13; с. 144);

«потеря», когда Другой лишает меня присутствия в нем, живет там, где меня нет, отчуждает меня в пространство, где нет взаимности. «Свои достоинства Я трачу впустую, возбужденное выражение эмоций, идей, знаний, изысканных чувств — весь блеск моего Я приглушается, затухает в каком-то инертном пространстве, словно Я впереди Другого» (13; с. 206);

— владеть искусством рефлексии, понимая, что в масштабе жизни Я может теряться в «великом потоке бессознательного»; обобщать свои впечатления любви в образ, символ или текст; открыть в себе неистощимую способность любить. «Другой — мое добро, красота и мое знание: только Я его и знаю, понуждаю существовать по истине... И обратно, Другой обосновывает мою истину: только с Другим я чувствую себя самим собой» (13; с. 185).

Рефлексивная, открытая к будущему основа любви не дает истощиться ее созидательной динамике. Любовь направляет Я к утверждению ценностей за границами отношения к Любимому: в эстетиче-

ском, этическом, интеллектуальном, практическом отношениях. Рождается вдохновенный Проект воссоздания и обновления своего бытия в мире культуры, мире многоголосья, где **голос Я** должен быть услышан и подхвачен множеством других как адресованный персонально каждому.

3. Модель возможностей Я высказываться в диалоге акцентирует событие высказывания, которое, в рефлексии автора, становится действенным способом построения и развития его отношения к Другому. Моделируется самопознание в аспекте «Я могу говорить», охватывающее пространства «между Я и Другим», «Я-в-Другом» и «Другой-в-Я». Через высказывание реализуется потенциал Я, ориентированный на достижение свободы самополагания и глубины единства с другим человеком, определяющих эффективность личности в речевой сфере сотрудничества, культурного творчества, отношениях интимности.

Согласно данной модели, Я как **автор высказывания** могу обратиться к себе со следующими вопросами:

— Я откликаюсь на речевой запрос, вопрос, призыв Другого во встрече и взаимодействии с ним?

— Я осознаю положение, состояние, ситуацию, в которой нахожусь?

— Я знаю, какого высказывания Другой может ждать и принять от меня?

— Я учитываю речевой контекст его и моей жизни, нашего предстоящего общения?

— Я понимаю состояние (переживания, внимание, интерес, ожидания) моего собеседника?

— Я знаю, какой смысл я хочу транслировать Другому и какой цели намерен достичь посредством высказывания?

— Каково должно быть содержание моего высказывания, чтобы оно отражало мысль и смысл, предназначенные Другому?

— Какова наилучшая речевая форма передачи моей мысли и смысла?

— Как Я оцениваю факт своего высказывания и способ его передачи Другому?

— Каким я был в качестве высказывающегося?

— Каково отношение Другого к моему высказыванию?

— Что знал и чего не знал обо мне собеседник в момент высказывания?

— Был ли Я тем, чье высказывание имеет ценность для Другого?

— Каким был Другой в отношении к моему высказыванию и ко мне как его автору?

— Каков будет отклик, ответ Другого мне в соответствии с тем, как Я предстал для него?

— Как я понимаю и оцениваю ответ Другого с точки зрения соответствия моим ожиданиям?

— Каким был эффект моего высказывания для Другого и отразился ли этот эффект в его ответе мне?

— Соответствовал ли эффект моего высказывания его замыслу и цели?

— Что нового я узнал о себе как авторе высказываний и источнике речевых влияний на Другого?

— Готов ли Другой к принятию новых высказываний от меня?

— Был ли Я достаточно эффективен в своем высказывании и состоятелен в качестве высказывающегося?

— Чего я не знаю о себе и Другом в плане продолжения диалога между нами и достижения взаимных значимых результатов?

Данная модель воссоздает путь высказывания, рефлексивно прокладываемый Я в диалоге с Другим. Она может рассматриваться как практика самопознания, встроенная в общение, или практика саморазвития на основе ретроспективного исследования себя и своих высказываний, или практика изучения и формирования отношения к Другому в речевом «срезе» совместного бытия. Диалог выступает здесь как обмен высказываниями Я и Другого, протекающий в трехмерных пространствах жизни каждого. Это раскрывает его в персонологических тонкостях, ускользающих от взгляда других гуманитарных наук.

В персонологии проблематика возможностей Я в отношении к Другому, включая тему диалога и рефлексии «Я говорю», приобретает особое значение в связи с задачами ведения консультативно-психотерапевтической практики, совместных исследований, обучения, коучинга, супервизии и т. д. Имеется в виду такой стиль обращения к другим, который вызывает у них состояния активного познания, внутреннего роста, душевного облегчения, вдохновения, стремления к творчеству, готовности к поступку и действию, устремленности к обновлению жизни.

14. Культурное время личности

Итак, наши персонологические построения основываются на интеграции парадигм «культуры», «жизни», «Я». Идея культуры определила единство трех основных методов, реализованных нами при изучении личности — герменевтики, моделирования, рефлексии. Получила новое обоснование и решение проблема «текста», «слова», «высказывания» как одна из ключевых при разработке персонологической теории, методологии и практики. Реализована **единая линия исследования**, связывающая классические научные и литературные произведения о личности, модели интерпретации «текстов личности», новые теоретические и рефлексивные модели, практики личностного порождения и анализа диалогов и самовысказываний, а также новые персонологические тексты, ориентированные на современную «культуру личности».

Многовековое появление текстов, посвященных личности, адресованных личности, принимаемых и создаваемых ею, является важнейшей частью динамики культуры, а также бесчисленных индивидуальных жизней, проживаемых в культуре. Временной срез динамики «личностной культуры» может быть определен как **культурное время личности**. Ему посвящена заключительная часть нашей работы.

Культура выступает контекстом и формой продления индивидуального бытия, областью «трансцендентальных объектов» и «уникальных феноменов», объединяющей духовные ценности, одухотворенные образы человека, совершенные вещи, идеи и символы, искусные практики, великих мастеров, учителей и учеников. Это место воссоединения людей, больших чувств, идей, поступков, где жизнь личности протекает в длительном историческом времени. Процесс такой жизни образуется персональными **«событиями культуры»**.

К ним следует отнести встречи личности с культурными объектами и феноменами, их узнавание, вспоминание, осмысление и умножение. Источниками культурных встреч, впечатлений и смыслов личности являются мифология, поэзия, драматургия, литературная проза, изобразительное искусство, философия, наука, творческие импровизации окружающих. «События культуры» личности совершаются в модусах прошлого, настоящего и будущего, разворачиваются последовательно и одновременно, непрерывно и фрагментарно, долго и кратковременно, с определенным ритмом и аритмично, с интенциями к завершенности и продолжению. В своих содержа-

ниях, динамических конфигурациях, преемственности и осознанности субъектом они составляют **личную культурную историю**.

Протекание культурного времени личности имеет ряд закономерностей, уподобляющих и отличающих его от других форм временного измерения человеческой жизни (138).

Так в совершаемую культурную деятельность, посредством «окликнувшего символа», вплетается бесконечное прошлое архетипа. Актуальная культурная ситуация личности имеет длинный «шлейф» в сознательной истории культуры. Посредством индивидуальных культурных актов могут воссоздаваться и поддерживаться некоторые «вечные человеческие состояния». В текущем персональном творчестве могут быть раскрыты тайные содержания прошлого культуры, т. е. «возвращено утраченное время». В проживании индивидуального культурного события может быть достигнута полнота, потенцирующая длительную активность личности в культуре. Культурная активность личности может не иметь известных аналогов и предпосылок в прошлом, но может иметь бесконечную перспективу в будущем. К происходящему культурному событию личность может относиться с установкой «длитель», «временить», «не завершать», растянуть в длинное настоящее. Индивидуальным культурным актом личность может уловить и обусловить трансспективу событий в определенной области культуры. В фактичности личного культурного творчества могут быть созданы условия для того, чтобы «возможное прошлое», когда «мы могли бы жить», случилось. В культурном деянии, продвигающем жизнь в будущее, личность идет по следам «призванного» ею прошлого. Присутствуя внутри культурного события, личность может пережить неделимость времени, открыть, что «все происходит непрерывно, ничто не начинается в абсолютном смысле, потому что все уже давно началось...» (86; 534). Выступая автором культурной ценности, личность «дарит» другим время жизни, в котором они могут быть активны и деятельны в соединении с культурой. В инициированном культурном событии личность может собрать множество «точек времени», по которым рассеяны важные для нее авторы и содержания, формируя общий временной объем события. В момент причастности к культуре личность может открыть парадоксальность соотношений основных временных модусов жизни, например, взаимное «вложение» и «обращение» будущего и прошлого: «тона реквиема звучат в колыбельной песне». При порождении и трансляции культурного события личность оказывается в расширенном временном горизонте жизни, постигая, что индивидуальное существование лишь относительно конечно, что «не все, что есть наша жизнь, происходит во время нашей

жизни» (86; с. 44), что надежда на бессмертие онтологична, имманентна человеку. В акте культурного творчества может достигаться открытие того, для чего, по ощущениям, нет ни предпосылок, ни причин, ни продолжений, что является не зависимым от последовательности моментов жизни и что относится к «стоящему мигу», в котором все совершается одновременно. Внутри культурного события для личности становятся доступны «надбытийственные акты», которые выводят ее за границы наличного времени и пространства жизни в мир непреходящих человеческих ценностей.

К важнейшему типу культурных событий личности относится **создание текстов**. Текст выступает «формой культуры», «культурной структурой», «местом культуры», «культурной моделью», отражающей, осуществляющей и длящей жизни автора и вовлеченных адресатов. Хороший текст как «ткань», «материя» или «сплетение» предлагает такую связь содержаний, которая раскрывает для личности возможность развития жизни. Порождение текстов совпадает для личности с динамикой жизни, если она видит в своем душевном строе непрерывно создающийся внутренний текст, вступающий во взаимодействие с внутренними текстами других, и улавливает, как различные «тексты души» выражаются и пересекаются в текстах внешней жизни. Тексты, образуемые артикуляцией душевных состояний личности, становятся инструментами, посредством которых она играет культурную мелодию, создает культурное время своей жизни.

Тексты являются своего рода искусством обращения личности с культурным временем: его наращивания, сгущения, резервирования, свертывания, передачи, пролонгирования и возвращения, а также трансформации его характеристик. Выделим некоторые из этих **временных потенциалов** текста.

— Принятие и понимание личностью текста, когда-то состоявшегося в культуре, означает новую форму бытия этого текста, продление времени его существования, совпадение времен автора и адресата в культурном поле.

— Собственный текст личности выстраивается как последовательность всегда единственный раз случившихся актов его желаний, мысли, переживаний, представлений, определяя необратимость, континуальность ее жизни в культуре.

— Текст личности сближает культурное время привлеченных авторов, героев, адресатов, переводя их существование в режим одновременности.

— Текст личности может стать «сгустком времени», «ядерным временным образованием», когда сводит в моменте своего создания

разновременные события проникновения многих «других» в сущность предмета изложения.

— При понимании и интерпретации текста с большим объемом воплощенного времени личность-адресат может развернуть его во время собственной творческой жизни, реализуя, таким образом, «временной вклад» автора.

— Во временном отношении текст является многослойным, заключая содержания, родившиеся и воссозданные в различные времена процессов познания, рефлексии и приобретения феноменологического опыта автора и адресатов.

— Текст может вскрыть неизвестные архетипические отношения, присоединившись к уходящему вдалеке прошлого времени сохранению общезначимых знаний и смыслов.

— Своими текстами, значимыми для культуры, личность может бесконечно расширять «время себя», обращаясь к множеству авторов и источников, соединенных культурогенезом.

— Тексты, подобно «органам жизни», за счет порождения собой новых зон неизвестного, задают далекую перспективу культурной активности автора и адресатов.

— Создавая или понимая текст, личность может открыть ответственности своей жизни и душевной структуры множеству завершивших или совершающих свой путь людей, оказываясь во вневременном потоке человеческого бытия.

— Текст может заключать возможность продлевать жизнь автора во внутренних и внешних текстах многих других, протягивая сквозь них объединяющие смыслы, действующие в большом времени культуры.

— Текст личности может оказаться для адресата точкой фиксированного, «замершего» времени, где есть очаровывающая его загадка, которая заставляет «не отпускать» эту точку, возвращаться к ней.

— Текст личности может подарить адресату «временной избыток» для узнавания, познания и практики себя, не вмещаемых его обыденной жизнью.

— Культурная ценность текста личности может обнаружить себя значительно позднее момента его появления, что говорит о процессе его «инкарнации» в новом мире, в новые времена.

Подводя итог этому краткому обращению к неисчерпаемой теме культурного времени личности, подчеркнем ее значение для исследований личности в парадигме культуры, инициированных в отечественной персонологии.

Здесь можно воспользоваться метафорой «непрерывного взгляда», говорящей, что ты, как персонолог, всматриваясь в прошлое

культуры, в какой-то момент жизни можешь увидеть взгляд, обращенный на читателя или зрителя из текста или с портрета, созданного мастером. Великолепный персонаж произведения, если найти точку оптимального видения, взглянет именно на тебя, и ваши взгляды встретятся. Ты найдешь свое отражение в его взгляде. Ты можешь встать на его место, стать им и увидеть себя его глазами. Ты можешь послать ему взгляд, выражающий твои чувства к нему и накопленные знания о нем. Ты его глазами можешь взглянуть в него, и он-в-тебе встретится с собой. Ваши взгляды пересекутся в пространстве внутреннего взаимного видения, где вы преображаетесь друг в друга. Ты понимаешь, что из любой дали времени Другой видит тебя и может открыть тебя по-новому, что тебе дано лично послать взгляд Другому, утверждая его бытие, продолжая его жизнь и раскрывая его загадки. Ты надеешься послать автору произведения взгляд созданного тобой героя, твоей «личности», чтобы он был подхвачен, встретил ответный взгляд и устремился в будущее культуры.

Библиография

1. *Абеляр П.* История моих бедствий. М.: Республика, 1992.
2. *Абульханова-Славская К.А.* Диалектика человеческой жизни. М.: Наука, 1979.
3. *Абульханова-Славская К.А.* Личностные типы мышления // Когнитивная психология. М.: Наука, 1986.
4. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
5. *Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В.* Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М.: Наука, 1989.
6. *Августин А.* Исповедь. М.: Ренессанс, 1990.
7. *Аверинцев С.С.* Плутарх и античная биография. М.: Наука, 1973.
8. Антология гендерной теории. Минск: ПроPILEI, 2000.
9. *Апулей.* Апология. Метаморфозы. Флориды. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
10. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека М.: Языки русской культуры, 1999.
11. *Асмолов А.Г.* Психология личности: принципы общепсихологического познания. М.: Смысл, 1990.
12. *Барт Р.* Семиотика. Поэтика: Избр. работы. М.: Прогресс, 1994.
13. *Барт Р.* Фрагменты речи влюбленного. М.: Ad Marginem, 1999.
14. *Баткин Л.М.* Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М.: РГГУ, 2000.
15. *Батлер Д.* Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории. Минск: ПроPILEI, 2000.
16. *Батищев Г.С.* Философское наследие С.Л. Рубинштейна и проблематика креативности // С.Л. Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989.
17. *Бауэр В. и др.* Энциклопедия символов. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995.
18. *Бахтин М.М.* Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2001.
19. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
20. *Бельый А.* Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994.
21. *Бергсон А.* Творческая эволюция. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2000.
22. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М.: Республика, 1993.
23. *Бердяев Н.А.* Самопознание: опыт философской автобиографии. М.: Мысль, 1990.
24. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989.
25. *Бердяев Н.А.* Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995.
26. *Бодрийяр Ж.* Соблазн. М.: Ad Marginem, 2001.
27. *Бубер М.* Два образа веры. М.: Республика, 1995.
28. *Бунин И.А.* Жизнь Арсеньева. СПб.: Азбука-классика, 2004.

29. Бунин И. Стихотворения. Рассказы. Повести. БВЛ. М.: Художественная литература, 1973.
30. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М.: Прогресс, 1988.
31. Вейнингер О. Пол и характер. М.: ТЕРРА, 1992.
32. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1999.
33. Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М.: Прогресс, 1987.
34. Виттеништейн Л. Лекции: Кембридж. 1930 – 1932 // Людвиг Виттгенштейн: человек и мыслитель. М.: Прогресс; Культура, 1993.
35. Вовенарг. Размышления и максимы. Л.: Наука, 1988.
36. Волошин М. Лики творчества. Л.: Наука, 1988.
37. Вундт В. Элементы сознания // Предмет и метод психологии. Антология / Под ред. Е.Б. Старовойтенко. М.: Академический Проект, 2005.
38. Выготский Л.С. Мышление и речь. Т. 2. М.: Педагогика, 1982.
39. Гете И.В. Из моей жизни. Поэзия и правда: В 10 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1976.
40. Гуссерль Э. Амстердамские доклады: феноменологическая психология // Предмет и метод психологии. Антология / Под ред. Е.Б. Старовойтенко. М.: Академический Проект, 2005.
41. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век. Антология. М.: Юрист, 1995.
42. Дали С. Дневник одного гения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.
43. Де Ларошфуко Ф. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Де Лабрюйер Ж. Характеристики // БВЛ. М.: Художественная литература, 1974.
44. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998.
45. Джемс В. Прагматизм. К.: Украина, 1995.
46. Дильтей В. Герменевтика и теория литературы. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
47. Дильтей В. Описательная психология. М.: Алетейя, 1996.
48. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический Проект, 2000.
49. Деррида Ж. Эссе об имени. СПб.: Алетейя, 1998.
50. Джойс Д. Улисс. М.: Республика, 1993.
51. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 1. Л.: Наука, 1972.
52. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 13. Л.: Наука, 1975.
53. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.
54. Зинченко В.П., Пружинин Б.И., Щедрин Т.Г. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М.: РОСС-ПЭН, 2010.
55. Иванов В.В. Нечет и чет. Асимметрия мозга и динамика знаковых систем // Избр. труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1992.
56. Ирландские и валлийские сказки. М.: МНПП «Гендальф», 1993.
57. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990.

58. Кассирер Э. Индивид и космос. Избранное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
59. Кассирер Э. Философия символических форм. Введение и постановка проблемы // Культурология. XX век. Антология. М.: Юрист, 1995.
60. Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994.
61. Крэйг Г. Психология развития. СПб.: Питер, 2000.
62. Культурология. XX век. Антология. М.: Юрист, 1995.
63. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993.
64. Лазурский А.Ф., Франк С.Л. Программа исследования личности в ее отношении к среде // Ежегодник экспериментальной психологии. СПб., 1912.
65. Лакан Ж. Образования бессознательного. Семинары. Кн. 5. М.: Логос, 2002.
66. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995.
67. Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и технике психоанализа. М.: Гнозис, 2009.
68. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994.
69. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999.
70. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.
71. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.; СПб.: Алетейя, 1998.
72. Лихачев Д.С. О филологии. М.: Наука, 1989.
73. Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / Под ред. А.А. Белика. М.: Смысл, 2001.
74. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993.
75. Лосев А.Ф. Из творческого наследия: современники о мыслителе. М.: Русский мир, 2007.
76. Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994.
77. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.
78. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1998.
79. Лэнгле А. Персональный экзистенциальный анализ // Психология индивидуальности: новые модели и концепции / Под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: МПСИ, 2009.
80. Магги С. Теории личности: сравнительный анализ. СПб.: Речь, 2002.
81. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика. М.: Независимая фирма «Класс», 2012.
82. Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998.
83. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М.: Прогресс; Культура, 1993.
84. Мамардашвили М.К. Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000.
85. Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М.: Наука, 1996.
86. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути (М. Пруст. В поисках утраченного времени). СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1997.
87. Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. М.: Высшая школа, 1986.

88. *Марк Аврелий*. Наедине с собой. Размышления // Римские стоики. М.: Республика, 1995.
89. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.
90. *Маслоу А.* Психология бытия. М.: Рефл-бук, 1997.
91. *Менегетти А.* Проект «Человек». М.: ННБФ «Онтопсихология», 2001.
92. *Монтень М.* Опыты. М.: Наука, 1981.
93. *Московичи С.* Век толп. М.: ЦПП, 1996.
94. *Мунье Э.* Манифест персонализма. М.: Республика, 1999.
95. *Набоков В.* Другие берега. М.: Книжная палата, 1988.
96. *Нойманн Э.* Происхождение и развитие сознания. М.: Рефл-бук, 1998.
97. *Оллпорт Гордон В.* Личность в психологии. М.: Ювента, 1998.
98. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Теоретическая психология. М.: Академия, 2001.
99. *Петровский В.А.* Логика «Я»: персонологическая перспектива. Самара: Изд-во СамГУ, 2009.
100. *Петровский В.А.* Начала персонологии «Я»: существует ли ее предмет? // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию В.П. Зинченко / Под ред. Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2011.
101. *Петровский В.А.* Общая персонология: наука личности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2003.
102. *Петровский В.А.* Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.
103. *Петровский В.А.* «Я» в персонологической перспективе. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013.
104. *Петровский В.А., Старовойтенко Е.Б.* Наука личности: четыре проекта общей персонологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 9. № 1. 2012.
105. *Питерс Т.* Представьте себе! Превосходство в бизнесе в эпоху разрушений. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.
106. *Платон*. Пир // Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993.
107. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. Т. 1. Л.: Наука, 1960.
108. *Поддьяков А.Н.* Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
109. Проблема человека в западной философии: Сб. трудов. М.: Прогресс, 1988.
110. *Пруст М.* По направлению к Свану. (Из цикла «В поисках утраченного времени».) М.: Республика, 1992.
111. *Пруст М.* Под сенью девушек в цвету. (Из цикла «В поисках утраченного времени».) М.: Республика, 1992.
112. *Пруст М.* Содом и Гоморра. (Из цикла «В поисках утраченного времени».) М.: Республика, 1993.
113. Психоанализ и культура: Избр. труды К. Хорни и Э. Фромма. М.: Юрист, 1995.
114. Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. СПб.: Питер, 2003.

115. Психология индивидуальности: новые модели и концепции / Под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: МПСИ, 2009.
116. Психологические и психофизиологические исследования речи / Под ред. Т.Н. Ушаковой. М.: Наука, 1985.
117. *Пушкин А.С.* Моцарт и Сальери. Петербург: Издан. Общины Св. Евгении, 1917.
118. *Рабинович В.Л.* Исповедь книгочея, который учил букве, а укреплял дух. М.: Книга, 1991.
119. *Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль // БВЛ. М.: Художественная литература, 1973.
120. *Рено А.* Эра индивида. К истории субъективности. СПб.: Владимир Даль, 2002.
121. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медум, 1995.
122. *Рикер П.* Я-сам как другой. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008.
123. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание // Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики, психологии. М.: Наука, 1997.
124. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1989.
125. *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии // Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики, психологии. М.: Наука, 1997.
126. *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самодеятельности // Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики, психологии. М.: Наука, 1997.
127. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М.: Просвещение, 1973.
128. *Рубинштейн С.Л.* Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики, психологии. М.: Наука, 1997.
129. Русский эрос, или Философия любви в России. М.: Прогресс, 1991.
130. Самосознание европейской культуры. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.: Наука, 1991.
131. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2002.
132. *Сартр Ж.-П.* Воображение // Логос. № 3. 1992.
133. *Сорокин П.* Социальная и культурная динамика. СПб.: РХГИ, 2001.
134. *Старовойтенко Е.Б.* Введение в гуманитарную психологию. Киев, 1996.
135. *Старовойтенко Е.Б.* Возможности Я в диалоге с Другим // Мир психологии. 2013. № 4.
136. *Старовойтенко Е.Б.* Возможности Я в отношении к Другому: герменевтика и рефлексия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 10. № 4. 2013.
137. *Старовойтенко Е.Б.* Достижение себя в отношении к Другому // Мир психологии. 2013. № 2.

138. Старовойтенко Е.Б. Культурное время личности // Мир психологии. 2011. № 3.
139. Старовойтенко Е.Б. Культурная психология личности. М.: Академический Проект, 2007.
140. Старовойтенко Е.Б. Модели как перспектива теоретической психологии // Предмет и метод психологии. Антология. М.: Академический Проект, 2005.
141. Старовойтенко Е.Б. Модель персонологии в парадигме «жизни» // Мир психологии. 2010. № 1.
142. Старовойтенко Е.Б. Мыслительные установки творческой личности в культуре // Мир психологии. 2009. № 1.
143. Старовойтенко Е.Б. Новая персонология — интегральная наука о личности // Мир психологии. 2012. № 3.
144. Старовойтенко Е.Б. Отношение к себе: от культурогенеза к индивидуальному развитию // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8. № 4.
145. Старовойтенко Е.Б. Парадигма жизни в персонологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 1.
146. Старовойтенко Е.Б. Персонология отношения к себе: культурная трансспектива // Мир психологии. 2010. № 4.
147. Старовойтенко Е.Б. Потенциал слова в индивидуальной жизни // Мир психологии. 2008. № 2.
148. Старовойтенко Е.Б. Проблема субъекта в культурной психологии личности // Человек. Субъект. Поступок / Под ред. В.А. Татенко. К.: Лыбидь, 2006.
149. Старовойтенко Е.Б. Психология личности в парадигме жизненных отношений. М.: Академический Проект, 2004.
150. Старовойтенко Е.Б. Рефлексия личности в культуре // Мир психологии. 2007. № 4.
151. Старовойтенко Е.Б. Самопознание и творчество личности в культуре // Психология индивидуальности: новые модели и концепции / Под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: Академический Проект, 2009.
152. Старовойтенко Е.Б. Современная психология. Формы интеллектуальной жизни. М.: Академический Проект, 2001.
153. Старовойтенко О.О. Личностные предпосылки культурного влияния на «другого» / Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук. Киев, 2004.
154. Тайсон Р., Тайсон Ф. Психоаналитические теории развития. Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
155. Тарнас Р. История западного мышления. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995.
156. Теория метафоры: Сборник. М.: Прогресс, 1990.
157. Тесла Н. Статьи. Самара: ИД «Агни», 2008.
158. Техники консультирования и психотерапии / Под ред. У.С. Сахакиан. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.
159. Толстой Л.Н. Исповедь. Собр. соч.: В 22 т. Т. 16. М., 1989.
160. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994.
161. Трубников Н.Н. Время человеческого бытия. М.: Наука, 1987.

162. Уайт Л. Избранное. Науки о культуре. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001.
163. Узнагзе Д.Н. Психологические исследования. М., 1966.
164. Феофраст. Характеры. Л.: Наука, 1974.
165. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Т. 1. М.: Правда, 1990.
166. Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. СПб.: Наука, 1995.
167. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.
168. Франк В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
169. Франсела Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М.: Прогресс, 1987.
170. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989.
171. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989.
172. Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995.
173. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.
174. Фромм Э. Человек для самого себя // Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993.
175. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука, 2007.
176. Фуко М. Забота о себе. Киев: Дух и литера; М.: Рефл-бук, 1998.
177. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад, 1994.
178. Фуко М. Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2006.
179. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ, 2009.
180. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический Проект, 2013.
181. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
182. Холл М.-П. Энциклопедическое изложение герметической, символической философии. М., 1997.
183. Холл К., Лингсей Г. Теории личности. СПб.: Питер, 1998.
184. Хорни К. Самоанализ. Психология женщины. Новые пути в психоанализе. СПб.: Питер, 2002.
185. Челлини Б. Жизнь Бенвенуто Челлини, рассказанная им самим. М.: Искусство, 1987.
186. Шадриков В.Д. От индивида к индивидуальности. М.: Аспект-Пресс, 2009.
187. Шекспир У. Гамлет. Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М.: Искусство, 1960.
188. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994.
189. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки мировой истории. Т. 1. М.: Мысль, 1993.
190. Шпет Г.Г. Философские этюды. М., 1994.
191. Экзегетика снов. Европейские хроники сновидений. М.: Эксмо, 2002.
192. Эко Умберто. Имя розы. СПб.: Симпозиум, 2002.
193. Эстес К. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказках. К.: София; М.: Гелиос, 2001.
194. Юнг К.Г. AION. М.: Рефл-бук, 1997.

195. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.
196. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. М.: АСТ-ЛТД, 1998.
197. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. К.: Гос. библиотека Украины для юношества, 1996.
198. Юнг К.Г. Красная книга. М.: CASTALIA, 2013.
199. Юнг К.Г. Либидо, его метаморфозы и символы. СПб.: Вост.-Европ. Институт Психоанализа, 1994.
200. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1993.
201. Юнг К.Г. Психология и поэтическое творчество // Самосознание европейской культуры XX века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.: Политиздат, 1991.
202. Юнг К. Г. Психологические типы. СПб.: Ювента; М.: Прогресс, 1995.
203. Юнг К.Г. Символы трансформации. М.: АСТ, 2008.
204. Юнг К.Г. Синхронистичность. М.: Рефл-бук, 1997.
205. Юнг К.Г. Феномен духа в науке и искусстве. М.: Ренессанс, 1992.
206. Юрсенар Маргерит. Избранные сочинения: В 3 т. Т. 2. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2004.
207. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997.
208. Barthes R. (2001) A lover's Discourse, Fragments (Transl. R. Howard). Harper Collins Canada Ltd.
209. Bromley D.B. (1986) The Case-study Method in Psychology and Related Disciplines. Chichester: John Wiley & Sons.
210. Richardson F.C., Fowers B.J. (1997) Critical Theory, Postmodernism, and Hermeneutics: Insights for Critical Psychology. In: D. Fox, I. Prilleltensky, S. Austin (Eds.), Critical Psychology: An Introduction. Thousand Oaks, CA, US: Sage Publications. P. 265–283.
211. Flick U. (2009) An Introduction to Qualitative Research. 4th edition. Sage, London.
212. Foucault M. (1990) The History of Sexuality. Vol. 1: An Introduction. (Transl. R. Hurley). Vintage Books Edition, USA.
213. Foucault M. (2005) The Hermeneutics of the Subject: Lectures at the Collège de France, 1981–1982. New York: Picador.
214. Heidegger M. (1996) Being and Time (Transl. J. Stambaugh). Albany: State University of New York Press.
215. Hermans H. (2001) The Dialogical Self: toward a Theory of Personal and Cultural Positioning. Culture Psychology. Vol. 7 (3). P. 243–281.
216. Maddi S.R. and Costa P.T.Jr. (1972). Humanism in personology: Allport, Maslow, Murray. Chicago: Aldine (Excerpts reprinted in I. Cohen, Ed. (1974), Readings in Introductory psychology. New York: Praeger).
217. Marcus H., Norius P. (1987) Possible Selves: The Interface between Motivation and the Self-concept. In K.M. Yardley & T.M. Honess (Eds.), Self and identify: Psychosocial perspectives. Chichester: John Wiley and Sons. P. 157–172.
218. McAdams D.P. (1988). Biography, Narrative, and Lives: An introduction. In D.P. Adams & R.L. Ochberg (Eds.), Psychobiography and life narratives (P. 1–18). Durham, NC: Duke University Press.

219. Messer S.B., Sass L.A., Woolfolk R.L. (Eds.) (1988) Hermeneutics and Psychological Theory: Interpretive Perspectives on Personality, Psychotherapy, and Psychopathology. Rutgers symposia on applied psychology. Vol. 2. Piscataway, NJ, US: Rutgers University Press.
220. Miles M.B., Huberman A.M. (1994) Qualitative Data Analysis. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
221. Ricoeur P. (1992) Oneself as Another (Transl. K. Blamey). University of Chicago Press.
222. Sartre J.-P. (1992) Being and Nothingness (Transl. H.E. Barnes). Washington Square Press.
223. Shweder A.R. (1980) Rethinking Culture and Personality Theory. Part III: From Genesis and Typology to Hermeneutics and Dynamics. American Anthropological Association Issue Ethos. Vol. 8(1). P. 60–94.
224. Spiro M. (1978) Culture and Human Nature / The Making of Psychological Anthropology. Berkeley: University of California Press.
225. Starovoytenko E.B. A Model of «Achieving Oneself» in Relationship to the Other. PSY «Psychologu». Высшая школа экономики. 2013. № 11.

Старовойтенко Елена Борисовна

**«Персонология:
жизнь личности в культуре»**

(научное издание)

Корректор: Моисеева Т.Г.,
группа допечатной подготовки изданий:
Злаина М.В.,
Исакова Т.В.,
Коновалова Т.Ю.,
Крылов К.А.

Подписано в печать 26.01.2015. Формат 60 × 90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 27,00. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Академический проект»
(общество с ограниченной ответственностью),
адрес: 111399, г. Москва, ул. Мартеновская, 3;
сертификат соответствия
№ РОСС RU. АЕ51. Н 16070 от 13.03.2012;
орган по сертификации РОСС RU.0001.11АЕ51
ООО «Профи-сертификат».

Отпечатано в типографии «Чеховский печатный двор»
(филиал ОАО «Первая образцовая типография»),
адрес: 142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1,
телефон: + 7 495 988 6387, www/chpd.ru, e-mail: sales@chpk.ru.

**По вопросам приобретения книги
просим обращаться в издательство:**

телефоны: + 7 495 305 3702, + 7 495 305 6092,
факс: + 7 495 305 6088,
e-mail: info@aproject.ru, zakaz@aproject.ru,
интернет-магазин: www.academ-pro.ru.